RS4 2/3
кн 4
Б.Ф.
1

РОДЪ

ШЕРЕМЕТЕВЫХЪ

Помяни́те днѝ вѣ́чныя, разꙋмѣ́йте лѣ́та ро́да родѡ́въ: вопроси̇̀ ѻ҆ц҃а̀ твоего̀, и҆ возвѣсти́тъ тебѣ̀, ста́рцы твоѧ̀, и҆ рекꙋ́тъ тебѣ̀.

Второзак. л҃в: з҃.

Александра Барсукова

члена-корреспондента императорскаго общества любителей древней письменности, члена-сотрудника императорскаго русскаго археологическаго общества, дѣйствительнаго члена императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, члена археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1884

Хромолит. Н. ИНДУТНАГО, Караванная, 16

К54 2/3

РОДЪ

ШЕРЕМЕТЕВЫХЪ

Помяни́те дни́ вѣ́чныя, разумѣ́йте лѣ́та ро́да родо́въ: вопроси́ о́тца твоего́, и возвѣсти́тъ тебѣ́, ста́рцы твои́, и рекутъ тебѣ́.

Второзак. гл. 3.

Александра Барсукова

члена-корреспондента императорскаго общества любителей древней письменности, члена-сотрудника императорскаго русскаго археологическаго общества, дѣйствительнаго члена императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, члена археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1884

32. 34

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

стран.

ГЛАВА I. Повсемѣстные пожары въ годъ рожденія Бориса Петровича Шереметева. — Пріѣздъ Польскихъ посланниковъ Пенцеславскаго и Униховскаго.—Петръ Васильевичь и Матвѣй Васильевичь Шереметевы въ рындахъ при государѣ.—Пренесеніе въ Москву мощей святаго Филиппа митрополита.—Письмо царя Алексѣя Михайловича къ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому.—Чудеса у гроба святителя Филиппа.—Допросъ Ульяны Петровны Шереметевой по поводу исцѣленья отъ слѣпоты ея дворовой женщины Ирины Антоновой.—Значеніе событія пренесенія мощей митрополита Филиппа для его сродниковъ Колычовыхъ и Шереметевыхъ.—Возведеніе Никона на патріаршій престолъ.—Домогательства Богдана Хмельницкаго относительно принятія Малороссіи въ подданство Московскаго государства.—Участіе въ семъ дѣлѣ патріарха Никона.—Приготовленія къ войнѣ съ Польшею . . . . . 1—15

ГЛАВА II. Жизнь Московскаго двора.—Участіе въ придворныхъ церемоніяхъ Василья Петровича Шереметева и его сыновей Петра Васильевича и Матвѣя Васильевича.—Василій Борисовичь Шереметевъ пожалованъ въ бояре. — Принесенная имъ присяга на боярство. — Василій Борисовичь Шереметевъ назначенъ на сторожевую службу въ городъ Яблоновъ. — Торопится выѣздомъ изъ Москвы для смотра ратныхъ людей въ Ливнахъ.—Царскій смотръ ратныхъ людей, въ Москвѣ, на Дѣвичьемъ полѣ. — Похвальное слово

стран.

ратнымъ людямъ.—Василій Петровичь и Матвѣй Васильевичь Шереметевы у государева стола.—Лѣтнее пребываніе царя Алексѣя Михайловича въ селѣ Коломенскомъ. — Соколиная охота. — Петръ Васильевичь Шереметевъ находился при особѣ государя. — Осенняя охота царя Алексѣя Михайловича въ окрестностяхъ Москвы. — Участіе Шереметевыхъ въ царской потѣхѣ.—Шуточная челобитная, подписанная тремя Шереметевыми.—Царь Алексѣй Михайловичь въ селѣ Вешняковѣ, въ гостяхъ у князей Одоевскихъ —внуковъ боярина Ѳедора Ивановича Шереметева . 16—30

ГЛАВА III. Посольство князя Репнина въ Польшу. — Земскій соборъ въ Москвѣ о принятіи Малороссіи въ подданство и о войнѣ съ Польшею. — Частныя пожертвованія на веденіе войны. — Василій Петровичь Шереметевъ отправляется въ Новгородъ для приготовленій къ походу.—Ему позволено взять съ собою младшаго сына, Матвѣя Васильевича Шереметева.— Указъ о войнѣ съ Польшею и распоряженія о службѣ безъ мѣстъ.—Придворная служба Петра Васильевича Шереметева.—Грузинскій царевичь Николай Давыдовичь въ Москвѣ.—Бѣдственное положеніе Грузіи.— Присяга Малороссіянъ на вѣчное подданство Московскому царю.—Выступленіе войскъ къ Литовскому рубежу.—Планъ военныхъ дѣйствій.—Сѣверный отрядъ порученъ Василью Петровичу Шереметеву, а южный— его племяннику, Василью Борисовичу Шереметеву.— Василій Борисовичь Шереметевъ на Бѣлогородской оборонительной линіи, въ городѣ Яблоновѣ. — Ему данъ почетный титулъ намѣстника Бѣлозерскаго на случай сношеній съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ. . . . . 31—47

ГЛАВА IV. Служба Василья Борисовича Шереметева въ городѣ Яблоновѣ.—Перемѣщеніе въ городъ Рыльскъ.— Варшавскій сеймъ.—Поляки въ Уманьщинѣ. — Царская грамота о посылкѣ Василья Борисовича Шереметева въ Кіевъ для промысла надъ Польскими и Литовскими людьми. . . . . 48—65

ГЛАВА V. Стоянка Василья Борисовича Шереметева въ городѣ Путивлѣ. — Знамя присланное въ полкъ Василья Борисовича Шереметева.—Происки Поляковъ

стран.

въ Царьградѣ и Бахчисараѣ.—По новымъ вѣстямъ Василій Борисовичь Шереметевъ остался въ Путивлѣ, впредь до указа о новыхъ распоряженіяхъ.—Выступленіе въ походъ изъ Москвы князя Никиты Ивановича Одоевскаго и Петра Васильевича Шереметева.—Выступленіе къ Смоленску самого царя Алексѣя Михайловича.—Никита Ивановичь Шереметевъ въ государевомъ полку есауломъ. — Василью Борисовичу Шереметеву указано идти не въ Кіевъ, а въ Бѣлгородъ, для обереганья отъ прихода Крымцевъ. — Собственноручное письмо царя Алексѣя Михайловича къ сестрамъ.—Вмѣсто Шереметева посланъ въ Кіевъ князь Алексѣй Никитичь Трубецкой.—Объясненіе съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ по поводу этой перемѣны . . . . . 66—82

ГЛАВА VI. Военныя дѣйствія Василья Петровича Шереметева въ Литвѣ. — Сдача Невельскаго замка. — Сеунчи, полученные государемъ отъ Василья Петровича Шереметева и отъ сына его Петра Васильевича Шереметева. — Грамота Василью Петровичу съ похвалою за Невельскую службу.—Осада и взятіе Полоцка.—По царскому указу, Петръ Васильевичь Шереметевъ потчиваетъ раненыхъ воиновъ.—Государево жалованное слово Василью Петровичу Шереметеву за Полоцкую службу.—Новыя побѣды Василья Петровича Шереметева. — Первые успѣхи на ратномъ полѣ Матвѣя Васильевича Шереметева.—Молебствія въ Москвѣ по случаю побѣдъ Василья Петровича Шереметева. — Его отписки торжественно прочитываются въ Успенскомъ соборѣ «всѣмъ людемъ во услышаніе».—Василій Петровичь Шереметевъ осаждаетъ Витебскъ.—Неудачная попытка завладѣть городомъ безъ кровопролитія.—Письмо Сапѣги къ архіепископу Гнѣзненскому о положеніи дѣлъ въ Бѣлоруссіи.—Взятіе Смоленска. — Прекращеніе военныхъ дѣйствій по случаю чумы . . . . . 83—98

ГЛАВА VII. Чума въ Москвѣ.—Калязинскій монастырь (мѣстопребываніе царской семьи)—центръ правительственныхъ распоряженій.—Семейства бояръ выѣхали изъ Москвы.—Кончина инокини Новодѣвичьяго монастыря Александры (Шереметевой).—Самоотверже-

СТРАН.

ніе ея сестры, княгини Евдокіи Ѳедоровны Одоевской.— Свѣдѣнія объ Ульянѣ Ѳедоровнѣ Головиной, рожденной Шереметевой.—Кончина намѣстника царскаго въ Москвѣ, князя Михаила Петровича Пронскаго.—Его духовное завѣщаніе. — Въ числѣ душеприкащиковъ покойнаго значится и сестра его Ульяна Петровна Шереметева.—Наслѣдство, доставшееся ей по завѣщанію брата.—Историческія свѣдѣнія о Шереметевской вотчинѣ селѣ Троицкомъ, Московскаго уѣзда.—Напрестольный крестъ въ церкви села Троицкаго. — Чума въ подмосковномъ селѣ Останкинѣ. — Распоряженія правительства во время чумы.—Толки суевѣровъ.—Вражда къ Никону.—Москва избавляется отъ чумы.—Письмо царя Алексѣя Михайловича къ Ивану Васильевичу Морозову . . . . . 99—115

ГЛАВА VIII. Василій Петровичь Шереметевъ подъ Витебскомъ.—Запорожцы, присланные въ подмогу Шереметеву.—Взятіе Витебска.—Сеунчь о семъ, повезенный къ государю стольникомъ Матвѣемъ Васильевичемъ Шереметевымъ. — Судьба Православія въ Витебскѣ.—Отписка Василья Петровича Шереметева, съ приложеніемъ вѣдомости о Витебскихъ православныхъ церквахъ, обращенныхъ въ уніатскія.—Награда Матвѣю Васильевичу Шереметеву за сеунчь.—Вопросныя статьи Василью Петровичу Шереметеву по поводу выпуска Витебскихъ шляхтичей. — Отписка Василья Петровича Шереметева, съ приложеніемъ росписи отбитымъ у непріятеля знаменамъ. . . . . 116—129

ГЛАВА IX. Челобитная Василья Петровича Шереметева объ увольненіи отъ службы, за старостью и увѣчьемъ.—Посланъ въ Великія Луки, а въ Витебскѣ оставленъ его сынъ Матвѣй Васильевичь Шереметевъ.—Шведскій посланникъ Удде Удла. — Попытки Поляковъ отнять дороги у Витебска.—Матвѣй Васильевичь Шереметевъ разбиваетъ на голову Польское войско, подъ начальствомъ князя Лукомскаго. — Заперся въ Витебскѣ. — Во время приступа раненъ. — Дѣйствія Польскаго войска въ Подольѣ. — Сдержанность Богдана Хмельницкаго.—Военное правило царя Алексѣя Михайловича.—Посылка къ Богдану Хмельницкому дворянина Ржевскаго. — Новый ханъ Крымскій. —

стран.

Союзъ Крымцевъ съ Поляками.—Василью Борисовичу Шереметеву приказано выступить въ Бѣлую Церковь.—Бѣглые ратные люди. — Василій Борисовичь Шереметевъ идетъ на соединеніе съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ. — Вступленіе Польско-Татарскаго войска въ Уманьщину . . . . . 130—144

ГЛАВА X. Поляки и Татары осаждаютъ Умань. — Показаніе языковъ. — Совѣтъ въ Польскомъ станѣ. — Движеніе Потоцкаго и Хамамбета къ Охматову, на встрѣчу Богдана Хмельницкаго и Василья Борисовича Шереметева. — Трехдневный Дрожипольскій бой. — Отступленіе нашихъ войскъ, стоющее побѣды.—Дружественное письмо Хмельницкаго къ Шереметеву.— Вызовъ Шереметева изъ Украйны. — Царь Алексѣй Михайловичь недоволенъ ходомъ дѣла въ Украйнѣ.— Добрая память о Васильѣ Борисовичѣ Шереметевѣ на Украйнѣ . . . . . 145—162

ГЛАВА XI. Второй походъ царя Алексѣя Михайловича къ Смоленску. — Пріѣздъ въ Москву товарища Василья Борисовича Шереметева, Андрея Васильевича Бутурлина. — Охлажденіе государя къ Василью Борисовичу Шереметеву. — Отзывъ о Васильѣ Борисовичѣ Шереметевѣ современника - очевидца, Павла Потоцкаго.—Свѣдѣнія о послѣднемъ. — Семья Василья Борисовича Шереметева.—Московскій дворъ его мачихи, боярыни Ульяны Петровны Шереметевой. — Никита Ивановичь и Петръ Васильевичь Шереметевы состоятъ въ походной свитѣ государя.—Письма царя Алексѣя Михайловича къ сестрамъ съ похода.—Грамота о скорѣйшей высылкѣ ратныхъ людей къ Василью Петровичу Шереметеву.—Матвѣй Васильевичь Шереметевъ переведенъ изъ Витебска къ отцу въ Великія Луки. — Напрасная похвальба Радзивила. — Выступленіе царя Алексѣя Михайловича изъ Смоленска въ Вильну . . . . . 163—176

ГЛАВА XII. Матвѣй Васильевичь Шереметевъ осаждаетъ городъ Велижъ. — Сдача Велижа. — Затрудненія въ подвозѣ хлѣбныхъ запасовъ. — Шведское войско въ Польшѣ.—Разсказъ Ивана Пушкина, возвратившагося изъ Польскаго плѣна.—Взятіе Вильны.—Въѣздъ царя Алексѣя Михайловича въ Вильну. . . : . . 177—190

стран.

ГЛАВА XIII. Приготовленія къ дальнѣйшему походу въ Варшаву.—Василій Петровичь Шереметевъ вызванъ въ Вильну.—Его отписка.—Двусмысленная политика Шведскаго двора.—Грамота царя Алексѣя Михайловича Шведскому королю. — Посредничество цесаря Римскаго Фердинанда III. — Распоряженія о пріемѣ въ Москвѣ цесарскаго посла Аллегрети.—Путешествіе Аллегрети до Москвы и въѣздъ въ столицу . . . 191—206

ГЛАВА XIV. Прибытіе въ Москву Шведскихъ пословъ.—Торжественный въѣздъ царя Алексѣя Михайловича въ свою столицу.—Петръ Васильевичь Шереметевъ посланъ къ цесарскому послу Аллегрети съ государевымъ милостивымъ словомъ. — Пріемъ Аллегрети въ Грановитой палатѣ. — Принесенные имъ дары.—Петръ Васильевичь Шереметевъ отправленъ къ Аллегрети съ государевымъ жалованьемъ, съ столомъ.—Дипломатическіе переговоры съ Аллегрети.—Рѣшеніе о посольскомъ съѣздѣ въ Вильнѣ. . . . . 207—220

ГЛАВА XV. Цесарскіе послы жалуются на строгость надзора.—Василью Борисовичу Шереметеву указано вести переговоры съ Шведскими послами.—Вѣсти изъ Литвы.—Замиреніе съ Польшею и война съ Шведами рѣшены въ принципѣ.—Раздѣлъ Польши въ мысляхъ Богдана Хмельницкаго. — Критическое положеніе Польши.—Предположеніе объ избраніи царя Алексѣя Михайловича на Польскій престолъ. — Прекращеніе войны съ Польскимъ государствомъ.—Московскіе рынки переполнены драгоцѣнностями, вывезенными изъ Литвы.—Всѣ Шереметевы въ сборѣ.—Участвуютъ въ придворныхъ церемоніяхъ.—Патріархъ Антіохійскій въ Москвѣ.—Петръ Васильевичь Шереметевъ возницею въ поѣздѣ государя.—Пребываніе царя Алексѣя Михайловича въ Саввино-Сторожевскомъ монастырѣ.—Патріархъ Антіохійскій на отпускѣ у государя. 221—237

ГЛАВА XVI. Милость и довѣріе государя къ Василью Петровичу и Василью Борисовичу Шереметевымъ.—Мѣсто занимаемое ими въ сонмѣ бояръ.—Жизнь Московскихъ бояръ по свидѣтельству Олеарія.—Примѣчаніе архидіакона Павла Алеппскаго о дѣтяхъ Московскихъ вельможъ.—Нищіе столицы распредѣлены между боярами. — Домашняя обстановка боярина. —

стран.

Благочестіе Русскихъ вельможъ временъ царей.—Домовыя церкви.—Перестройка и распространеніе церкви села Вешнякова, сооруженной Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ. — Приготовленія къ новой войнѣ.—Оружіе изготовляется въ монастырскихъ кузницахъ.—Оружіе изъ Франкскихъ земель, въ обмѣнъ на рожь и пшеницу.—Даточные люди.—Престарѣлые и увѣчные воины.—Василій Петровичь Шереметевъ оставляетъ боевое поприще.—Свидѣтельсто государя объ его подвигахъ въ Литвѣ. — Награда Василью Петровичу Шереметеву и его товарищамъ.—Выступленіе войскъ изъ Москвы. — Положеніе Шведскихъ пословъ ухудшилось. — Цесарскимъ посламъ указано быть на отпускѣ. . . . . 238—252

ГЛАВА XVII. Аллегрети на отпускной аудіенціи.—Столъ у государя въ Грановитой палатѣ.—Петру Васильевичу Шереметеву поручено потчивать цесарскихъ пословъ.—Застольныя здравицы.—Отъѣздъ цесарскихъ пословъ изъ Москвы.—Походъ государя къ Ригѣ черезъ Смоленскъ.—Шереметевы находились при государѣ.—Сотенное знамя Матвѣя Васильевича Шереметева.—Обѣдъ у государя въ Смоленскѣ.—Выступленіе изъ Смоленска князя Черкасскаго и Петра Васильевича Шереметева.—Выступленіе государя.—Василій Борисовичь Шереметевъ оставленъ на воеводствѣ въ Смоленскѣ.—Царь Алексѣй Михайловичь въ Витебскѣ.—Въ Полоцкѣ.—Рѣчь игумена Игнатія Іевлевича.—Матвѣй Васильевичь Шереметевъ сопровождаетъ государя въ древнюю обитель Св. Евфросиніи Полоцкой. — Гонцы изъ Вѣны. — Цесарскому послу предложено прибыть въ Полоцкъ.—Его отвѣтъ . . . . . 253—267

ГЛАВА XVIII. Переговоры съ Аллегрети въ Полоцкѣ.—Отъѣздъ цесарскихъ пословъ въ Вильну.—Освященіе древле-православнаго Софійскаго собора въ Полоцкѣ.—За обѣдомъ Матвѣй Васильевичь Шереметевъ потчивалъ митрополита Крутицкаго Питирима.—Выступленіе государя изъ Полоцка.—Отписка Василья Борисовича Шереметева о хлѣбныхъ запасахъ.—Бѣглые служилые люди. — Кончина князя Ѳедора Никитича Одоевскаго. . . . . 268—281

стран.

ГЛАВА XIX. Царь Алексѣй Михайловичь вступаетъ въ Инфлянты.—Взятіе Динабурга.—Заботы государя о раненыхъ. — Царская грамота Василью Борисовичу Шереметеву. — Пріемъ въ шатрахъ иноземныхъ пословъ.—Взятіе города Куконоса.—Пріѣздъ Датскаго посланника Коса.—Награды.—Приказаніе, посланное Василью Борисовичу Шереметеву относительно хлѣбныхъ запасовъ . . . . . 282—295

ГЛАВА XX. Показанія языковъ о числѣ войскъ въ Ригѣ.—Численность нашего войска.—Рижскія укрѣпленія.—Осада Риги. — Бранденбургскій посолъ баронъ Эйленбургъ.—Бѣдствія осаднаго войска.—Роспись раненымъ.—Отступленіе отъ Риги.—Князь Черкасскій и Петръ Васильевичь Шереметевъ разбиваютъ Шведовъ подъ Ригою. — Посланное къ нимъ государево милостивое слово за службу . . . . . 296—311

ГЛАВА XXI. Виленскій посольской съѣздъ и вопросъ объ избраніи царя Алексѣя Михайловича на Польскій престолъ.—Въ Полоцкѣ государя привѣтствуютъ яко избраннаго короля Польскаго.—Угощеніе Полоцкой шляхты.—Рѣчь посланца Польскихъ коммиссаровъ дворянина Яна Корсака, сказанная государю въ Смоленскѣ. — Василій Борисовичь Шереметевъ назначенъ полномочнымъ посломъ на Варшавскій сеймъ. — Опасенія Богдана Хмельницкаго за Украйну. — Голова стрѣлецкій Лопухинъ отъ имени государя успокоиваетъ Хмельницкаго. — Составъ свиты Василья Борисовича Шереметева.—По случаю мороваго повѣтрія въ Вильнѣ Василій Борисовичь Шереметевъ остановился въ городѣ Борисовѣ, гдѣ и прожилъ болѣе года. . . . . 312—324

ГЛАВА XXII. Петръ Васильевичь Шереметевъ пожалованъ въ бояре.—Матвѣй Васильевичь Шереметевъ посланъ на воеводство во Псковъ.—Наступательныя дѣйствія Шведскихъ войскъ въ Лифляндіи.—Отзывы иностранцевъ о Матвѣѣ Васильевичѣ Шереметевѣ.—Сборъ ратныхъ людей. — Занятіе замка Адзеля. — Матвѣй Васильевичь Шереметевъ посылаетъ ратныхъ людей на выручку сидѣльцевъ Адзеля, тѣснимыхъ Шведами.—Бой подъ Печерскимъ монастыремъ и при деревнѣ Мигузицѣ.—Послужные списки.—Сосредото-

стран.

ченіе войскъ между Псковомъ и Печорами.—Матвѣй Васильевичь Шереметевъ переѣзжаетъ изъ Пскова въ Печерскій монастырь . . . . . 325—337

ГЛАВА XXIII. Военныя дѣйствія Матвѣя Васильевича Шереметева въ Лифляндіи.—Сраженіе при Валкѣ.—Матвѣй Васильевичь Шереметевъ, смертельно раненый, отнесенъ въ Шведскій станъ, гдѣ и скончался.—Письмо царя Алексѣя Михайловича о Матвѣѣ Васильевичѣ Шереметевѣ и о Валкскомъ дѣлѣ. — Полный разгромъ отряда Шереметева.—Современная Нѣмецкая реляція. — Могила Матвѣя Васильевича Шереметева не отыскана.—Его имя записано въ синодикахъ для вѣчнаго поминовенія . . . . . 338—351

ГЛАВА XXIV. Служба Василья Борисовича Шереметева въ городѣ Борисовѣ. — Мѣры предосторожности по случаю мороваго повѣтрія.—Ссоры и недоразумѣнія между Черкасами и Московскими ратными людьми.—Жалоба государю на Василья Борисовича Шереметева. — Прибытіе къ Литовскому рубежу цесарскаго посланника Фрагштейна. — Путешествіе цесарскихъ пословъ до Борисова . . . . . 352—366

ГЛАВА XXV. Пребываніе цесарскихъ пословъ въ Борисовѣ.—Царская грамота Василью Борисовичу Шереметеву.—Отъѣздъ Василья Борисовича Шереметева изъ Борисова. — Трехдневный пиръ. — Стоянка въ Шкловѣ.—Цесарскіе послы отпущены въ Москву. . . 367—379

ГЛАВА XXVI. Бѣдственная година. — Кончина Богдана Хмельницкаго.—Поляки ободряются. — Финансовыя затрудненія. — Рожденіе царевны Софіи Алексѣевны. — За крестиннымъ столомъ Никита Ивановичь Шереметевъ наряжалъ вина.—Патріархъ Никонъ созидаетъ Воскресенскій монастырь.—Деревни, купленныя имъ у Василья Петровича Шереметева.—Поѣздка царя Алексѣя Михайловича въ село Воскресенское на освященіе церкви въ сооружаемой Никономъ обители.—Письмо государя къ Никону изъ Саввино-Сторожевскаго монастыря. — Перемѣна отношеній царя Алексѣя Михайловича къ Никону.—Случай въ Успенскомъ соборѣ.—Возвращеніе Василья Борисовича Шереметева изъ Бѣлоруссіи.—Патріархъ Никонъ въ послѣдній разъ кушаетъ у государя . . . . . 380—391

стран.

ГЛАВА XXVII. Пріѣздъ въ Москву Кахетинскаго царя Теймураза I.—Въ торжествахъ пріема и встрѣчь Теймураза принимаютъ участіе Василій Петровичь и Никита Ивановичь Шереметевы.—Дерзкій поступокъ оружейничаго Богдана Хитрово съ патріаршимъ стряпчимъ.—Никонъ отрекается отъ патріаршества.—Переговоры Теймураза съ боярами . . . . . 392—406

ГЛАВА XXVIII. Князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому и Петру Васильевичу Шереметеву указано вести переговоры съ Шведскими послами. — Оба назначены полномочными послами въ Вильну, на вторичный съѣздъ съ Польскими коммиссарами.—Обстоятельства возобновленія Виленскаго съѣзда.—Отзывы современника-очевидца о князѣ Одоевскомъ и о Петрѣ Васильевичѣ Шереметевѣ.—Свита посольская.—Денежная подмога и разные запасы.—Три записи, заключенныя княземъ Одоевскимъ и Шереметевымъ съ Шведскими послами.—Предъ отъѣздомъ въ Вильну, князь Одоевскій и Шереметевъ были у государя у руки въ Успенскомъ соборѣ.—Несогласія между княземъ Одоевскимъ и его товарищами.—Отписка и письмо князя Одоевскаго къ государю. . . . . 407—419

ГЛАВА XXIX. Царская грамота князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, по поводу возникшихъ несогласій между членами посольства.—Неудачи въ посольскомъ дѣлѣ, порученномъ князю Одоевскому и Шереметеву.—Тайная грамота. — Задорная кичливость Польскихъ коммиссаровъ.—Вслѣдъ за прекращеніемъ посольскаго съѣзда начались военныя дѣйствія.—Побѣда князя Юрья Алексѣевича Долгорукова.—Мѣстничество.—Оффиціальная справка о посольской службѣ Петра Васильевича Шереметева.—Гнѣвъ государя на князя Одоевскаго.—Василій Борисовичь Шереметевъ назначенъ воеводою въ Кіевъ . . . . . 420—432

Указатель . . . . . 433—453

Списокъ приложеній . . . . . 455—456

ГЛАВА I.

Годъ рожденія Бориса Петровича Шереметева, 1652 годъ, ознаменовался повсемѣстными пожарами. Въ извѣстномъ сборникѣ того времени «Theatrum Europaeum» перечислены города Европы, пострадавшіе въ томъ году отъ пожаровъ. Въ этомъ скорбномъ спискѣ читаемъ между прочимъ слѣдующее: «Въ великокняжеской столицѣ Москвѣ загорѣлась часть города. Выгорѣло болѣе 400 домовъ. Пожаръ принялъ бы еще большіе размѣры, если бы не 25.000 солдатъ, которые успѣли потушить его»[1]. Очевидцами этого бѣдствія были

[1] Irenico-Polemographia, sive Theatri Europaei continuati Septenium. Franckfurt am Mayn. 1663. p. 320—322. — Статьи изъ иностранныхъ источниковъ сообщены намъ въ переводѣ на Русскій языкъ хранителемъ отдѣленія Rossica императорской публичной библіотеки Карломъ Ѳедоровичемъ Феттерлейномъ.

Польскіе посланники Альбрехтъ Напенцей-славъ Пенцеславскій и Христофъ-Казиміръ Униховскій, прибывшіе въ Москву съ королевскимъ декретомъ по старому дѣлу объ «умаленіи» царскаго титула Польскими пограничными властями. Пожаръ начался 4 іюня, когда царь Алексѣй Михайловичь находился на пути къ Троицѣ, сопровождаемый Васильемъ Петровичемъ Шереметевымъ и десятью другими боярами, изъ коихъ четверо «отпущены были съ дороги къ Москвѣ для пожару». Въ теченіи трехъ дней колыбель новорожденнаго Бориса Петровича Шереметева освѣщалась зловѣщимъ заревомъ пожара, истребившаго все Чертолье, Знаменку, Арбатъ, Никитскую, Дмитровку, Петровку, Рожественку и Тверскую улицу[2].

Государь возвратился въ Москву 7 іюня вечеромъ, когда пожаръ уже совсѣмъ утихъ.

Весь іюнь прошелъ въ совѣщаніяхъ бояръ съ королевскими посланниками по поводу привезеннаго ими декрета. Въ концѣ концовъ декретъ, какъ написанный не по договору по-

---

[2] Новый лѣтописецъ, изданный по списку князя Оболенскаго. М. 1853. Приложенія. стр. 8 и 9.—Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 314 и 318.

сольскому, былъ отвергнутъ и, такимъ образомъ, поводъ къ взаимному неудовольствію между обѣими державами остался въ прежней силѣ. Тѣмъ не менѣе, царь Алексѣй Михайловичь два раза (3 и 5 іюля) принималъ посланниковъ съ подобающими ихъ сану почестями. Оба раза рындами при государѣ были сыновья боярина Василья Петровича Шереметева, стольники Петръ Васильевичь и Матвѣй Васильевичь Шереметевы[3].

Польскимъ посланникамъ Пенцеславскому и Униховскому довелось также быть свидѣтелями приснопамятнаго церковнаго торжества по случаю пренесенія въ Москву изъ Соловецкой обители мощей святаго Филиппа, митрополита Московскаго и всея Русіи.

3 іюля, рано утромъ, честныя мощи святителя, сопровождаемыя митрополитомъ Новгородскимъ Никономъ, прибыли по Троицкой дорогѣ въ подгородную дворцовую слободу Напрудную, куда на срѣтеніе святыни пришли крестнымъ ходомъ изъ Успенскаго собора митрополиты, архіепископы, архимандриты и игумены со всѣмъ освященнымъ соборомъ, а также самъ царь Алексѣй Михай-

[3] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 319.

ловичь съ синклитомъ и «всенароднымъ множествомъ». По замѣчанію лѣтописца, въ тотъ день «отъ солнечнаго зноя зѣло жарко бяше». Пришедшій съ крестнымъ ходомъ митрополитъ Ростовскій Варлаамъ, «немногими лѣты не доспѣвшій сотнаго лѣта», такъ изнемогъ отъ зноя, что, не доходя ста саженъ до одра святителя, внезапно упалъ и тутъ-же при всѣхъ скончался[4].

Царь и власти возложили мощи святаго Филиппа на свои главы съ великою честію, и священное шествіе двинулось черезъ всю Москву «со псалмы и пѣсньми духовными, со свѣщи и съ кандилы, съ звономъ». По словамъ самого царя Алексѣя Михайловича, «таково много множество народно было, отъ самого Напруднаго по соборную и апостольскую церковь, не мочно было ни яблоку пасть». Позади всего несли тѣло вновьпреставившагося митрополита Варлаама, накрытое тѣмъ самымъ покровомъ, который отъ Соловковъ лежалъ на чудотворцевыхъ мощахъ. Предъ Кремлемъ крестный ходъ остановился, и ког-

---

[4] Новый лѣтописецъ, изданный по списку князя Оболенскаго. М. 1853. Приложенія. стр. 9. — Лѣтопись о многихъ мятежахъ. Изд. 2. М. 1788. стр. 359.

да мощи митрополита Филиппа поставили на Лобномъ мѣстѣ, всѣ присутствовавшіе зарыдали при видѣ «пастыря гонимаго по напрасньству, нынѣ же возвращающася вспять и грядущаго на свой престолъ».

Наконецъ мощи святителя-страстотерпца внесли въ Успенскій соборъ, въ которомъ 83 года назадъ онъ былъ такъ кощунственно поруганъ опричниками Грознаго. «А какъ принесли его свѣта въ соборную и апостольскую церковь, — писалъ царь Алексѣй Михайловичь въ Казань, къ тамошнему воеводѣ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, — и поставили на престолѣ его преже бывшемъ, кто не подивится сему, кто не прославитъ, и кто не прослезится, изгонимаго вспять возвращающася и зѣло съ честію пріемлема? Гдѣ гонимый и гдѣ ложный совѣтъ, гдѣ обавники, гдѣ соблазнители, гдѣ мздоослѣпленныя очи, гдѣ хотящіи власти воспріяти гонимаго ради? Не всѣ ли злѣ погибоша; не всѣ ли изчезоша во вѣки; не всѣ ли здѣсь месть воспріяли отъ прадѣда моего царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Росіи, и тамо месть вѣчную пріимутъ, аще не покаялися»?

Въ теченіи десяти дней мощи святителя

стояли посреди Успенскаго собора и «во всю десять дней безпрестани съ утра до вечера звонили; какъ есть на святой недѣли, такъ и тѣ дни радостны были»[5].

Много чудесъ совершилось въ тѣ дни у гроба Угодника Божія. По свидѣтельству царя Алексѣя Михайловича, «то меншое, что человѣка два или три въ сутки, а то пять и шесть и седмь исцѣленіе получали».

Каждый отдѣльный случай чудеснаго исцѣленія тщательно провѣряли въ тотъ-же день и сказки свидѣтелей записывали со всею точностью въ особую книгу. Такъ, 14 іюля, у гроба святителя исцѣлилась отъ слѣпоты дворовая женщина боярыни Ульяны Петровны Шереметевой (вдовы боярина Бориса Петровича Шереметева) Ирина Антонова. Въ тотъ-же день Ульяна Петровна «по государеву указу допрашивана: очми она, Ирина, слѣпа была ли? И Ульяна Петровна сказала, что де та Ирина очми была больна; а слѣпа была ли или нѣтъ, про то она впрямь сказать не умѣетъ, потому что та Ирина съ мужемъ своимъ у бо-

---

[5] Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича. Издалъ Петръ Бартеневъ. М. 1856. стр. 223 и 224.—Акты, собранные Археографическою экспедиціею. Т. IV. Спб. 1836. № 329.

ярина Бориса Петровича и у нея вновѣ послѣ боярина князя Дмитрія Петровича Пожарскаго»[6].

Пренесеніе въ Москву мощей святителя Филиппа конечно имѣло особенное значеніе для сродниковъ новаго чудотворца, Колычовыхъ и Шереметевыхъ, которыхъ не безъ причины назначали въ то время на болѣе видныя мѣста при разныхъ церемоніяхъ по случаю этого важнаго церковнаго событія. Напримѣръ, 17 іюля, послѣ преложенія мощей Филиппа митрополита въ серебреную раку, за государевымъ столомъ Петръ Васильевичь Шереметевъ и Андрей Ивановичь Колычовъ смотрѣли въ большой столъ, а Матвѣй Васильевичь Шереметевъ и Семенъ Васильевичь Колычовъ—въ кривой столъ[7]. Не безъ причины же и царь Алексѣй Михайловичь сообщалъ подробности пренесенія мощей «великаго солнца, Филиппа митрополита» именно князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, мужу Евдокіи Ѳедоровны Шереметевой, которая, находясь съ супругомъ въ Казани, лишена была воз-

[6] П. Знаменскій. Произведенія Соловецкой письменности, относящіяся къ личности святаго Филиппа митрополита (Православное Обозрѣніе. 1883 годъ. Апрѣль. стр. 783).

[7] Дворцовые разряды. Т. Ш. Спб. 1852. столб. 322.

можности лично присутствовать на этомъ священномъ празднествѣ, столь близкомъ сердцу для всѣхъ представителей рода Шереметевыхъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ серебреная рака съ цѣльбоносными мощами святителя Филиппа постановлена была на теперешнемъ ея мѣстѣ въ Успенскомъ соборѣ, собравшіеся въ Москвѣ іерархи приступили къ избранію «мужа благоговѣйнаго и преподобнаго», достойнаго занять патріаршій престолъ, остававшійся празднымъ уже четвертый мѣсяцъ. Выборъ палъ на Новгородскаго митрополита Никона, прибывшаго изъ Соловковъ съ мощами святаго Филиппа.

22 іюля, согласно чину патріаршаго избранія, царь Алексѣй Михайловичь со всѣмъ освященнымъ соборомъ и синклитомъ отправился въ Успенскую соборную церковь помолиться «о совершеніи того великаго дѣла». Послѣ молебствія послали «по новоизбраннаго патріарха». Никонъ долго и рѣшительно отказывался отъ патріаршества. У самой раки священномученика Филиппа, царь Алексѣй Михайловичь, «преклонившись на землю и лежа, со всѣми людьми и со многими слезами»

просилъ Никона, чтобы онъ изволилъ быть патріархомъ. Смиренный мужъ, склоняясь къ слезнымъ мольбамъ самого государя, спросилъ тѣснившійся вокругъ народъ и бояръ: «обѣщаются ли они непреложно во всемъ слушати его, яко архипастыря и отца верховнѣйшаго»? Всѣ поклялись, что даютъ это обѣщаніе. Тогда, по словамъ лѣтописца, Никонъ «государеву прошенію повинулся, изволилъ быть на патріаршествѣ, и въ то время много плакалъ»[8].

25 іюля, вновь поставленный патріархъ Никонъ, облаченный въ лазоревый саккосъ святаго Петра митрополита, совершалъ въ первый разъ Божественную литургію въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ трисвятаго, царь Алексѣй Михайловичь самъ взялъ съ патріаршаго мѣста посохъ Петра чудотворца, первопрестольника Московскаго, и въ царскихъ дверяхъ поднесъ его Никону[9], съ слѣдующими

---

[8] Митрополитъ Макарій. Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ. М. 1881. стр. 4 и 5.—Митрополитъ Платонъ. Краткая церковная Россійская исторія. Изд. 2. Т. II. М. 1823. стр. 233 и 234.—Новый лѣтописецъ, изданный по списку князя Оболенскаго. М. 1853. Приложенія. стр. 10.

[9] Новый лѣтописецъ, изданный по списку князя Оболенскаго. М. 1853. Приложенія. стр. 11.

словами: «пріими, святѣйшій отче, прежде бывшихъ тебе святыхъ митрополитъ жезлъ пастырства». Въ тотъ-же день, патріархъ Никонъ со властьми кушалъ у государя, въ Грановитой палатѣ. Въ столы смотрѣли опять оба брата Шереметевы, Петръ Васильевичь и Матвѣй Васильевичь, вмѣстѣ съ Колычовыми[10].

Обстоятельства возведенія Никона на патріаршій престолъ были столь же необычайны, какъ и вся жизнь этого знаменитаго мужа, оставившаго по себѣ яркій слѣдъ въ нашей исторіи. Разъ заручившись клятвеннымъ обѣщаніемъ повиноваться себѣ «яко отцу верховнѣйшему», онъ неотступно, во все время своего патріаршества, съ 1652 по 1658 годъ, простиралъ свою власть на всю область государственной жизни, и конечно эти шесть лѣтъ, «на которыхъ такъ рѣзко отпечатлѣны великій умъ, предпріимчивый, твердый характеръ Никона»[11], принадлежатъ къ счастливымъ годамъ нашего отечества.

Со вступленіемъ Никона на патріаршій

---

[10] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 323.

[11] Архіепископъ Филаретъ. Исторія Русской церкви. Періодъ IV. Изд. 4. Черниговъ. 1862. стр. 30.

престолъ, прежде всего замѣчается перемѣна политики царя Алексѣя Михайловича въ великомъ вопросѣ принятія въ подданство Московскаго государства единовѣрной и единокровной Малороссіи, чего давно уже домогался знаменитый казацкій гетманъ Богданъ Хмельницкій. Домогательства его возобновились съ особенною настойчивостью въ началѣ 1653 года, когда окончательно выяснилось, что ханъ Крымскій далъ слово Польскому королю «Украину въ конецъ разорить или Полякамъ покорить», съ тѣмъ, чтобы потомъ «Татаре да Поляки на Великороссійское государство повстали бъ для отысканія имъ, Татарамъ, Астраханскаго царства»[12].

Весною 1653 года, Богданъ Хмельницкій послалъ новыхъ гонцовъ къ царю Московскому, Кондрата Бурляя да Силуяна Мужиловскаго, и на этотъ разъ уже съ грамотою на имя Никона, въ которой просилъ вновь поставленнаго патріарха быть ходатаемъ за несчастную Малороссію, умоляя о присоединеніи единовѣрныхъ къ единовѣрнымъ. 14-го мая Бурляй и Мужиловскій повезли къ Бог-

[12] Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878 (Приложеніе II: Краткое описаніе Малороссіи). стр. 238 и 239.

дану Хмельницкому отвѣтную грамоту Никона, въ которой читаемъ слѣдующее: «Писанія убо вашего усердія, яже къ нашему пастырьству съ Кондратомъ Бурляемъ и Силуяномъ Можиловскимъ, посланными отъ васъ, воспріяхомъ и прочтохомъ, и благочестивому государю нашему царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, по вашему челобитью, возвѣщахомъ. Онъ же, великій государь, его царское величество, посланниковъ вашихъ своею царскою превеликою милостію пожаловалъ, и указалъ къ вамъ послати своего царскаго величества вѣрнаго посланника, Артемона Сергѣевича Матвѣева. Егда же той посланникъ къ вамъ пріѣдетъ, и вамъ бы его словесемъ, кромѣ всякаго сомнѣнія, вѣру яти: еже бо онъ возглаголетъ къ вамъ, сія истинна суть. Наше же пастырьство о вашемъ благомъ хотѣніи ко пресвѣтлому великому государю нашему, его царскому величеству, ходатайствовать и паки не престанетъ. Посланникомъ же вашимъ нашего святительства тщаніе о добромъ вашемъ желаніи все извѣстно»[13].

Вслѣдъ за тѣмъ, гетманъ Богданъ Хмель-

---

[13] Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 369.

ницкій получилъ и грамоту самого царя Алексѣя Михайловича ко всему войску Запорожскому, отъ 22 іюня 1653 года, которая заключена такъ: «И мы, великій государь, возревновавъ о Бозѣ благою ревностію и возжелѣвъ по васъ, чтобы христіянская вѣра въ васъ не пресѣклась, но паче преисполнялась, изволили васъ принять подъ нашу царскаго величества высокую руку, яко да не будете врагомъ Креста Христова въ притчю и въ поношеніе. А ратные наши люди, по нашему царскаго величества указу, сбираютца и ко ополченію строятца»[14].

Такимъ образомъ, и принятіе въ подданство Малороссіи и неизбѣжная вслѣдствіе сего война съ Польшею были предрѣшены царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, по совѣту съ патріархомъ Никономъ и боярами, за-долго до возвращенія изъ Польши князя Бориса Александровича Репнина, посланнаго весною 1653 года къ королю Яну Казиміру съ рѣшительными предложеніями помириться съ казаками, не принуждать къ уніи православное населеніе, подвластное коронѣ, и казнить смертью

[14] Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Т. X. Спб. 1878. № 1.

Польскихъ чиновниковъ, виновныхъ въ пропискѣ царскаго титула. Какъ мало ожидали успѣха отъ этого посольства, можно судить по тому, что еще до отъѣзда князя Репнина начались дѣятельныя приготовленія къ войнѣ. Такъ, въ февралѣ посланы были государевы грамоты къ воеводамъ и приказнымъ людямъ Замосковныхъ городовъ, чтобъ объявили дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ быть готовыми для службы и ждать государева указу, и чтобы отправляли запасы въ Яблоново[15]. Въ мартѣ мѣсяцѣ объявленъ именной царскій указъ о наборѣ съ бояръ, окольничихъ и прочихъ служилыхъ людей по пѣшему человѣку съ каждыхъ двадцати дворовъ, съ приказаніемъ представить этихъ даточныхъ людей на службу у засѣкъ съ пищалями, топорами и рогатинами, да съ двумя фунтами зелья и двумя же фунтами свинцу[16]. Наконецъ 14 апрѣля на Постельномъ крыльцѣ государева двора сказанъ вслухъ царскій указъ всѣмъ дворянамъ, «чтобъ они на Москвѣ были, и съ Москвы безъ государева указу, безъ отпуску, не съѣзжали

---

[15] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 341.

[16] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 96.

и смотровъ остерегались; а которые у смотру объявятся въ нѣтѣхъ, и тѣмъ отъ государя быть въ жестокомъ наказаніи безо всякія пощады» [17].

---

[17] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 97.

ГЛАВА II.

Рядомъ съ приготовленіями къ продолжительной, тяжкой войнѣ за Малороссію, жизнь Московскаго двора шла своимъ обычнымъ степеннымъ ходомъ, представляя поучительный примѣръ благочестія, умѣренности и простоты. Роскошь и великолѣпіе двора проявлялись исключительно въ церковные праздники и во время пріема чужеземныхъ пословъ. Въ описываемое время, изъ Шереметевыхъ чаще всего участвовали въ придворныхъ церемоніяхъ два брата, стольники Петръ Васильевичь и Матвѣй Васильевичь. Отецъ ихъ, боярinъ Василій Петровичь Шереметевъ, обыкновенно сопровождалъ государя въ его богомольныхъ путешествіяхъ къ Троицѣ[18],

[18] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 325. 326. 331. 334. 337. 343. 347.

нерѣдко обѣдалъ то у государя, то у патріарха Никона[19], а въ апрѣлѣ 1653 года, въ Вербное Воскресенье, имѣлъ высокую честь слѣдовать за государемъ въ пышной церемоніи шествія патріарха на осляти. На царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ полный нарядъ Большой Казны. Опираясь на златокованный жезлъ, онъ самъ велъ подъ уздцы осля, на которомъ возсѣдалъ Никонъ[20].

Но особенною государевою милостью взыскался племянникъ Василья Петровича, стольникъ Василій Борисовичъ Шереметевъ. Имѣя отъ роду немного болѣе 30 лѣтъ[21], онъ уже былъ пожалованъ въ высшій служебный чинъ, въ бояре. Вотъ запись объ этомъ въ Дворцовыхъ разрядахъ 1653 года: «Мая въ 21 день, на праздникъ Пречистыя Богородицы Владимірскіе, пожаловалъ государь изъ стольниковъ въ бояре Василья Борисовича Шереметева; а у сказки стоялъ окольничей князь

---

[19] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 347. 357 и такъ далѣе.

[20] Выходы царей. М. 1844. стр. 279.

[21] Первое извѣстіе о службѣ Василья Борисовича Шереметева, въ чинѣ стольника, встрѣчается подъ 30 числомъ января 1637 года, когда онъ участвовалъ въ торжественномъ пріемѣ Польскаго гонца Адама Орлика (См. третью книгу «Рода Шереметевыхъ», стр. 193).

Семенъ Романовичь Пожарскій, а сказывалъ (боярство) думной дьякъ Семенъ Заборовскій»[22].

Василью Борисовичу едва-ли не первому изъ бояръ довелось приносить присягу на боярство по слѣдующей новой приписи, обнародованной именно въ 1653 году: «А что пожаловалъ государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь всея Русіи, велѣлъ мнѣ, имрекъ, быти у себя государя въ боярѣхъ, и въ окольничихъ, и въ Думѣ: и мнѣ государю своему, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи, и его царскаго вели-

---

[22] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 352. — Эта оффиціальная запись о боярствѣ Василья Борисовича Шереметева нѣсколько отличается отъ частной, въ Послужномъ спискѣ старинныхъ чиновниковъ (Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. XX. М. 1791. стр. 109), гдѣ сказано, что въ 1653 году, Василій Борисовичь пожалованъ въ бояре и дворецкіе. Какое значеніе имѣло соединеніе боярства съ званіемъ дворецкаго—рѣшить трудно. Татищевъ, сравнивая чинъ дворецкаго съ нынѣшнимъ гофмейстеромъ, присовокупляетъ, что Иванъ Васильевичь Грозный, «учиня чинъ боярина и дворецкаго, прочихъ дворецкихъ отставилъ» (Судебникъ государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича. М. 1768. стр. 2. примѣч. с). А между тѣмъ, въ указанномъ Послужномъ спискѣ и послѣ Грознаго постоянно упоминается чинъ дворецкаго; чинъ же боярина и дворецкаго особенно часто сталъ встрѣчаться именно съ 1653 года. О соединеніи боярства съ званіемъ дворецкаго см. у Успенскаго, въ его книгѣ: Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ. Ч. I. Изд. 2. Харьковъ. 1818. стр. 278.

чества царицѣ, и ихъ государскимъ дѣтямъ служити и прямити во всемъ, и государскія думы и боярскаго приговору, до государева указу, никому не проносить и не сказывати, и всякія государевы и земскія дѣла дѣлати, и ихъ государевымъ землямъ всякаго добра хотѣти, безо всякія хитрости, и самовольствомъ мнѣ, безъ государскаго вѣдома и мимо правды, никакихъ дѣлъ не дѣлати, по сему крестному цѣлованію»[23].

Вслѣдъ за принесеніемъ присяги, государь указалъ вновь пожалованному боярину Василью Борисовичу Шереметеву «быть на своей государевѣ службѣ, на Яблоновѣ, для приходу Крымскихъ и Ногайскихъ людей». Въ товарищи къ Шереметеву назначены окольничій Ѳедоръ Васильевичь Бутурлинъ и дьякъ Никифоръ Вальцовъ; а по вѣстямъ указано сходиться къ Шереметеву воеводамъ четырнадцати Украинныхъ городовъ: Путивля, Бѣлгорода, Сѣвска, Курска, Чугуева, Лебедяни, Верхососенскаго, Коротояка, Карпова, Ельца, Вольнаго, Оскола, Ефремова и Острогожскаго. Недѣлю спустя, именно 27 мая, во всѣ Украин-

[23] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 114.

ные города разосланы были грамоты, чтобы къ 10 іюня дѣти боярскіе и Черкасы собрались въ Ливны, на смотръ къ боярину и воеводамъ Василью Борисовичу Шереметеву съ товарищи, которымъ велѣно «пересмотрѣть всѣхъ ихъ на лицо, со всею съ полною службою»[24].

Шереметеву нужно было торопиться выѣздомъ изъ Москвы, въ виду близости срока для Ливенскаго смотра. 5 іюня, въ недѣлю всѣхъ святыхъ, государь пожаловалъ его, велѣлъ быть у своего государева стола. На этотъ разъ кушалъ у государя и патріархъ Никонъ. Василій Борисовичь сидѣлъ между бояриномъ княземъ Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ и оружейничимъ Григорьемъ Гавриловичемъ Пушкинымъ; а двоюродный братъ его, Петръ Васильевичь Шереметевъ, стоялъ у стола вмѣстѣ съ стольникомъ княземъ Лаврентьемъ Михайловичемъ Мещерскимъ.

Послѣ обѣда, Василій Борисовичь Шереметевъ съ своими товарищами былъ у государя у руки и въ тотъ-же день уѣхалъ въ Ливны на смотръ дѣтей боярскихъ и Черкасъ.

---

[24] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 352—355.

Почти одновременно съ Ливенскимъ смотромъ, и самъ царь Алексѣй Михайловичь производилъ на Дѣвичьемъ полѣ смотръ собраннымъ въ Москвѣ для предстоявшаго ратнаго дѣла стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ и жильцамъ, со всею ихъ службою. Царскій смотръ продолжался болѣе двухъ недѣль, съ 13 по 28 іюня включительно[25], и представлялъ по истинѣ великолѣпное зрѣлище.

На Дѣвичьемъ полѣ устроенъ былъ цѣлый городокъ изъ шатровъ, въ который переселился царскій дворъ на все время смотра. По сказанію лѣтописца, «мѣсто государево устроено было высоко и зѣло красно на рундукѣ; надъ мѣстомъ учиненъ шатеръ на четырехъ столбахъ; шатеръ покрытъ бѣлымъ желѣзомъ да краснымъ въ шахматы; на шатрѣ крестъ; спереди шатра надъ входомъ поставлены три образа зѣло украшены; по сторонамъ на шатрѣ поставлено было по одному образу; столбы, на которыхъ шатеръ стоялъ, выписаны разными красками; съ дву сторонъ около мѣста государева перила обиты золотными отласы;

[25] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. стр. 291 (выноска).

мостъ и ступени посланы Персидскими ковры; въ шатрѣ на верху мѣста и по сторонамъ поставлены чудотворные образы; около шатра устроены надолбы по 10 сажень на всѣ стороны, обиты всѣ черными да зелеными сукны; около надолбьевъ стояли стрѣльцы по приказу съ знамены и съ барабаны, перемѣняясь поденно; по обѣ стороны государева мѣста бояре сидѣли на скамьяхъ; скамьи покрыты Персидскими ковры. Позади государева мѣста на правой сторонѣ стояли государевы шатры; около шатровъ городъ полотняной съ башнями»[26].

Государя не было на Дѣвичьемъ полѣ только 19 іюня[27]. Оставаясь въ этотъ день въ Москвѣ, онъ послалъ въ Ливны къ боярину Шереметеву грамоту, съ приказаніемъ, пересмотря служилыхъ людей, ѣхать въ Яблоново «на-спѣхъ». 23 іюня, Шереметеву повторено было приказаніе ѣхать въ Яблоново «тотчасъ» послѣ смотра служилыхъ людей[28].

Пять дней спустя, наканунѣ Петрова дня, окончился и царскій смотръ на Дѣвичьемъ по-

[26] Новый лѣтописецъ, изданный по списку князя Оболенскаго. М. 1853. Приложенія. стр. 13.

[27] Выходы царей. М. 1844. стр. 288.

[28] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 356.

лѣ. Послѣдними проходили предъ государемъ стрѣльцы всѣхъ приказовъ со знаменами и барабанами и, по замѣчанію лѣтописца, «шли койждо приказъ сотнями добрѣ стройно»[29].

По видимому, царь Алексѣй Михайловичь былъ очень доволенъ смотромъ, по окончаніи коего думный разрядный дьякъ Семенъ Заборовскій сталъ предъ государемъ и отъ имени царскаго величества сказалъ ратнымъ людямъ похвальное слово, окончательно убѣдившее всѣхъ относительно близости войны. Вотъ это замѣчательное слово царя Алексѣя Михайловича, громко прочитанное на Дѣвичьемъ полѣ думнымъ дьякомъ:

«Стольники, стряпчіе, и дворяне Московскіе и жильцы! Писано убо есть, яко всяко даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше отъ Отца исходяй. Сего благоволеніемъ и единороднаго его Сына и Святаго и животворящаго Духа изволеніемъ, и всенадежныя заступницы нашея Пресвятыя, Пречистыя и Преблагословенныя Владычицы нашея Богоро-

---

[29] Новый лѣтописецъ, изданный по списку князя Оболенскаго. М. 1853. Приложенія. стр. 14.

дицы и приснодѣвы Маріи, и всѣхъ святыхъ молитвами, пріиде въ мысль нашего царскаго величества, во еже осмотрѣти воинство наше, имъже православная христіанская вѣра сохраняется въ мирѣ, и въ тишинѣ, и во благоденствіи, и наше царское величество отъ супротивныхъ враговъ нашихъ ограждается, и ваша въ службѣ храбрость и мужество объявляется, и христіанское множество отъ всенаходящихъ бѣдъ спасается. И видѣвше всеурядное тщаніе, благодаря Бога, по премногу радуемся, и ваше тщаніе къ службѣ и службу вашу похваляемъ. Егда же благоволитъ Богъ, по его святому смотрѣнію, супротивныя воевати, и вамъ бы съ такимъ-же тщаніемъ, якоже и нынѣ видимъ васъ, съ радостнымъ усердіемъ готовымъ быти, да не мимо идетъ и насъ Христово велѣніе, якоже во евангеліи глаголетъ: больше сея любви нѣсть, да кто душу свою положитъ за други своя; и аще кто, воинствуя за святую соборную и апостольскую церковь и за православную вѣру, противу своего достоянія, отъ нашего царскаго величества великія милости сподобится, а яже таковыхъ благъ, яко и первіи побѣдоносцы за православіе пострадавше, и не-

беснаго царствія и вѣчныхъ благъ сподобятся»[30].

Подъ впечатлѣніемъ любвеобильнаго слова государева разошлись ратные люди по домамъ, и самъ царь тотчасъ-же пошелъ съ Дѣвичья поля къ Москвѣ.

На другой день, въ праздникъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, у государя былъ столъ въ Золотой палатѣ, въ присутствіи святѣйшаго патріарха Никона. На первомъ боярскомъ мѣстѣ сидѣлъ Василій Петровичь Шереметевъ, а въ большой столъ смотрѣлъ его младшій сынъ Матвѣй Васильевичь[31].

Въ ожиданіи возвращенія изъ Польши князя Репнина, царь Алексѣй Михайловичь проводилъ большую часть лѣта въ своемъ любимомъ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ, въ которомъ оставался иногда недѣли по двѣ и болѣе, потѣшая себя и свой дворъ соколиною охотою. Въ одну изъ такихъ лѣтнихъ побывокъ въ Коломенскомъ, именно съ 12-го іюля 1653 года, при госу-

---

[30] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 99.

[31] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 357—358.

дарѣ находился въ числѣ другихъ придворныхъ и стольникъ Петръ Васильевичь Шереметевъ. На этотъ разъ государь прожилъ въ Коломенскомъ до 25 числа и праздновалъ здѣсь ангелу сестры своей царевны Анны Михайловны. Въ этотъ день пріѣзжалъ въ Коломенское и патріархъ Никонъ. Послѣ обѣдни, когда царь возвратился въ хоромы, былъ сказанъ столъ по Передней избѣ. У стола стояли стольники: Петръ Васильевичь Шереметевъ и князь Лаврентій Михайловичь Мещерскій[32]. Оба они исправляли эту должность у государева стола и 28 іюля, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ день празднованія Пресвятой Богородицѣ Одигитріи, когда государь кушалъ въ столовомъ шатрѣ[33].

Осенью, царь Алексѣй Михайловичь любилъ хаживать въ окрестностяхъ Москвы на волковъ и медвѣдей съ собаками и съ рогатинами. Шереметевы были участниками и этой царской потѣхи, чему доказательствомъ служитъ сохранившаяся шуточная челобитная царя Алексѣя Михайловича и его охот-

---

[32] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 359. — Корсаковъ. Село Коломенское. М. 1870. стр. 15.

[33] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 360.

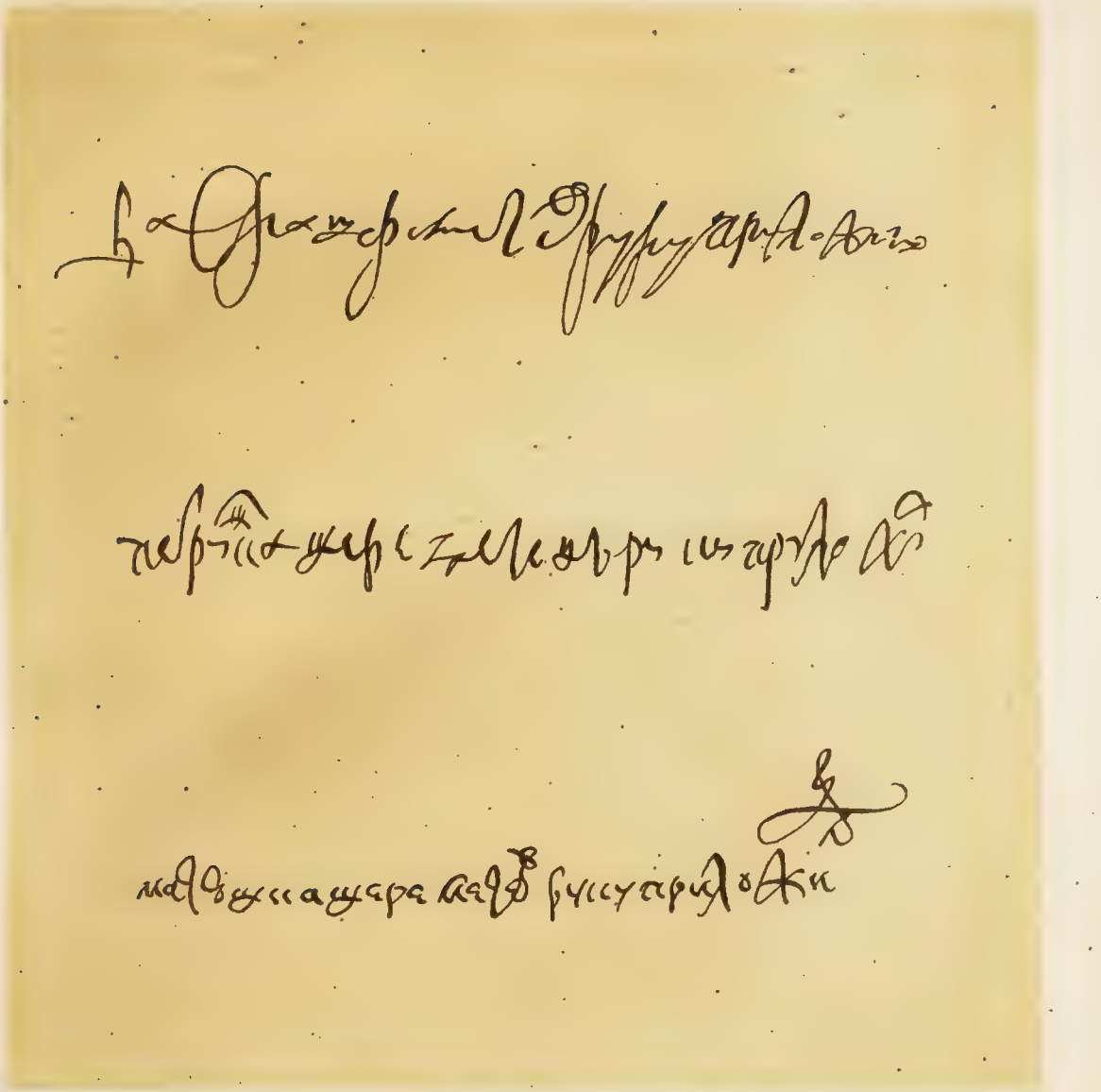


Фото - Литографія Н. Индутнаго С. П. Б. Караванная № 15

ничьей дружины къ боярамъ, съ приглашеніемъ «потѣшиться старыми ступными медвѣдями» въ окрестностяхъ села Озерецкаго, въ 32 верстахъ отъ Бутырской заставы, по Рогачевскому тракту. На оборотѣ челобитной имѣются подписи всѣхъ лицъ, составлявшихъ кружокъ друзей—товарищей по охотѣ тишайшаго царя, которыхъ онъ дружески называлъ своими «полчанами». Въ числѣ подписавшихся находимъ трехъ Шереметевыхъ: Василья Борисовича, Петра Васильевича и Матвѣя Васильевича[34].

Именно осенью 1653 года, охота на медвѣдей привела царя Алексѣя Михайловича и въ подмосковную вотчину любимаго внука Ѳедора Ивановича Шереметева, князя Якова Никитича Одоевскаго, въ сельцо Вешняково.

Посѣщеніе Вешнякова описано самимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ письмѣ къ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, на-

[34] Подписи Шереметевыхъ, изображенныя на прилагаемомъ листѣ, сняты съ подлинной челобитной, хранящейся въ Государственномъ архивѣ, въ столбцахъ приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII), № 53.—Документъ этотъ напечатанъ въ Запискахъ отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго Археологическаго общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 711—713.—На челобитной года не выставлено. И. Е. Забѣлинъ полагаетъ, что она написана въ 1646 году (Кунцово и древній Сѣтунскій станъ. М. 1873. стр. 42).

ходившемуся тогда на воеводствѣ въ Казани. Государя принимали двое старшихъ сыновей князя Никиты Ивановича, князья Михаилъ и Ѳедоръ Никитичи Одоевскіе. Хозяинъ вотчины, князь Яковъ Никитичь, вмѣстѣ съ третьимъ своимъ братомъ Алексѣемъ, оставался при родителяхъ въ Казани. Государево письмо, посланное изъ Москвы 21 ноября съ стольникомъ Михаиломъ Татищевымъ, было вызвано горестнымъ для князя Никиты Ивановича Одоевскаго событіемъ, смертью его первенца, князя Михаила Никитича, послѣдовавшею вскорѣ послѣ посѣщенія государемъ Вешнякова, именно 19 числа того-же мѣсяца. Мы воспользуемся только частію этого замѣчательнаго письма[35], то есть, тою, въ которой

[35] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII), № 108.—Письмо это было напечатано уже три раза: въ 1851 году, въ Москвитянинѣ (№ 2); въ 1856 году, въ изданномъ П. И. Бартеневымъ Собраніи писемъ царя Алексѣя Михайловича (стр. 227), и въ 1861 году, во II-мъ томѣ Записокъ отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго Археологическаго общества (стр. 702).—Архивскій списокъ, съ котораго напечатано въ Запискахъ все письмо, а у насъ отрывокъ, тѣмъ замѣчателенъ, что въ немъ собственноручныя отмѣтки царя Алексѣя Михайловича, но за то онъ не конченъ: послѣднее слово въ немъ—«Писанъ». Въ спискѣ же, съ котораго напечатано въ Москвитянинѣ и въ Собраніи П. И. Бартенева конецъ таковъ: «Писанъ на Москвѣ лѣта 7161 ноября въ 21 день»; а подъ исподомъ грамоты приписка, которой нѣтъ въ архивскомъ спискѣ: «Князь Никита Ивановичь! Не оскорбляйся, токмо уповай на Бога и на насъ будь надеженъ».

царь говоритъ о своемъ пребываніи въ Вешняковѣ: «А разболѣлся (князь Михаилъ) при мнѣ, ноября 1 число, на память Козмы и Даміяна, въ понедѣльникъ. Въ тотъ день я былъ у тебя въ Вешняковѣ, а онъ здоровъ былъ, потчивалъ меня, да радъ таковъ, я николи такова ево радостна не видалъ; да лошедью онъ и князь Ѳедоръ челомъ ударили, и я *молвилъ имъ*: По то ль я пріѣхалъ къ вамъ, что грабить васъ? И онъ, плачючи, да говоритъ: Мнѣ-де, государь, тебя, государя, не видать здѣсь, возми-де государь, для ради Христа, обрадуй батюшка и насъ, намъ-де и до вѣка такова гостя не видать. И я, видя ихъ нелестное прошеніе и радость несумнѣнную, взялъ жерепца темносѣра. Не лошедь дорога мнѣ, всево лутче ихъ нелицемѣрная служба и послушаніе и радость ихъ ко мнѣ, что они обрадовалися мнѣ. Да жалуючи тебя и ихъ, вездѣ былъ, и въ конюшняхъ всево смотрѣлъ, во всѣхъ жилищахъ былъ, и кушалъ у нихъ въ хоромѣхъ, и послѣ кушанья поѣхалъ я къ Покровскому тѣшитца въ рощи въ Корачаровскіе; а онъ (князь Михаилъ) со мною здоровъ былъ и пріѣхалъ тово дни къ ночи въ Покровское. Да жаловалъ ихъ обѣихъ

виномъ и романѣею и подачами и корками, и ѣли у меня. И какъ отошло вечернее кушанье, а онъ всталъ изъ-за стола и почелъ стонать головою: голова-де безмѣрно болитъ; и почелъ бить челомъ, чтобъ къ Москвѣ отпустить, для головной болѣзни. Да и пошелъ домой, да той ночи хотѣлъ сѣсть въ сани, да ѣхать къ Москвѣ по утру, а болѣзнь та ево почела разжигать да и объявилася огневая». Далѣе подробности о болѣзни и кончинѣ князя Михаила Никитича Одоевскаго и за тѣмъ цѣлыя мѣста изъ житій святыхъ, которыя благодушный царь выписываетъ для утѣшенія разбитаго печалью сердца родителя. Все это для краткости мы пропускаемъ, такъ какъ и приведеннаго отрывка достаточно, чтобы заключить, что царь Алексѣй Михайловичь свято соблюдалъ завѣтъ своего заслуженнаго боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, слезно просившаго его въ духовномъ завѣщаніи «творить милость со оставшими по немъ внучаты (князьями Одоевскими), дочери его дѣтьми».

ГЛАВА III.

Князь Репнинъ возвратился изъ Польши въ двадцатыхъ числахъ сентября. Оказалось, что паны радные и слушать не захотѣли ни о примиреніи съ казаками, ни объ упраздненіи уніи; дѣло же о прописках въ царскомъ титулѣ со смѣхомъ назвали «малымъ дѣломъ». Наши послы вышли изъ отвѣтной палаты, «съ большимъ вычетомъ» сказывая панамъ, что государь такого ихъ злаго безчестья и многаго неисправленья больше того терпѣть не будетъ, а велитъ объ ихъ неправдахъ писать во всѣ окрестныя государства; а за Православную Христіанскую вѣру и за свою государскую достойную честь стояти будетъ, сколько милосердый Богъ помочи подастъ».

Подходя къ каретамъ, послы громко повторяли эти слова, «во вся люди вслухъ»[36].

Вслѣдъ за пріѣздомъ князя Репнина, царь Алексѣй Михайловичь приказалъ созвать земскій соборъ, для сужденія «о Литовскомъ и Черкасскомъ дѣлѣхъ».

1-го октября, послѣ обѣдни у Василья Блаженнаго, государь, держа въ рукѣ Индѣйскій посохъ съ костьми, выступилъ крестнымъ ходомъ изъ церкви въ Грановитую палату, сопровождаемый духовенствомъ, дворомъ и выборными отъ всего государства. Тутъ были дворяне и дѣти боярскіе изъ городовъ, головы стрѣлецкіе, гости, тяглые люди черныхъ сотенъ и дворцовыхъ слободъ и стрѣльцы. Въ палатѣ, предъ лицомъ царя и «всякихъ чиновъ» людей, думный дьякъ Алмазъ Ивановъ прочиталъ вслухъ обширный докладъ о всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ неправдахъ и грубостяхъ Польскаго короля и пановъ рады, а также о присылкѣ Запорожскаго гетмана Богдана Хмельницкаго съ челобитьемъ о подданствѣ подъ государеву высокую руку. По выслушаніи сего доклада, бояре приговорили:

---

[36] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. стр. 296. 298 и 299.

«за честь блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи и за честь сына его государева, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи, стояти и противъ Польскаго короля война весть, а терпѣти больше того нельзя.... А гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско Запорожское съ городами ихъ и землями изволилъ бы великій государь принять подъ свою государскую высокую руку, для православныя Христіянскія вѣры и святыхъ Божіихъ церквей». Послѣ того, о государской чести и о пріемѣ войска Запорожскаго «допрашивали по чинамъ порознь»: стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ, дьяковъ, жильцовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ, головъ стрѣлецкихъ, гостей, тяглыхъ людей и стрѣльцовъ. Всѣ сказали тоже, что и бояре, что «за честь великихъ государей стояти и противъ Литовскаго короля война весть». При этомъ служилые люди заявили, что они «за государскую честь учнутъ съ Литовскимъ королемъ битися, не щадя головъ своихъ, и рады помереть за государскую честь». А торговые всякихъ чиновъ люди сказали, что они готовы служить

«вспоможеньемъ и за ихъ государскую честь головами жъ своими рады помереть»[37].

Одушевленіе на земскомъ соборѣ было столь велико, что одинъ изъ главныхъ гостей просилъ государя не тратить своихъ сокровищъ на содержаніе войска и никакимъ образомъ не брать на себя издержекъ на веденіе войны, при чемъ внесъ отъ своихъ избытковъ до 60.000 рублей. Прочіе торговые и служилые люди, соревнуя сему доброму гражданину, пожертвовали такія большія суммы, что содержаніе войска обезпечено было на цѣлый годъ[38].

Василій Петровичь Шереметевъ, безъ сомнѣнія, присутствовавшій съ обоими своими сыновьями на земскомъ соборѣ, черезъ три дня получилъ приказаніе идти въ Новгородъ и, собравшись тамъ съ ратными людьми, выступить въ походъ къ Литовскому рубежу. Товарищемъ къ Шереметеву государь назна-

---

[37] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 104.—Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. III. М. 1822. № 157.—Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Т. X. Спб. 1878. № 2.

[38] Аболенскій. Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго. Кіевъ. 1876. стр. 146 и 147.

чилъ своего родного дядю, окольничаго Семена Лукьяновича Стрѣшнева. Въ именномъ царскомъ указѣ, объявленномъ Шереметеву, сказано слѣдующее: «Боярину и воеводамъ, Василью Петровичу Шереметеву, да окольничему Семену Лукьяновичу Стрѣшневу, да думному дворянину и ясельничему Ждану Васильевичу Кондыреву идти въ Новгородъ, и сбираться съ ратными людьми: боярину и воеводѣ Василью Петровичу Шереметеву да думному дворянину и ясельничему Ждану Васильевичу Кондыреву въ Новѣгородѣ; окольничему и воеводѣ Семену Лукьяновичу Стрѣшневу во Псковѣ; а собрався съ служилыми людьми, сходиться на рубежѣ на срокъ маія въ 20 день; а съ того сроку, по государеву указу, со всѣми служилыми людьми, съ конными и съ пѣшими, идти подъ Невль и подъ иные Литовскіе городы, и государевымъ дѣломъ надъ городами и надъ Польскими и Литовскими людьми промышлять, колько милосердый Богъ помощи подастъ»[39].

Указъ этотъ объявленъ 5 октября, въ праздникъ Московскихъ Чудотворцевъ. Въ

[39] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 108.

этотъ день царь Алексѣй Михайловичь слушалъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ и тутъ же, послѣ молебна, Василій Петровичь Шереметевъ съ товарищами былъ у государя у руки на отпускѣ и получилъ отъ него позволеніе взять съ собою въ походъ младшаго сына, Матвѣя Васильевича. Въ разрядной книгѣ отмѣчено, что «того-жъ дни пошелъ съ Москвы бояринъ и воеводы Василій Петровичь Шереметевъ съ товарищи»[40]. А черезъ четыре дня, 9 октября, выѣхалъ изъ Москвы и бояринъ Василій Васильевичь Бутурлинъ, посланный государемъ въ Запорожскіе Черкасы принять въ подданство гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско Запорожское и «привесть ихъ къ вѣрѣ, что имъ быть подъ государевою высокою рукою на вѣки неотступно». Боярина Бутурлина сопровождалъ знаменитый впослѣдствіи голова стрѣлецкій Артамонъ Сергѣевичь Матвѣевъ съ приказомъ[41].

Спустя недѣли двѣ послѣ отъѣзда Бутурлина, въ Успенскомъ соборѣ, вслѣдъ за молебномъ, думный посольскій дьякъ Алмазъ

[40] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 373 и 374.
[41] Тамъ-же. столб. 374 и 375.

Ивановъ, въ присутствіи царя и патріарха, прочелъ указъ о войнѣ съ Польскимъ и Литовскимъ королемъ за его многія неправды; а думный разрядный дьякъ Семенъ Заборовскій объявилъ, что великій государь, «говоря съ бояры, указалъ: боярамъ, окольничимъ, думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ, жильцамъ, головамъ стрѣлецкимъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ «на той службѣ быти по полкомъ и въ городѣхъ и у всякихъ дѣлъ безъ мѣстъ, никому ни съ кѣмъ въ отечествѣ не считатца и нынѣшняго разряду въ счетныхъ въ отеческихъ дѣлехъ въ случаяхъ своихъ никому не писать. А кто мимо сего государева указу, нынѣшнимъ разрядомъ въ отечествѣ на кого учнетъ государю бити челомъ или кто учнетъ кого въ отечествѣ попрекать, и тѣмъ людемъ отъ великаго государя быть въ опалѣ и въ большомъ наказаньѣ и ссылкѣ, и впредь тѣмъ людемъ въ прежней своей чести во вѣки не быть»[42].

Это не первый случай распоряженія о службѣ безъ мѣстъ, но никогда еще оно не

[42] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII) № 86. ч. II. л. 11.

объявлялось въ столь строгой формѣ и при такой торжественной обстановкѣ.

Царь Алексѣй Михайловичь пристально занимался приготовленіями къ большой войнѣ, которую и Поляки называли «гладіаторскою»[43]. Онъ самъ производилъ распредѣленіе воеводъ по полкамъ и по-долгу уединялся въ селѣ Коломенскомъ, Воробьевомъ и въ Саввинскомъ монастырѣ. Въ Москву государь пріѣзжалъ преимущественно для церковныхъ и придворныхъ церемоній, а ихъ было не мало въ послѣдніе мѣсяцы предъ началомъ войны. Изъ Шереметевыхъ оставался тогда при государѣ только Петръ Васильевичь. По разряднымъ росписямъ, онъ участвовалъ почти во всѣхъ церемоніяхъ того времени[44], и между прочимъ на торжествахъ пріема осьмилѣтняго внука Кахетинскаго царя Теймураза I-го, царевича Николая Давыдовича, прибывшаго въ Москву 27 декабря 1653 года, вмѣстѣ съ матерью царицей Еленой Леонтьевной. По-

---

[43] Darowski. Bellum Moscoviticum et Cosaticum. Глава I. Рукопись, хранящаяся въ Римскомъ архивѣ іезуитовъ. Списокъ съ нея обязательно сообщилъ графу С. Д. Шереметеву достопочтенный отецъ Иванъ Матвѣевичь Мартыновъ.

[44] Дворцовые разряды Т. III. Спб. 1852. столб. 383. 385. 387. 390. 391. 398. 402. 404. 405. 407.

сѣщеніе это вызвано было бѣдственнымъ положеніемъ Грузіи, изнемогавшей въ ту пору подъ тяжкою рукою Персіянъ. Дѣло дошло уже до того, что по волѣ шаха, въ Тифлисѣ, на престолъ Карталинскихъ царей сѣлъ магометанинъ Ростомъ. Теймуразъ, вынужденный покинуть со всею своею семьею родную Кахетію, въ одномъ письмѣ къ Московскому государю такъ изобразилъ свое тягостное состояніе: «Вамъ, великому государю, свои слезы и бѣдность объявляемъ, что свѣтлость наша превратилась въ тьму, и солнце уже насъ не грѣетъ, и мѣсяцъ насъ не освѣщаетъ, и день нашъ свѣтлый учинился ночью, и таково мнѣ нынѣ учинилось, что лучше бы у матери моей утроба пересохла, и я бы не родился, нежели видѣть, что православная Христіанская вѣра и земля Иверская при моихъ очахъ разорилася; въ церквахъ имя Божіе не славится и стоятъ всѣ пусты»[45]. Теймуразъ искалъ себѣ помощи и покровительства въ единовѣрной Россіи, для чего и послалъ своего внука ко двору Московскому.

---

[45] Іосселіанъ. Краткая исторія Грузинской церкви. Изд. 2. Спб. 1843. стр. 112.

Но, къ несчастію, въ то время Россіи было не до Грузіи.

18 января 1654 года, царь Алексѣй Михайловичь былъ на пути въ Саввинскій монастырь, именно въ селѣ Хорошевѣ, когда его настигъ присланный Васильемъ Васильевичемъ Бутурлинымъ голова стрѣлецкій Артамонъ Сергѣевичь Матвѣевъ съ сеунчемъ, что 8 января гетманъ Богданъ Хмельницкій, писарь Иванъ Выговскій и все войско Запорожское «учинили государю вѣру въ томъ, что имъ быть подъ его государскою самодержавною рукою, и съ землями и городами, на вѣки неотступнымъ»[46].

При радостныхъ кликахъ Запорожцевъ: «волимъ подъ царя восточнаго, православнаго крѣпкою рукою, въ нашей благочестивой вѣрѣ умирати»[47], добровольно возсоединилось съ Московскимъ государствомъ его древнее достояніе—благодатная по климату страна съ 66 городами и мѣстечками. Весь народъ Малороссійскій, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, «охотно» присягнулъ на вѣчное под-

---

[46] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 396 и 397.

[47] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. стр. 318. столб. 2.

данство Московскому царю[48], и, по словамъ Украинскаго лѣтописца, «бысть радость великая во всемъ народѣ, ибо всѣ были благонадежни подъ единовѣрнимъ себѣ монархою тихо-мирного во всемъ пожитія»[49].

Вѣсть объ этомъ важномъ событіи встревожила не только Польшу, но и почти всѣ дворы Европейскіе. Опасались потери равновѣсія державъ[50]. Въ Варшавѣ созванъ былъ сеймъ для принятія мѣръ къ спасенію отечества. По совѣту сенаторовъ, король Янъ Казиміръ послалъ къ царю Алексѣю Михайловичу сенатора Млоцкаго съ просьбою отказаться отъ принятія подъ свое покровительство Богдана Хмельницкаго и Украйны и не начинать кровопролитія[51]. Но самъ Млоцкій увидѣлъ, что царскія войска уже начали выступать въ походъ къ Литовскому рубежу.

27 февраля, «государь отпускалъ въ Вязьму изъ-за Москвы рѣки съ Болота нарядъ (то есть артиллерію), которому наряду быть въ его государевѣ походѣ. И въ то время, по госуда-

[48] Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878. стр. 36.
[49] Лѣтопись Григорья Грабянки. Кіевъ. 1853. стр. 123.
[50] Маркевичъ. Исторія Малороссіи. Т. I. М. 1842. стр. 347.
[51] Павлищевъ. Его сочиненія: Т. II. Ч. 2. Спб. 1878. стр. 117.

реву указу, у наряду пѣли молебны и воду святили Чудова монастыря архимаритъ да протопопы Большого собору (Успенскаго) да Стрѣтенскаго. И государя крестомъ осѣнялъ и водою кропилъ Чудовской архимаритъ, да и бояръ, которые были при государѣ»[52].

Незадолго предъ отпускомъ наряда, царь объявилъ, что онъ самъ идетъ во главѣ войска на недруга своего Польскаго короля, и что походъ его, государевъ, съ Москвы будетъ въ Троицынъ день, 14 мая[53], «по просухѣ, какъ конскіе кормы учнутъ быть»[54].

Въ половинѣ марта уже былъ извѣстенъ въ общихъ чертахъ и планъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій. На просьбу посланцевъ гетмана Богдана Хмельницкаго, генеральнаго есаула Самойлы Богдановича и Переяславскаго полковника Павла Ивановича Тетери, о томъ, «чтобы государь указалъ послать своихъ государевыхъ ратныхъ людей въ Смоленскъ вскорѣ, чтобъ Польскимъ и Литовскимъ людемъ собратца и исправитца не дать,

---

[52] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 86. Ч. II. л. 13.

[53] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 400.

[54] Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Т. X. Спб. 1878. столб. 481.

и учинить бы имъ съ той стороны помѣшка», Московскіе бояре отвѣтили такъ: «у государя собраны рати многіе, конные и пѣшіе, и указалъ государь быть для обереганья и помочи отъ приходу Польскихъ людей на Украйнѣ отъ войска Запорожскаго городовъ, боярину и воеводамъ Василью Борисовичу Шереметеву съ товарыщи со многими ратми, и, по ссылкѣ съ гетманомъ, помочь чинить ему на Поляковъ велѣно. А къ Полотцку указалъ государь послать своихъ государевыхъ боярина же и воеводъ Василья Петровича Шереметева съ товарыщи со многими жъ ратми. А во Брянескъ указалъ государь послать бояръ и воеводъ князя Алексѣя Никитича Трубецкого съ товарыщи съ конными и пѣшими многими людми. Также и въ иные мѣста, по государеву указу, будутъ бояря жъ и воеводы съ болшимъ собраньемъ. А на Смоленскія и Оршанскія мѣста хочетъ царское величество итти самъ своею государскою парсоною; а съ нимъ, государемъ, будутъ цари и царевичи, которые у него, государя, служатъ, и бояря и воеводы и ратные, конные и пѣшіе, самые большіе люди, и учнутъ надъ Полскими и Литовскими людми промышлять и неправды ихъ

имъ мстить, сколко милосердый Богъ помочи подастъ»[55].

И такъ, все войско Московское, предназначенное для военныхъ операцій, раздѣлено было на четыре главные отряда, изъ коихъ два крайнихъ, сѣверный и южный, поручены были Шереметевымъ: первый—Василью Петровичу, а второй—его племяннику Василью Борисовичу. Отряду Василья Петровича Шереметева, состоявшему изъ Новгородскихъ и Псковскихъ ратныхъ людей, указано наступать на Полоцкъ; на Смоленскъ пожелалъ идти самъ царь, во главѣ своего государева полка; князь Алексѣй Никитичь Трубецкой, «мужъ благоговѣйный и изящный, многими сѣдинами украшенный, мудрый въ божественномъ писаніи, въ воинствѣ счастливый и недругамъ страшный», долженъ былъ идти на смѣну князя Григорья Даниловича Долгорукова въ Брянскъ и оттуда добывать Рославль и другіе Польско-Литовскіе города. Наконецъ, Василью Борисовичу Шереметеву поручено занять съ своимъ отрядомъ Бѣлогородскую оборонительную линію для защиты южныхъ

[55] Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Т. X. Спб. 1878. столб. 442 и 443.

границъ отъ вторженія Польскаго войска и отъ прихода Крымскихъ и Ногайскихъ людей.

Бѣлогородская линія, составлявшая передовую оборонительную линію Московскаго государства въ такъ называемомъ Полѣ[56], была заложена въ 1637 году для береженья Оскольскаго, Ливенскаго, Елецкаго, Бѣлогородскаго и Курскаго уѣздовъ отъ Татаръ, свободно проходившихъ туда старыми, наѣзженными путями: Калміюскою и Изюмскою сакмами и Муравскимъ шляхомъ. Бѣлогородская линія тянулась на триста верстъ, между рѣками Ворсклою и Дономъ, и состояла исключительно изъ землянаго вала, кромѣ немногихъ мѣстъ, гдѣ были засѣки. Въ томъ-же 1637 году по всей линіи начали ставить городки, остроги жилые и стоялые, острожки и всякія крѣпости. Поставленный тогда на Изюмской сакмѣ, подъ Яблоновымъ лѣсомъ, стоялый острогъ[57] въ описываемое нами время именовался уже городомъ Яблоновымъ, куда

---

[56] Южныя степи.

[57] Акты, собранные Археографическою экспедиціею. Т. III. Спб. 1836. № 268. стр. 410 и 411.—Ласковскій. Матеріалы для исторіи инженернаго искуства въ Россіи. Ч. I. Спб. 1858. стр. 41.—Стоялымъ острогомъ назывался тотъ, который вмѣщалъ въ себѣ только войска, назначенныя для его обороны; при жиломъ же острогѣ находилось и поселеніе.

назначенъ былъ Василій Борисовичь Шереметевъ въ маѣ 1653 года[58].

Городъ Яблоновъ[59] считался тогда весьма важнымъ опорнымъ пунктомъ Бѣлогородской линіи. Онъ возвышался на правомъ утесистомъ берегу рѣки Оскола и въ пору пріѣзда туда Василья Борисовича былъ огражденъ частью деревянною рубленною стѣною, частью острогомъ, на протяженіи 700 саженъ, съ четырмя проѣзжими и девятью глухими башнями[60].

Изъ Яблоновской крѣпостцы, Василій Борисовичь Шереметевъ съ лѣта 1653 года наблюдалъ за положеніемъ дѣлъ въ Украйнѣ, обязанный по первому призыву Запорожскаго гетмана Богдана Хмельницкаго, явиться къ нему на помощь. «И буде тебѣ, гетману—писалъ Хмельницкому царь Алексѣй Михайловичь—вѣдомо учинитца, что Поляки учнутъ на которые наши царскаго величества Малые Руси городы приходить войною, и тебѣ про то вѣдомо чинить нашимъ царскаго величе-

---

[58] См. выше, стр. 19.

[59] Нынѣ село Яблоново, Курской губерніи, Корочанскаго уѣзда, въ 50 верстахъ отъ Бѣлгорода.

[60] Ласковскій. Матеріалы для исторіи инженернаго искуства въ Россіи. Ч. I. Спб. 1858. стр. 41.

ства боярину и воеводамъ, боярину и намѣстнику Бѣлозерскому Василью Борисовичу Шереметеву съ товарыщи; а нашего царскаго величества повелѣнье къ нему боярину нашему и воеводамъ: какъ ты къ нимъ о помочи отпишешь, и имъ тебѣ помочь нашими царскаго величества ратными людьми чинить велѣно»[61].

Почетный титулъ намѣстника Бѣлозерскаго былъ приданъ Шереметеву именно на случай сношеній его съ Запорожскимъ гетманомъ[62].

По требованію надобности, къ Шереметеву въ Яблоновъ должны были сходиться воеводы четырнадцати пограничныхъ городовъ отъ Путивля до Острогожскаго, и у него составлялась такимъ образомъ ратная сила въ двѣнадцать тысячъ пѣшихъ и конныхъ людей.

---

[61] Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Т. X. Спб. 1878. столб. 542.

[62] Справка за № 221 о службахъ предковъ графовъ Шереметевыхъ, выданная 11 января 1801 года изъ Московскаго архива государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

ГЛАВА IV.

Положеніе Василья Борисовича Шереметева въ Яблоновѣ было довольно трудное. Невыгода Яблоновской службы заключалась главнымъ образомъ въ обширности района оборонительной линіи, не соотвѣтствовавшей численности войска, въ неудобствахъ путей сообщенія съ Москвою и съ городами сходныхъ воеводъ, и, наконецъ, въ скудости продовольственныхъ средствъ, вынуждавшей ратныхъ людей прибѣгать къ грабежамъ. Это послѣднее обстоятельство весьма ожесточало жителей порубежныхъ Украинскихъ городовъ и влекло за собою немало недоразумѣній, всецѣло падавшихъ на отвѣтственность Василья Борисовича. Не помогали и строгіе царскіе наказы, чтобы «воинскіе люди на походѣ и на станѣхъ Черкасскихъ городовъ всякихъ чи-

новъ людемъ грабежу и шкоты никакія не дѣлали, кормовъ своихъ и конскихъ даромъ не имали и чтобы никому никакой обиды не было»[63]. Замѣчательно, что наши ухитрялись выкрадывать не только кормъ, но даже самихъ «Черкасскихъ мужиковъ и робятъ». Съ такимъ страннымъ поличнымъ захвачены были на мѣстѣ двое служилыхъ людей и приведены къ Нѣжинскому полковнику Золоторенкѣ, который шумѣлъ на нихъ, укоряя, «для чего они государевыхъ людей въ Черкасскихъ городѣхъ крадутъ»?! Золоторенко приказалъ было повѣсить обоихъ, «и не доведчи до висилицы, велѣлъ воротить и приковать на рынку къ столбу, и держалъ у столба привязана съ третьяго часу дни до другова часа ночи»[64]. Случалось и то, что Московскіе ратные люди, забирая въ Яблоновъ разныхъ Литовскихъ людей, распространявшихъ королевскіе универсалы и «прелестныя письма», призывавшія населеніе возвратиться «подъ королевскую область», приводили туда по ошибкѣ, а можетъ быть и завѣдомо, изъ личной мести,

[63] Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Т. X. Спб. 1878. столб. 355.

[64] Тамъ-же, столб. 507—511.

ни въ чемъ неповинныхъ Черкасовъ. Шереметевъ, не имѣя возможности узнать правду, по долгу держалъ ихъ на-равнѣ съ Литовскими людьми за крѣпкою сторожею. Такое дѣло вышло наружу въ концѣ января 1654 года, вскорѣ послѣ присяги Малороссіянъ на подданство царю Алексѣю Михайловичу. Какъ только Василій Васильевичь Бутурлинъ прибылъ изъ Переяславля въ Нѣжинъ, къ нему явился тотъ-же Нѣжинскій полковникъ Иванъ Золоторенко, сопровождаемый сотниками и есаулами, съ жалобами на притѣсненія и обиды со стороны ратныхъ людей Московскаго царя. «Въ порубежныхъ-де городахъ, — говорилъ Золоторенко, — на Яблоновѣ и во Брянскѣ, отъ тамошнихъ людей чинятца имъ обиды великіе, чего и напередъ того не бывало: въ Яблоновѣ-де бояре и воеводы Василей Борисовичь Шереметевъ съ товарыщи Нѣжинскихъ и иныхъ государевыхъ городовъ мѣщанъ, пятдесятъ человѣкъ, отдали за приставовъ, съ Николина дни, и держатъ за крѣпкою сторожею, а называютъ ихъ Литовскими людми, а они-де Нѣжинскіе и иныхъ государевыхъ городовъ мѣщаня, а не Литовскихъ городовъ». Золоторенко по-

далъ при этомъ листъ, который прислали къ нему тѣ мѣщане изъ Яблонова съ Нѣжинцемъ Юркою Ѳедоровымъ, бѣжавшимъ оттуда изъ-за приставовъ. «А во Брянску-де,— продолжалъ Золоторенко,—учинились обиды великія отъ государевыхъ людей Почепцамъ и Стародубцамъ: лошади у нихъ отымаютъ и ихъ грабятъ». Сотники и есаулы, пришедшіе съ Золоторенкомъ, «съ великою печалью» говорили, что «нынѣ такія обиды имъ чинятца, чего прежъ сего не бывало, а впредь имъ невѣдомо какъ и быть». Бутурлинъ упрашивалъ жалобщиковъ «не оскорбляться». Онъ сказалъ имъ, что велитъ Брянскимъ людямъ учинить наказанье, а «грабежное все отдати», что отпишетъ обо всемъ къ государю, а также и въ Яблоновъ, къ боярину Василью Борисовичу Шереметеву, чтобы «Нѣжинскіе и иныхъ городовъ мѣщане отпущены были тотчасъ со всѣми ихъ животы».

Приведенный Золоторенкомъ Нѣжинецъ Юрка Ѳедоровъ, что̀ прибѣжалъ съ Яблонова изъ-за приставовъ, на разспросѣ показалъ, между прочимъ, что онъ, Юрка, и товарищи его, которые въ Яблоновѣ сидятъ за приставами, безпрестанно били челомъ боярину и воево-

дѣ Василью Борисовичу Шереметеву и челобитныя подавали многія, что они Нѣжинскіе мѣщане и иныхъ Черкасскихъ городовъ мѣщане, а не Литовскихъ городовъ, и чтобъ ихъ «отпустилъ въ Нѣжинъ съ кѣмъ вѣритъ, и боярин-де Василій Борисовичь указу имъ никакова не учинилъ»[65].

Бутурлинъ отписалъ о жалобахъ Золоторенки и есауловъ въ Яблоновъ, къ Василью Борисовичу Шереметеву, 31 января, а самъ на другой же день былъ уже на пути въ Москву, встрѣчаемый всюду, какъ представитель царскаго величества, казацкими сотнями съ знаменами, а «у городовыхъ воротъ — мѣщанами съ хлѣбы»[66].

Предъ самымъ отъѣздомъ изъ Нѣжина, Бутурлинъ получилъ отписку, также касавшуюся Василья Борисовича Шереметева, изъ Путивля. Въ этомъ пограничномъ городѣ проживали тогда бояре князь Ѳедоръ Семеновичь Куракинъ и князь Ѳедоръ Ѳедоровичь Волконскій, назначенные на воеводство въ Кіевъ. Они писали Бутурлину, что не могутъ

---

[65] Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Т. X. Спб. 1878. столб. 272 и 273.

[66] Тамъ-же, столб. 274 и 275.

отправиться къ мѣсту назначенія за неприсылкою къ нимъ отъ Василья Борисовича Шереметева ратныхъ людей, коимъ велѣно быть съ ними на Кіевской службѣ. Дѣло въ томъ, что еще съ октября мѣсяца 1653 года, гетманъ Богданъ Хмельницкій просилъ царя Алексѣя Михайловича, чтобы онъ пожаловалъ велѣлъ послать въ Кіевъ и въ иные городы своихъ государевыхъ воеводъ, а съ ними ратныхъ людей, хотя бы тысячи съ три; «а государевы-де ратные люди въ Кіевѣ надобны, чтобъ отъ Литовскихъ людей было безстрашно». Въ докладѣ же о семъ государю сказано, что присутствіе отряда царскаго войска въ Кіевѣ необходимо и «для подкрѣпленія гетмана, и для шатости Черкасской, потому что самъ гетманъ и писарь (Выговскій) Черкасской шатости оберегаютца добрѣ». По челобитью Богдана Хмельницкаго, царь Алексѣй Михайловичь назначилъ на воеводство въ Кіевъ князей Куракина и Волконскаго, указавъ имъ ѣхать въ Путивль и дожидаться тамъ до того времени, пока у Бутурлина съ гетманомъ государево дѣло не совершится и пока не прибудутъ въ Путивль ратные люди, которыхъ долженъ былъ выслать туда Васи-

лій Борисовичь Шереметевъ. Но вотъ, 11 января 1654 года, въ Путивль дано было знать, что гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ «учинились подъ государьскою высокою рукою на вѣки неотступно и къ вѣрѣ приведены». Хмельницкій посылалъ къ Бутурлину листъ за листомъ, умоляя его приказать Куракину и Волконскому идти съ государевыми ратными людьми изъ Путивля въ Кіевъ не мѣшкая, чтобъ всякіе люди на государеву милость были надежны, и чтобы «государеву великому дѣлу порухи и мотчанья не учинилось, и чтобы Литовскіе люди государевымъ городамъ и людемъ какова дурна не учинили». Между тѣмъ, князья Куракинъ и Волконскій, прибывшіе въ Путивль только 18 января, не могли тронуться съ мѣста, такъ какъ при нихъ было всего 320 служилыхъ людей[67]; объ остальныхъ же ратныхъ людяхъ, которыхъ они должны были получить отъ Василья Борисовича Шереметева, велась тѣмъ временемъ переписка между Яблоновомъ, Москвою и Путивлемъ. А при тогдашнихъ путяхъ сообщеній несправед-

[67] Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи Т. X. Спб. 1878. столб. 209. 240. 262. 263. 265. 267. 274. 373. 413.

ливо было сѣтовать на мѣшкоту гонцовъ. По разсказамъ путешественниковъ, напримѣръ, изъ Путивля въ Калугу приходилось ѣхать «густыми, дремучими лѣсами—по пнямъ, кореньямъ, лужамъ и выбоинамъ, по топкимъ лугамъ, по безпокойной бревенчатой мостовой»[68]; а дорога эта считалась торнымъ путемъ въ Москву. Послѣ этого легко себѣ представить, каковы были сообщенія между Яблоновомъ и тѣми городами, которые получали оттуда приказанія и распоряженія Василья Борисовича Шереметева. Безкормица довершала бѣдствія, на-долго задерживая и гонцовъ, и ратныхъ людей посреди дороги, безъ надежды получить откуда либо помощь. Именно такая бѣда случилась съ отрядомъ солдатскаго строя полковника Юрья Гутцына, отправленнымъ, по распоряженію Шереметева, изъ Карпова сторожевья въ Путивль къ князю Ѳедору Семеновичу Куракину для Кіевской службы. Еще 19 января, Василій Борисовичь послалъ въ Карпово своего товарища, окольничаго Ѳедора Васильевича Бутурлина съ по-

---

[68] Аболенскій. Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по записками архидіакона Павла Алепискаго. Кіевъ. 1876. стр. 10.

рученіемъ тотчасъ же выслать въ Путивль двѣ тысячи ратныхъ людей, а съ ними нарядъ и пушечные запасы, а именно: «10 пищалей мѣдныхъ полковыхъ, а къ нимъ по 50 ядеръ желѣзныхъ, вѣсомъ по двѣ гривенки ядро, 500 пудъ ручнаго и пушечнаго зелья, 350 пудъ свинцу, 370 пудъ фитилю». Ратнымъ людямъ роздано было и государево жалованье, кормовыхъ денегъ на два мѣсяца, на январь и февраль; а начальнику отряда, полковнику Юрью Гутцыну, указано выступить въ походъ безъ мотчанья. Но за тѣмъ, отрядъ Гутцына какъ въ воду канулъ. Князь Куракинъ уже сталъ опасаться личной отвѣтственности и просилъ государя, чтобы «въ той мѣшкотѣ и въ непоспѣшеньѣ ратныхъ людей ему не быть въ государевой опалѣ». Самъ Василій Борисовичь Шереметевъ, къ которому безпрестанно приходили изъ Москвы повторительные указы о скорѣйшей высылкѣ ратныхъ людей въ Путивль, узналъ о судьбѣ Карповскаго отряда лишь въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца, когда полковникъ Юрій Гутцынъ, далъ наконецъ знать о злоключеніяхъ своего отряда, прибывшаго лишь 5 февраля въ Рыльскъ. Отсюда Гутцынъ писалъ слѣ-

дующее: «Шелъ я съ началными людьми и съ солдаты со всѣмъ полкомъ (изъ Карпова) въ Рыльскъ степью; и которой данъ былъ конской кормъ мнѣ и началнымъ людемъ на государевы лошади, и тотъ-де кормъ они, идучи, потравили. А въ Рылескъ я пришелъ февраля въ 5 день, и посылалъ къ воеводѣ къ Володимеру Домажирову, чтобъ онъ государевымъ лошадемъ, которые идутъ подъ государевою казною, подъ пушками и подъ зельемъ и подъ свинцомъ и подъ фитилемъ, велѣлъ дать кормъ, овса и сѣна. И воевода въ томъ отказалъ, на государевы лошади корму дать не велѣлъ, и лошади безъ корму пристали». 9-го февраля Гутцынъ пришелъ наконецъ съ своими ратными людьми въ Путивль и предъявилъ отписку Василья Борисовича Шереметева; но и тутъ не кончились бѣдствія его отряда. Князь Ѳедоръ Семеновичь Куракинъ писалъ къ государю, что солдаты Гутцына, по приходѣ въ Путивль, безпрестанно просятъ о кормовыхъ деньгахъ на мартъ мѣсяцъ, такъ какъ выданное имъ отъ Шереметева содержаніе за январь и февраль мѣсяцы все израсходовано въ походѣ. «И по твоему государеву указу,—доносилъ князь

Куракинъ,—указываемъ мы имъ (солдатамъ) на городовое дѣло лѣсъ возить и городовое всякое дѣло дѣлать; и солдаты намъ говорятъ, что они голодни, безъ твоей государевы милости, безъ корму, сытимъ быть нечѣмъ, помереть съ голоду. А намъ корму дать нечего, потому что съ нами послано твоихъ государевыхъ кормовыхъ денегъ на однихъ начальныхъ людей солдатскаго строю тысяча рублевъ, а на солдатъ корму не послано». Хотя на донесеніи этомъ и помѣчено разряднымъ дьякомъ, что «деньги посланы», но таковыхъ въ Путивлѣ не получали, и Куракинъ вторично донесъ государю слѣдующее: «Мы солдатомъ говорили, чтобъ они кормовыхъ денегъ, покамѣста отъ тебя государя съ Москвы присланы будутъ къ намъ, подождали. И какъ, государь, марта мѣсяца половина дошла, и тѣ солдаты, приходя къ намъ по вся дни, били челомъ, что они голодни, а острожное дѣло дѣлаютъ днемъ и ночью, и безъ твоего-де государева жалованья, безъ корму, помереть имъ будетъ съ голоду. И мы, видя ихъ скудость, велѣли имъ дать твоего государева жалованья кормовыхъ денегъ марта съ 21 числа на десять дней, по десяти алтынъ чело-

вѣку, изъ тѣхъ денегъ, что̀ послано съ нами съ Москвы, тысеча рублевъ, солдацкаго строю начальнымъ людемъ на кормъ; а что̀ имъ солдатомъ довелось дать кормовыхъ же денегъ марта съ 1 числа по 21 число, и мы говорили имъ солдатомъ: какъ, по твоему государеву указу, кормовые деньги имъ съ Москвы въ Кіевъ присланы будутъ, и мы и на прошлые дни кормовые деньги имъ дадимъ тотчасъ; а не дать, государь, имъ кормовыхъ денегъ на десять дней мы не смѣли, потому что бѣдны и безпрестани дѣлаютъ городовое дѣло, и чтобъ безъ корму не разбрелись. А за тою, государь, солдацкою дачею, осталось денегъ немного, и начальнымъ людемъ и солдатомъ впредь дать корму нечего».

При такихъ то тяжкихъ обстоятельствахъ довелось князю Куракину слѣдовать съ своимъ полуголоднымъ отрядомъ въ Кіевъ, подъ страхомъ отвѣтственности за неисполненіе строгой статьи даннаго ему наказа: «А дорогою идучи къ Кіеву, Черкаскихъ городовъ всякихъ чиновъ людемъ грабежу и шкоты никакіе служилымъ людемъ дѣлать и кормовъ своихъ и конскихъ даромъ имати у нихъ не велѣть, и велѣть того беречи накрѣпко, чтобъ

однолично Черкаскихъ городовъ никакимъ людемъ ни отъ кого обиды никакіе не было»[69].

Въ мартѣ мѣсяцѣ, по выступленіи князя Куракина изъ Путивля, Василій Борисовичь Шереметевъ перемѣстился въ городъ Рыльскъ, а въ Яблоновъ посланъ князь Иванъ Ивановичь Ромодановскій. Перемѣщеніе это совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда въ Варшавѣ былъ сорванъ сеймъ, собравшійся для совѣщаній по поводу двухъ грозныхъ событій: отпаденія отъ короны Малороссіи и приближенія войска Московскаго царя къ Литовскимъ границамъ. На этомъ сеймѣ въ первый разъ былъ формально примѣненъ гибельный для Польши законъ «не позвалямъ», въ силу котораго голосъ одного посла могъ уничтожить рѣшеніе цѣлаго сейма. Паны-шляхта разошлись, не сдѣлавъ никакихъ распоряженій къ спасенію государства. «О, несчастное отечество!—восклицаетъ современный Польскій патріотъ—о, еслибъ можно было укоротить твою свободу»[70]!

---

[69] Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Т. X. Спб. 1878. столб. 354. 355. 378. 380. 381. 401—403.

[70] Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Изд. 3. Т. III. Спб. 1870. стр. 158.—Павлищевъ. Его сочиненія: Томъ второй. Ч. 2 (Польская анархія при Янѣ Казимирѣ и война за Украйну). стр. 115.

Сеймъ рушился 22 марта 1654 года, а 24 числа объ этомъ уже узнали въ Кіевѣ отъ пойманнаго на границѣ Литвина. Вслѣдъ за тѣмъ, получена была вѣсть, что «Поляки съ своею немалою силою многіе Черкасскіе городы оступили и Уманскому полку многое разоренье чинятъ, села и деревни жгутъ»; а 28 марта, Бѣлоцерковскій атаманъ Адамъ Мазепа отписалъ въ Кіевъ, что «гетманъ Чернецкій, а съ нимъ войска десять тысечь Умань оступили, а Уманской полковникъ Богунъ Носачь ихъ одерживаетъ». Изъ дальнѣйшихъ вѣстей выяснилось, что Чернецкій пришелъ изъ Волынскаго воеводства, изъ города Стараго Константинова отъ гетмановъ: короннаго Павла Ляндскоронскаго и отъ польнаго Александра Конецпольскаго. «А стоятъ-де оба гетманы въ Костянтиновѣ, а съ ними ратныхъ людей конныхъ и пѣшихъ сорокъ тысечь».

Всѣ эти вѣсти получены были въ Москвѣ 14 апрѣля, и государь указалъ послать въ Кіевъ боярина Василья Борисовича Шереметева и надъ Литовскими людьми промышлять, сколько милосердый Богъ помощи подастъ.

Въ двадцатыхъ числахъ апрѣля мѣсяца, въ Рыльскъ пригналъ Московскій стрѣлецъ

Гарасимко Осиповъ съ царскою грамотою на имя Василья Борисовича Шереметева, въ которой, послѣ перечета полученныхъ изъ Кіева Черкасскихъ вѣстей о наступленіи Польскаго войска, говорится слѣдующее: «И по тѣмъ вѣстемъ, указали есмя тебѣ, боярину нашему, и воеводамъ Василью Борисовичю съ товарыщи со всѣми нашими съ конными и съ пѣшими людми и съ нарядомъ итти къ Кіеву; да съ вами жъ, съ бояриномъ нашимъ, съ Васильемъ Борисовичемъ да съ окольничимъ съ Ѳедоромъ Васильевичемъ Бутурлинымъ велѣно быти въ товарыщехъ изъ Сѣвска стольнику и воеводѣ Андрею Бутурлину и итить со всѣми ратными людьми. А въ полскіе городы къ воеводамъ и приказнымъ людемъ отъ насъ писано жъ, велѣно имъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и Донскихъ и Яицкихъ казаковъ и новокрещеновъ Татаръ, которымъ по нашему указу велѣно быть съ вами, выслать къ вамъ въ Рылескъ на спѣхъ не мѣшкая жъ ни часу. И какъ изъ Сѣвска стольникъ и воевода Андрей Бутурлинъ съ нашими ратными людми къ вамъ придутъ и изъ полскихъ городовъ воеводы и приказные люди нашихъ ратныхъ людей къ вамъ въ Рылескъ вышлютъ, и вы бъ, собрав-

ся съ нашими ратными людми, шли къ Кіеву не мѣшкая; а напередъ себя въ Кіевъ къ бояромъ и воеводамъ нашимъ, ко князю Ѳедору Семеновичю Куракину да ко князю Ѳедору Ѳедоровичю Волконскому и къ гетману къ Богдану Хмельницкому послали станичниковъ, сколко человѣкъ пригоже, и къ гетману къ Богдану Хмельницкому отписали, что, по нашему указу, велѣно вамъ, боярину нашему и воеводамъ Василью Борисовичю съ товарыщи, со многими нашими ратными людми, съ конными и съ пѣшими, и съ нарядомъ, итти къ Кіеву и по вѣстемъ ему гетману Богдану Хмельницкому помогать, надъ Полскими и надъ Литовскими людми промышлять съ нимъ, Богданомъ, вмѣстѣ сопча за одинъ, гдѣ лутче и пристойнѣе, и обо всемъ бы ссылался съ вами съ бояриномъ нашимъ съ Васильемъ Борисовичемъ съ товарыщи; а вы, по нашему указу, станете ему помогать, сколко милосердый Богъ помощи подастъ. И будетъ Запорожскаго войска (гетманъ) Богданъ Хмелницкой къ вамъ отпишетъ, что Польскіе и Литовскіе люди на Черкаскіе городы идутъ многіе люди войною, а у васъ учнетъ помощи просить, ты бъ, бояринъ нашъ и воевода Ва-

силей Борисовичь, съ товарыщи на помощь ратныхъ людей посылали и сами шли изъ Кіева со всѣми ратными людми, смотря по тамошнему дѣлу, прося у Бога милости и у Пречистые Богородицы помощи и у всѣхъ святыхъ, надъ Польскими и Литовскими людми промышляли вмѣстѣ съ Богданомъ Хмелницкимъ и со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ, сколко милосердый Богъ помощи подастъ; а нашимъ бы есте дѣломъ надъ Польскими и Литовскими людми промышляли съ великимъ радѣньемъ, смотря по тамошнему дѣлу и какъ васъ Богъ вразумитъ. А буде кормовымъ людемъ надобны въ дорогу какіе хлѣбные запасы, и вы бъ на кормовыхъ людей хлѣбные запасы имали въ Рылску и въ Путивлѣ. А давали бъ есте тѣ хлѣбные запасы пѣшимъ людемъ въ то время, какъ у нихъ хлѣбныхъ запасовъ не станетъ; а за хлѣбные запасы у пѣшихъ людей велѣти имать денги, какъ цѣна подыметъ, смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ нашей казнѣ истери, а пѣшимъ людемъ болшихъ убытковъ не было. А однолишно бъ вамъ, собрався съ ратными людми, итти не мѣшкая, чтобъ Польскіе и Литовскіе люди надъ нашими Малыя Росіи городами какова

дурна не учинили. А въ которое число изъ Рылска пойдете, и вы бъ къ намъ о томъ отписали. А какъ Ондрей Бутурлинъ съ нашими ратными людми къ тебѣ, боярину нашему и воеводѣ къ Василью Борисовичю, въ сходъ придутъ, и тебѣ бъ, боярину нашему и воеводѣ Василью Борисовичю, къ намъ въ отпискахъ и въ Кіевъ къ бояромъ къ нашимъ и воеводамъ и къ гетману къ Богдану Хмелницкому писатца съ товарыщи»[71].

Сборъ войска въ Рыльскѣ оказался неудобнымъ, и въ послѣднихъ числахъ апрѣля Василій Борисовичь Шереметевъ перешелъ съ прибывшими къ нему ратными людьми въ Путивль.

---

[71] Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Т. X. Спб. 1878. столб. 403—410.

ГЛАВА V.

Стоянка въ пограничномъ городѣ Путивлѣ представляла много выгодъ и для свободнаго размѣщенія всего войска, и для скорѣйшаго полученія вѣстей изъ Украйны и Польши, и наконецъ лично для Василья Борисовича Шереметева, открывая ему возможность хотя нѣсколько дней отдохнуть въ большомъ, красивомъ городѣ отъ тревогъ и неудобствъ походной жизни.

По описанію архидіакона Павла Алеппскаго, проѣзжавшаго Путивль въ томъ же 1654 году, это былъ большой городъ, живописно расположенный на холмѣ, поднимающемся надъ рѣкой Сеймомъ. Множество огородовъ и садовъ, окружая дома, дѣлали его очаровательнымъ. На самой вершинѣ холма

возвышалась сильная деревянная крѣпость, какой путешественникъ не видѣлъ нигдѣ. Защищенная крѣпкими высокими башнями, глубокимъ рвомъ, валомъ и палисадами, она была помѣстительна и великолѣпна. Множество жилыхъ домовъ и другихъ построекъ для войска и четыре церкви пріятно разнообразили мрачный видъ крѣпостныхъ стѣнъ и башенъ, съ выглядывавшими изъ-за нихъ рядами пушекъ. Крѣпость казалась неприступною. Картина дополнялась видомъ 24 церквей, которыя высились уже въ самомъ городѣ[72]. Въ то время воеводою въ Путивлѣ былъ извѣстный по дружбѣ съ патріархомъ Никономъ бояринъ Никита Алексѣевичъ Зюзинъ, родная сестра котораго, Елена Алексѣевна, была за извѣстнымъ богачемъ того времени княземъ Дмитріемъ Мамстрюковичемъ Черкасскимъ[73]. По свойству съ Черкасскими, Зю-

---

[72] Аболенскій. Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по запискамъ архидіакона Павла Алепскаго. Кіевъ. 1876. стр. 5.

[73] У князя Петра Долгорукова (Россійская родословная книга. Ч. 2. Спб. 1855. стр. 37. № 38) сказано, что князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій (умершій въ 1651 году) былъ «женатъ на Еленѣ *Александровнѣ* №. №». Но въ архивѣ графа С. Д. Шереметева хранится списокъ рядной записи, отъ 20 августа 1620 года, жены окольничаго Алексѣя Ивановича Зюзина, вдовы Ѳедоры Григорьевны,

зину были близки и Шереметевы, а потому надо думать, что онъ потщился окружить всевозможными удобствами прибывшаго изъ Рыльска воеводу Василья Борисовича Шереметева. Изъ записокъ архидіакона Павла Алеппскаго видно, что Зюзинъ жилъ весьма пышно, хлѣбосольно и отличался умѣньемъ принять высокаго гостя.

Въ началѣ мая, Путивльцы были участниками большого торжества по случаю доставленія въ полкъ боярина Василья Борисовича Шереметева полковаго знамени, присланнаго изъ Москвы въ Путивль, по именному указу государя.

Какъ извѣстно, на старинныхъ Русскихъ знаменахъ, не было иныхъ изображеній кромѣ священныхъ, поэтому они считались святынею, «христіанскими знаменіями», и пользовались въ народѣ такимъ-же почетомъ и уваженіемъ, какіе воздавались святымъ иконамъ. Предъ знаменами, по прибытіи ихъ въ полкъ, всегда совершалось съ особенною торжественностію молебное пѣніе на площадяхъ, въ предстояніи всего мѣстнаго населенія. Не одни рат-

---

о томъ, что она сговорила за боярина князя Дмитрія Мамстрюковича Черкасскаго свою дочь *Елену Алексѣевну*.

ные люди, но и весь народъ молился при этомъ о помощи Господа Бога, о заступленіи Пресвятой Богородицы и о предстательствѣ святыхъ угодниковъ, лики которыхъ изображены были на знаменахъ.

Знамя, присланное Василью Борисовичу Шереметеву, было построено въ 1637 году, и по описи, хранящейся въ дѣлахъ Оружейной палаты, имѣло слѣдующій видъ: «Середина таѳта лазоревая, откосъ таѳта осиновой цвѣтъ, опушка бруснишной цвѣтъ; въ срединѣ вшитъ кругъ таѳта вишневая, а въ томъ кругу написано образъ Пречистые Богородицы, на престолѣ сѣдящей, держитъ превѣчнаго младенца Іисуса Христа; около Пречистыя Богородицы въ серединѣ Ангели и Архангели, внизу Херувимъ, въ откосѣ написаны Ангели летящіе съ мечами. По верхней каймѣ и по нижней и по сторонней подписано тропарь: Къ Богородицѣ прилежно нынѣ притецемъ грѣшніи, весь до конца. Тогожъ знамени на другой сторонѣ написано въ срединѣ и на откосѣ и въ кругу тѣмъ же подобіемъ, какъ и на первой сторонѣ, опричь подписи; съ откосу по верхней каймѣ подписано кондакъ: Возбранной воеводѣ побѣдительная,

весь до конца. Съ стороны отъ древа подписано: О всепѣтая Мати, родшая всѣхъ святыхъ святѣйшій Слово. А написано того стиха только. Длиною знамя по верхней каймѣ семь аршинъ два вершка, по нижней каймѣ до откосу два аршина пять вершковъ, откосу длина полшеста аршина, шириною два аршина десять вершковъ»[74].

Какъ трудна была боевая служба описаннаго знамени можно судить по тому, что уже въ 1674 году, слѣдовательно всего 37 лѣтъ спустя послѣ постройки, оно было возвращено въ Разрядъ княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ съ поясненіемъ, что знамя сіе «гораздо ветхо, ізбилось все, развернуть его въ полковомъ ополченіи не мочно»[75].

Послѣ полученія полковаго знамени, Ва-

---

[74] Яковлевъ. Древности Россійскаго государства. Дополненіе къ III отдѣленію (Русскія старинныя знамена). М. 1865. ч. I. стр. 18. 19. 24; Ч. II. стр. 68.

[75] Остатки знамени, бывшаго съ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, еще были цѣлы въ началѣ настоящаго столѣтія. Оно записано въ описи Оружейной палаты 1808 года съ такимъ примѣчаніемъ: «полиняло и ветхо и во многихъ мѣстахъ весьма прогнило и распоролось. Древко простого дерева безъ копья, мѣры за ветхостію познать не можно, а золоченіе и краски слиняли» (Яковлевъ. Древности Россійскаго государства. Дополненіе къ III отдѣленію. М. 1865. Ч. II. стр. 68).

силью Борисовичу Шереметеву оставалось только исполнить государевъ указъ—идти къ Кіеву не мѣшкая, такъ какъ всѣ ратные люди, назначенные для Кіевской службы, были уже въ сборѣ. Но съ того времени, какъ состоялся этотъ указъ, обстоятельства измѣнились. Поляки отступили отъ Умани и даже вовсе пріостановили военныя дѣйствія, въ ожиданіи результатовъ сношеній Варшавскаго двора съ Турецкимъ султаномъ, ханомъ Крымскимъ и съ иными государствами о помощи противъ Московскаго царя и казаковъ.

Польскіе послы ѣздили и въ Царьградъ, и Бахчисарай съ большою казною и дарами, униженно выпрашивая у невѣрныхъ вспомогательнаго войска противъ Христіанъ. По порученію короля, послы увѣряли султана, что «сколько-де у короля взято будетъ Русково и Черкасково полону, и онъ-де тотъ весь полонъ отдастъ ему, салтану»; а Крымцамъ сулили, что если они «на помочь къ нимъ, Лясамъ, пойдутъ и казаковъ посполу съ ними собьютъ, и они-де Ляхи въ Черкасскихъ городѣхъ посадятъ Нѣмецъ и иныхъ людей ляцкіе и латинскіе вѣры, и имъ-де Крымцомъ въ

тѣхъ мѣстахъ будетъ покой вѣковой»[76]. Эти лакомые посулы, а главное—золото, рѣшили дѣло въ пользу Поляковъ. Въ началѣ мая, подчиненные Крымскому улусу Ногайскіе Татары, водившіе дружбу съ Богданомъ Хмельницкимъ и мирно кочевавшіе на Черкасской сторонѣ, начали перевозиться черезъ Днѣпръ на Крымскую сторону, а мурза Серкланъ прямо сказалъ въ Запорогахъ одному Черкашенину, что «какъ-де они, Ногайцы, перейдутъ черезъ Днѣпръ, и имъ-де итти въ войну въ Московское государство, по повелѣнью Крымскаго хана»[77].

Въ виду такого положенія дѣлъ, надлежало ожидать изъ Москвы иныхъ распоряженій, почему Василій Борисовичъ Шереметевъ и отписалъ государю, что онъ «со всѣми ратными людьми и съ нарядомъ въ Путивлѣ къ походу совсѣмъ готовъ, а безъ государева указа изъ Путивля къ Кіеву итти не смѣетъ, и государь бы велѣлъ о томъ указъ учинить»[78].

---

[76] Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Т. X. Спб. 1878. столб. 588 и 589.

[77] Тамъ-же, столб. 591.

[78] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 422.

Но отписка Шереметева уже не застала государя въ Москвѣ.

По выраженію Украинскаго ритора временъ Петровскихъ, «егда настала вожделѣнная весна съ радостотворними цвѣтами земними, тогда абіе и Марсъ Московскій, свои въ поляхъ зеленихъ распростерши хоругви, намѣренную здавна на Поляковъ войну отъ Литвы зачалъ»[79].

Дѣйствительно, съ 15 мая началось выступленіе изъ Москвы полковъ, состоявшихъ подъ главнымъ начальствомъ самого царя Алексѣя Михайловича. Въ этотъ день государь отпустилъ въ Вязьму, «напередъ своего государева походу», князя Никиту Ивановича Одоевскаго—съ передовымъ полкомъ, и стольника Петра Васильевича Шереметева—съ ертаульнымъ, то есть легко-коннымъ, развѣдочнымъ полкомъ. «А на отпускѣ у государя у руки бояринъ и воеводы князь Никита Ивановичь Одоевскій съ товарищи да стольникъ и воеводы Петръ Васильевичь Шереметевъ съ товарищи были въ соборной церкви Успенія Пресвятые Богородицы». Впереди полковъ

[79] Самоилъ Величко. Лѣтопись событій въ Юго-Западной Россіи, въ XVII вѣкѣ. Кіевъ. 1848. стр. 187.

несли чудотворную икону Иверской Божіей Матери, также отпущенную въ Вязьму для государева похода съ Казанскимъ митрополитомъ Корниліемъ и пятью архимандритами. Царь Алексѣй Михайловичь и патріархъ Никонъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со кресты провожали чудотворную икону до Донскаго монастыря[80].

На другой день были у государя на отпускѣ въ Успенскомъ соборѣ и вышли изъ Москвы съ полками воеводы: большого полка—бояринъ князь Яковъ Куденетовичь Черкасскій и сторожеваго полка—бояринъ князь Михаилъ Михаиловичь Темкинъ-Ростовскій.

Наконецъ, 18 мая, «въ четвергъ, послѣ обѣда, чясы за три до вечера» выступилъ въ походъ къ Смоленску и самъ царь Алексѣй Михайловичь[81] съ своимъ государевымъ полкомъ и многочисленною свитою, въ которой находились: царевичь Грузинскій Николай

---

[80] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 86. Ч. II. л. 15.—Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 410 и 411.

[81] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 86.—Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго археологическаго общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 712.

Давыдовичь, Сибирскіе царевичи Петръ и Алексѣй Алексѣевичи, бояринъ Никита Ивановичь Романовъ, бояринъ Иванъ Васильевичь Морозовъ, князь Борисъ Александровичь Репнинъ, бояринъ и дворецкій Василій Васильевичь Бутурлинъ, бояринъ и оружейничій Григорій Гавриловичь Пушкинъ, окольничій Богданъ Матвѣевичь Хитрово, кравчій Петръ Михайловичь Салтыковъ, постельничій Ѳедоръ Михайловичь Ртищевъ, стольникъ и Московскій ловчій Аѳанасій Ивановичь Матюшкинъ и другіе. Въ государевомъ полку, обыкновенно состоявшемъ изъ отборныхъ людей отъ всѣхъ полковъ, въ числѣ рындъ (у большого саадака) былъ стольникъ князь Алексѣй Никитичь Одоевскій, а въ числѣ есауловъ или подручниковъ, по нынѣшнему адъютантовъ, стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ, единственный оставшійся въ живыхъ сынъ боярина Ивана Петровича Шереметева.

Войско государево съ утра собралось на Дѣвичьемъ полѣ, и когда проходило черезъ Кремль, мимо Столовой палаты, патріархъ Никонъ изъ окна кропилъ ратныхъ людей святою водою. «А какъ государь шелъ Москвою,

и въ то время у государевыхъ воротъ (у Фроловскихъ и у Бѣлаго и у Землянова города), въ которые ворота онъ, великій государь, съ Москвы шелъ, по обѣ стороны воротъ сдѣланы были рундуки большіе, ступенми, и обиты сукны красными; а на рундукахъ по обѣ стороны воротъ стояли власти и его государя и ратныхъ людей святою водою кропили»[82].

Для всѣхъ полковъ, выступившихъ изъ Москвы, городъ Вязьма назначенъ былъ сборнымъ пунктомъ; но по прямому направленію къ нему, то есть по большой Смоленской дорогѣ на Можайскъ, шелъ только самъ царь съ своимъ полкомъ, да ертаулъ Петра Васильевича Шереметева; большой же полкъ князя Якова Куденетовича Черкасскаго слѣдовалъ на Боровскъ, передовой полкъ князя Никиты Ивановича Одоевскаго—на Волоколамскъ, а сторожевой полкъ князя Темкина-Ростовскаго—на Ржеву[83].

Государь шелъ съ продолжительными и

---

[82] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 410—421.—Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 86. Ч. II. Л. 18.

[83] Изборникъ Славянскихъ и Русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы Русской редакціи. М. 1869. стр. 396.

частыми остановками. 24 мая онъ былъ всего въ 48 верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Кубенскомъ. Здѣсь получена была вышеупомянутая отписка Василья Борисовича Шереметева изъ Путивля. Въ то время правительство уже имѣло свѣдѣніе о томъ, что король Янъ-Казиміръ созываетъ новый сеймъ для подписанія заключеннаго съ Крымскимъ улусомъ союзнаго договора. Шереметевъ былъ правъ, ожидая новыхъ распоряженій, въ отмѣну прежнихъ. Союзъ Поляковъ съ Татарами значительно измѣнялъ и усложнялъ дѣло. Намъ надо было подумать о защитѣ своихъ собственныхъ границъ и самой Москвы на случай набѣга Крымскихъ и Ногайскихъ людей. Изъ села же Кубенскаго посланъ былъ въ Путивль къ Василью Борисовичу Шереметеву государевъ указъ идти со всѣми ратными людьми не въ Кіевъ, какъ приказано было прежде, а въ Бѣлгородъ или въ Карпово сторожевье, по усмотрѣнію. «И быти въ тѣхъ городахъ,—сказано въ указѣ,—для обереганья отъ приходу Крымскаго царя и Крымскихъ и Ногайскихъ людей, и Божіимъ и государевымъ дѣломъ промышлять, смотря по тамошнему дѣлу, сколко милосердой Богъ помощи подастъ.

А будетъ Крымскій ханъ и большіе воинскіе люди большою мочью крѣпости пройдутъ, и ему боярину (Василью Борисовичу) идти за Крымскимъ ханомъ въ походъ, укрѣпясь обозомъ, до берегу (то есть до Оки) и до Москвы». А по вѣстямъ, указано быть въ сходѣ съ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ воеводамъ: окольничему князю Ивану Ивановичу Ромодановскому—изъ Яблонова, боярину Никитѣ Алексѣевичу Зюзину—изъ Путивля и стольнику Петру Михайловичу Пушкину—изъ Козлова, городка, основаннаго въ 1636 году на правомъ берегу рѣки Лѣснаго Воронежа. Въ указѣ сказано также, что когда сходные воеводы изъ означенныхъ городовъ придутъ къ боярину Василью Борисовичу Шереметеву, и ему, боярину, писать въ отпискахъ: «бояринъ и воевода Василій Борисовичь съ товарищи»[84]. То есть не называть сходныхъ воеводъ по именамъ, что̀ служило весьма существеннымъ отличіемъ для главнаго воеводы.

Черезъ два дня послѣ отправленія указа къ Шереметеву, то есть 26 мая, государь при-

---

[84] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 422—424.

шелъ въ Можайскъ. Отсюда положено было нѣсколько ускорить походъ, какъ это видно изъ слѣдующаго собственноручнаго письма царя Алексѣя Михайловича къ своимъ сестрамъ въ Москву:

«Государынѣ моей матушкѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Иринѣ Михайловне, и государынямъ моимъ сестрамъ царевнѣ и великой княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ, царевнѣ и великой княжнѣ Татіяне Михайловне. Радуйтеся и веселитеся и уповайте крѣпко на Господа: той васъ соблюдетъ, той да укрѣпитъ васъ въ молитвѣ и въ постѣ, той сподобитъ васъ, свѣтовъ своихъ, намъ видѣть въ радость. Братъ вашъ Царь Алексѣй челомъ бьетъ. Изволите про меня вѣдать, и я пришелъ со всѣми людми въ Можаескъ маія 26 день и буду стоять одинъ день суботу для кормовъ лошадиныхъ, а изъ Можайску пойдемъ 28 дня въ недѣлю, а станъ будетъ въ 15 верстахъ на рекѣ Ельнѣ; а спѣшу, государыни мои, для тово, что, сказываютъ, людей въ Смоленске и около Смоленска нѣтъ никово, чтобы поскорѣе захватить. Да пожалуйте, государыни мои, пишите о своемъ здоровье, а мнѣ бы, слышя про ваше здоровья, радоватися. Да

не кручинтеся для Христа, уповайте для Бога; да пожялуйте не покиньте моей жены, а вашей невѣстки, и своихъ племянника и племянницъ, а моихъ детей. А потомъ всѣмъ всѣмъ (такъ!) съ любовію поклонъ и челомъ бью всею душею и со всѣмъ сердечнымъ своимъ хотѣніемъ и радостію. Многолѣтствуйте, свѣты мои, на многіе лѣта»[85].

Вмѣсто Василья Борисовича Шереметева, назначенъ въ Кіевъ, къ гетману Богдану Хмельницкому на помогу, бояринъ князь Алексѣй Никитичь Трубецкой, о чемъ послѣдній былъ извѣщенъ самимъ государемъ письмомъ, отъ 31 мая, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «а указали для тово тебѣ итить къ Богдану Хмельницкому, что Василью (Ше-

---

[85] Письмо это, вмѣстѣ съ другими подлинными письмами царя Алексѣя Михайловича къ своимъ сестрамъ, нигдѣ еще ненапечатанными, хранится въ Государственномъ архивѣ, въ дѣлахъ тайнаго приказа (разрядъ XXVII). № 91. Оно приведено нами вполнѣ и конечно съ буквальною точностью, во 1-хъ, для образца, во 2-хъ, какъ старѣйшее письмо во всей коллекціи и въ 3-хъ потому, что оно съ перваго слова до послѣдняго писано собственною рукою царя Алексѣя. Всѣхъ писемъ въ коллекціи шестьдесятъ восемь: 15 писемъ 1654 года, 37 писемъ 1655 года, 12 писемъ 1656 года и по одному письму 1659, 1660 и 1670 годовъ; одно письмо неизвѣстно котораго года (кажется 1673). Соловьевъ пользовался означенными письмами, но слишкомъ умѣренно, и ни одного изъ нихъ не привелъ цѣликомъ. А между тѣмъ, въ этой семейной перепискѣ такъ полно высказывается прекрасная душа царя Алексѣя Михайловича.

реметеву) велѣли быть на Украйне, по прежнему, по Крымскимъ вѣстемъ, что хочетъ ходить на Украйну Крымской. Свѣдалъ, что Василей пошелъ въ Путивль, и мы велѣли воротить апять на Украйну»[86].

Замѣна Шереметева Трубецкимъ не нравилась Богдану Хмельницкому. Государь зналъ это и посланному въ Малороссію подъячему Григорью Старкову поручилъ сказать гетману, чтобы онъ «не оскорблялся», что вмѣсто боярина Василья Борисовича Шереметева указано послать къ нему ближняго боярина князя Алексѣя Никитича Трубецкаго, съ которымъ-де «будетъ самая большая рать, конные и пѣшіе многіе люди, съ нарядомъ и съ пушечными всякими запасы»[87].

Какъ бы то ни было, но Василій Борисовичь Шереметевъ получилъ приказаніе стоять «на чертѣ» и сторожить Татаръ въ такое время, когда на сѣверной оконечности операціонной линіи, въ предѣлахъ Полоцкаго и

---

[86] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 86.—Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго Археологическаго общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 714.

[87] Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Т. X. Спб. 1878. столб. 665.

Витебскаго воеводствъ, родной его дядя, боярин Василій Петровичь Шереметевъ, рядомъ блестящихъ воинскихъ подвиговъ уже заставлялъ трепетать кичливыхъ пановъ рады.

ГЛАВА VI.

Въ распоряженіи Василья Петровича Шереметева было отъ тридцати до тридцати пяти тысячъ ратныхъ людей [88], исключительно Новгородцевъ и Псковичей. Шереметевъ, соображавшій свои дѣйствія съ движеніемъ главныхъ силъ Московскаго войска, состоявшихъ подъ личнымъ предводительствомъ царя, перешелъ Литовскій рубежъ лишь въ концѣ мая и расположился въ предѣлахъ Невельскаго староства, незадолго передъ тѣмъ пожалованнаго королемъ Яномъ-Казиміромъ въ потомственное владѣніе гетману Яну Радзивилу [89].

---

[88] Памятная книжка Витебской губерніи на 1878 годъ. Витебскъ. 1878. стр. 25.—Grabowski, Ambroży. Ojczyste spominki w pismach do dziejów dawnej Polski. T. I. Krakow. 1845. стр. 105.

[89] Географическо-Статистическій словарь Россійской имперіи (слово Невель). Спб. 1866.

Богданъ Хмельницкій справедливо говорилъ нашимъ посламъ, что «только-де царское величество изволитъ принять подъ свою высокую руку Запорожцевъ и послать своихъ ратныхъ людей, и Бѣлорусскіе люди, что̀ за Литвою живутъ, тотчасъ учнутъ съ Ляхи биться»[90]. Первое же укрѣпленное мѣсто по пути къ Полоцку, именно Невельскій замокъ, знаменитый нѣкогда кровопролитными битвами въ стѣнахъ его Русскихъ, Польскихъ, Литовскихъ и Венгерскихъ дружинъ, сдался Шереметеву почти безъ боя. Это было тѣмъ удивительнѣе, что Невельская крѣпость, находившаяся на возвышенности, вдающейся въ Невельское озеро, соединяла въ себѣ всѣ условія для упорной обороны. До сихъ поръ еще видны слѣды грозныхъ земляныхъ укрѣпленій, окружавшихъ замокъ[91].

1 іюля, Невельскіе сидѣльцы, капитанъ Данило Финдаревъ да урядникъ Янъ Комаровскій, и всѣ Польскіе и Литовскіе люди, «видя надъ собою боярина Василья Петро-

---

[90] Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Т. III. Спб. 1861. стр. 502. столб. 2.—Т. VIII. Спб. 1875. стр. 384. столб. 1.

[91] Сементовскій. Памятники старины Витебской губерніи. Спб. 1867. стр. 40.

вича Шереметева и государевыхъ ратныхъ людей промыслъ», выступили изъ замка съ распущенными знаменами и добили челомъ Московскому царю[92]. Тутъ-же самъ державецъ города Невеля шляхтичь Борисъ фонъ-Деренъ, склонившій Невлянъ-шляхту, посадскихъ и всякихъ жилецкихъ людей къ сдачѣ города, торжественно заявилъ Шереметеву, что онъ, «познавъ нашу истинную православную христіанскую вѣру, хочетъ быть сущимъ православнымъ христіаниномъ»[93].

Василій Петровичь Шереметевъ, отправивъ къ государю съ сеунчемъ о сдачѣ Невеля Лученина Григорья Гавриловича Хомутова, повелъ свои войска далѣе, къ Полоцку.

Хомутовъ настигъ государя 11 іюня, на второмъ станѣ отъ Вязьмы къ Смоленску, въ селѣ Чеботовѣ. Одновременно съ сеунчемъ отъ Василья Петровича Шереметева изъ Невеля, государь получилъ отписку и отъ его сына, воеводы ертаульнаго полка, стольника Петра Васильевича Шереметева, изъ Доро-

---

[92] Временникъ императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 18. М. 1854. Книга сеунчей. стр. 1.— Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 429.

[93] Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя Археографическою коммиссіею. Т. III. Спб. 1848. № 124.

гобужа, куда тотъ былъ посланъ съ отрядомъ конныхъ и пѣшихъ людей, 4 іюня, въ тотъ самый день, какъ Дорогобужане сдались нашимъ войскамъ «безъ бою и безъ промыслу»[94]. Въ отпискѣ своей Петръ Васильевичь Шереметевъ доносилъ государю, что «въ Дорогобужской уѣздъ, въ деревню Березникову, пришли Польскіе и Литовскіе люди». По этому извѣстію царь Алексѣй Михайловичь отправилъ въ Дорогобужъ сотню своего государева полка съ головою стряпчимъ съ ключемъ Григорьемъ Ивановичемъ Ртищевымъ, которому поручилъ сказать Шереметеву, чтобы онъ, «взявъ съ собою шестерыхъ головъ съ сотнями, да рейтарскаго ротмистра и рейтаръ 100 человѣкъ, шелъ въ походъ на тѣхъ Литовскихъ людей и государевымъ дѣломъ промышлялъ; а въ Дорогобужѣ оставилъ бы своего товарища князя Тимоѳея Ивановича

---

[94] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 425 и 426.— Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 86. Ч. II. л. 22.—О сдачѣ Дорогобужа, этой первой радостной вѣсти, полученной государемъ въ походѣ, увѣдомилъ онъ своихъ сестеръ слѣдующею собственноручною приписокю къ письму, отъ 4 іюня, изъ деревни Ѳедоровской: «Вашими, свѣтовъ моихъ, молитвами, подаровалъ Богъ сиі богоспасаемый градъ Дорогобужь. Помолитеся, и больши тово Богъ подастъ милость свою» (Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ. № 91).

Щербатова»[95]. А съ Лучениномъ Григорьемъ Хомутовымъ послана была къ Василью Петровичу Шереметеву государева грамота «съ похвалою» за Невельскую службу[96].

Тѣмъ временемъ Василій Петровичь Шереметевъ шелъ изъ Невля въ Полоцкъ по большой дорогѣ, разославъ впередъ и въ стороны головъ съ сотнями «для поиску на Литовскихъ людей». 16 іюня, верстахъ въ двѣнадцати отъ Полоцка, при деревнѣ Юровичи, наши развѣдочныя сотни наскочили на сильный Польскій отрядъ пана Соколинскаго. Завязался кровопролитный неравный бой. Во время подоспѣвшія главныя силы Шереметевскаго войска быстро рѣшили дѣло. Отрядъ Соколинскаго былъ разбитъ на голову. Много Польскихъ и Литовскихъ людей легло на мѣстѣ, много забрано было въ плѣнъ. Обезумѣвшій отъ ужаса непріятель, побросавъ свои знамена и литавры[97], пустился бѣжать къ Полоцку, преслѣдуемый нашими по пятамъ. До-

[95] По государеву указу, Петръ Васильевичь Шереметевъ «въ походъ на Литовскихъ людей ходилъ и къ государю о томъ писалъ, что Литовскихъ людей не сошли» (Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 429 и 430).

[96] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 429.

[97] Временникъ императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 18. М. 1854. Книга сеунчей. стр. 1.

бѣжавъ до Двины, Польскіе и Литовскіе люди, избѣгая смерти или плѣна, спѣшили на паромъ и лодки; неуспѣвшіе помѣститься, бросались вплавь и тонули безъ счету[98].

При такихъ обстоятельствахъ Шереметевъ подступилъ 17 іюня къ Полоцку,ославъ къ государю съ сеунчемъ объ Юровичской побѣдѣ одного изъ раненыхъ въ томъ бою Торопчанина Савву Шокурева[99].

Подробностей осады Полоцка мы не знаемъ. Извѣстно только, что Василій Петровичь Шереметевъ прежде всего прервалъ сообщеніе города съ Витебскомъ и Вильной, занявъ войсками всѣ окрестныя слободы, перевозы и дороги, и что городъ былъ взятъ приступомъ, продолжавшимся цѣлый день. Реляціи того времени не отличались многословіемъ, какъ это видно изъ слѣдующаго донесенія Шереметева о взятіи Полоцка: «Іюня въ 17 день, въ Полотску Литовскихъ людей осадили, и къ городу со всѣми ратными людьми приступали, и надъ городомъ промышляли, и съ Литовскими людьми бились цѣлый день.

[98] Сементовскій. Памятная книжка Витебской губерніи на 1878 годъ. Витебскъ. 1878. стр. 25.

[99] Временникъ императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 18. М. 1854. Книга сеунчей. стр. 1.

И Божіею милостію и государскимъ счастіемъ, Полоцкіе сидѣльцы Польскіе и Литовскіе люди, езовиты и шляхта и мѣщане, видя надъ городомъ промыслъ, государю добили челомъ и городъ Полотескъ здали и учинились подъ государевою высокою рукою; и язъ, бояринъ воевода, со всѣми ратными людьми въ городъ вошли того-жъ числа»[100].

Взятіе Полоцка, главнаго города Бѣлоруссіи, центра іезуитизма и уніи, заполонившихъ православный Западно-Русскій народъ, имѣло большое вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ войны. Извѣстіе объ этомъ важномъ событіи привезъ къ царю Алексѣю Михайловичу стольникъ Иванъ Ждановъ сынъ Кондыревъ 29 іюня. Государь, стоявшій тогда станомъ въ урочищѣ Богдановой околицѣ, всего въ пяти верстахъ отъ Смоленска, спѣшилъ подѣлиться радостью съ своими сестрами, отправивъ къ нимъ на другой-же день комнатнаго стольника Ивана Богдановича Милославскаго съ письмомъ, въ которомъ, повторивъ донесеніе Шереметева, присово-

[100] Временникъ императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 18. М. 1854. Книга сеунчей. стр. 2.— Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 432.

купилъ: «И самихъ пановъ Соколинского и Тишкѣвича въ полонъ взяли и шлютъ ко мнѣ»[101].

Въ Петровъ день, когда получено было донесеніе Василья Петровича Шереметева, въ Богдановой околицѣ праздновали и другую побѣду надъ Литовскими людьми, одержанную дня за три предъ тѣмъ княземъ Никитой Ивановичемъ Одоевскимъ при рѣчкѣ Колоднѣ. Государь кушалъ въ столовомъ шатрѣ вмѣстѣ съ митрополитомъ Казанскимъ Корниліемъ и царевичами Грузинскимъ и Сибирскими. Къ столу государеву приглашены были дворяне и дѣти боярскіе полка князя Одоевскаго, раненые въ Колоденской битвѣ. По царскому указу, раненыхъ воиновъ потчивалъ воевода ертаульный, стольникъ Петръ Васильевичь Шереметевъ[102].

3 іюля, царь Алексѣй Михайловичь послалъ комнатнаго стольника князя Юрья Ивановича Ромодановскаго въ Полоцкъ, къ боярину Василью Петровичу Шереметеву и къ его ратнымъ людямъ «съ своимъ государе-

---

[101] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 91.

[102] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 433.

вымъ жалованнымъ словомъ за Полоцкую службу, и о здоровьѣ спрашивать», а самъ черезъ два дня пошелъ къ Смоленску и сталъ въ шатрахъ въ двухъ верстахъ отъ города, на Дѣвичьей горѣ, по правую сторону Днѣпра[103].

Между тѣмъ, Василій Петровичь Шереметевъ, исполнивъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ первоначально возложенное на него порученіе — добыть Полоцкъ, продолжалъ безостановочно наносить удары непріятелю. Гонцы съ сеунчами, перегоняя другъ друга, поспѣшали извѣстить государя о новыхъ побѣдахъ Шереметева въ Бѣлоруссіи. Въ эту вторую половину кампаніи 1654 года, впервые имѣлъ случай отличиться состоявшій при Васильѣ Петровичѣ младшій сынъ его, Матвѣй Васильевичь Шереметевъ. Вскорѣ послѣ занятія Полоцка онъ былъ посланъ отцомъ съ особымъ отрядомъ въ-верхъ по Двинѣ, къ Динабургу, «для поиску надъ Литовскими людьми». Эти первые воинскіе поиски Матвѣя Васильевича Шереметева были весьма удачны. Въ двадцатыхъ числахъ іюля

---

[103] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 434.

онъ осадилъ острожекъ Дисну, «и того острожка Дисны мѣщане и всякіе жилецкіе люди государю добили челомъ и вѣру яли». Вслѣдъ за тѣмъ, Матвѣй Васильевичь Шереметевъ взялъ приступомъ городъ Друю, старинную вотчину князей Сапѣгъ, по имени коихъ городъ и назывался Сапѣжинымъ. Друяне оказали сильное сопротивленіе; а потому «государевы ратные люди, взявъ городъ Друю, Литовскихъ людей побили, и въ городѣ костели и дворы всѣ пожгли»[104]. При урочищѣ Сушѣ, въ Полоцкомъ уѣздѣ, былъ жестокій бой съ отрядомъ пана Солтыка, при чемъ «государевы ратные люди многихъ Литовскихъ людей побили, и языки и нарядъ и знамена и литавры и барабаны поимали»[105]. Наконецъ, въ августѣ мѣсяцѣ, уже предъ самымъ отходомъ Василья Петровича Шереметева къ Витеб-

---

[104] Временникъ императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 18. М. 1854. Книга сеунчей. стр. 4.—Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 436.—Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя Археографическою коммиссіею. Т. III. Спб. 1848. № 123.—Письмо царя Алексѣя Михайловича къ сестрамъ, отъ 28 іюля 1654 года (Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ. № 91).

[105] Временникъ императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 18. М. 1854. Книга сеунчей. стр. 4 и 5.

ску, былъ взятъ городъ Озерище, а за нимъ и городъ Глубокій, при чемъ уведенъ въ плѣнъ и самъ державецъ города панъ Бѣсанскій[106].

Царь Алексѣй Михайловичь отправилъ къ патріарху Никону съ стольникомъ Алексѣемъ Богдановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ вѣдомость о побѣдахъ Василья Петровича Шереметева, съ приложеніемъ списковъ съ его отписокъ или реляцій, а также росписи отбитымъ у непріятеля знаменамъ, литаврамъ, барабанамъ и пушкамъ. Никонъ препроводилъ присланныя бумаги въ спискахъ же, при своей патріаршей грамотѣ, къ вѣдавшему Москву боярину князю Михаилу Петровичу Пронскому съ тѣмъ, чтобы онъ «велѣлъ Селиверсту, митрополиту Сарскому и Подонскому, пѣти молебны, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, въ соборной и Апостольстѣй церкви Пресвятыя владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи честнаго и славнаго ея Успенія, по уставу, съ звономъ; да и во всѣхъ сорокахъ, по всѣмъ приходцкимъ церквамъ по то-

---

[106] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 441 и 443.— Временникъ императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 18. М. 1854. Книга сеунчей. стр. 6.

мужъ велѣлъ бы пѣти молебны о государскомъ многолѣтномъ здравіи и о побѣдѣ на супостаты, по указу; а послѣ молебнаго пѣнія ту грамоту (патріаршую) велѣлъ бы прочести въ соборной и Апостольстѣй церкви всѣмъ людемъ во услышаніе, чтобъ про такое дѣло всѣмъ людемъ Московскаго государства было вѣдомо». Князь Пронскій донесъ патріарху Никону, что 4 августа по всѣмъ церквамъ Московскимъ «молебствовали съ звономъ» и что его святительскую грамоту и списки съ отписокъ боярина Василья Петровича Шереметева въ Успенскомъ соборѣ «всѣмъ людемъ чли»[107].

Самъ же Василій Петровичь Шереметевъ, удостоившійся столь высокой почести, въ началѣ сентября мѣсяца обложилъ съ своимъ войскомъ оба замка города Витебска, который считался лучшею Литовскою крѣпостью на Двинѣ.

Въ современномъ Европейскомъ сборникѣ указывается на попытку Шереметева завладѣть Витебскомъ безъ кровопролитія. Съ этою

---

[107] Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя Археографическою коммиссіею. Т. III. Спб. 1848. № 123.

цѣлью будто были посланы еще изъ Полоцка сто человѣкъ Москвитянъ, которые, пришедъ къ Витебскимъ городскимъ воротамъ, просили, чтобъ ихъ впустили въ городъ, ибо они, какъ вѣрноподданные Польской короны, бѣжали изъ Полоцка «отъ Московитскаго тиранства» и желаютъ-де послужить Витебцамъ. Отважныхъ лазутчиковъ пустили въ городъ; но вскорѣ хитрые замыслы ихъ открылись и всѣ они до одного были умерщвлены Витебскими шляхтичами[108]. Если справедливъ этотъ разсказъ, то Шереметевъ сильно ошибся въ разсчетѣ. Много было пролито Русской крови прежде чѣмъ удалось наконецъ взять Витебскія твердыни.

Поляки съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ осады какъ Витебска, такъ и Смоленска—этихъ послѣднихъ опорныхъ пунктовъ Польскаго владычества въ краѣ. Подканцлеръ Литовскій Казиміръ-Левъ Сапѣга, въ письмѣ къ архіепископу Гнѣзненскому князю Андрею Лещинскому, отъ 24 (14) сентября 1654 года, писалъ слѣдующее: «Доношу вашей княжеской милости, что Бѣлорусскій край

[108] Irenico-Polemographia, sive Theatri Europaei continuati Septennium. Franckfurt am Mayn. 1663. стр. 618.

и въ немъ жилища наши стонутъ подъ рукою и оружіемъ Москвитянъ и казаковъ. Смоленскъ въ теченіи немалаго времени находится въ тѣсной осадѣ и доселѣ не можетъ подать о себѣ вѣстей, ни взаимно получить, хотя и не пренебрегаются средства къ доставленію извѣстій. Витебскъ все еще противостоитъ Московскимъ штурмамъ, въ надеждѣ на сомнительное подкрѣпленіе, потому что войско, приведенное въ разстройство послѣ стычекъ съ непріятелемъ, несовсѣмъ счастливыхъ, еще доселѣ не собралось съ силами. Этотъ городъ нуждается въ хлѣбѣ, а его казна нескоро наполняется недоимочными податями воеводства и повѣтовъ. Дай Богъ, чтобы наши гетманы, подкрѣпленные людьми изъ войска короннаго изъ воеводствъ, нетерпящихъ этого наводненія (Московскихъ силъ), могли въ этотъ мѣсяцъ сразиться съ непріятелемъ, который вѣрно захочетъ съ большими силами дожидаться у Березины переправы нашего войска и сколько нибудь воспользоваться временемъ, благопріятнымъ для военныхъ дѣйствій»[109].

---

[109] Сементовскій. Памятная книжка Витебской губерніи на 1864 годъ. Спб. 1864. стр. 89.

Но въ то время, когда писалось это письмо, Смоленскъ уже сдался.

Царь Алексѣй Михайловичь не сомнѣвался въ успѣхѣ даже и послѣ неудачнаго приступа къ городу въ ночь на 16 августа. Онъ писалъ, недѣлю спустя, къ сестрамъ: «О приступѣ не кручиньтеся. Ей, дородно и славно наши учинили и ихъ (Литовскихъ людей) побили»[110]. Осажденные были доведены до невозможности дальнѣйшей обороны, и 10 сентября[111], Литовскіе воеводы положили знамена предъ Московскимъ царемъ. Извѣчный Русскій городъ былъ навсегда исторгнутъ изъ подъ власти Польскихъ королей. «И такъ,— читаемъ въ одномъ частномъ письмѣ изъ Радошковичь, Минскаго воеводства, — Смоленскъ, наша главнѣйшая крѣпость, уже во власти Москвы; простой народъ и Смоленская шляхта присягнули царю»[112].

Можетъ быть царь Алексѣй Михайловичь, послѣ взятія Смоленска, пошелъ бы

---

[110] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 91.

[111] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 138.

[112] Сементовскій. Памятная книжка Витебской губерніи на 1864 годъ. Спб. 1864. стр. 89.

и дальше, вглубь Литвы, но печальныя извѣстія изъ Москвы о распространеніи чумы принудили его прекратить на время военныя дѣйствія[113].

---

[113] Въ иностранныхъ источникахъ находимъ свѣдѣнія и о другихъ затрудненіяхъ. Разсказываютъ, напримѣръ, «о большихъ несогласіяхъ, возникшихъ въ Московитской арміи» будто изъ-за того, что нѣкоторое время ратные люди получали жалованье кожаными деньгами... (Irenico-Polemographia sive Theatri Europaei continuati Septenium. Franckfurt am Mayn. 1663 p. 622).

ГЛАВА VII.

Вскорѣ послѣ взятія Смоленска, царь Алексѣй Михайловичь получилъ изъ Москвы, отъ князя Михаила Петровича Пронскаго, донесеніе, въ которомъ открывалась поражающая картина бѣдствія, постигшаго столицу. «Послѣ Симеонова дни (то есть 1 сентября),—писалъ князь Пронскій,—моровое повѣтріе умножилося, день отъ дни болши прибывать учало; и на Москвѣ, государь, и въ слободахъ православныхъ христіянъ малая часть остается, а стрѣлцовъ отъ шести приказовъ и единъ приказъ не осталось, и изъ тѣхъ достальныхъ многія лежатъ болныя, а иныя разбѣжалися, и на караулѣхъ отнюдъ быти некому. А церкви соборныя и приходскія мало не всѣ стоятъ безъ пѣнія, только въ Боль-

шомъ соборѣ (Успенскомъ) по се число служба вседневная, и то съ болшею нуждою. У приходскихъ церквей осталося священниковъ малая часть, и тѣхъ многія болны, а иныя порозошлися. И православныя христіяне помираютъ безъ отцевъ духовныхъ, а погребаютъ безъ священниковъ, и мертвыхъ тѣлеса во градѣ и за градомъ лежатъ псы влачимы. А во убогія дома возить мертвыхъ и ямъ копать некому: ярыжныя земскія и извощики, которыя въ убогихъ домѣхъ ямы копали и мертвыхъ возили, и отъ того сами померли. И достальныя, государь, всякихъ чиновъ люди, видя такое Божіе посѣщеніе, ужаснулися, и за тѣмъ къ мертвымъ приступить опасаются. А приказы всѣ заперты, діаки и подьячіе многія померли; а домишка, государь, наши пусты же учинилися, людишка померли мало не всѣ»[114].

По замѣчанію тогдашняго врача Сиденгама, болѣзнь, свирѣпствовавшая въ Москвѣ, состояла изъ карбункуловъ, затверденій и

---

[114] Донесеніе князя Пронскаго приводимъ въ сокращенномъ видѣ по списку, напечатанному въ Изборникѣ Славянскихъ и Русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы Русской редакціи. М. 1869. стр. 282.—Документъ этотъ напечатанъ также и у Рихтера: Исторія медицины въ Россіи. Ч. 2. М. 1820. Прибавленія. № XXIX.

воспаленія въ горлѣ[115]. «Ѣдетъ бывало человѣкъ на конѣ или въ повозкѣ,—говоритъ очевидецъ,—и вдругъ опрокидывается и умираетъ; тѣло его раздувается какъ пузырь и чернѣетъ, а лицо принимаетъ страшное выраженіе». Собаки и свиньи, оставленныя безъ всякаго призора, бродили по опустѣвшимъ улицамъ и сдѣлались до такой степени хищными вслѣдствіе голода, что въ одиночку никто не смѣлъ выдти изъ дому. Одинокаго прохожаго они немедленно разрывали на части и пожирали съ остервененіемъ[116].

Царское семейство, по настоянію патріарха Никона, еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда проявились первые признаки смертоносной язвы, переѣхало въ Троицкій Сергіевъ монастырь, а потомъ въ городъ Калязинъ, и сидѣло въ тамошнемъ монастырѣ въ заперти до глубокой осени. Калязинскій монастырь долгое время былъ центромъ правительственныхъ рас-

---

[115] Берхъ. Царствованіе Алексѣя Михайловича. Ч. 1. Спб. 1831. стр. 94.—«А воздухъ до Семеня дни былъ свѣтлый, дни были всегда ведреные, а утра были туманные; а послѣ Семеня дни учали быть дожди и дни пасморны» (Дополненія къ Актамъ историческимъ. Т. III. Спб. 1848. стр. 459. столб. 1).

[116] Аболенскій. Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ по запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго. Кіевъ. 1876. стр. 14 и 18.

поряженій, которыми руководилъ патріархъ Никонъ, не отлучавшійся отъ царской семьи[117].

Поспѣшили также выѣхать изъ Москвы и семейства бояръ, находившихся на войнѣ, въ томъ числѣ: жена Василья Петровича Шереметева, съ невѣсткою Анною Ѳедоровной (женою Петра Васильевича Шереметева) и двухлѣтнимъ внукомъ Борисомъ; жена князя Никиты Ивановича Одоевскаго, княгиня Евдокія Ѳедоровна; мачиха Василья Борисовича Шереметева, Ульяна Петровна (родная сестра начальствовавшаго въ Москвѣ князя Михаила Петровича Пронскаго) и многія другія[118].

Самъ Пронскій не выѣзжалъ изъ зачумленной Москвы только по необходимости, обязанный служебнымъ долгомъ и честью оставаться на мѣстѣ со всѣми своими товарищами по управленію столицей. Въ заключеніи вышеприведеннаго донесенія государю, князь Пронскій говоритъ: «А мы, холопи твои, ожи-

---

[117] Николай Барсуковъ. Жизнь и труды Строева. Спб. 1878. стр. 441.

[118] Въ іюлѣ же мѣсяцѣ объявлено было всякихъ чиновъ людямъ, «будетъ тѣ люди похотятъ ѣхать съ Москвы въ подмосковные и въ дальніе деревни и въ городы, и тѣмъ людемъ съ Москвы ѣздить не запрещать» (Дополненія къ Актамъ историческимъ, собранныя Археографическою коммиссіею. Т. III. Спб. 1848. стр. 444. столб. 2).

даемъ себѣ смертнаго посѣченія съ часу на часъ, а безъ твоего государева указа по перемѣнамъ съ Москвы въ подмосковныя деревнишки ради тяжелаго духа, чтобы всѣмъ вдругъ не помереть, (съѣзжать) не смѣемъ и о томъ вели намъ, холопемъ своимъ, государевъ указъ учинить»[119].

2 сентября, когда, по словамъ князя Пронскаго, «моровое повѣтріе умножилося», въ келліяхъ Новодѣвичьяго монастыря скончалась родная сестра княгини Евдокіи Ѳедоровны Одоевской, Анна Ѳедоровна Шереметева, давно уже подвизавшаяся въ этой обители, подъ именемъ инокини Александры. Она была одною изъ безчисленныхъ жертвъ страшнаго повѣтрія[120]. Анна Ѳедоровна погребена подъ алтаремъ монастырской церкви во имя Архангела Гавріила. На камнѣ надгробномъ вновь преставившейся инокини - схимницы начертана слѣдующая надпись: «Лѣта 7163

---

[119] Изборникъ Славянскихъ и Русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы Русской редакціи. М. 1869. стр. 282.

[120] «Послѣ Семеня дни,—сказано въ отпискѣ князя Ивана Андреевича Хилкова,—повѣтріе моровое на Москвѣ учало быть больши прежнего: въ монастырехъ..... въ Дѣвичьѣ, и во всѣхъ монастырехъ старцы и старицы многіе померли, а остались немногіе» (Дополненія къ Актамъ историческимъ, собранныя Археографическою коммиссіею. Т. III. Спб. 1848. стр. 458. столб. 2).

(1654) Сентября во 2 день, на память святаго мученика Маманта, преставися раба Божія, боярина Ѳеодора Ивановича Шереметева дочь, дѣвица Анна Ѳедоровна, во инокиняхъ схимница Александра»[121]. Княгиня Евдокія Ѳедоровна такъ любила покойницу, что, не смотря на всѣ ужасы губительной эпидеміи[122], она нарочно пріѣзжала въ Москву и похоронила сестру. Впослѣдствіи, Евдокія Ѳедоровна писала объ этомъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи слѣдующее: «А какъ сестры моей инокини Александры Ѳедоровны судомъ Божіимъ не стало въ моровое повѣтріе, и я еѣ похоронила, и поминала своими деньгами и по се время, и впредь поминать стану по свою смерть»[123].

Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что въ томъ-же 1654 году скончалась и другая сестра Евдокіи Ѳедоровны, Ульяна Ѳедоровна Головина, старшая дочь боярина Ѳе-

---

[121] Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ. М. 1793. Ч. IV. стр. 168.

[122] Въ одномъ Кремлевскомъ дворѣ Одоевскихъ, изъ 310 дворовыхъ людей, къ Николину дню (зимнему) осталось въ живыхъ всего 15 человѣкъ! (Дополненія къ Актамъ историческимъ, собранныя Археографическою коммиссіею. Т. III. Спб. 1848. стр. 510. столб. 1).

[123] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 171.

дора Ивановича Шереметева[124]. Въ дѣлахъ Вотчинной коллегіи встрѣчается указаніе на то, что именно въ 1654 году производился раздѣлъ помѣстій Ульяны Ѳедоровны Головиной, по которому половина Костромскаго ея помѣстья, въ Корзеневѣ станѣ, сельца Тептюгова съ шестью деревнями, починкомъ и двумя пустошами (всего 141 четверть безъ третника) «дана ея внуку Никитѣ Ивановичу Шереметеву»[125].

Вслѣдъ за княгиней Евдокіей Ѳедоровной Одоевской, и Ульянѣ Петровнѣ Шереметевой пришлось оплакивать кончину близкаго чело-

---

[124] Въ III книгѣ нашей исторіи, на страницѣ 128, сказано, что годъ смерти Ульяны Ѳедоровны Головиной неизвѣстенъ и что послѣ 1634 года ея имени уже не встрѣчается въ разрядныхъ росписяхъ. Теперь, благодаря указанію библіотекаря Московской синодальной типографіи Василья Егоровича Румянцова, мы узнали, что Ульяна Ѳедоровна была еще жива 1 іюля 1648 года. Подъ этимъ числомъ, въ Записной книгѣ Московскаго печатнаго двора о книжной продажѣ, между лицами, купившими отпечатанную въ маѣ мѣсяцѣ того-же года Книгу о вѣрѣ единой истинной и православной, значится и «боярина Семена Васильевича Головина жена ево вдова Ульяна Ѳедоровна». И раньше того, именно 5 марта 1645 года, Ульяна Ѳедоровна купила отпечатанную въ февралѣ того года новымъ изданіемъ Минею общую; а 7 октября 1646 года— отпечатанный въ сентябрѣ того-же года Служебникъ (Библіотека Московской синодальной типографіи: Книга записная книжной продажи со 151 году по 158 годъ. № 39. л. 149 на об. 320 и 554).

[125] Московскій архивъ министерства юстиціи: Вотчинной коллегіи по городу Москвѣ, «молодыхъ лѣтъ», книга № 65. дѣло № 18. л. 133. на об. и 134.

вѣка: 11 сентября скончался ея братъ, князь Михаилъ Петровичь Пронскій. Вѣрный своему долгу, онъ неотлучно находился на служебномъ посту, въ ежечасномъ ожиданіи «смертнаго посѣченія». За сутки до смерти, 9 сентября, князь Пронскій твердою рукою подписалъ давно уже составленное имъ духовное завѣщаніе, коимъ назначилъ своими душеприкащиками ближайшихъ родныхъ: брата—боярина князя Ивана Петровича Пронскаго (впослѣдствіи воспитателя наслѣдника всероссійскаго престола царевича Алексѣя Алексѣевича)[126], сестру — «боярина Бориса Петровича Шереметева жену Ульяну Петровну» и дочь—княжну Анну Михайловну, вышедшую потомъ за любимаго сына княгини Евдокіи Ѳедоровны Одоевской, князя Якова Никитича Одоевскаго (прадѣда графини Варвары Алексѣевны Шереметевой)[127]. Выписываемъ изъ завѣщанія слѣдующее мѣсто, относящееся къ Ульянѣ Петровнѣ Шереметe-

[126] Potocki, Paulus Comes. Opera omnia. Varsaviae. 1748. стр. 194.

[127] По причинѣ этого двойнаго свойства князей Пронскихъ съ Шереметевыми, къ послѣднимъ перешло подлинное духовное завѣщаніе князя Михаила Петровича Пронскаго; въ настоящее время оно хранится въ архивѣ графа С. Д. Шереметева (№ 193). Документъ этотъ писанъ столбцомъ на семи листкахъ. На оборотѣ по склейкамъ подпись: «К сей духовной князь Михайло Пронской руку приложилъ».

вой: «Сестру Ульяну Петровну благословляю образъ пречистые Богородицы Казанскіе в киоте, окладъ чеканной, ожерѣлье и убрусъ низано жемчюгомъ; да челомъ бью денегъ пятдесятъ рублевъ; да ей-же выслуженая вотчина отца нашего боярина князя Петра Ивановича, что дана была за нею въ приданые, въ Осташковскомъ уѣзде сельцо Дубово з деревнями».

Князь Михаилъ Петровичь Пронскій не дождался разрѣшенія государева съѣздить, «ради тяжелаго духа», въ подмосковную деревнишку, какъ онъ скромно называлъ свою вотчину на рѣкѣ Клязьмѣ, въ Манатьинѣ станѣ, Московскаго уѣзда, называвшуюся селомъ Новосильцовымъ. Эта вотчина, состоящая нынѣ въ родѣ Шереметевыхъ, въ писцовой книгѣ 1584 года записана за княземъ Васильемъ Ѳедоровичемъ Скопинымъ-Шуйскимъ и названа «старою вотчиною отца его». Въ селѣ показанъ дворъ вотчинниковъ и «церковь Сергѣй чюдотворецъ, да придѣлъ Троица Живоначялная, безъ пѣнія»[128]. По писцовымъ книгамъ 1632 года Новосильцовская вотчина значилась за вдовою князя Василья Ѳедоро-

[128] Писцовыя книги XVI вѣка. Отдѣленіе I. Спб. 1872. стр. 185.

вича Скопина-Шуйскаго, княгинею-старицею Анисьею (матерью знаменитаго князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, умершаго въ 1610 году)[129]. Въ то время при вотчинѣ числилось нѣсколько пустошей, и въ томъ числѣ пустошь Иванишкова, версты съ полуторы отъ села Новосильцова, на другомъ берегу Клязьмы. Послѣ княгини Анисьи Скопиной-Шуйской владѣльцемъ Новосильцовской вотчины былъ князь Иванъ Ивановичь Шуйскій (младшій братъ царя Василья Ивановича), умершій бездѣтнымъ въ 1638 году. «А послѣ своего живота,—сказано въ завѣщаніикнязя Михаила Петровича Пронскаго,—бояринъ князь Иванъ Ивановичь Шуйскій родственные вотчины отказалъ племянницамъ своимъ: сельцо Калитьево женѣ моей княгине Овдотье, а сельцо Новосильцово отказалъ своячине моей княгине Ульяне Васильевне Троекурове да княгине Анне Григорьевне Урусове; а княгиня Ульяна Троекурова и княгиня Анна Урусова тоѣ вотчину сельцо Но-

[129] Выпись изъ писцовыхъ книгъ Московскаго уѣзда 1632 и 1633 года, сообщенная священникомъ села Троицкаго-Шереметева, Московскаго уѣзда, Іоанномъ Васильевичемъ Архангельскимъ: въ селѣ показана «церковь во имя Живоначальныя Троицы да въ придѣлѣ Сергія чудотворца».

восильцово после своего живота отказали мнѣ да жене моей княгине Овдотье; а после жены моей княгини Овдотьи тѣми вотчинами государь пожаловалъ меня, князя Михайла»[130].

Князь Михаилъ Петровичь Пронскій напрасно просился у государя выѣхать на нѣкоторое время изъ зачумленной Москвы въ свою Клязьменскую вотчину. Моровое повѣтріе свирѣпствовало и тамъ, при томъ съ такою силою, что Новосильцовская церковь во имя Живоначальныя Троицы «съ того повѣтрія запустѣла».

По духовному завѣщанію князя Михаила Петровича Пронскаго, село Новосильцово отдано было его дочери, княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ, которая, около 1656 года, вышла за князя Якова Никитича Одоевскаго; при немъ, въ 1663 году, вмѣсто запустѣвшей Троицкой Новосильцовской церкви «была построена церковь Живоначальныя же Троицы съ придѣлы, противъ села Новосильцова, на другой сторонѣ рѣки Клязьмы, на пустошѣ Иваниш-

[130] Новосильцовская вотчина справлена за княземъ Михаиломъ Петровичемъ Пронскимъ въ 1647 году, какъ это видно изъ хранящейся въ архивѣ графа С. Д. Шереметева «Книги съ копіями судныхъ дѣлъ, производившихся по челобитьямъ князя Михаила Яковлевича Черкасскаго». стр. 110—112.

ковѣ, на новомъ мѣстѣ, отъ села Новосильцово версты съ полторы»[131]. Съ этого времени и самое село Новосильцово стало называться по церкви — селомъ Троицкимъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1680 года, князь Яковъ Никитичь Одоевскій промѣнялъ «село Троицкое, что̀ была пустошь Иванишково, на рѣкѣ Клязьмѣ», своему зятю, стольнику князю Михаилу Яковлевичу Черкасскому (женатому на княжнѣ Маѳѣ Яковлевнѣ Одоевской), на его Коломенскую деревню Ивань. Изъ промѣнной записи видно, что въ то время въ селѣ Троицкомъ была церковь Живоначальной Троицы деревянная съ придѣлами да дворъ боярскій, и что къ Троицкой вотчинѣ принадлежала и деревня Новосильцово[132].

Отъ князей Черкасскихъ село Троицкое перешло къ Шереметевымъ въ 1743 году, какъ приданое княжны Варвары Алексѣевны Черкасской, родной внучки вышеупомянутаго князя Михаила Яковлевича Черкасскаго. Въ настоящее время, село Троицкое принадле-

---

[131] Изъ Записки о селѣ Троицкомъ, Московскаго уѣзда, сообщенной мѣстнымъ священникомъ Іоанномъ Васильевичемъ Архангельскимъ.

[132] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 787.

житъ графу Сергію Дмитріевичу Шереметеву и давно уже называется «Троицкимъ-Шереметевымъ»[133].

Моровая язва, обездолившая старинное село Новосильцово, произвела значительное опустошеніе и въ другомъ имѣніи князя Якова Никитича Одоевскаго, также состоящемъ нынѣ въ родѣ Шереметевыхъ, именно въ подмосковномъ селѣ Останкинѣ[134]. Это видно изъ челобитной зятя князя Одоевскаго, князя Михаила Яковлевича Черкасскаго, отъ 15 сентября 1677 года, въ которой онъ, испрашивая благословенія святѣйшаго патріарха Іоакима построить въ селѣ Останкинѣ, вмѣсто «огнившей деревянной церкви», новую, каменную церковь и на новомъ мѣстѣ, изъясняетъ, что «на старомъ мѣстѣ каменной церкви построить нельзя, потому въ тѣхъ мѣстѣхъ въ прош-

---

[133] Памятникомъ усердія князей Черкасскихъ къ Троицкой церкви села Троицкаго служитъ напрестольный крестъ со святыми мощами; на немъ слѣдующая надпись: «Сей животворящій крестъ Господень со святыми мощми состроенъ въ вотчину князя Михаила Яковлевича Черкасскаго въ село Троицкое во храмъ Живоначальныя Троицы лѣта 7203 (1695) мѣсяца іюня въ 21 день тщаніемъ и вѣрою его самого и княгини его Маріы Яковлевны и чадъ ихъ» (Сообщено священникомъ Троицкой церкви села Троицкаго-Шереметева Іоанномъ Васильевичемъ Архангельскимъ).

[134] Оно принадлежитъ нынѣ графу Александру Дмитріевичу Шереметеву.

лыхъ годѣхъ, въ моровое повѣтріе, въ ямѣ покладены и погребены многіе люди»[135].

Распоряженія правительства къ облегченію бѣдствія, исходившія изъ Калязинскаго монастыря, отъ имени царевича—младенца Алексѣя Алексѣевича, наслѣдника всероссійскаго престола, были вообще благоразумны и очень строги. Противъ нынѣшнихъ мѣръ въ подобныхъ несчастныхъ случаяхъ, «не доставало только окуриваній»[136]. Москва оцѣплена была заставами и засѣками. «Учиненъ заказъ крѣпкій, подъ смертною казнью», чтобы всякихъ чиновъ проѣзжіе люди, не займуя Москвы, объѣзжали ее дальними дорогами. Въ селахъ и деревняхъ, въ коихъ объявилось повѣтріе, «заморные дворы» велѣно тотчасъ-же «обламывать» и ставить къ нимъ сторожи крѣпкія, наблюдая, чтобы мертвыхъ погребали на-скоро, безъ всякой мѣшкоты, въ тѣхъ же дворахъ, гдѣ кто умеръ, и въ томъ же самомъ платьѣ. А изъ «здоровыхъ дворовъ» жилецкихъ людей высылать въ лѣсъ, «покамѣста въ тѣхъ селехъ и въ деревняхъ моро-

---

[135] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 213.

[136] Николай Барсуковъ. Жизнь и труды П. М. Строева. Спб. 1878. стр. 441.

вое повѣтріе минется, чтобы ихъ простотою и оплошкою отъ мороваго повѣтрія такою злою прилипчивою болѣзнью тѣ села и деревни не запустѣли и не разорились»[137].

Не смотря однако на все благоразуміе предпринятыхъ мѣръ, борьба съ лихимъ повѣтріемъ была очень трудна, вслѣдствіе недостатка исполнителей строгихъ правительственныхъ распоряженій. Къ тому же и самъ народъ уклонялся отъ необходимыхъ предосторожностей, слѣпо вѣря «ложнымъ толкамъ суевѣровъ, разглашавшихъ, что никто не долженъ избѣгать язвы, какъ посланной гнѣвомъ Божіимъ»[138].

Въ Москвѣ были очень недовольны отсутствіемъ патріарха Никона. На уличныхъ перекресткахъ толковали, что «патріарху бы-де пристойно быть на Москвѣ и молитися о православныхъ хрестьянехъ Богу, и онъ-де Москву покинулъ; а попы-де приходскихъ церквей, на него смотря, многіе разбѣжались и православные-де крестьяне помираютъ безъ покаянія и безъ причастія»[139]. Напрасно объ-

[137] Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя Археографическою коммиссіею. Т. III. Спб. 1848. стр. 442—521.

[138] Филаретъ, архіепископъ Черниговскій. Исторія Русской церкви. Черниговъ. 1862. Изд. 4. Періодъ патріаршества. стр. 33.

[139] Гиббенетъ. Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Ч. 2. Спб. 1884. Дополнительныя приложенія къ первой части. стр. 474.

ясняли народу, что «патріархъ пошелъ съ Москвы по государеву указу, а не собою». Раздраженіе противъ Никона росло, поддерживаемое людьми недовольными справкою печатныхъ книгъ и другими «новизнами», которыя-де ведутъ всѣхъ къ конечной гибели. Народъ подстрекали требовать, чтобы «запечатали книги». Горланамъ сказано, что «Печатный дворъ запечатанъ давно и книгъ печатать не велѣно для мороваго повѣтрія, а не для ихъ бездѣльныхъ вракъ»[140].

Съ 10 октября, съ наступленіемъ холодовъ, «моровое повѣтріе милостію Божіею учало тишеть и больные люди отъ язвъ учали обмогаться»[141], а послѣ Спиридоньева дня, «уже возвратъ солнцу сущу», Москва почти совсѣмъ избавилась отъ страшнаго бѣдствія[142].

Царь Алексѣй Михайловичь, за пріостановкою военныхъ дѣйствій подъ Смоленскомъ, проживалъ съ 21 октября въ Вязьмѣ[143], куда

---

[140] Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя Археографическою коммиссіею. Т. III. Спб. 1848. стр. 446. столб. 2.

[141] Тамъ-же, стр. 489. столб. 2.

[142] Рихтеръ. Исторія медицины въ Россіи. Ч. 2. М. 1820. Прибавленія. стр. 68.

[143] Въ Вязьмѣ, близъ Калужской заставы, выстроенъ былъ обширный дворецъ съ деревянною церковью, на мѣстѣ которой стоитъ нынѣ каменная церковь, именуемая придворною. Вяземскій дворецъ ос-

переѣхало изъ Калязина и царское семейство, вмѣстѣ съ патріархомъ Никономъ.

Въ январѣ 1655 года, царь Алексѣй рѣшился посѣтить Москву. «А мы, великій государь, —писалъ онъ къ боярину Ивану Васильевичу Морозову[144], — пойдемъ къ Москвѣ, на малое время, поклонитися образу Пресвятыя Богородицы и цѣловати святыхъ чюдотворцовъ мощи, и васъ, *бояръ и окольничихъ и думныхъ дьяковъ и всѣхъ людей отъ печали* обвеселить *и утѣшить* и, отвезши сестръ своихъ государынь и царицу свою и дѣтей, назадъ возвратимся и пойдемъ, за милостью Божіею, противу *Польскова короля, не мѣшкая*»[145].

матривалъ въ 1678 году извѣстный путешественникъ Таннеръ (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія 1837 года, сентябрь).

[144] Начальствовавшему въ Москвѣ послѣ князя Пронскаго.

[145] Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго Археологическаго общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 721. Слова, напечатанныя курсивомъ, вписаны собственною рукою царя Алексѣя Михайловича.

ГЛАВА VIII.

Военныя дѣйствія, временно прекращенныя въ окрестностяхъ Смоленска, въ Витебскомъ воеводствѣ продолжались безостановочно.

Василій Петровичь Шереметевъ осаждалъ Витебскъ, выставивъ противъ этой послѣдней твердыни въ Польской Руси 20.000 ратныхъ людей и 20 пушекъ[146]. Осада велась съ крайнимъ упорствомъ и ожесточеніемъ. Наши нѣсколько разъ приступали къ городу и, какъ говорятъ иностранцы, «осажденные отправляли цѣлые караваны съ убитыми подъ городомъ Московитами»[147].

Въ подмогу Шереметеву былъ посланъ изъ-подъ Смоленска, еще въ августѣ мѣсяцѣ,

[146] Irenico-Polemographia, sive Theatri Europaei continuati Septennium. Franckfurt am Mayn. 1663. стр. 619.

[147] Тамъ-же.

охочій отрядъ Запорожцевъ, подъ начальствомъ Нѣжинскаго наказнаго полковника Василья Золоторенка, брата наказнаго гетмана Ивана Золоторенки. Государь назначилъ въ казачій отрядъ пристава, стольника Василья Петровича Кикина, которому между прочимъ наказано было «остерегати, чтобъ казаки, дорогою идучи, ... крестьянъ Смоленского и Бѣльского уѣзду, которые нынѣ за государемъ, не грабили и не воевали, и полону не имали, и лошадей нигдѣ и животины не отгоняли; и полковнику о томъ говорити почасту, чтобъ полковникъ по тому-жъ того остерегалъ, и казаковъ отъ того унималъ»[148].

Василій Петровичь Шереметевъ скорѣе тяготился присланною къ нему подмогою и, по-видимому, охотно отпускалъ казаковъ, по челобитью Золоторенки, на поиски «конскихъ кормовъ». Окрестные жители хорошо знали, что значатъ эти казачьи поиски конскихъ кормовъ. На упреки нашихъ воеводъ за грабежи и угонъ крестьянскаго скота, самъ наказной гетманъ Золоторенко прямо отвѣчалъ: «Что-жъ мы будемъ ѣсть, если намъ хлѣба,

---

[148] Синбирскій сборникъ. М. 1845. Грамоты и наказы Кикинымъ. № 13. стр. 41.

коровъ и лошадей не брать? вы готовите хлѣбъ на зиму для государевыхъ ратныхъ людей, а намъ надобно теперь»[149]. Шереметевъ старался, по крайней мѣрѣ, оберечь тѣ села и деревни, которыя были «за государемъ» и направлялъ казацкіе разъѣзды подальше отъ завоеванныхъ городовъ, преимущественно въ Виленскій уѣздъ, и тамъ Черкасамъ, дѣйствительно, приходилось заниматься не одними только грабежами. Отъ 15 сентября, Василій Петровичь Шереметевъ донесъ государю, что отпущенные имъ въ Виленскій уѣздъ въ посылку, 500 человѣкъ Черкасъ съ есауломъ Филиномъ, были между прочимъ и въ Оршанскомъ повѣтѣ, «и въ мѣстечкѣ Бѣлицахъ наѣхали на нихъ Литовскіе люди пана Голенсково, маршалка Оршанскаго, урядникъ Поклонскій, а съ нимъ-де было Литовскихъ людей семь хоругвъ; и у нихъ, Черкасъ, съ тѣми Литовскими людьми былъ бой, и на томъ бою Литовскихъ людей дву человѣкъ взяли»[150].

22 ноября, Василій Петровичь Шереметевъ взялъ наконецъ и Витебскъ, послѣ «без-

---

[149] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. X. Спб. 1860. стр. 373.

[150] Временникъ императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. кн. 18. М. 1854. Книга сеунчей. стр. 9.

мѣрнаго приступу», продолжавшагося цѣлые сутки, при чемъ разрушены были до основанія оба замка. Въ Европѣ говорили, что, при взятіи города, перебиты были всѣ жители, даже дѣти[151]; но это напраслина, столь обычная по отношенію къ Русскимъ. Напротивъ того, Василій Петровичь Шереметевъ пощадилъ, напримѣръ, всю мѣстную шляхту, съ которою договорился по пунктамъ и выпустилъ на свободу. Обстоятельство это, какъ увидимъ сейчасъ, весьма разгнѣвало государя, указывавшаго давать эту льготу лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда города сдавались безъ боя.

Съ вѣстью о взятіи города Витебска прибылъ въ Вязьму сынъ Василья Петровича, стольникъ Матвѣй Васильевичь Шереметевъ. Въ привезенномъ имъ сеунчѣ, по обыкновенію очень краткомъ и сдержанномъ, Василій Петровичь Шереметевъ доносилъ государю, что «онъ съ товарищи своими и со всѣми ратными людьми къ Витебску приступали, и Божіею милостію и государевымъ счастіемъ, взяли приступомъ два острога, и Литовскихъ

[151] Irenico-Polemographia, sive Theatri Europaei continuati Septennium. Franckfurt am Mayn. 1663. стр. 619.

людей побили, а достальные Литовскіе люди побѣжали въ верхніе два города; и видя свое изнеможеніе, тѣ Литовскіе люди государю добили челомъ и верхніе два города сдали»[152].

Неудивительно, что при занятіи Витебска, Василья Петровича Шереметева больше всего поразила судьба православныхъ храмовъ въ этомъ издревле православномъ городѣ. Наши воины не нашли тамъ уже ни одной православной церкви: всѣ онѣ были «учинены уніями» или обращены въ костелы. Подъ живымъ впечатлѣніемъ этого печальнаго зрѣлища насильственно упраздненнаго Православія, Василій Петровичь Шереметевъ отправилъ къ государю, вслѣдъ за сеунчемъ о побѣдѣ, слѣдующую отписку: «Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю всеа великія и малыя Росіі самодержцу холопъ твой Васка Шереметевъ челомъ бьетъ. Въ городе, государь, Витепске, которые благочестивые церкви были, и тѣ осквернены и учинены унеями, а иные костелы; а благочестивые християнские церкви и священниковъ нѣтъ и православнымъ християномъ прихо-

[152] Временникъ императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Книга 18. М. 1854. Книга сеунчей. стр. 18.

дить къ божественному пѣнию нѣгде. А сколько, государь, въ Витепске въ каменомъ и въ деревяномъ городе и въ острогахъ было благочестивыхъ церквей, а ныне учинены унеями, и сколько костеловъ и жидовскихъ школъ, и то, государь, писано подъ сею отпискою, и о томъ вели свой государевъ указъ учинить».

Подъ отпискою помѣщена, безъ всякаго заголовка, слѣдующая вѣдомость, которую приводимъ также буквально, съ сохраненіемъ правописанія подлинника:

«Въ Каменомъ городе церковь Михаила архангела, а ныне уния.

«Въ Деревяномъ городе церковь каменая Благовѣщения пречистые Богородицы, учинена униею.

«Костелъ Копитонской.

«Костелъ Язовицкой, а прежъ сего была церковь великомученицы Парасковѣии.

«Школа жидовская.

«Подле школы костелъ.

«Костелъ бѣлыхъ ксенжъ.

«Въ Остроге церковь пречистые Богородицы, ныне уния.

«Церковь Иванна Богослова, а ныне уния.

«Церковь Воскресения Христова, ныне уния.

«Церковь чюдотворца Николы — уния»[153].

Царь Алексѣй Михайловичь пожаловалъ Матвѣю Васильевичу Шереметеву за привезенный сеунчь 200 четвертей помѣстнаго жалованья, въ придачу къ прежнему его окладу, 40 рублей денегъ и 40 соболей, за которые выданы Матвѣю Васильевичу, по его челобитью, 50 рублей[154].

По этой наградѣ за одинъ только сеунчь можно судить—какое важное значеніе имѣло въ глазахъ государя взятіе Витебска. При всемъ томъ, главный виновникъ сего новаго торжества Русскаго оружія, бояринъ Василій Петровичь Шереметевъ, едва не подвергся царской опалѣ. Вмѣстѣ съ государевымъ милостивымъ словомъ «за промыселъ», онъ получилъ грозныя вопросныя статьи по поводу самовольнаго выпуска Витебскихъ шляхтичей и заключенія съ ними договора. Эти статьи, пересмотрѣнныя и выправленныя самимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ,—«черненья

[153] Московскій архивъ министерства юстиціи: столбцы разныхъ столовъ (Новгородскаго стола, столбецъ 7938).

[154] Временникъ императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Книга 18. М. 1854. Книга сеунчей. стр. 13.

государевой руки», какъ сказано въ документѣ,—имѣютъ видъ наказа, даннаго комнатному стольнику Ѳедору Абросимовичу Лодыженскому, посланному въ Витебскъ 1 декабря. Вотъ эти статьи[155]:

«Сказать боярину Василью Петровичу Шереметеву съ товарыщи милостивое слово и о здоровье спросить и съ ратными людми.

«Сказать боярину Василью Петровичу Шереметеву съ товарыщи, будетъ выпустили шляхту, по какому указу выпустили шляхту. И будетъ станетъ говорить, что по указу государеву выпустилъ, что съ стольникомъ съ князь Юрьемъ Ромодановскимъ *присланъ указъ*[156], и тебѣ говорить: то князь Юрья позабылъ, а государевъ указъ таковъ былъ, только было велѣно выпустить въ ту пору, какъ бы сперва здали безъ приступу, для тово и на пусты государевъ указъ присланъ съ

---

[155] Печатаемъ ихъ съ подлинника, хранящагося въ Государственномъ архивѣ, въ столбцахъ приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII. № 92). Статьи эти уже были напечатаны въ Запискахъ отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго Археологическаго общества (Т. II. Спб. 1861. стр. 736), но съ нѣкоторыми отступленіями отъ подлинника. Напримѣръ, не приведены тѣ слова, которыя зачеркнуты рукою царя и замѣнены другими.

[156] Слова, напечатанныя курсивомъ, вписаны собственною рукою царя Алексѣя Михайловича.

Аѳонасьемъ Нащекинымъ, а не нынѣ, послѣ приступу, за саблею, на пустахъ уговариватца о выпускѣ, и ты то здѣлалъ негораздо: позабывъ нашу государскую милость къ себѣ, насъ, великаго государя, прогнѣвалъ, а себѣ вѣчное безчестье учинилъ, началъ добромъ, а совершилъ бездѣльемъ.

«И велѣть собрать (шляхту) и сказать: по вашему прошенію писалъ къ намъ, великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу, всеа великія и малыя Росіи самодержцу и многихъ государствъ государю и обладателю, бояринъ нашь и воевода Василій Петровичь Шереметевъ съ товарыщи и прислалъ пунты ваши, и мы, великій государь христіанскій, не желая пролитія крови *вашея*, пожаловали васъ многими такими статьями, чего вѣкъ не видали отъ королей Польскихъ, не помня вашихъ грубостей, и вы милости нашея и жалованья не захотѣли и, чрезъ клятву свою, нашево царскаго величества людей побили, изранили; а нынѣ изволеніемъ всесильнаго и всемилостиваго Бога нашего и заступленіемъ Пречистыя Его Матери и молитвами всѣхъ святыхъ и отца нашего молитвами святѣйшаго Никона, патріар-

ха Московскаго и всеа великія и малыя Росіи, а нашего великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича, всеа великія и малыя Росіи самодержца, и сына нашего царевича и великаго князя Алексѣя Алексѣевича всеа великія и малыя Росіи счастьемъ, и боярина нашего и воеводы Василья Петровича Шереметева съ товарыщи промысломъ, а ратныхъ людей *прилѣжною службою*[157], два острога взяли, а каменной городъ отъ безмѣрново приступу здали и били челомъ вы намъ, великому государю, а зъ бояриномъ нашимъ договаривалися о пунтахъ, и то боринъ нашь и воевода Василей Петровичь Шереметевъ здѣлалъ безъ нашево *государева* указу[158]; а за ваши многіе неправды *и непрі-стойные рѣчи* приговорили бояре наши карать смертью, да мы, великій государь, по упрошенью сына нашего царевича и великаго князя Алексѣя Алексѣевича всеа великія и малыя Росіи, пожаловали *васъ велѣли вам дать* вмѣсто смерти животъ, а велѣли со-

---

[157] Оба эти слова написаны рукою царя Алексѣя Михайловича вмѣсто зачеркнутыхъ: «безмѣрныя службы».

[158] Послѣ слова «указу» было написано, но зачеркнуто государевою рукою: «и за то на нево, боярина нашего, нашъ государевъ гнѣвъ».

слать въ Казань, а животы отдать салдатомъ за ихъ службу, по разсмотрѣнью, денги, а рухледь всякую, кромѣ денегъ, чево нельзя роздать, прислать къ намъ. Будетъ уѣхали, воротить и сказать тожь; а будетъ не воротятъ, и на нево, Василья, пошумѣть гораздо, что онъ безъ нашево указу такъ учинилъ. Животы мѣщанскіе и Жидовскіе всякіе роздать и денги салдатомъ, по разсмотрѣнью. Знамена всѣ взятые, что въ городѣхъ и на боѣхъ, привесть сюды. Указать Василью Петровичу Шереметеву быть воеводою въ Витепскѣ и ратнымъ людемъ запасы возить въ Витепскъ[159], хлѣбъ ему съ уѣздовъ збирать дворяномъ, сколко возможно, а товарыщы и дьяка пришлютъ къ нему тотъ часъ. Велижь и Сурожокъ, какъ дастъ Богъ, зжечь».

Остается неизвѣстнымъ, чѣмъ кончилось дѣло о Витебской шляхтѣ и какіе доводы представилъ въ свое оправданіе бояринъ Василій Петровичь Шереметевъ. Сохранилась только слѣдующая отписка Василья Петровича объ отбитыхъ у непріятеля знаменахъ, которыя онъ, согласно словесному приказанію государя:

[159] Послѣ слова «Витепскъ» было написано, но зачеркнуто рукою государя: «и сверхъ тово поговорить съ нимъ гдѣ лутче и велѣть».

ря, отправилъ въ Вязьму съ стольникомъ Лодыженскимъ:

«Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю всеа великія и малыя Росиі самодержцу холопъ твой Васка Шереметевъ челомъ бьетъ. Въ нынешнемъ, государь, во 163 году декабря въ 1 день, по твоему государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа великія и малыя Росиі самодержца указу, стольникъ Ѳедоръ Лодыженской сказалъ мнѣ, холопу твоему, твой государевъ словесной приказъ, что велено къ тебѣ, государю, съ нимъ Ѳедоромъ Ладыженскимъ прислать Витепского города знамена, которые взяты у Литовскихъ людей того дни, какъ вошли мы, холопи твои, въ городъ, и которые, государь, знамена по сыску взялъ я, холопъ твой, у Литовскихъ людей. И тѣ знамена къ тебѣ, государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю всеа великія и малыя Росиі самодержцу, послалъ я, холопъ твой, съ стольникомъ съ Ѳедоромъ Лодыженскимъ; а сколько знаменъ и каковы знамена, и тому роспись подъ сею отпискою».

Къ отпискѣ приложена:

«Роспись Витепскимъ знаменамъ, которые

посланы къ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю всеа великіе и малые Росіі самодержцу съ столникомъ съ Ѳедоромъ Ладыженскимъ:

«Знамя большое тафта желтая да лазоревая.

«Знамя камчатое розными цвѣты короля Жигимонта съ подписью.

«Знамя новое объеринное зеленое, опушено тафтою червчетою съ подписью.

«Знамя тафта темная двоелишная съ орломъ да рука.

«Знамя тафтяное зеленое съ орломъ да со львомъ.

«Знамя тафта черная да бѣлая.

«Знамя тафта двоелишная, опушка черная.

«Знамя тафта двоелишная съ крыжемъ, опушка ценинная.

«Знамя тафта песочной цвѣтъ да черная.

«Знамя тафта красная да черная.

«Знамя ветчаное тафта алая, опушено тафтою жъ лазоревою.

«Знамя тафта зеленая опушено тафтою жъ тоусинною съ крыжемъ да съ орломъ.

«Знамя розными цвѣты съ орломъ одноглавымъ.

«Знамя тафта алая да черная.

«Знамя тафта черная да червчета.

«Знамя тафта двоелишная.

«Знамя зуфь съ тафтою розными цвѣты.

«Два знамени тафтяные розными цвѣты, ветчаные»[160].

---

[160] Московскій архивъ министерства юстиціи: столбцы разныхъ столовъ (Новгородскаго стола, столбецъ 7938).

ГЛАВА IX.

Послѣ взятія Витебска, Василій Петровичь Шереметевъ оставленъ былъ въ этомъ городѣ осаднымъ воеводою, а на весну его опять назначили полковымъ воеводою. Между тѣмъ, съ октября мѣсяца пошелъ уже другой годъ его боевой службы, полной всевозможныхъ лишеній и высшаго нравственнаго напряженія. Василій Петровичь, обремененный годами и болѣзнями, конечно въ правѣ былъ разсчитывать на отдыхъ; къ тому же, разстроившіяся домашнія дѣла неотложно требовали его присутствія въ Москвѣ. Вотъ почему Василій Петровичь Шереметевъ, въ отвѣтъ на переданное ему стольникомъ Лодыженскимъ словесное приказаніе остаться въ Витебскѣ, рѣшился послать къ государю слѣдующую челобитную:

«Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю всеа великія и малыя Росіі самодержцу холопъ твой Васка Шереметевъ челомъ бьетъ. По твоему, государеву цареву и великого князя Алексѣя Михаиловича всеа великія и малыя Росіі самодержца указу, посланъ я, холопъ твой, съ Москвы на твою государеву службу въ прошломъ во 162 году октября въ 9 день и живу на твоей государеве службе другой годъ. А ныне указалъ ты, государь, быть мнѣ, холопу своему, на своей государеве службе въ Витепску въ осадныхъ воеводахъ, а на весну въ полковыхъ воеводахъ быть мнѣ жъ, холопу твоему. И я, холопъ твой, старъ и увѣченъ и боленъ и, будучи на твоей государеве службе, оскудалъ: ѣсть нѣчево и лошадей кормить нѣчимъ; а на Москвѣ дворишко разорилось, и животишка всѣ пропали, и людишка розбрелись, и въ деревнишкахъ крестьянишка померли. Государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичь всеа великия и малыя Росіі самодержецъ, милость покажи надъ холопомъ своимъ, для моей старости и увѣчья, вели, государь, меня, холопа своего, съ своей государевы службы изъ Витепска переме-

нить и быть къ себѣ, государю, чтобъ мнѣ, холопу твоему, будучи на твоей государеве службе, голодною смертью не умереть и въ моей болѣзни твоему бъ государеву дѣлу порухи не учинилось. Государь царь, смилуйся пожалуй»[161]!

Челобитная Василья Петровича Шереметева не была уважена и вѣроятно еще пуще разгнѣвала государя. Нѣсколько позже, въ именномъ указѣ, объявленномъ всѣмъ ратнымъ людямъ, онъ весьма рѣзко высказался противъ подобныхъ челобитныхъ, называя ихъ «ворчаньемъ». Въ указѣ томъ царь Алексѣй Михайловичь совѣтовалъ служить «безо всякаго ворчанья, и переговоровъ бы отнюдь не было; кто и скуденъ, и о томъ милости просить у государя, а не ворчать и не бѣжать съ службы; а кто будетъ съ радостію служить до отпуску, самъ узритъ, какая его государская милость будетъ»[162].

Какъ бы то ни было, но государь не отпустилъ Василья Петровича Шереметева со службы, а только уволилъ отъ Витебскаго

[161] Московскій архивъ министерства юстиціи: столбцы разныхъ столовъ (Новгородскаго стола, столбецъ 7938).

[162] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. стр. 367. столб. 1.

воеводства, назначивъ туда сына его, стольника Матвѣя Васильевича Шереметева. Самому же Василью Петровичу приказано было идти въ Великія Луки, и тамъ «сбираться съ ратными людьми»[163], для предположеннаго похода въ Курляндію[164].

Успѣхи Русскаго оружія въ Бѣлоруссіи сильно встревожили Шведскій дворъ. Вскорѣ послѣ взятія Витебска, въ Вязьму пріѣзжалъ посланникъ короля Карла X, думный человѣкъ Удде Удла съ просьбою не воевать Курляндіи «для королевской дружбы» и съ секретнымъ порученіемъ провѣдать о дальнѣйшихъ планахъ Москвитянъ. Казалось весьма страннымъ ходатайство за Курляндію въ то время, какъ Курляндскій князь считался подданнымъ Польскаго короля, а Курляндскіе Нѣмцы сражались противъ насъ за одно съ Поляками. Но еще болѣе страннымъ представляется выборъ лица, присланнаго для провѣдыванія о нашихъ дальнѣйшихъ планахъ. Царь Але-

---

[163] Въ Дворцовыхъ разрядахъ (Т. III. Спб. 1852. столб. 455) напечатано, что оба эти распоряженія были сдѣланы въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Но очевидно, что это или опечатка, или описка. Слѣдуетъ читать въ декабрѣ мѣсяцѣ.

[164] Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя Археографическою коммиссіею. Т. VI. Спб. 1857. стр. 445. столб. 2.

ксѣй Михайловичь, въ письмѣ къ Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, говоритъ, что Удде Удла «таковъ смышленъ, и купить ево, то дорого дать что полтина, хотя думной человѣкъ; мы, великій государь, въ десеть лѣтъ впервые видимъ таково глупца посланника; а присланъ нарокомъ такой глупецъ, для провѣдыванья, что мы, великій государь, будемъ ли въ любви съ королемъ, и про то намъ подлинно вѣдомо»[165].

Царь Алексѣй Михайловичь хорошо зналъ настоящую причину страха Шведовъ: «и Смоленскъ имъ не таковъ досаденъ, что Витепскъ да Полотескъ, потому что отнятъ ходъ по Двинѣ въ Ригу»[166]. Поляки тоже придавали большое значеніе потерѣ этихъ двухъ важныхъ стратегическихъ пунктовъ и съ наступленіемъ новаго 1655 года безпрестанно пытались отнять дороги у Витебска, дабы лишить его возможности получать хлѣбные запасы. Непріятель зналъ о назначеніи воеводою въ Витебскъ юнаго стольника Матвѣя Васильевича Шереметева и болѣе рѣшитель-

[165] Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго Археологическаго общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 726.

[166] Тамъ-же.

ныя дѣйствія откладывалъ до отъѣзда изъ города прежняго воеводы, хорошо извѣстнаго въ Польскомъ станѣ боярина Василья Петровича Шереметева. Но расчетъ этотъ оказался невѣрнымъ. Василій Петровичь не пожелалъ оставлять завоеваннаго имъ города въ такомъ неопредѣленномъ положеніи и возлагать отвѣтственность за его судьбу на своего роднаго сына, а потому рѣшилъ покончить дѣло при себѣ.

Въ двадцатыхъ числахъ января 1655 года, Василій Петровичь Шереметевъ, свѣдавъ о приближеніи къ Витебску многочисленнаго Польскаго войска, подъ предводительствомъ князя Лукомскаго, послалъ противъ него своего сына, стольника Матвѣя Васильевича Шереметева, который, выступивъ изъ города съ небольшимъ отрядомъ, при помощи нѣкоей военной хитрости, разбилъ на-голову цѣлое войско Лукомскаго, отнялъ у него весь обозъ, перерубилъ множество жолнеровъ, а остальныхъ загналъ въ рѣку. Ледъ, не выдержавъ тяжести, рухнулъ, и почти всѣ ратники Польскіе, избѣжавшіе Русскаго меча, потонули.

Объ этой блестящей побѣдѣ Матвѣя Васильевича Шереметева въ современной За-

пискѣ о военныхъ дѣйствіяхъ Польскаго похода 1655 года записано такъ: «Литовскіе люди обралися многіе, князь Лукомской да кзеньжа Курламской, пришли подъ Вытепскъ, а въ Вытепскѣ воевода былъ Матѳей Васильевичь Шереметевъ, и онъ въ ту пору государьскимъ счастіемъ и своимъ разумомъ Поляковъ побилъ: послалъ къ нимъ Поляковъ обманомъ, которые остались на государево имя, и велѣлъ сказаться, что-де они отъѣхали, самъ же на нихъ зашелъ сзадѣ съ семью сотни, а побилъ болши четырехъ тысячь, и многіе люди въ тѣ поры потонули, стали сбираться на рѣку, и ледъ подъ ними подломился, они же всѣ потонули»[167].

Донесеніе о пораженіи войска князя Лукомскаго пришло въ Вязьму 23 января, въ тотъ самый день, когда царица Марья Ильинишна благополучно разрѣшилась отъ бремени царевной Анной Алексѣевной. Извѣстивъ объ этой семейной радости находившагося въ Москвѣ думнаго дьяка Алмаза Иванова, царь Алексѣй Михайловичь, въ тотъ же день, написалъ своему любимцу Артамону

[167] Акты, собранные Археографическою экспедиціею. Т. IV. Спб. 1836. стр. 128. столб. 1.

Сергѣевичу Матвѣеву и о побѣдѣ, одержанной Матвѣемъ Васильевичемъ Шереметевымъ. По словамъ государя, дѣло происходило такъ: «Лукомской князь хотѣлъ отнять дороги у Витепска, чтобъ не пропустить съ запасы, и хотѣлъ ждать, какъ бояринъ и воевода Василей Петровичь пойдетъ изъ Витепска, потому что велѣно сыну ево Матвѣю на ево мѣсто быть въ Витепскѣ. И бояринъ и воевода Василей Петровичь, свѣдавъ то, посылалъ сына своего Матвѣя на нево, и милостью Божіею и Пречистыя Богородицы заступленіемъ и всѣхъ Святыхъ молитвами, и пресвѣтлѣйшаго Никона патріарха Московскаго и всеа великія и малыя Россіи молитвами, и его, великаго государя, и сына его царевича и великаго князя Алексѣя Алексѣевича счастьемъ, столникъ Матвѣй Шереметевъ побилъ ево на голову и самово ево ранили и обозъ взяли съ 300 возовъ, и досталной обозъ взяли, и племянника ево взяли, и иныхъ немного взяли, а то всѣхъ рубили съ серца, что много на приставствехъ нагрубили нашимъ тотъ князь съ товарыщи»[168].

[168] Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго Археологическаго общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 728.

Вслѣдъ за описаннымъ боемъ, Василій Петровичь Шереметевъ отправился по назначенію въ Великія Луки, а Матвѣй Васильевичь заперся въ Витебскѣ. Изъ вышеуказанной записки о военныхъ дѣйстіяхъ видно, что князь Лукомскій, собравшись съ новыми силами, еще разъ приступалъ къ Витебску, и что «воевода князь (такъ!) Матѳей Васильевичь Шереметевъ едва отъ нихъ отсидѣлся, а самого ранили»[169].

Къ великому огорченію государя, дѣла наши въ Украйнѣ шли далеко не такъ успѣшно, какъ въ Бѣлоруссіи.

Василій Борисовичь Шереметевъ простоялъ все лѣто и всю осень въ Бѣлгородѣ, въ напрасномъ ожиданіи прихода Крымскихъ и Ногайскихъ людей. А между тѣмъ, Польское войско давно уже дѣйствовало въ Подольѣ, не встрѣчая ни малѣйшаго противодѣйствія со стороны Богдана Хмельницкаго, который, имѣя у себя подъ рукою до ста тысячъ казаковъ, не трогался съ мѣста, остерегаясь Татаръ и выжидая, пока сами Поляки снова не войдутъ въ Украйну. Такая сдержанность шла

---

[169] Акты, собранные Археографическою экспедиціею. Т. IV. Спб. 1836. стр. 128. столб. 2.

въ разрѣзъ съ основнымъ правиломъ царя Алексѣя Михайловича, заключавшимся въ томъ, «чтобъ не дать недругу войти въ свои городы, чтобъ ево встрѣтить въ ево земли». Государь находилъ, что «до тѣхъ мѣстъ огонь и тушить, доколѣ не разгорѣлся, а какъ разгоритца, отъ чево сохрани Боже, нѣколи тушить»[170]. Царь Алексѣй Михайловичь, выведенный изъ терпѣнія бездѣйствіемъ Хмельницкаго, посылалъ еще въ августѣ мѣсяцѣ дворянина Ивана Ржевскаго сказать гетману: «Государь самъ пошелъ на Поляковъ, а тебѣ, гетману, и всему войску Запорожскому, видя такую премногую государскую милость, и давно было надъ Польскимъ королемъ промышлять; а Крымскаго хана бояться нечего: отъ него защищаетъ боярин Василій Борисовичь Шереметевъ, да у тебя, гетмана, на Полтавѣ и въ другихъ мѣстахъ, куда можно ожидать прихода Крымскихъ людей, полки казацкіе есть; кромѣ того, Донскимъ казакамъ велѣно идти войною въ Крымъ и Татарскіе юрты разорять»[171].

[170] Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго Археологическаго общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 722.

[171] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. X. Спб. 1860. стр. 376.

Хмельницкій дѣйствительно съ большою тревогою ожидалъ Татаръ и вѣроятно имѣлъ основанія страшиться ихъ, не смотря на присутствіе Шереметева въ лѣвобережной Украйнѣ. Онъ пустилъ въ ходъ всѣ способы, чтобы перетянуть Крымцевъ на свою сторону, и одно время имѣлъ большую надежду на успѣхъ, особенно послѣ того, какъ Крымскій ханъ Исламъ-Гирей, ревностный поборникъ союза съ Польшей, «оставилъ тѣсный домъ временной жизни и перешелъ въ широкій лугъ вѣчности»[172]. По достовѣрнымъ слухамъ, многіе Крымскіе мурзы настойчиво уговаривали новаго хана, «чтобъ онъ къ Полякомъ на помочь не ходилъ, потому-де, что они много лѣтъ съ Хмельницкимъ противъ Поляковъ воевались и отъ той войны многіе забогатѣли, а нынѣ имъ толко за такую Хмельницкаго дружбу отъ него отстать, и за то-де и Богъ имъ не потерпитъ»[173]. Но Польскіе золотые пересилили въ совѣтѣ ханскомъ.

---

[172] «Повѣствуется, аки би ханъ (Исламъ-Гирей) имѣлъ плѣнницу зъ Украини, и та приправляше всегда ему вино пити, и аки би та плѣнница отъ Хмельницкаго намовлена, дасть хану въ винѣ отраву» (Лѣтопись Григорья Грабянки. Кіевъ. 1853. стр. 132).

[173] Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, собранные Археографическою коммиссіею. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 379. столб. 2.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ сорокъ тысячъ Ордынцевъ поднялось на соединеніе съ Польскимъ королемъ. Это была еще только передовая часть Татарской силы, назначенной на помощь Полякамъ[174]. Казалось, и для Василья Борисовича Шереметева наступила наконецъ очередь показать свою воинскую доблесть. Онъ получилъ приказаніе выступить изъ Бѣлгорода въ Бѣлую Церковь[175]. Приказаніе это вкратцѣ записано въ разрядной книгѣ; самой же грамоты не сохранилось. Отъ 28 декабря, въ Бѣлгородъ прислана была слѣдующая дополнительная грамота, вызванная усилившимися за послѣднее время побѣгами ратныхъ людей:

«Боярину и воеводамъ Василью Борисовичу Шереметеву съ товарищи, по прежнему государеву указу, со всѣми ратными съ конными и съ пѣшими людьми въ Черкаскіе городы идти, и сходясь его царскаго величества съ гетманомъ съ Богданомъ Хмельницкимъ, надъ Литовскими людьми и надъ Татары промышлять собча, сколько милосердый Богъ по-

---

[174] Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Т. III. Спб. 1870. стр. 189.

[175] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 455.

мощи подастъ; а до государева указу изъ Черкасскихъ городовъ не ходить. А изъ ратныхъ людей, которые съ государевой службы не съѣзжали, похвалить; а изъ головъ, которые своровали, покиня знамена, съ государевы службы сбѣжали и сотенныхъ людей съ собою свели, бить кнутомъ; а бѣглецовъ пущихъ заводчиковъ бить батоги нещадно»[176].

Вслѣдъ за тѣмъ, въ Разрядѣ записанъ былъ царскій указъ: «которыхъ городовъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ и всякихъ чиновъ служилымъ людемъ, по государеву указу, велѣно быти на государевѣ службѣ съ бояриномъ и съ воеводами съ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ съ товарищи, во всѣ городы изъ Разряду послать государевы грамоты; а велѣно дѣтей боярскихъ бѣглецовъ сыскавъ всѣхъ, и учиня имъ наказанье, на государеву службу къ боярину и воеводамъ, къ Василью Борисовичу Шереметеву съ товарищи, выслать безо всякаго мотчанья; а воеводъ и приказныхъ людей тѣхъ городовъ за ихъ оплошку, что они тѣхъ бѣглецовъ на

[176] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 142.

государеву службу не выслали, велѣно на указные дни посадить въ тюрьму»[177].

Высылаемые изъ городовъ бѣглые служилые люди присоединялись къ полкамъ Василья Борисовича Шереметева уже на походѣ. Въ Бѣлой Церкви Василій Борисовичь оставилъ своего товарища Ѳедора Васильевича Бутурлина; а самъ со вторымъ товарищемъ, Андреемъ Васильевичемъ Бутурлинымъ, отправился на-спѣхъ въ Чигиринъ на соединеніе съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ.

Винницкій полковникъ Богунъ, чтобы оттянуть время, пока «Хмельницкій съ Московскими силами соберется», прибѣгнулъ къ хитрости: «хотя Ляховъ оболстити», онъ послалъ къ Польскому коронному гетману Станиславу Потоцкому гонца, «аки би хотѣлъ съ своимъ войскомъ Полякомъ поддатися»[178]. Потоцкій изъ Межибожа послалъ-было къ Богуну для переговоровъ о сдачѣ, но, узнавши объ его настоящихъ видахъ, быстро двинулся черезъ Брацлавль къ Кальнику. Въ лѣтописи сказано, будто бы Богунъ расчитывалъ, что

[177] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 144.

[178] Лѣтопись Гадячскаго полковника Григорья Грабянки. Кіевъ. 1853. стр. 132.

Потоцкій придетъ «въ малѣй дружинѣ»[179]; а между тѣмъ, при немъ было шестьдесятъ тысячъ короннаго войска, къ которому присоединилось еще сорокъ тысячъ Крымцевъ и Ногайцевъ[180].

Польско-Татарское войско, не найдя Богуна въ Кальникѣ, 10 января 1655 года двинулось вслѣдъ за нимъ къ Умани. «И Украина о такомъ войскъ Полскихъ наступованю заслишавши, въ великой стала печали и страху».

---

[179] Лѣтопись Гадячскаго полковника Григорья Грабянки. Кіевъ. 1853. стр. 132.

[180] Польскіе историки значительно уменьшаютъ число войска, выступившаго противъ Хмельницкаго и Шереметева. По ихъ счету, съ Потоцкимъ было всего около 30.000 короннаго войска и отъ 18 до 30 тысячъ Татаръ (Kochowski, Vesp. Annalium Poloniae, climacter primus. Cracoviae. 1683. p. 444.—Рачинскій. Краткая исторія о бунтахъ Хмельницкаго, переводъ съ Польскаго, напечатанный въ Чтеніяхъ императорскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. 1846. кн. 4 (Матеріалы иностранные). Въ Лѣтописи Грабянки (Кіевъ 1853) не означено численности непріятельскаго войска; тамъ сказано только, что «Татаре... многими силами прійдоша Ляхомъ на помощь» (стр. 133). Въ запискѣ о военныхъ дѣйствіяхъ Польскаго похода 1655 года (Акты, собранные Археографическою экспедиціею. Т. IV. Спб. 1836. стр. 128. столб. 2) опредѣленно сказано, что всего непріятельскаго войска (названнаго вообще Татарами) было «сто тысящъ» и это вполнѣ соотвѣтствуетъ показанію Лѣтописи Велички (Кіевъ. 1848. Т. I. стр. 208 и 209).

ГЛАВА X.

Соединенное войско Поляковъ и Татаръ крѣпко облегло городъ Умань, въ которомъ заперся Богунъ съ двумя полковниками Зеленскимъ и Гоголемъ и съ десятью тысячами казаковъ. Высокіе Уманскіе валы, покрытые льдомъ и облитые, по распоряженію Богуна, водою, свѣтились какъ стекло[181]. Послѣ неудачнаго генеральнаго штурма, въ Польскій станъ привели языковъ, объявившихъ, что Богданъ Хмельницкій и Василій Борисовичъ Шереметевъ «съ безчисленнымъ войскомъ Московитовъ и казаковъ» спѣшатъ обойти осаждающихъ и что они уже находятся всего въ 35 верстахъ отъ Умани. Потоцкій ужаснулся, предвидя себя окруженнымъ со всѣхъ

[181] Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Изд. 3. Т. III. Спб. 1870. стр. 191.

сторонъ сильнѣйшимъ непріятелемъ. Къ вечеру онъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено идти на встрѣчу Хмельницкаго и Шереметева, оставивъ подъ Уманью только «для вида нѣсколько тысячъ Поляковъ и Татаръ»[182].

Показаніе языковъ оказалось, однако, невѣрнымъ. Въ дѣйствительности, Хмельницкій и Шереметевъ шли на помощь къ наказному гетману Томиленкѣ, который съ своими полками, составлявшими передовой отрядъ главнаго войска, незадолго передъ тѣмъ потерпѣлъ полное пораженіе отъ непріятеля[183]. Къ тому же вожди Московско-казацкой рати не имѣли точнаго свѣдѣнія о числѣ войска, собравшагося у Потоцкаго. Полагаясь на донесеніе полковника Богуна, что «непріятель не силенъ», они взяли съ собою только 25.000 человѣкъ[184], оставивъ остальныхъ рат-

---

[182] Rudawski. Historiarum Poloniae ab excessu Vladislai IV ad pacem Oliviensem usque libri IX. Varsaviae et Lipsiae. 1755. p. 146.

[183] Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи. Ч. I. М. 1822. стр. 41.

[184] Цыфра эта взята нами изъ Лѣтописи Велички (Кіевъ. 1848. Т. I. стр. 209). Она принята Костомаровымъ (Богданъ Хмельницкій. Изд. 3. Т. III. Спб. 1870. стр. 193), Павлищевымъ (Т. II-й его Сочиненій: Польская анархія при Янѣ Казимирѣ и война за Украйну. Спб. 1878. стр. 137) и другими. По свидѣтельству же современника, Польскаго историка Коховскаго, съ Хмельницкимъ

ныхъ людей, около 60.000, подъ Бѣлою Церковью.

18 января 1655 года, на разсвѣтѣ, гетманъ Потоцкій и мурза Хамамбетъ, почти со всѣми своими силами[185], двинулись по направленію къ городу Охматову, находящемуся въ 45 верстахъ отъ Умани. Дорогою повстрѣчались Татарскіе объѣздчики, сказавшіе, что они только что дрались съ казацкимъ отрядомъ, который ушелъ въ Охматовъ и тамъ заперся. Потоцкій, мало довѣрявшій подневольнымъ показаніямъ языковъ, заключилъ, что сообщенное ими въ Польскомъ станѣ извѣстіе о «безчисленномъ войскѣ» относилось именно къ этому незначительному казацкому отряду, который показался имъ со страху цѣ-

---

и Шереметевымъ выступило: «80.000 пѣхотинцевъ и 20.000 Калмыцкихъ Скиѳовъ, составлявшихъ ядро конницы, съ 85 орудіями» (Annalium Poloniae ab obitu Vladislavi IV. Climacter I. Cracoviae. 1683. p. 454). Другой современный же Польскій писатель Рудавскій немного уменьшаетъ численность нашего войска: «болѣе 30.000 отборнаго казачьяго войска и 60.000 Московитской пѣхоты, съ 80 большими пушками» (Historiarum Poloniae ab excessu Vladislai IV ad pacem Oliviensem isque libri IX. Varsaviae et Lipsiae. 1755. p. 146). Очевидно, что у обоихъ писателей поставлено въ счетъ все соединенное Московско-казацкое войско, даже и та его часть, которая оставлена была подъ Бѣлою Церковью и въ бою не участвовала.

[185] Допустимъ, что они оставили подъ Уманью «для вида» (какъ выражается Рудавскій) десять тысячъ ратныхъ людей, то есть, столько же, сколько было и у Богуна.

лой арміей. 19 января, на зарѣ, Потоцкій подошелъ къ Охматову, въ намѣреніи выбить оттуда казаковъ, а за тѣмъ возвратиться къ Умани и продолжать осаду.

Громъ Польскихъ орудій долетѣлъ до слуха Хмельницкаго и Шереметева, которые въ то время завтракали верстахъ въ двѣнадцати отъ Охматова, въ городѣ Ставищахъ[186]. Они немедленно выступили въ походъ со всѣми ратными людьми и обозомъ, и на закатѣ солнца встрѣтились съ Поляками и Татарами въ четырехъ верстахъ отъ Охматова на открытомъ полѣ, называвшемся, по небольшому ручью, Багвой[187]. Девяностотысячное войско окружило со всѣхъ сторонъ двадцатипятитысячный отрядъ Хмельницкаго и Шереметева. «И бысть той день сѣчъ велика дондеже ночъ покри всѣхъ мракомъ»[188].

---

[186] Достаточно взглянуть на карту и прикинуть по маштабу, чтобы убѣдиться, что между Охматовымъ и Ставищами не можетъ быть 35 верстъ, какъ объясняетъ Павлищевъ (Т. II-й его Сочиненій: Польская анархія при Янѣ Казимирѣ и война за Украйну. Спб. 1878. стр. 137, выноска), поправляя Костомарова (Богданъ Хмельницкій. Т. III. Спб. 1870. стр. 193).

[187] Нынѣ здѣсь находится деревня Багва, Кіевской губерніи, Таращанскаго уѣзда. Въ 1864 году, эта деревня, составлявшая особое имѣніе съ 1067 десятинами земли, принадлежала Михаилу Покрашивицкому (Похилевичъ. Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи. Кіевъ. 1864. стр. 440).

[188] Лѣтопись Григорья Грабянки. Кіевъ. 1853. стр. 133.

Первый натискъ непріятеля пришлось вынести пѣшимъ ратникамъ отряда Василья Борисовича Шереметева. «Воздухъ и земля были приведены въ сотрясеніе отъ сильнѣйшей пушечной и оружейной пальбы; надъ полемъ стояло огнезарное облако и временами было свѣтло какъ днемъ»[189]. Польскій историкъ Коховскій, который самъ участвовалъ въ этомъ бою, говоритъ: «замѣчательно, что Московиты стрѣляли до такой степени часто и правильно, что въ темнотѣ фитили пищалей постоянно освѣщали не только ряды солдатъ, но видны были даже самыя лица стрѣлявшихъ». Польскіе солдаты получили приказаніе прилегать къ землѣ, и наши снаряды пропадали даромъ[190]. Перевѣсъ склонялся на сторону непріятеля. Онъ опрокинулъ передніе ряды Московскихъ воиновъ и «густыми толпами» ворвался въ самую середину войска. «Уже совсѣмъ покончено было съ Московитами,—говоритъ Коховскій,—имъ грозила неминуемая гибель, но созвѣздіе, благопріятное этому народу, и сокровенныя дѣйствія Прови-

---

[189] Rudawski. Historiarum Poloniae. Varsaviae et Lipsiae. 1755. p. 147.

[190] Annalium Poloniae. Climacter I. Cracoviae. 1683. p. 454.

дѣнія избавили ихъ отъ бѣды»[191]. Дѣло въ томъ, что въ самый разгаръ ночной битвы, въ тылъ непріятеля ударилъ со стороны Умани казацкій отрядъ полковника Богуна[192]. Это внезапное нападеніе совсѣмъ переполошило и смѣшало Поляковъ. За темнотою, они не могли разобрать, что это за войско, и устремились на новаго врага, не имѣя никакого понятія объ его численности. По свидѣтельству очевидца, нельзя было распознать, кто съ кѣмъ бьется, кто свой, а кто непріятельскій. Отчаянный Богунъ, положивъ на мѣстѣ до трехъ тысячъ жолнеровъ, пробился сквозь Польско-Татарское полчище и соединился съ Богданомъ Хмельницкимъ. Появленіе Богуна дѣйствительно спасло нашихъ отъ конечной гибели. Покамѣстъ онъ бился съ непріятелемъ, Шереметевъ, благополучно отступивъ къ Хмельницкому, успѣлъ оправиться отъ пораженія и вмѣстѣ съ гетманомъ приспособилъ обозъ для дальнѣйшей обороны[193].

---

[191] Kochowski. Annalium Poloniae. Climacter I. Cracoviae. 1683 p. 454.

[192] Свѣдѣнія о подвигѣ Богуна извлечены Костомаровымъ изъ рукописей императорской публичной библіотеки (Богданъ Хмельницкій. Т. III. Спб. 1870. стр. 194).—Сравни разсказъ о Богунѣ въ Лѣтописи Велички (Кіевъ. 1848. Т. I. стр. 210).

[193] Коховскій, вовсе не упоминая о Богунѣ, выставляетъ дру-

Вся остальная ночь прошла для нашихъ ратниковъ въ дѣятельной работѣ по укрѣпленію обоза. Они отаборились санями, и «побіенними и замерзлими тѣлеси Лядскими, аки валомъ, обозъ свой обложиша»[194]. Независимо отъ этой тяжкой работы, положеніе воиновъ, выдержавшихъ непосильный пятичасовой бой, было вообще ужасное, «занеже ни води, ни дровъ, ни конемъ что ясти не имѣху; токмо бѣ всѣмъ презѣлній мразъ и снѣгъ свободній, но и сей со кровію смѣшанъ бяше, ибо въ той потребѣ болше пятнадесятъ тисячъ людей въ единомъ дню смертію пало»[195].

Когда Богунъ являлся къ Хмельницкому, Василій Борисовичь Шереметевъ упрекнулъ его, зачѣмъ онъ завелъ по слѣдамъ своимъ

гую причину, почему Полякамъ не удалось въ тотъ-же день отпраздновать побѣду надъ Шереметевымъ, а именно: «милосердіе и неумѣстное состраданіе Польскихъ военачальниковъ». По словамъ Коховскаго, Московиты будто бы уже сдались Полякамъ и, «нисколько не стараясь поправить своего дѣла», просили только о пощадѣ. Польскіе военачальники вняли воплю несчастныхъ побѣжденныхъ и приказали своимъ солдатамъ «вложить мечъ въ ножны». Тогда «Московиты ободрились, возстановили свои ряды и, отодвинувшись немного, отступили къ обозу». Въ заключеніе Польскій историкъ восклицаетъ: «Слушай воинъ и учись у Пуническаго полководца искуству совершить побѣду: прячь мечъ послѣ битвы, а не передъ битвою» (Annalium Poloniae. Climacter I. Cracoviae. 1683. p. 455).

[194] Лѣтопись Григорья Грабянки. Кіевъ. 1853. стр. 133.

[195] Тамъ-же.

непріятеля, о которомъ ложно писалъ, будто онъ не силенъ? Богунъ, имѣвшій въ виду завлечь Поляковъ въ средину Украйны и натолкнуть ихъ на соединенное Русское войско, отвѣчалъ Шереметеву иносказательно: «Когда приманиваютъ птичекъ, то всегда бросаютъ имъ что нибудь на кормъ»[196]. Теперь храбрый полковникъ могъ убѣдиться на мѣстѣ, что ошибся въ расчетѣ: онъ не зналъ дѣйствительныхъ силъ непріятеля, а съ другой стороны, не въ силахъ былъ себѣ представить, чтобы Хмельницкій и Шереметевъ рѣшились выступить съ такимъ малочисленнымъ войскомъ.

На слѣдующій день (то есть 20 января) бой возобновился и былъ не менѣе упоренъ и жестокъ. «На утріе же, дню убѣлившуся свѣтомъ,—пишетъ Украинскій лѣтописецъ,—ящася Ляхи и Татаре съ козацкимъ воинствомъ до брани, и увесь день той бысть сѣчь велика, и падаху аки стебліе отъ меча и огня воинство зъ обою страну безчисленное, яко уже изнемогаху обѣ сторонѣ и битися не можаху, дондеже паки всѣхъ ночь заслони темностію.

---

[196] Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Изд. 3. Т. III. Спб. 1870. стр. 194.

И кто можаше убіеніе людей счислити отъ обою страну? И кто не содригнулся, видя въ презѣлніи мразы текущую кровь потокомъ»[197]?

Ратники Шереметева, защищенные трупнымъ валомъ, съ чрезвычайнымъ рвеніемъ удерживали отчаянные приступы Поляковъ и Татаръ, поражая ихъ съ высоты нагроможденныхъ саней непрестанною пальбою[198]. Какъ нарочно, все время стоялъ «самый сильный и рѣдкій морозъ, такъ что почва затвердѣла отъ лютой стужи». Поляки и Татары, не имѣвшіе теплой одежды, также какъ и наши лишенные воды—чтобы утолить жажду, и дровъ — чтобы согрѣться, не выдерживали этихъ страшныхъ испытаній и гибли безъ счету, особенно пѣхотинцы[199]. При всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ для непріятеля обстоятельствахъ, онъ все еще господствовалъ надъ нами численнымъ превосходствомъ своихъ силъ. Вражья конница густою цѣпью окружала Московско-казацкій обозъ, предупреждая малѣйшую попытку къ вылазкѣ.

---

[197] Лѣтопись Григорья Грабянки. Кіевъ. 1853. стр. 133 и 134.

[198] Rudawski. Historiarum Poloniae. Varsaviae et Lipsiae. 1755. p. 147.

[199] Kochowski. Annalium Poloniae. Climacter I. Cracoviae. 1683. p. 455.

Наступилъ наконецъ третій день этого по-истинѣ эпическаго боя. Хмельницкій и Шереметевъ, будучи уже не въ силахъ выдерживать тяжкое обложенье, рѣшили идти на проломъ и силою пробиться сквозь непріятельскіе ряды на дорогу въ Бѣлую Церковь. Доблестные вожди придумали устроить карре съ тройнымъ рядомъ саней, соединенныхъ желѣзными цѣпями. Конница поставлена была въ середину карре, а снятыя съ передковъ пушки размѣстили на саняхъ. Образовалось нѣчто въ родѣ гуляй-города. Пѣшіе люди, приставленные по нѣскольку человѣкъ къ каждымъ санямъ, двигали послѣднія впередъ и, останавливаясь, стрѣляли какъ изъ-за стѣны. Непріятель напиралъ со всѣхъ сторонъ. Его всадники наскакивали на сани, но только теряли своихъ лошадей. Послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ атакъ, Полякамъ удалось прорвать цѣпь только на правомъ флангѣ и отнять семь пушекъ[200]. Въ крайнемъ случаѣ Русскіе вывертывали изъ саней оглобли и шли съ ними въ рукопашную[201]. Неслыханная отвага

[200] Kochowski. Annalium Poloniae. Climacter I. Cracoviae. 1683. p. 455 и 456.

[201] «А побивали все такъ: изъ саней вывертывали оглобли и Татаръ все оглоблями били» (Акты, собранные Археографическою экспедиціею. Т. IV. Спб. 1836. стр. 128. столб. 2).

нашихъ воиновъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: они разрѣзали сплошные ряды многочисленнаго войска Потоцкаго и выбрались на дорогу въ Бѣлую Церковь; а непріятель даже и не пытался преслѣдовать ихъ. Такое отступленіе дѣйствительно стоитъ побѣды!

Коховскій говоритъ, что «будетъ близко къ правдѣ, если сказать, что Московитовъ пало болѣе девяти тысячъ человѣкъ и что обширное поле сраженія было усѣяно трупами»[202]. Долина притока Багвы, это страшное мѣсто кроваваго состязанія, съ тѣхъ поръ стало называться «Дрыжи полемъ (Дрожиполемъ), бо тамъ много отъ морозовъ великихъ дрыжало и померзло»[203].

Поляки могли утѣшаться по крайней мѣрѣ трофеями. Кромѣ 20 пушекъ, отбитыхъ въ бою, они подняли съ поля сраженія 18 пушекъ большого калибра, впрочемъ съ отбитыми цапфами и забитыми желѣзомъ запалами. Непріятелю достались и наши «знамена съ вышитыми изображеніями Святыхъ и украшен-

[202] Annalium Poloniae. Climacter I. Cracoviae. 1683. p. 456.

[203] «Кроника о земли Польской отколь Поляки Лехами и Поляками названы суть, о першихъ и о далшихъ князехъ и королехъ Полскихъ, з историковъ Польскихъ в коротце собранная и Рускимъ языкомъ списанная року отъ Рожества Христова 1682». л. 339 (Отдѣленіе рукописей императорской публичной библіотеки. F. IV. № 215).

ныя съ большимъ искуствомъ золотомъ, разведеннымъ въ родѣ краски»[204].

Дрожипольская трехдневная битва должна была особенно сблизить Василья Борисовича Шереметева съ знаменитымъ казацкимъ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ. Оба они оставались неразлучными въ тяжкіе дни героическаго боя, и своимъ собственнымъ примѣромъ отчаяннаго мужества воспламеняли ратниковъ къ новымъ подвигамъ, въ концѣ концовъ сокрушившимъ силы почти вчетверо сильнѣйшаго непріятеля.

Хмельницкій, считавшій себя главою цѣлаго народа, весьма ревниво оберегалъ свое личное достоинство и постоянно давалъ чувствовать Московскимъ воеводамъ, что онъ можетъ получать приказанія только отъ одного царя. Шереметевъ хорошо понималъ это и съ перваго же раза установилъ совершенно правильныя отношенія къ казацкому гетману. Послѣ Дрожипольской битвы отношенія эти стали прямо дружественными. Въ под-

[204] Kochowski. Annalium Poloniae. Climacter I. Cracoviae. 1683. p. 456.—Потоцкій доносилъ королю, что «Московиты защищались храбро и оставили на полѣ сраженія много убитыхъ, у которыхъ нашли новыя Голландскія ружья» (Irenico Polemographia, sive Theatri Europaei continuati Septennium. Franckfurt am Mayn. 1663. p. 765).

твержденіе этого приводимъ слѣдующее письмо Хмельницкаго къ Шереметеву, въ Бѣлую Церковь, отъ 21 марта 1655 года:

«Божіею милостію великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя, его царскаго величества Богданъ Хмельницкій гетманъ съ войскомъ его царскаго величества Запорожскимъ боярину и воеводѣ и намѣстнику Бѣлозерскому Василью Борисовичу Шереметеву, брату и другу нашему, добраго здоровья отъ Господа Бога имѣти желаемъ.

«Не хотя мы тебя, пріятеля нашего, безвѣстно оставляти, вѣдомо чинимъ, что Ляховъ недалеко подъ Кіевъ изгономъ нѣсколько хоругвей подъѣзжали-было, изъ которыхъ казаки наши семь человѣкъ Ляховъ поймали и много погромили. Далъ намъ знати и полковникъ Уманскій, что Татарове, ясырю много въ Бряславщинѣ набравъ, назадъ поутекали, а съ салтанами едва третія часть съ Ляхами ихъ осталося, которыхъ вельми мало, сказываютъ, и листъ тотъ отъ полковника Уманскаго, до насъ присланный, до вашей мило-

сти посылаемъ. А гетманы Ляцкіе оба давно до Польши пошли. Мы такожде для того до Чигирина съѣхали, что много казаковъ на Запорожье и на Донъ итти хотѣли, которыхъ мы задержали и по городомъ имати велѣли и смертью казнити, естьли бы дерзати безъ воли нашія имѣли. А что ваша милость писалъ о конѣ Курчина Ѳедосѣя Мамантова сына, и мы о томъ не вѣдаемъ, отъ отца нашего имѣли есмя своего довольно, и велѣли есмя сыскъ учинить, естьли у кого тотъ конь найдетца, чтобъ тотчасъ отданъ былъ и до вашей милости отосланъ. Ваша милость ни въ чемъ не опасайтеся, понеже мы въ скоромъ времени съ полкомъ Чигиринскимъ до войска рушимся, а съ вашею милостью надумався, пѣхоты его царскаго величества Московской до Чигирина для безстрашія три хоругви пошлемъ. При томъ пріятству братцкому вашей милости отдаюся. Данъ изъ Чигирина, марта въ 21 день 1655 года. Тебѣ всякаго добра желатель и другъ присный Богданъ Хмельницкій гетманъ съ войскомъ его царскаго величества Запорожскимъ».

Къ письму подклеенъ особый листъ съ слѣдующею припискою Хмельницкаго:

«Такожде и то вашей милости, брату и другу моему, объявляемъ, что были у насъ послы его царскаго величества Донскіе, и сказывали намъ, что Калмыки совѣтно съ ними живутъ и на сей сторонѣ Волги много ихъ, неподалеку кочуютъ; а мурзъ Ногайскихъ, которые Ляхомъ на помочь итти имѣли двадцать совсѣмъ захватили подъ Теркомъ. Тѣ жъ посланники намъ сказывали, что Калмыки на Крымъ пошли бъ тотчасъ, только указу отъ его царскаго величества ожидаютъ. А отъ насъ вѣстей: добро бы, чтобы Калмыки полемъ, а Донскіе казаки судами моремъ на Крымъ пошли, тогда бъ Татарове своихъ городовъ оберегали, а не къ Ляхомъ на помочь шли. И то намъ вельми на подивленье, что до сего времени Макара Москоленка полковника Бѣлоцерковскаго отъ его царскаго величества и указу никакова не имѣемъ. А какъ вскорѣ у насъ вѣсти отъ его царскаго величества будутъ, и вашей милости вѣдати учинить не омѣшкаемъ»[205].

Письмо Хмельницкаго пришло въ Бѣлую Церковь въ то время, когда въ рукахъ Ва-

[205] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Малороссійскія дѣла 1655 г. № 6.

силья Борисовича Шереметева былъ уже царскій указъ о томъ, чтобы онъ сдалъ полки боярину и дворецкому Василью Васильевичу Бутурлину, а самъ немедленно ѣхалъ бы къ государю[206]. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Бутурлину приказано было, по прибытіи въ Бѣлую Церковь, идти со всѣми ратными людьми подъ Литовскіе города, а съ нимъ и гетману Богдану Хмельницкому со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ. Это послѣднее приказаніе отчасти объясняетъ причину неожиданнаго вызова Шереметева. Царь Алексѣй Михайловичь, настаивавшій на томъ, чтобы Хмельницкій шелъ въ самую сердцевину Польскаго государства, былъ крайне недоволенъ ослушаніемъ гетмана, и кровопролитный бой на Дрожи-полѣ въ глазахъ царя являлся лишь подтвержденіемъ того, какъ невыгодно выжидать появленія непріятеля въ своей собственной землѣ. Можетъ быть, ослушаніе Хмельницкаго ставилось въ вину и Василью Борисовичу Шереметеву, который, какъ царскій воевода, обязанъ былъ побуждать гетмана исполнить государеву волю. По крайней мѣрѣ царь Алексѣй Михайловичь долго не могъ простить

[206] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 461.

Шереметеву Дрожипольскаго дѣла, и впослѣдствіи припоминалъ ему о немъ въ такихъ выраженіяхъ: «А какъ ты посланъ былъ въ Бѣлгородъ, и ты, рабе Божій, за его святымъ изволеніемъ какъ устроилъ, какъ собралъ, хто не позавидовалъ милости Божіи и нашей государской милости къ тебѣ? За что? Для того, что поѣхалъ съ чистымъ сердцемъ и со всякимъ радостнымъ послушаніемъ и во упованіи несумнѣнномъ на Бога пребывалъ, никого жь бояся, также и отъ послушанія нашего государского никогда отлучался, а какъ бился на Дражи-полѣ и, худыхъ людей послушавъ, службу свою потерялъ»[207].

На какихъ худыхъ людей намекалъ царь Алексѣй Михайловичь и, вообще, въ чемъ именно провинился Василій Борисовичь Шереметевъ, мы не знаемъ. Утвердительно можно сказать одно, что Шереметевъ оставилъ по себѣ добрую память на Украйнѣ. Доказательствомъ сему можетъ служить то, что три года спустя, сами же казаки, во время возникшихъ у нихъ вслѣдъ за кончиною Богдана

[207] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 166.—Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго Археологическаго общества. Т. II. Спб. 1851. стр. 753.

Хмельницкаго нестроеній, просили царя Алексѣя Михайловича прислать къ нимъ боярина Василья Борисовича Шереметева «для успокоенія междоусобія въ Малороссійскихъ городахъ»[208].

---

[208] Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1847 г. кн. 6. Смѣсь. стр. 45.—Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. стр. 120 и 121.

ГЛАВА XI.

Указъ о вызовѣ Василья Борисовича Шереметева изъ Украйны посланъ былъ 11 марта 1655 года, то есть въ тотъ самый день, какъ царь Алексѣй Михайловичь, послѣ кратковременной побывки въ Москвѣ, вторично выступилъ въ Смоленскъ «для своего государева и земскаго дѣла». Послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, патріархъ Никонъ благословилъ государя Животворящимъ Крестомъ «въ побѣду и одолѣніе и въ попраніе враговъ и сопостатовъ»[209].

По окончаніи обѣдни, царь Алексѣй Михайловичь, «пришедъ изъ собору», пожаловалъ изъ стольниковъ въ окольничіе втораго

[209] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 86. Ч. II.

товарища Василья Борисовича Шереметева, бывшаго съ нимъ на Дрожи-полѣ, Андрея Васильевича Бутурлина[210], который, вѣроятно, прибылъ въ Москву съ сеунчемъ о Дрожипольской битвѣ[211]. Бутурлинъ, какъ участникъ дѣла, конечно, разсказалъ государю всѣ подробности славнаго трехдневнаго боя. Но, по видимому, не всѣ разсказы Бутурлина были въ пользу Василья Борисовича Шереметева, какъ это можно заключить изъ слѣдующаго отрывочнаго намека въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича къ Василью Борисовичу, писанной около пяти лѣтъ спустя: «А какъ товарыщъ твой Андрей Бутурлинъ пріѣзжалъ, кромѣ всякаго добраго дѣла, и всякихъ Московскихъ чиновъ и городовыхъ людей устрашилъ своими беспутными словами».

Еще загадочнѣе другое мѣсто въ той-же царской грамотѣ, непосредственно слѣдующее за приведенными строками: «да и какъ ты,

---

[210] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 460.

[211] Потоцкій, называющій Дрожипольскую битву Охматовскою (по ближайшему городу Охматову), говоритъ, что въ этой битвѣ потерялъ руку Ѳедоръ Васильевичъ Бутурлинъ (Opera omnia. Varsaviae. 1748. p. 198). Но, сколько извѣстно, Ѳедоръ Бутурлинъ стоялъ все время съ войскомъ въ Бѣлой Церкви (Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. X. Спб. 1860. стр. 381 и 382); а на Дрожи-полѣ былъ его младшій братъ, Андрей Васильевичъ.

бояринъ нашь и воевода Василій Борисовичь, пріѣхавъ въ царствующій градъ Москву, хотѣлъ дѣлать, кромѣ воли Божіи и нашего государева жалованья, своею мочью и надѣясь на друзей своихъ тлѣнныхъ, хотѣлъ всякую милость получить, и не обуя ли Богъ все твое помышленіе, не рассыпалъ ли кости человѣкоугодникомъ, не вотще ли обратилъ тѣ твои мысли и не все ли въ прахъ претворилося»[212]?

Значитъ, Василій Борисовичь Шереметевъ, кромѣ того, что навлекъ на себя укоризну за службу въ Украйнѣ, еще провинился въ чемъ-то и по возвращеніи оттуда въ Москву. Но такъ какъ самъ государь былъ въ то время въ походѣ, то возможно допустить, что у Василья Борисовича вышла какая нибудь непріятность съ царскимъ намѣстникомъ въ столицѣ, княземъ Григорьемъ Семеновичемъ Куракинымъ. Вѣроятнѣе же всего, онъ былъ жертвою столь обычныхъ и въ то время придворныхъ интригъ. При этомъ

---

[212] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 166. Грамота, изъ которой сдѣланы нами выписки, напечатана въ Запискахъ отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго Археологическаго общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 753.

нельзя не остановиться на отзывѣ о Васильѣ Борисовичѣ Шереметевѣ современника-очевидца, Павла Потоцкаго[213], очень хорошо знавшаго и Шереметева, и весь Московскій дворъ. Вотъ его слова: «Не было бы предѣла къ проявленію отличныхъ воинскихъ доблестей Василья Борисовича Шереметева,—онѣ какъ бы наслѣдственны въ его знаменитой фамиліи,— если бы тому не поставлялись преграды самимъ же Московскимъ дворомъ,

[213] Находимъ не лишнимъ привести нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ авторѣ, сообщенныя К. Ѳ. Феттерлейномъ. Павелъ а Потокъ Потоцкій, извѣстный своею ученостію, въ 1655 году былъ взятъ въ плѣнъ Русскими и поселился въ Москвѣ. Царь Алексѣй Михайловичь полюбилъ Польскаго плѣнника и женилъ его на Еленѣ Петровнѣ Салтыковой, родной теткѣ царицы Прасковьи Ѳедоровны Салтыковой (супруги царя Ивана Алексѣевича и матери императрицы Анны Ивановны). Царь Алексѣй Михайловичь самъ крестилъ родившагося у нихъ, въ 1663 году, сына Ѳедора, впослѣдствіи примаса Польши. Въ 1668 году, по заключеніи Андрусовскаго мира, Потоцкій возвратился въ Польшу, совершилъ путешествіе въ Римъ и умеръ въ 1674 году. Жена Потоцкаго приняла католичество и наречена Елеонорою. Она навсегда осталась въ Польшѣ. Сочиненія Потоцкаго стали довольно рѣдкими уже въ XVIII столѣтіи. Напримѣръ, его книги «Moscovia sive brevis narratio, de moribus magnae Russorum monarchiae. Dantisci. 1670. 4°» нѣтъ даже въ нашей Публичной библіотекѣ (имѣется лишь нѣсколько листовъ). Графъ Залускій собралъ всѣ сочиненія Потоцкаго и издалъ ихъ въ Варшавѣ, въ 1748 году; но и это изданіе (мы пользовались имъ) составляетъ теперь большую рѣдкость. Русскій переводъ сочиненія Потоцкаго, подъ заглавіемъ «Характеры вельможъ и знатныхъ людей въ царствованіе Алексѣя Михайловича», напечатанъ (съ пропусками) въ журналѣ Сѣверный Архивъ за 1825 годъ. (Ч. XVII. № 20 и Ч. XVIII. № 22).

слишкомъ ненадежнымъ цѣнителемъ великаго духа и славныхъ дѣяній. Дворъ этотъ, какъ и вездѣ, болѣе справедливъ къ жалкимъ паразитамъ, чѣмъ къ мужамъ, рожденнымъ для великихъ подвиговъ»[214].

Положительно можно сказать, что Василій Борисовичь Шереметевъ подвергся царской опалѣ. Послѣ вызова изъ Украйны онъ оставался «не у дѣлъ» въ теченіи всего 1655 года.

По словамъ самого царя Алексѣя Михайловича, «которые бояре и думные люди не у дѣлъ оставлены были на Москвѣ, проживали или въ столицѣ, или въ деревняхъ за болѣзньми»[215]. Полагаемъ, что Василій Борисовичь былъ въ числѣ послѣднихъ, и отдыхалъ отъ боевыхъ трудовъ въ своей «прародительской» Коломенской вотчинѣ, селѣ Чиркинѣ.

Намъ не представится болѣе удобнаго случая сказать нѣсколько словъ о семьѣ Василья Борисовича Шереметева. Онъ былъ женатъ два раза. О первой его супругѣ извѣстно

---

[214] Potocki. Opera omnia. Varsaviae. 1748. p. 195.

[215] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. III. Спб. 1854. столб. 268.

только то, что ее звали Марьей Ивановной и что она скончалась въ послѣдней трети 1654 года, вѣроятно отъ свирѣпствовавшей тогда моровой язвы. Имя ея записано подъ означеннымъ годомъ во вкладной книгѣ Троицкаго Калязина монастыря[216]:

«Сентября въ 8 день. Пѣти понахида по Марьѣ по Васильевѣ женѣ Борисовича Шереметева, а на братью кормъ.

«Декабря въ 9 день. Пѣти игумену понахиду соборомъ по Марьѣ по Васильевѣ женѣ Борисовича Шереметева, а на братью кормъ»[217].

---

[216] Объ этомъ сообщилъ намъ изъ Калязина покойный Алексѣй Егоровичъ Викторовъ.—То обстоятельство, что имя Марьи Ивановны Шереметевой внесено во вкладную книгу именно Троицкаго Калязина монастыря, наводитъ на предположеніе: не находилась ли она въ 1654 году при царской семьѣ, которая, какъ извѣстно, во время повѣтрія проживала въ этой обители.

[217] Изъ извѣстныхъ намъ монастырскихъ и церковныхъ синодиковъ, родъ Василья Борисовича Шереметева записанъ только въ двухъ синодикахъ Рязанской епархіи: Николо-Радовицкаго монастыря и Рязанскаго каѳедральнаго собора. Въ обоихъ, вслѣдъ за родителями Василья Борисовича (Борисомъ и Екатериною), стоитъ имя: Иванъ, а за нимъ Марья. Въ первомъ синодикѣ на томъ-же листѣ вписанъ «Родъ боярыни Марьи Ивановны Шереметевой: Інока схим. Іоны. иноки схим. Маѳы. Амросіма». Иванъ — въ поминальныхъ записяхъ Василья Борисовича и инокъ Іона — въ послѣдней поминальной записи, вѣроятно одно и то же лицо: отецъ Маріи Ивановны Шереметевой. — Въ синодикѣ Московскаго Успенскаго собора за № $^{87}/_{69}$ (временъ царя Алексѣя Михайловича), на оборотѣ 9 листа стоитъ одинокая запись: Шереметева. Марію.

Сколько извѣстно, Василій Борисовичь Шереметевъ отъ перваго брака имѣлъ только одного сына, Ивана Васильевича, которому въ 1655 году было уже около двѣнадцати лѣтъ[218].

Время второй женитьбы Василья Борисовича Шереметева мы относимъ именно къ 1655 году, когда онъ былъ не у дѣлъ, а потому имѣлъ достаточно свободнаго времени. Вторую его жену звали Прасковьей Васильевной. Отъ этого брака была у нихъ только одна дочь, Афимья Васильевна, вышедшая впослѣдствіи замужъ за князя Якова Алексѣевича Голицына.

Василій Борисовичь получилъ за Прасковьей Васильевной въ приданое двѣ вотчины: сельцо Ховрино, Московскаго уѣзда, да на Костромѣ деревню Головино[219].

---

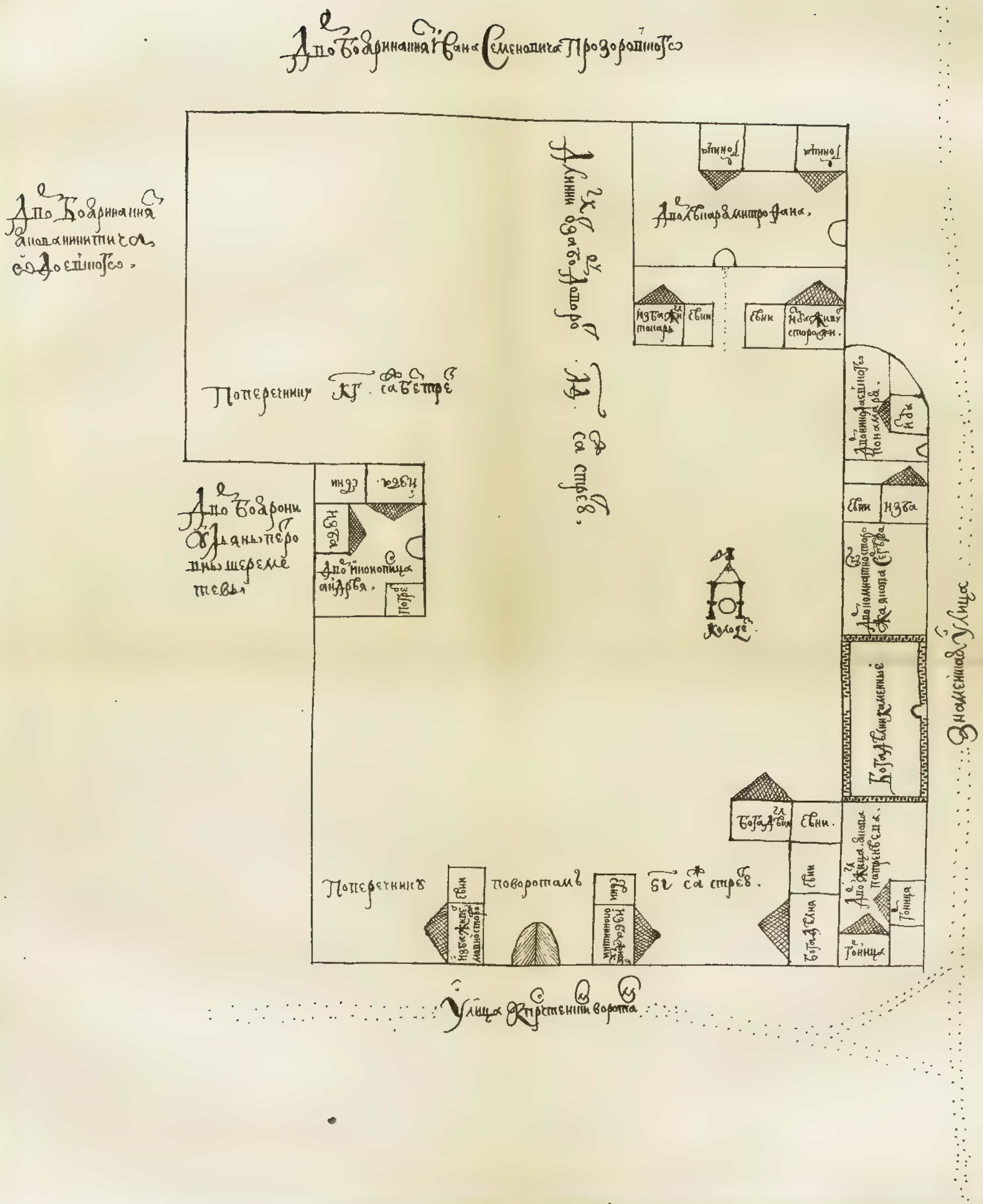
[218] По тому разсчету, что Иванъ Васильевичь Шереметевъ, какъ увидимъ ниже, впервые появился на службѣ (въ церемоніальной должности чашника) въ 1658 году. Тогда начинали службу съ пятнадцатилѣтняго возраста.

[219] Это мы узнали изъ недавно открытаго въ архивѣ графа С. Д. Шереметева весьма важнаго фамильнаго документа 1691 года, именно—дѣла о родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ Василья Борисовича Шереметева (старой вотчинной села Мещеринова описи № 32). И ранѣе извѣстно было, что Московское сельцо Ховрино поступило въ родъ Шереметевыхъ, какъ приданое. Въ спискѣ съ устной памяти Василья Борисовича Шереметева, отъ 21 апрѣля 1682 года,

Что же касается до мачихи Василья Борисовича Шереметева, Ульяны Петровны, родной сестры умершаго въ чуму князя Михаила Петровича Пронскаго, то, въ дополненіе къ сказанному о ней выше, пока замѣтимъ только, что со времени вдовства она безвыѣздно проживала въ Москвѣ, въ своемъ собствен-

---

буквально сказано такъ: «А дочери моей княгинѣ Афимьѣ Васильевнѣ даю матернее приданую вотчину въ Московскомъ уѣздѣ село Ховрино» (Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 158). Мы такъ и поняли, что Василій Борисовичь отдалъ дочери приданую вотчину своей матери, Екатерины Никитичны. Теперь же должны повиниться, что не угадали въ указанномъ спискѣ явной ошибки писца: слѣдуетъ читать не матернее, а матери ее (Афимьиной). За симъ, должны перенести и свою догадку о принадлежности къ роду Головиныхъ Екатерины Никитичны Шереметевой (см. III книгу «Рода Шереметевыхъ», примѣчаніе 225) уже на Прасковью Васильевну Шереметеву, вторую жену Василья Борисовича. Разрѣшеніе вопроса о родовой фамиліи Прасковьи Васильевны Шереметевой значительно облегчается справкою въ вышеупомянутомъ дѣлѣ 1691 года, въ которой сказано слѣдующее: «И во 191 (1683) году, іюля въ 19 день, боярина Васильевы жены Борисовича Шереметева боярыни Парасковьи Васильевны приданые вотчины въ Московскомъ уѣзде сельцо Ховрино да на Костроме деревня Головино справлены за сестрами еѣ родными: боярина князя Івана Петровича Пронского за женою за вдовою княгинею Оксиньею Васильевною, да окольничего за князь Семеновою женою Романовича Пожарского за вдовою княгинею Овдотьею Васильевною». Потомъ княгини Аксинья Васильевна Пронская и Авдотья Васильевна Пожарская били челомъ, чтобъ имъ дана была и Широковская волость: «а племянница-де ихъ, княгиня Оѳимья, въ духовной своей ту вотчину написала имъ же». Въ напечатанныхъ родословныхъ росписяхъ князей Пронскихъ и Пожарскихъ (Русская Родословная книга. Спб. 1873. стр. 4 и 36) не означено, на комъ были женаты названные князья Пронскій и Пожарскій.



Поперечнику
поворотамъ
изба
сени
Гонница

номъ дворѣ, на углу Знаменки и Большого Знаменскаго переулка, названнаго въ прилагаемомъ чертежѣ[220] «улицей къ Пречистенскимъ воротамъ»[221]. Изъ чертежа видно, что ближайшими сосѣдями Ульяны Петровны были: съ одной стороны иконописецъ Андрей, а съ другой—князь Яковъ Никитичь Одоевскій.

Теперь оставимъ семью Василья Борисовича Шереметева и послѣдуемъ за царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ его новомъ походѣ «противу недруга своего Яна Казимера, короля Польскаго и Литовскаго».

Въ разрядныхъ росписяхъ показано, что въ походѣ съ государемъ были только двое Шереметевыхъ: Никита Ивановичь и Петръ Васильевичь. Оба состояли въ государевомъ полку: Никита Ивановичь есауломъ, какъ и въ предыдущемъ походѣ, а Петръ Васильевичь въ Вязьмѣ назначенъ былъ головою къ стольникамъ[222].

Выступивъ изъ Москвы 11 марта, госу-

---

[220] Снятъ съ подлинника, хранящагося въ Государственномъ архивѣ, въ дѣлахъ тайнаго приказа (разрядъ XXVII). № 484. Ч. I. л. 7.

[221] Переулокъ этотъ дѣйствительно назывался улицею Мѣлою Знаменкою (Мартыновъ, А. А. Названія Московскихъ улицъ и переулковъ съ историческими объясненіями. М. 1878. стр. 33).

[222] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 463—466.

дарь прибылъ въ село Кубенское лишь въ ночь на 13 марта, сдѣлавъ всего 57 верстъ. На другой же день онъ послалъ письмо къ сестрамъ, въ которомъ писалъ: «дорога такова худа, какой мы отъ роду не видали: просовы великіе и выбои такіе великіе жъ, безъ пѣшихъ обережатыхъ никоими мѣрами ѣхать нельзя».

Трогательна собственноручно приписанная царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ просьба къ сестрамъ: «Да не покиньте, свѣты мои, жену и детей моихъ милостию и любовию для Христа; не оскорбите меня и ихъ. Хто у насъ по Бозѣ? ей, никово нѣтъ, я чаю и у васъ по Бозѣ кромѣ насъ нѣтъ-же. А потомъ вамъ, свѣтомъ моимъ, челомъ бью»[223].

Въ Вязьму государь пришелъ 16 марта тоже ночью. На другой день онъ опять писалъ къ своимъ сестрамъ также собственною рукою: «Здравствуйте, свѣты мои, и со мною въ нынѣшней день, въ 17 день; а не кручиньтеся для Христа. Уповайте на Бога, той со-

---

[223] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 91.—О дорогѣ буквально тѣми-же словами говорится и въ письмѣ царя къ Аѳанасью Ивановичу Матюшкину (Бартеневъ. Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича. М. 1856. стр. 44), съ прибавкою въ концѣ двухъ словъ: «розно розбитца».

блюдетъ васъ. Да для Христа не покиньте жены и детей моихъ и живите въ совѣте, не печальте меня до конъца. Потомъ челомъ бью, здравствуйте, свѣты мои, на многіе лѣта. А люди почели съѣзжатца, человѣкъ съ 500 съѣхалося и беспрестани ѣдутъ. Здравствуйте»[224].

31 марта, государь благополучно прибылъ въ Смоленскъ, уже не встрѣчая болѣе даже и «шишей», какъ онъ шутливо называлъ непріятельскія шайки, бродившія въ окрестностяхъ. «Дорога чиста до Смоленска,—писалъ онъ за два дня предъ тѣмъ къ сестрамъ,—шишей нѣтъ, а шишей въ дву мѣстехъ побили на голову, и знамены и барабаны поймали»[225].

Зимній путь стоялъ еще довольно крѣпко, и государь спѣшилъ воспользоваться имъ для окончательнаго сбора ратныхъ людей; отъ 2 апрѣля писалъ онъ къ Олонецкому воеводѣ Василью Александровичу Чоглокову: «какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ есте другую половину, которыя на службѣ не были съ бояриномъ нашимъ и воеводы съ Васильемъ Петровичемъ Шереметевымъ съ това-

---

[224] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 91.

[225] Тамъ-же.

рыщи, Заонѣжскимъ солдатомъ высылалъ къ Василью Петровичу, по нынѣшнему зимнему пути, тотчасъ, не мѣшкая ни часу; а будетъ не поспѣютъ по нынѣшнему зимнему пути, и тебѣ быть отъ насъ, великого государя, въ жестокомъ наказаньѣ, безо всякіе пощады»[226].

Три дня спустя (6 апрѣля), царь Алексѣй Михайловичь послалъ вновь пожалованнаго изъ стольниковъ въ окольничіе князя Ѳедора Ѳедоровича Долгорукова въ Витебскъ на смѣну Матвѣя Васильевича Шереметева, а послѣднему велѣлъ быть опять «съ отцомъ, съ бояриномъ и воеводою съ Васильемъ Петровичемъ Шереметевымъ»[227], находившимся въ то время въ Великихъ Лукахъ.

Какъ ни кажется страннымъ, но это вѣрно, что Поляки никакъ не ожидали, чтобы такъ скоро вернулось царское войско въ Бѣлоруссію. По видимому, они совершенно искренно вѣрили завѣдомо ложнымъ рѣчамъ измѣнника Поклонскаго, всюду разглашавшаго, что «царь сидитъ въ столицѣ, патріархъ убитъ

---

[226] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 92.

[227] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 470.

народомъ, повѣтріе людей погубило, на войну выйти некому»[228]. Литовскій коронный гетманъ Янушъ Радзивилъ, который еще такъ недавно похвалялся, что «отворотитъ» завоеванные Русскими города и пойдетъ подъ Москву[229],—какъ только узналъ о вторичномъ появленіи царя Алексѣя Михайловича съ войскомъ въ Смоленскѣ, поспѣшилъ отступить отъ Могилева, который держалъ въ осадѣ больше двадцати недѣль[230]. «Радивилъ отъ Могилева отшолъ прочь и сталъ въ пяти верстахъ, а походу нашево въ Смоленескъ не чаяли»,—писалъ государь къ своимъ сестрамъ, отъ 30 апрѣля. А въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 5 мая) приписалъ собственною рукою: «Срадуйтеся съ нами, свѣты мои, что Богъ, отца нашего молитвами и вашими, прогналъ Радивила и градъ Могилевъ избавилъ отъ смерти; а побежалъ оттово: послышелъ то,

[228] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. X. Спб. 1860. стр. 380.

[229] Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго Археологическаго общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 728.

[230] «А въ осадѣ въ Могилевѣ,—читаемъ въ извѣстной Запискѣ о военныхъ дѣйствіяхъ,—нужа была велика хлѣбомъ добрѣ и водою, елико многіе ѣли кобылятину, а воду пили съ навозу, и отъ того померло тутошнихъ жилецкихъ людей съ тринадцать тысячь» (Акты, собранные Археографическою экспедиціею. Т. IV. Спб. 1836. стр. 128. столб. 2).

что Золоторенокъ по нашему указу, пошелъ на выручьку къ Могилеву»[231].

Ровно черезъ три недѣли, въ день Вознесенія Господня, и самъ царь Алексѣй Михайловичь выступилъ изъ Смоленска, положивъ идти прямо на Вильну и Варшаву.

---

[231] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 91.

ГЛАВА XII.

Между тѣмъ, стольникъ Матвѣй Васильевичь Шереметевъ, сдавъ, по приказанію государя, воеводство въ Витебскѣ окольничему князю Ѳедору Ѳедоровичу Долгорукову, 15 мая пошелъ съ государевыми ратными людьми, «по отпискѣ отца своего боярина и воеводы Василья Петровича Шереметева», къ укрѣпленному городу Велижу, стоящему на пути въ Великія Луки. Жители этого города, расположеннаго правильнымъ четырехугольникомъ на открытой плоской возвышенности, по обѣимъ сторонамъ рѣки Западной Двины, еще не добили челомъ великому государю. Въ прошлогоднюю кампанію, послѣ взятія Смоленска, послана была въ Велижъ, «началнымъ всякимъ людемъ и всей уроженой шляхтѣ и всему рыцерству, также войтомъ, лентъ-

войтомъ, бурмистромъ, райцомъ и всѣмъ всякого чину градцкимъ и уѣзднымъ людемъ» царская грамота съ убѣжденіемъ «сдать городъ безъ кровопролитія, не дожидаясь подъ Велижъ царскаго величества бояръ и воеводъ со многими ратьми»[232]. Но Велижскіе сидѣльцы оставались непреклонными, не смотря ни на угрозы, ни на обѣщанныя льготы.

По донесенію Матвѣя Васильевича Шереметева, «съ нимъ изъ Витепска пошло государевыхъ ратныхъ людей: дворянъ 60 человѣкъ и казаковъ Луцкихъ 50 человѣкъ, да Московскихъ стрѣльцовъ 310 человѣкъ; да онъ же, Матвѣй, взялъ изъ Витебска 3 пушки полковые, да пушку верховую. Да къ нему жъ прислалъ отецъ ево бояринъ и воевода Василей Петровичь дворянскихъ и казацкихъ 10 сотенъ, да драгуновъ 400 человѣкъ, да солдатъ 1500 человѣкъ». Съ такимъ относительно незначительнымъ отрядомъ Шереметевъ «пришелъ къ Велижу мая въ 27 день и того-жъ числа посылалъ говорить городцкимъ сидѣльцамъ, чтобы они великому государю добили челомъ и городъ сдали». Въ отвѣтъ

[232] Акты историческіе, собранные и изданные Археографическою коммиссіею. Т. IV. Спб. 1842. № 91.

на это сидѣльцы открыли сильнѣйшую пальбу изъ пушекъ и затинныхъ пищалей. Тогда Матвѣй Васильевичь отдалъ приказъ «полковникамъ и начальнымъ людямъ покопать шанцы». Работы производились постоянно подъ огнемъ непріятеля и затянулись до половины іюня. Подойдя шанцами, наши долго стрѣляли «по городу и по башнямъ изъ наряду и изъ мушкетовъ», и наконецъ, 17 іюня, «державецъ и подстароста Велижскій Янъ Демашевской и Велижская шляхта и всякихъ чиновъ люди, видя надъ городомъ государевыхъ ратныхъ людей промыслъ, государю добили челомъ и городъ сдали, и шляхта и мѣщане и всякихъ чиновъ люди государю крестъ цѣловали, что имъ быть подъ его государевою высокою рукою»[233].

Сеунчъ о сдачѣ Велижа полученъ былъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Шкло-

[233] Подробности объ осадѣ и взятіи Велижа извлечены нами въ Государственномъ архивѣ, изъ дѣлъ тайнаго приказа (разрядъ XXVII. № 86. Ч. I), именно изъ черновыхъ статей военно-походнаго журнала царя Алексѣя Михайловича. Статьи эти, писанныя наскоро, такъ перечеркнуты и перемараны, что мѣстами невозможно ничего разобрать, даже и при помощи лупы. Статья о Велижскомъ взятьѣ начинается такъ: «іюня въ 26 день писалъ къ государю.... стольникъ и воевода Матвѣй Шереметевъ...» и такъ далѣе идетъ изложеніе всего дѣла, очевидно составленное по донесенію самого Матвѣя Васильевича Шереметева.

вѣ 26 іюня, когда назначено было выступить «за Днѣпръ къ Борисову»; но походъ этотъ не состоялся, «потому что запасовъ хлѣбныхъ стало мало»[234]. Въ сеунчѣ, присланномъ Васильемъ Петровичемъ Шереметевымъ, обстоятельства дѣла изложены, по обычаю, весьма кратко: сынъ-де его Матвѣй «пришелъ подъ Велижъ; Велижъ осадилъ накрѣпко; и Велижскіе сидѣльцы (такіе-то), видя надъ городомъ промыслъ и надъ собою утѣсненіе, государю добили челомъ и городъ сдали іюня въ 17 день»[235].

Государь въ тотъ-же день не оставилъ подѣлиться радостною вѣстью съ своими сестрами. Сообщивъ имъ еще короче содержаніе сеунча, онъ заключилъ письмо словами: «и воевода Матвѣй Шереметевъ въ городъ вошолъ». Въ слѣдующемъ письмѣ, изъ стана въ селѣ Крупкахъ, онъ опять повторилъ: «А городъ Велижъ намъ, государю, добилъ челомъ; стольникъ нашъ и воевода Матвѣй Васильевъ сынъ Шереметевъ въ городъ въѣ-

---

[234] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 91.

[235] Временникъ императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 18. М. 1854. Книга сеунчей. стр. 16.

халъ». За тѣмъ, слѣдуетъ приписка собственной руки государевой:

«А потомъ здравствуйте, свѣты мои, и съ нами и многолѣтствуйте во вѣки. А мы за ваши беззлобивыя молитвы идемъ на-скоро въ Менескъ и подъ Вильню, и прося у Бога милости, станемъ промышлять, сколько онъ, милосердый, помочи подастъ. А бояре князь Яковъ (Куденетовичь Черкасскій) съ товарищи и Золоторенокъ всѣ въ Менскѣ, и мы имъ указали итить гдѣ свѣдаютъ Ляховъ. А потомъ братъ вашь царь Алексѣй челомъ бьетъ»[236].

Лишь 12 іюля, царь Алексѣй Михайловичь прибылъ наконецъ въ городъ Борисовъ. Онъ самъ видѣлъ и тужилъ, что такъ затягивается походъ, но постоянныя затрудненія въ подвозѣ хлѣбныхъ запасовъ были неустранимы. «О томъ не кручиньтеся,—писалъ государь къ сестрамъ,—а намъ чаю помешкать и до зимнева пути; да разсудите себѣ, государыни мои: то ли лутче, что по осени на время у васъ побывать да по послѣднему пути апять на службу и съ вами апять не видатца, или

[236] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 91.

то лутче, что нынѣ помѣшкать да вовсе за милостію Божіею и за вашими молитвами, свѣтовъ моихъ, отдѣлатца и вовсе съ вами быть на Москвѣ. А потомъ братъ вашь царь Алексѣй челомъ бьетъ»[237].

Въ тотъ-же день всѣмъ ратнымъ людямъ объявлено было, что государь, прося у Бога милости, завтра идетъ съ стану за рѣку Березу, къ Вильнѣ и къ Варшавѣ[238].

По странному стеченію случайностей, именно 12-же іюля Шведское семнадцатитысячное войско, подъ предводительствомъ фельдмаршала Виттенберга, изъ Помераніи вступило въ Великую Польшу, внезапно зайдя въ тылъ посполитому рушенью, собранному въ Познанскомъ воеводствѣ. Черезъ три дня онъ безъ боя заставилъ Польскихъ сенаторовъ подписать договоръ, въ силу котораго воеводства Калишское и Познанское отдались въ покровительство короля Шведскаго, и всѣ города въ воеводствахъ заняты были Шведскими гарнизонами. Вслѣдъ за Виттенбергомъ и самъ король Шведскій Карлъ X Густавъ,

[237] И эти строки отъ перваго слова до послѣдняго писаны собственною рукою царя Алексѣя Михайловича.

[238] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. стр. 367. столб. 1.

высадившись 19 іюля съ пятнадцатитысячнымъ войскомъ въ Вольгастѣ, также вступилъ въ Великую Польшу и, соединившись съ Виттенбергомъ въ Конинѣ, двинулся черезъ Ловичь къ Варшавѣ, которую и занялъ безъ боя 10 августа[239]. Король Янъ Казиміръ, не видя ни откуда помощи и поддержки, бѣжалъ изъ своей столицы сперва въ Краковъ, а потомъ въ Силезію, препоручивъ свое королевство въ опеку Матери Божіей, провозглашенной тогда Королевою Польскою[240].

Для Польши, раздираемой внутреннею междуусобицею и врагами внѣшними, настала своя Смутная пора. «Зрите Православные,—говоритъ современный повѣствователь, указывая на Поляковъ,—не тѣмъ же ли Богъ ихъ землю нынѣ наказуетъ? Не та же ли кровь въ ихъ землѣ нынѣ проливается отъ своихъ имъ единоземцевъ? Не то же ли междоусобіе въ ихъ землѣ нынѣ настоитъ, якоже тогда у насъ»[241]?

---

[239] Павлищевъ. Сочиненій его Т. II (Польская анархія при Янѣ Казимірѣ и война за Украйну). Спб. 1878. стр. 143—145 и 148.

[240] Труды и лѣтописи общества исторіи и древностей Россійскихъ, учрежденнаго при императорскомъ Московскомъ университетѣ. Ч. VI. М. 1833. стр. 61.

[241] Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1881 г. кн. 2. Матеріалы. стр. 6.

Замѣчательно, что въ то время, какъ извѣстный Радзеіовскій, изъ личной мести къ королю Казиміру назвавшій на свое отечество Шведовъ, увѣрялъ своихъ соотечественниковъ въ необходимости теперь-же поддаться Шведамъ, дабы вмѣстѣ съ ними пойти на Московское государство,—самъ король Карлъ Густавъ, напротивъ того, прямо говорилъ, что онъ дѣйствуетъ въ союзѣ съ Московскимъ царемъ и имѣетъ съ нимъ общаго врага—Польскаго короля. Весьма любопытенъ разсказъ возвратившагося изъ Польскаго плѣна Ивана Пушкина. Будучи отправленъ, по государеву указу, для хлѣбнаго сбора изъ Смоленска въ Мстиславль, Пушкинъ былъ взятъ «мужиками» и отведенъ къ гетману Янушу Радзивилу. «И Родивилъ-де ево, Ивана, про государевыхъ ратныхъ людей роспрашивалъ; и онъ-де, Иванъ, ему сказалъ, что-де нихто ево государевыхъ ратныхъ людей смѣтить не можетъ. И возилъ-де ево Родивилъ съ собою подъ Быховъ Новой и велѣлъ говорить Золоторенку да стряпчему Михаилу Дмитріеву, что государь побѣжалъ за Бѣлоозеро, испужался Литовскихъ людей, и ево государево войско все померло, а иные-де побиты. И онъ,

Иванъ, такихъ словъ не говорилъ, и за то-де гетманъ хотѣлъ ево казнить. И изъ Быхова повезъ съ собою въ Варшаву къ королю, и король велѣлъ ево снова посадить въ тюрьму. И какъ король отъ Свѣйскихъ людей изъ Варшавы поѣхалъ въ Краковъ и ево-де, Ивана, и иныхъ велѣлъ скованныхъ гнать пѣшихъ, и въ Краковѣ-де посадили ихъ въ тюрьму, и сидѣли 6 недѣль, а кормъ давали одинъ горохъ. И какъ-де Краковъ Свѣйскому королю сдался, и ево-де, Ивана, и иныхъ полонянниковъ 60 человѣкъ велѣлъ изъ тюрьмы выпустить и желѣза посбить, и говорилъ-де имъ Свѣйской король самъ: мнѣ-де царское величество другъ и пріятель доброй, пошли-де мы на непріятеля своего на Польскаго короля посполь, и я-де ему царскому величеству объявляю братцкую дружбу, васъ изъ полону отпущаю; и давъ-де имъ денегъ и по лошади, отпустилъ. И послѣ-де того въ Торунѣ Радѣевской да генералъ говорили Польскимъ людемъ чтобъ они поддались Свѣйскому королю безъ бою; а они-де Свѣяне съ ними пойдутъ на Московское государство и послѣдней-де кирпичь въ Смоленску не изгинетъ. И онъ-де, Иванъ, Радѣевскому и генералу говорилъ: за

что-де вы такъ Польскимъ людемъ говорите, мнѣ-де и самъ король говорилъ, что онъ пошелъ съ царскимъ величествомъ на Польскаго короля за одно; и они-де ему, Ивану, сказали: то-де мы говорили ихъ обманывая, чтобы-де городъ взять»[242].

Какъ бы то ни было, но въ Европѣ весьма недоброжелательно относились къ Шведскому королю, подоспѣвшему собирать даровые лавры въ угнѣтенной несчастіемъ странѣ. Австрійскій графъ Михель Минохъ, встрѣтившись въ Вѣнѣ съ нашимъ гонцомъ Григорьемъ Богдановымъ, въ частномъ разговорѣ съ нимъ, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Нынѣ учинился Свѣйскій король Польскому силенъ тѣмъ, что вся коруна Польская, боясь государя вашего, учали поддаватся Свѣйскому королю безъ войны; и Свѣйскому королю того въ похвалу ставить нечего, потому что онъ нынѣ многіе Польскіе городы поималъ за мечомъ царскаго величества, а не собою. И ту рѣчь, что̀ я теперь говорю, по всей Цесарской землѣ говорятъ, что во всемъ

---

[242] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 86. Ч. I.

сила и мочь большая Московскаго государя»[243].

Шведы уже распоряжались въ Великой Польшѣ, когда царь Алексѣй Михайловичь еще только приближался къ Вильнѣ. Не доходя 50 верстъ, въ деревнѣ Крапивнѣ, государь узналъ, что 29 іюля Литовская столица взята нашими войсками. «Да буди вамъ, государынямъ, вѣдомо, — читаемъ въ письмѣ царскаго величества къ сестрамъ,—что бояре наши и воеводы князь Яковъ Куденетовичь Черкаской съ товарищи и наказной гетманъ Иванъ Золотаренокъ и наши ратные люди гетмановъ Радивила и Гансевскаго и Польскихъ и Литовскихъ людей побили и гнали, и на спинахъ ихъ въ городъ въѣхали и городъ Вильню взяли; а гетманы Радивилъ и Гансевской отошли отъ города Вильни за рѣку Вилѣю и стали обозами отъ города въ 5 верстахъ. И бояре наши и воеводы пошли за ними тогожъ часу. А мы, великій государь, пошли къ Вильнѣ въ 30 день на спѣхъ и, постоявъ подъ Вильнею недѣлю для запасовъ, прося у Бога милости и надѣяся на отца наше-

[243] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. III. Спб. 1854. столб. 654.

го великаго государя святѣйшаго Никона патріарха (титулъ) молитвы, пойдемъ къ Оршавѣ. *А обо мнѣ не покручиньтеся, что позамешкался. Ей, Богъ даетъ доброй путь и побѣду. Братъ вашъ царь Алексѣй челомъ бьетъ. Здравствуйте, свѣты мои, на многіе лѣта*»[244].

По сказанію иностранцевъ[245], въѣздъ царя Алексѣя Михайловича въ Вильну былъ весьма пышенъ. Въ поѣздѣ находилось болѣе шестидесяти каретъ, изъ коихъ три въ серединѣ, съ двѣнадцатью лошадьми каждая, были обтянуты красною и синею матеріею; кучера были одѣты въ красные и синіе кафтаны и имѣли на головахъ высокія черныя шапки. Самъ царь ѣхалъ въ великолѣпной Французскаго дѣла каретѣ, обитой внутри коричневымъ бархатомъ и унизанной жемчугомъ. Царскую карету везли шесть свѣтло-гнѣдыхъ бахматовъ[246]. По сторонамъ шли 12 тѣлохранителей въ бархатныхъ кафтанахъ и съ сѣкирами

[244] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 91.—Слова напечатанныя курсивомъ—собственной руки царя Алексѣя Михайловича.

[245] Irenico-Polemographia, sive Theatri Europaei continuati Septenium. Franckfurt am Mayn. 1663. p. 784.

[246] Бахматъ—малорослая, крѣпкая лошадка; клеперъ, пони (Даль. Толковый словарь живаго Великорусскаго языка). А по объясненію Линде (Słownik języka Polskiego), бахматомъ называется «большая Татарская лошадь».

на плечахъ. Государь имѣлъ на головѣ высокую шапку, украшенную девятью нитками драгоцѣннаго крупнаго жемчуга. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ какой-то старикъ, который потомъ вышелъ первымъ изъ кареты и шелъ впереди государя. Во время слѣдованія поѣзда, у всѣхъ воротъ стрѣляли изъ пушекъ. Весь путь былъ устланъ краснымъ сукномъ.

Въ нашихъ отечественныхъ актахъ нѣтъ свѣдѣній ни о времени, ни о внѣшней обстановкѣ въѣзда царя Алексѣя Михайловича въ Вильну[247]; мало говорится и о самомъ взятіи стольнаго города Литвы. Въ извѣстной «Запискѣ о военныхъ дѣйствіяхъ во время Польскаго похода 1655 года» отмѣчено только, что «государь царь изъ Смоленска пошелъ подъ Вилну, и Вилну взялъ, и поимали многое множество всякихъ вещей; и пошелъ государь къ Москвѣ, а оставилъ воеводу князя Михайла Шеховскаго да съ нимъ служивыхъ людей

---

[247] Хотя въ приведенномъ письмѣ изъ Крапивны государь и говоритъ, что онъ пошелъ «къ Вильнѣ въ 30 день (іюля) на спѣхъ», но въ посланной того-же числа грамотѣ къ Невельскому воеводѣ Никитѣ Сумарокову, объ отправленіи молебствія по случаю взятія Вильны, прямо сказано: «А мы, великій государь, въ Вилну пойдемъ іюля въ 31 день» (Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою коммиссіею. Т. IV. Спб. 1851. № 16).

пять полковъ солдатскихъ. А Вилна городъ каменной, а въ немъ полаты все каменныя, а древяныхъ мало, толки шесть на посадѣ; а костеловъ въ Вилнѣ, а по нашему церквей, на посадѣ больше ста»[248].

Въ одной хроникѣ 1682 года, писанной Бѣлорусскимъ полууставомъ, подъ 1655 годомъ, находится также такая запись: «А царь Вильню опановалъ; тамъ много попустошилъ и скарбы великіе и невольниковъ безъ числа з Вильня и изъ иншихъ мѣстъ Литовскихъ до Москвы выпровадили»[249].

---

[248] Акты, собранные Археографическою экспедиціею. Т. IV. Спб. 1836. стр. 129. столб. 1.

[249] Императорская публичная библіотека: отдѣленіе рукописей. F. IV. № 215. л. 338 на оборотѣ.

ГЛАВА XIII.

Вслѣдъ за взятіемъ Вильны, ближнему боярину и воеводѣ князю Якову Куденетовичу Черкасскому приказано было послать «походныхъ воеводъ со многими ратьми къ Варшавѣ». Туда-же собирался идти «съ большими силами» и самъ царь Алексѣй Михайловичъ[250]. Между прочимъ вызванъ былъ въ Вильну и Василій Петровичъ Шереметевъ, которому указано было предварительно донести, сколько прибудетъ съ нимъ ратныхъ людей. Въ статьяхъ военно-походнаго журнала находится слѣдующая запись: «Августа въ 20 день, писалъ къ государю бояринъ и воеводы Василей Петровичъ Шереметевъ: по го-

[250] Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою коммиссіею. Т. VI. Спб. 1857. стр. 445. столб. 1.

судареву указу, велѣно имъ со всѣми ево государевыми ратными людьми итти къ Вильнѣ, не мѣшкая, тотчасъ; и что̀ съ ними въ походѣ будетъ государевыхъ ратныхъ людей конныхъ и пѣшихъ, и они тому прислали роспись. И по росписи съ бояриномъ и воеводы Васильемъ Петровичемъ Шереметевымъ съ товарищи ратныхъ людей: стольниковъ и стряпчихъ и дворянъ Московскихъ и жильцовъ 25 человѣкъ; городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ—Новгородцовъ 1845 человѣкъ, Псковичъ 169 человѣкъ, Лучанъ и Торопчанъ и Пусторжевцевъ и Невлянъ 864 человѣка; Витепскіе и Невельскіе шляхты 153 человѣка; даточныхъ рейтарскаго строю 92 человѣка; казаковъ розныхъ городовъ 662 человѣка; драгуновъ 1635 человѣкъ; салдатовъ дву полковъ 1351 человѣкъ; Московскихъ стрѣльцовъ 511 человѣкъ. Всего конныхъ и пѣшихъ людей 7307 человѣкъ»[251].

Но походъ въ Польшу не состоялся, въ виду двусмысленной политики Шведскаго двора. Становилось очевиднымъ, что Карлъ X, не довольствуясь Польшей, простиралъ свои виды

---

[251] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 86. Ч. I.

даже и на Литву. Гетманъ Радзивилъ, потерявши Вильну, уже поддался ему, равно какъ и другіе Литовскіе паны, обнадеживаемые возвратомъ ихъ владѣній, занятыхъ Русскими[252]. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Карлъ X продолжалъ «притворяться» союзникомъ царскаго величества и прислалъ дружественную грамоту съ извѣщеніемъ, что отправляетъ къ нему «великихъ пословъ своихъ» для переговоровъ «о государственныхъ общихъ великихъ дѣлехъ»[253].

24 августа, гонецъ Климентъ Іевлевъ повезъ къ Шведскому королю отвѣтную грамоту. Не упоминая ни однимъ словомъ о Польшѣ, царь Алексѣй Михайловичь писалъ королю: «А что ваше королевское величество, за Божіею помощію, Курлянскіе и Прускіе городы и мѣста поималъ, и мы, слыша о томъ, радуемся, и нашихъ царскаго величества ратныхъ людей въ тѣ городы и мѣста посылать не велимъ». Въ грамотѣ государь припоминалъ, что онъ, «для королевскаго величества дружбы и любви», боярину своему и воево-

---

[252] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. X. Спб. 1860. стр. 394.

[253] Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою коммиссіею. Т. VI. стр. 446. столб. 1.

дамъ Василью Петровичу Шереметеву съ товарищи и ратнымъ людямъ, которые пошли было на Курляндскаго князя, велѣлъ воротиться назадъ и владѣнья его городовъ, селъ и деревень воевать не велѣлъ. «Также бы и вамъ, королевскому величеству, по вѣчному докончанью и для нашіе вѣчные дружбы и любви, въ наши царскаго величества взятые городы и уѣзды, которые намъ, великому государю, подаровалъ Богъ взяти у Полскаго Яна Казимера короля, своихъ королевскаго величества ратныхъ людей не посылать.... и въ наши царского величества великаго княжства Литовскаго въ городы и въ уѣзды не вступатца». Въ заключеніи грамоты, государь извѣщалъ, что королевскихъ великихъ пословъ велѣно «принять честно, во всемъ по посолскому обычаю» въ царствующемъ градѣ Москвѣ, «для того, что мы, великій государь, изволили нынѣ итти изъ своего великаго княжства Литовскаго столного города Вилни въ нашъ царствующій градъ Москву»[254].

[254] Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою коммиссіею. Т. VI. Спб. 1857. стр. 445 и 446.— Не смотря однако на столь опредѣленное указаніе времени выступленія изъ Вильны, царь Алексѣй Михайловичь выѣхалъ оттуда лишь 11 сентября.

Спустя шесть дней послѣ отправленія грамоты къ Карлу X, именно 30 августа 1655 года, Новгородскій подьячій Григорій Яковлевъ привезъ царю Алексѣю Михайловичу отписку Новгородскаго воеводы князя Ивана Андреевича Голицына съ донесеніемъ, что на имя государево идутъ изъ-за рубежа, отъ Колывани, цесаря Римскаго Фердинандуса великіе послы, съ предложеніемъ посредничества въ дѣлѣ примиренія съ Польскимъ королемъ.

Какъ извѣстно, Римскій императоръ Фердинандъ III горячо принялъ къ сердцу тяжкую участь своего двоюроднаго брата, Польскаго короля Яна Казиміра[255]. Независимо отъ близкаго родства обоихъ государей, Вѣнскій дворъ не могъ допустить паденія союзной католической Польши и усиленія на ея развалинахъ протестантской Швеціи, ненавистной и всему населенію имперіи. «Во всей Цесарской землѣ,—сказывалъ нашъ гонецъ въ Вѣну,—всякихъ чиновъ люди Свѣянъ добрѣ не любятъ и называютъ ихъ кривоприсяжниками и бездушниками; и если услышатъ,

[255] Мать Яна-Казиміра, герцогиня Цецилія Рената, была родная сестра Фердинанда II-го, отца Фердинанда III-го.

что Свѣяне гдѣ побьютъ Польскихъ людей, и въ тѣ поры добрѣ бываютъ печальны и по Полякахъ тужатъ; а какъ учинятся вѣсти, что Поляки Свѣянъ гдѣ побили, и тому всѣ ради, и Свѣйскихъ людей проклинаютъ»[256].

Фердинандъ III находилъ необходимымъ помирить Россію съ Польшею и за тѣмъ обратить оружіе Московскаго царя противъ Шведовъ. Устроить это дѣло поручено было іезуиту дону Аллегрети де Аллегретису.

Въ тотъ-же день, какъ получено было донесеніе князя Голицына, государь послалъ въ Москву, къ своему намѣстнику, князю Григорью Семеновичу Куракину, грамоту съ приказаніемъ отписать въ Новгородъ, чтобы цесарскіе послы были отпущены оттуда прямо въ Москву и чтобы въ городахъ, черезъ которые они будутъ слѣдовать, вездѣ было «на улицахъ людно и стройно, по посольскому обычаю»[257]. Вмѣстѣ съ тѣмъ, указано приго-

---

[256] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. III. Спб. 1854. столб. 655.

[257] Свѣдѣнія о пріѣздѣ въ Россію дона Аллегрети и о всемъ его посольскомъ дѣлѣ извлечены изъ Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. III. Спб. 1854. столб. 253—672. Другіе источники будутъ указаны подъ строкою.

товить въ Москвѣ помѣщеніе для пословъ во дворѣ зятя Василья Петровича Шереметева, князя Льва Александровича Шлякова-Чешскаго, недалеко отъ Ильинскаго крестца, въ приходѣ Введенской церкви, что̀ у Гостинаго двора. Въ Земскій приказъ дано было повелѣніе, «отъ Ильинскаго крестца въ переулкѣ до князя Львова двора Александровича Шлякова, гдѣ стоять цесарскимъ посламъ, намостить мостъ, а князю Льву Александровичу пріискать и отдать въ Китаѣ городѣ порожній дворъ». Послѣ того сдѣлано распоряженіе, чтобы «на князь Львова дворѣ Шлякова въ полатахъ и въ хоромѣхъ печи починить, а которыхъ починить за худостью нелзѣ, и тѣ сдѣлать вновь; горницу, гдѣ каплетъ, перекрыть; да и во всѣхъ мѣстѣхъ осмотрѣть и для посольскаго пріѣзду худыя мѣста вычинить тотчасъ». Въ домѣ князя Шлякова-Чешскаго, нѣкогда весьма богатомъ, судя по разсказу Олеарія, не доставало разной утвари, вслѣдствіе чего, по государеву указу, «велѣно дать на дворъ князя Льва Александровича Шлякова, въ двѣ избы два стола, да посольскому дворецкому большой столъ, да скамья здѣлать, да въ три малые избы три

жъ стола; да послать 10 торелокъ оловянныхъ да 36 торелокъ деревянныхъ; а какъ послы поѣдутъ съ Москвы, и то все велѣть взять назадъ».

Покамѣстъ шли всѣ эти приготовленія во дворѣ князя Шлякова, цесарскіе послы донъ Аллегрети де Аллегретисъ, Яганъ фанъ Лорбахъ и кавалеръ Францъ Холдоръ, въ сопровожденіи трехъ дворянъ цесарскихъ, переводчика, лѣкаря, шести коморниковъ и двѣнадцати посольскихъ и дворянскихъ людей, прибыли въ порубежную деревню Онѣжицъ, куда заранѣе былъ высланъ для встрѣчи дворянинъ Богданъ Тихоновичь Ададуровъ съ подьячимъ и 50-ю стрѣльцами. Ададуровъ принялъ пословъ «честно, примѣряясь къ инымъ къ такимъ-же посольскимъ приниманьямъ». Въ Новгородѣ послы заявили князю Голицыну, что они идутъ на-спѣхъ для государственныхъ дѣлъ; а потому просили, чтобы ихъ отпустили прямо къ государю въ Вильну. Это было въ половинѣ сентября, когда царь Алексѣй Михайловичь находился уже на пути въ Москву. Изъ стана въ селѣ Родожковичахъ государь отвѣтилъ князю Голицыну, чтобы послы, по прежнему указу, шли къ Москвѣ

на Тверь и на Торжокъ, «а будетъ послы учнутъ проситись къ великому государю въ походъ, и имъ говорить, что великій государь изъ походу изволили итти, и будутъ въ царствующій градъ Москву вскорѣ; а въ походъ къ великому государю итти имъ, посломъ, за болотами и за грязми не мочно, да и кормовъ своихъ и конскихъ тѣми дорогами имъ не готовлено».

Приставъ Ададуровъ провожалъ пословъ и отъ Новгорода до Москвы. Дорогою, главный посолъ донъ Аллегрети разспрашивалъ его о разныхъ предметахъ: про Астрахань, сколь далеко отъ Москвы? которая-де рѣка подъ Астраханью? про Татаръ Ногайскихъ; гдѣ у насъ соболи родятся? долголь ѣхать отъ Москвы до Сибири? какіе тамъ живутъ люди и кто-де владѣетъ тѣмъ Сибирскимъ государствомъ[258]? Ададуровъ отвѣчалъ на вопросы «съ большимъ остерегательствомъ, чтобъ государеву имени было къ чести и къ повышенью, а Московскому государству къ добру». Напримѣръ, на вопросъ Аллегрети,

---

[258] Аллегрети былъ природный Славянинъ, изъ Рагузы, и объяснялся по Русски (Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Т. III. Спб. 1870. стр. 235).

долголь ѣхать отъ Москвы до Сибири, приставъ отвѣтилъ: «до первыхъ городовъ Сибирскихъ, до большаго города Тобольска отъ Москвы ѣхать три годы, а вдаль туды за Тобольскъ гораздо далеко, и вѣдать мнѣ про то немочно». Умный іезуитъ понималъ пристава и самъ хитрилъ съ нимъ, зная, что о каждомъ словѣ онъ донесетъ государю. Аллегрети издалека заводилъ разговоры о необходимости мира съ Польшею и о коварствѣ Шведовъ. «Издавна-де у Свѣянъ такой лукавый вымыслъ, что они нападаютъ на такихъ, кто безсиленъ». Онъ выражалъ негодованіе, что «Свѣяне, не дождався съ Поляки перемирныхъ урочныхъ лѣтъ и видя ихъ упадокъ, въ которое время царское величество на нихъ Поляковъ изволилъ съ своими ратными людми наступить войною, сами въ то-жъ время надъ ними промышляютъ».

30 Сентября послы пришли въ Клинъ. Въ Москвѣ, повидимому, не ожидали такого быстраго слѣдованія и, кажется, не успѣли кончить всѣ приготовленія для пріема посольства. Къ Ададурову поспѣшили послать изъ Посольскаго приказа память, за приписью дьяка Алмаза Иванова, съ приказаніемъ идти

съ послами на подхожій станъ, въ имѣніе боярина князя Якова Куденетовича Черкасскаго, въ село Никольское[259], съ такимъ разсчетомъ, чтобы прибыть туда 5 октября къ вечеру, а стоять въ Никольскомъ до 7 октября. Стоянка эта не обѣщала большихъ удобствъ, хотя и приказано было помѣстить пословъ «на боярскомъ дворѣ въ хоромѣхъ». Не смотря на осеннюю пору, Ададурову сказано, чтобъ онъ «хоромъ Никольскихъ топить не велѣлъ для того, что въ тѣхъ хоромѣхъ печи попорчены».

Какъ ни старался Ададуровъ тянуть время, уговаривая пословъ, «чтобъ итти неспѣшно, что нынѣ дожди велики и дорога грязна», но ему не удалось осилить ихъ нетерпѣнія скорѣе добраться до Москвы. Посольство прибыло въ Никольское 3 октября вечеромъ, двумя днями раньше противъ назначеннаго срока. Войдя въ нетопленныя хоромы князя Черкасскаго, послы спросили пристава: «Долго ли намъ здѣсь стоять»? Тотъ отвѣтилъ, что до царскаго указа. «Пошли къ Москвѣ,—сказали они Ададурову,—а вели про насъ сказать,

[259] Село Никольское находится въ 9 верстахъ отъ Москвы, отъ Тверской заставы по С.-Петербургскому тракту. Село это отъ Черкасскихъ перешло въ родъ Шереметевыхъ и нынѣ принадлежитъ графу Александру Дмитріевичу Шереметеву.

что мы пришли на станъ».—Теперь пора ночная,—отвѣтилъ Ададуровъ,—пошлю гонца завтра.

Посланный на другой день гонецъ привезъ изъ Москвы строгій выговоръ Ададурову: «а что ты пришелъ съ послы на подхожій станъ, не дождався дву денъ, и ты то учинилъ дуростію своею самовольно». Вмѣстѣ съ тѣмъ повторено было, чтобы изъ Никольскаго выступить къ Москвѣ 7 октября, въ воскресенье. «А буде послы учнутъ говорить, что имъ до воскресенья жить на стану долго и скучно, и ты бъ имъ разговорилъ, что нынѣ застали дѣла государственные и ратные большіе, и затѣмъ имъ немного помѣшкать; а по государеву указу приняты они будутъ честно, и они бъ о томъ, что до воскресенья подождать, не поскучали». На другой день, посламъ прислано было изъ Сытнаго дворца, какъ-бы въ утѣшеніе, «два ведра вина простаго, пять ведръ меду цѣженнаго, да пива добраго пять ведръ».

Тѣмъ временемъ, Москву чистили и чинили, преимущественно по тому пути, по которому назначено было слѣдовать посламъ, то есть, Тверскую улицу, на Неглинной мостъ и

площадью на Ильинскій крестецъ, ко двору князя Льва Александровича Шлякова. 2 октября велѣно было «на Пожарѣ грязь вычистить; а гдѣ безъ мосту быти нелзѣ, и на тѣхъ мѣстѣхъ намостить тотчасъ, чтобы къ пріѣзду цесарскихъ пословъ дорога вся была чиста». Во дворъ князя Шлякова приказано посылать для обереженія пословъ по тридцати человѣкъ Московскихъ стрѣльцовъ, «Украинскихъ же городовъ стрѣльцовъ не посылать»; да кромѣ того, пріискать «пять человѣкъ сторожей добрыхъ, чтобъ были не воры и не бражники».

7 октября цесарскіе послы оставили село Никольское и въ 6-мъ часу дня подошли къ встрѣчному мѣсту у Гонной слободы, по Тверской дорогѣ. Здѣсь стремянной конюхъ подвелъ лошадей съ царской конюшни, и послы, вышедъ изъ каретъ, сѣли на нихъ верхомъ. Ѣхавшіе на встрѣчу новые приставы, дворянинъ Яковъ Загряжскій и дьякъ Василій Михайловъ, послали сказать посламъ, что «есть до нихъ государева рѣчь, и они бъ съ лошадей ссѣли; а они-де, приставы, съ лошадей ссядутъ-же». Но послы «съ лошадей не ссѣли; а говорили, чтобъ напередъ ссѣсть съ ло-

шадей имъ, приставомъ, и тѣмъ имъ учинить почесть, потому что они, послы, гости, а гостей всегда почитаютъ». Загряжскій и Михайловъ увѣряли, что они встанутъ съ лошадей вмѣстѣ съ послами, въ одно и тоже время. Но тѣ не поддавались ни на какія соглашенія и рѣшительно объявили, что «покамѣста приставы съ лошадей не ссядутъ, имъ съ лошадей не ссѣдать; а буде приставы съ лошадей напередъ не ссядутъ, и они ѣдутъ назадъ».

Приставы, видя, что послы приказали уже подавать кареты, дали знать о случившемся недоразумѣніи намѣстнику царскому въ Москвѣ, князю Григорью Семеновичу Куракину. Тотъ, «доложа великаго государя святѣйшаго Никона патріарха, и остерегая того, чтобъ за тѣ споры межъ великаго государя и цесаря къ доброму дѣлу несходства и нелюбья какова не учинилось», велѣлъ приставамъ встать съ лошадей прежде пословъ. Тотчасъ же послѣ приставовъ ссѣли съ лошадей и послы. Они выслушали рѣчь государя, «снявъ шляпы, чтиво», и поѣхали въ городъ, по Тверской улицѣ, ко двору князя Шлякова, вмѣстѣ съ приставами, разговаривая съ ними «любительно».

Дорогою послы, «глядя на церкви Божіи, роспрашивали и удивлялись, церковному строенію». Они похваляли также «стройство» выѣзжихъ людей или встрѣчниковъ, не подозрѣвая, что это были простые купцы и лавочники, которымъ, по недостатку въ Москвѣ настоящихъ ратныхъ людей, приказано было вооружиться и выступить для пріема пословъ[260]. «Мы чаяли,—говорилъ Аллегрети Загряжскому,—что въ стольномъ градѣ и встрѣтить пословъ будетъ некому, такъ какъ государь вашъ пошелъ на непріятеля своего Польскаго короля, а нынѣ видимъ ратныхъ людей многія тысячи». Одно не понравилось посламъ, это отсутствіе всякихъ удобствъ въ отведенномъ имъ дворѣ князя Льва Александровича Шлякова. Обстоятельство это ставило посольство въ крайне затруднительное положеніе. «У насъ,—говорилъ Аллегрети Загряжскому,—какъ приходятъ ваши и иныхъ государствъ послы и посланники, и имъ отводятъ жилые дворы, и на дворѣхъ постели и одѣяла изготовлены бываютъ стройные, и

---

[260] Аболенскій. Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по записками архидіакона Павла Алеппскаго. Кіевъ. 1876. стр. 61.

скатерти и суды всякіе, изъ чего пить и ѣсть, такъ-же и поваренные суды, все готовое. И мы, чая, что и у царскаго величества будетъ по тому-жъ, постели и суды и ничего съ собою не имали, и нынѣ-де намъ безъ того быть немочно».—А у насъ,—отвѣтилъ Загряжскій, —суды всякіе и постели послы и посланники привозятъ съ собою; такъ-же и царскаго величества послы и посланники посылаютца въ окрестные государства, и они что̀ имъ надобно какихъ потребъ, возятъ съ собою; потому для вашего пріѣзду и не готовлено. Аллегрети очевидно выходилъ изъ терпѣнія: «Коли будетъ у царскаго величества того и не повелось, и мы, послы, просимъ того у васъ, чтобъ вамъ донести до бояръ и до ближнихъ людей, кому отъ царскаго величества приказано, чтобъ великій государь вашъ насъ пожаловалъ, велѣлъ намъ дати, безъ чего пробыти не мочно.... А будетъ людемъ постелей не будетъ, ино бъ возъ соломы, да всякому человѣку по одѣялу».

ГЛАВА XIV.

Въ началѣ декабря 1655 года пришли въ Москву Шведскіе послы Густавъ Біельке, Александръ Эссенъ и Филиппъ Крузенштернъ; а вслѣдъ за ними, 10 декабря, прибылъ въ царствующій градъ и самъ царь Алексѣй Михайловичь, привѣтствуемый пушечною пальбою и звономъ всѣхъ колоколовъ Московскихъ.

Въ тотъ день, съ 5 часовъ утра, на встрѣчу царя выступили по два въ рядъ священники и власти, облаченные въ ризы и съ непокрытыми главами. Впереди несли на долгихъ жердяхъ два образа; потомъ также на жерди «великій, златомъ оправленный фонарь, а въ немъ горѣли многія вощаныя свѣчи». Далѣе слѣдовали по порядку: четыре «злаченыя круглыя звѣзды и крестъ великій, зла-

ченный и хорошо писанный; многіе чудные злаченые и хорошо писанные образы, при нихъ книги, краснымъ бархатомъ обложены, а на нихъ херувимы и серафимы на золотѣ писаны». За священниками и властями шелъ думный дьякъ Алмазъ Ивановъ со всѣми своими дьяками. Потомъ патріархъ Никонъ, сопровождаемый двумя лицами духовнаго чина. Онъ имѣлъ въ рукахъ посохъ, «сребромъ обложенный» съ крестомъ на верху; на главѣ патріарха была шапка, «золотомъ, жемчугомъ и многимъ драгоцѣннымъ каменьемъ устроена, а на ней крестъ». Шествіе замыкали пребывавшіе въ Москвѣ: Антіохійскій патріархъ Макарій и Сербскій патріархъ Гавріилъ.

Во время слѣдованія этой торжественной «царской встрѣчи» мимо Посольскаго двора, всѣ были возмущены поведеніемъ Шведскихъ посольскихъ людей: они, не снимая шляпъ, апатично глядѣли на священное шествіе, въ противоположность цесарскимъ посольскимъ людямъ, которые стояли безъ шляпъ и до земли поклонялись иконамъ. Объ этомъ случаѣ въ современномъ описаніи въѣзда сказано слѣдующее: «А какъ попы и чернцы про-

тивъ того мѣста пришли, гдѣ королевскіе Свѣйскіе посольскіе люди стояли, и они всѣ учали міромъ вопить: снимите, снимите шляпы! И стрѣльцы говорили тожъ и указали на цесарскихъ посольскихъ людей, которые всѣ безъ шляпъ стояли неподалече и образамъ до самыя земли кланялись».

У Драгомиловской заставы царь Алексѣй Михайловичь вышелъ изъ возка и, отслушавъ молебенъ, совершенный въ сослуженіи трехъ патріарховъ, принялъ поднесенные ему отъ честныхъ людей, отъ гостей и отъ иныхъ людей дары: пять серебряныхъ блюдъ, четыре тысячи золотыхъ, покрытыхъ красною тафтою, двадцать кубковъ позолоченыхъ, сорокъ четыре (?) золота, двадцать сороковъ соболей и рукомойникъ съ мисою, а въ ней хлѣбъ.

Государь шелъ до самого Лобнаго мѣста пѣшкомъ, одѣтый въ бѣлую соболью шубу съ широкимъ собольимъ ожерельемъ и безъ шапки. По словамъ очевидца, лицо его «отъ полноты радости вслѣдствіе побѣдъ и завоеванія провинцій и пораженія враговъ дивно блистало и свѣтилось»[261]. Предъ царскимъ ве-

[261] Аболенскій. Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по записками архидіакона Павла Алепскаго. Кіевъ. 1876. стр. 64.

личествомъ, послѣ людей духóвнаго чина, «шли многіе робята въ бѣлыхъ одеждахъ, которые листки въ рукахъ держали и по нихъ пѣли». На Лобномъ мѣстѣ царь, трижды поклонившись «великому образу», поцѣловалъ крестъ изъ рукъ патріарха Никона и за тѣмъ указалъ спросить у толпившагося кругомъ народа, «у всего міра», о здоровьѣ. «И весь міръ въ землю челомъ ударили и царскому величеству многолѣтствовали»[262].

Вмѣстѣ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ возвратились въ Москву, къ своимъ семействамъ, Петръ Васильевичъ и Никита Ивановичъ Шереметевы; первому изъ нихъ черезъ три дня по пріѣздѣ пришлось начать новую службу, требовавшую и представительности, и умѣнья обращаться съ знатными иноземцами.

14-го декабря, государь велѣлъ стольнику Петру Васильевичу Шереметеву «ѣхати къ цесарскимъ посломъ къ дону Аллегрету донъ Аллегретусу съ товарыщи, съ своимъ госу-

[262] Всѣ эти подробности извлечены изъ современнаго «Описанія въѣзда въ Москву царя Алексѣя Михайловича, по возвращеніи изъ Польскаго похода», напечатаннаго дважды: въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. III. М. 1822. № 184 и въ Полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи. Т. I. Спб. 1830. № 171.

даревымъ жалованьемъ, съ милостивымъ словомъ». Шереметеву наказано было, по обычномъ спросѣ о здоровьѣ, ѣхать къ государю. «А буде послы чѣмъ подарятъ нарочитымъ, и ему то принять; а буде что поднесутъ обычное или худое, и ему того не имати, а молыть: государскимъ жалованьемъ всего у меня много, ничѣмъ не скуденъ».

Въ тотъ-же день, Петръ Васильевичь Шереметевъ поѣхалъ къ посламъ во дворъ своего зятя князя Льва Александровича Шлякова. У самой лѣстницы онъ всталъ изъ саней и, войдя въ хоромы, сказалъ посламъ:

«Божіею милостію, великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичь и дѣдичь и наслѣдникъ и государь и обладатель, любя брата своего дражайшего и любезнѣйшаго, великаго государя Фердинандуса Третьяго, Божіею милостію цесаря Римскаго, а васъ пословъ его великихъ жалуя, велѣлъ спросить о вашемъ здоровьѣ».

Послы «обрадовались» такой государевой милости и всѣ трое, Аллегрети, Лорбахъ и

Холдоръ, провожали Шереметева на крыльцо и на лѣстницу, а дворяне посольства—даже до воротъ.

На другой день послы цесаря Римскаго представлялись государю въ Грановитой палатѣ и поднесли царскому величеству: «въ двухъ скляницахъ мѵро Великаго Чюдотворца Николы, два кувшинца золоты съ жемчюги, по 120 рублей кувшинецъ; двѣ объяри цвѣтные, по нихъ травы золоты; 27 аршинъ объяри серебреной бѣлой, покровецъ шитъ шолки цвѣтными, часы золочены въ 15 рублей, въ дву коробкахъ араматъ, въ дву коробкахъ сахару составнаго».

Послѣ представленія, государь опять отправилъ къ посламъ, въ занимаемый ими дворъ, стольника Петра Васильевича Шереметева, «съ своимъ государевымъ жалованьемъ, съ столомъ съ ѣствою и съ питьемъ».

На этотъ разъ Шереметевъ въѣхалъ во дворъ Шлякова верхомъ. У лѣстницы онъ сошелъ съ коня и принялъ встрѣчу отъ дворянъ посольства. За тѣмъ, отправился въ хоромы, сопровождаемый дворовыми людьми, которые несли «скатерть и судки и ѣству и питье». Войдя въ хоромы, Шереметевъ объ-

явилъ посламъ, что великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь, любя брата своего дражайшаго и любезнѣйшаго Фердинандуса, цесаря Римскаго, а великихъ пословъ его жалуя, прислалъ къ нимъ отъ своего государскаго стола ѣству и питье.

Когда столъ былъ накрытъ скатертью и уставленъ винами, ѣствами и питьями по росписи, послы сѣли по мѣстамъ. По церемоніалу, издавна заведенному, Шереметевъ, только по просьбѣ пословъ, чтобъ онъ вмѣстѣ съ ними сѣлъ за столъ и государево жалованье ѣлъ и пилъ, помѣстился по конецъ стола, но безпрестанно вставалъ съ мѣста, лично подавая посламъ «питья, вина и меды».

Настало наконецъ время пить заздравную чашу,—труднѣйшая часть всей церемоніи, такъ какъ необходимо нужно было такъ расположить пословъ, чтобы они пили здоровье нашего государя прежде здоровья своего цесаря.

Шереметевъ всталъ съ своего мѣста и, держа въ рукѣ ковшъ питья, возгласилъ: «Чаша великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича (титулъ); дай Господи, великій государь нашъ (опять ти-

тулъ) здоровъ былъ на многіе лѣта, и чтобъ межъ великаго государя нашего, его царскаго величества, и брата его цесарскаго величества, дражайшаго и любезнѣйшаго Фердинандуса, цесаря Римскаго, ихъ государская братцкая дружба и любовь множилась и прибавлялась». Выпивъ ковшъ первымъ, Шереметевъ самъ поднесъ питье всѣмъ тремъ посламъ, а приставамъ и дворянамъ велѣлъ подать дворовымъ людямъ.

Заздравная прошла благополучно, безъ спора, который ни въ какомъ случаѣ не могъ бы разрѣшиться къ полному удовольствію пословъ, ибо въ наказѣ, данномъ Шереметеву, сказано было: «А будетъ цесаревы послы учнутъ говорить, чтобъ чашу пити напередъ про цесарское здоровье, и ему, стольнику Петру Васильевичу, говорити: пригожъ было имъ, цесарскаго величества великимъ посломъ, пріѣхавъ его царскаго величества въ государство, воздаючи честь великому государю нашему, пити чашу напередъ про его царскаго величества здоровье; и коли ужъ они послы упрямливаютца, хотятъ пить чашу напередъ про цесарскаго величества здоровье, и онъ, стольникъ Шереметевъ, учнетъ чашу пить

про обоихъ великихъ государей здоровья». Но и въ этомъ крайнемъ случаѣ, то есть при соединенной здравицѣ, Шереметеву надлежало настоять, чтобъ имя царскаго величества было сказано прежде цесарева имени.

Донъ Аллегрети «не вчиналъ сихъ статей», благоразумно уступивъ первенство Московскому царю, и Петръ Васильевичь Шереметевъ, продолжая слѣдовать данному наказу, поднялъ ковшъ за здоровье Римскаго цесаря: «чаша великаго государя Фердинандуса цесаря Римскаго, его цесарскаго величества здоровья». За симъ, слѣдовала чаша сына его царскаго величества благовѣрнаго государя царевича и великаго князя Алексѣя Алексѣевича: «дай Господи, онъ, государь царевичь, здоровъ былъ на многіе лѣта»! Послѣ того Шереметевъ оставилъ пословъ и отправился въ Посольскій приказъ объявить думному дьяку, что онъ у пословъ со столомъ былъ и по наказу исполнилъ.

Для переговоровъ съ цесарскими послами назначены были бояре и думные люди: князь Алексѣй Никитичь Трубецкой, князь Григорій Семеновичь Куракинъ, князь Юрій Алексѣевичь Долгоруковъ, окольничій Богданъ Мат-

вѣевичь Хитрово и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ.

Аллегрети, на первомъ отвѣтѣ, происходившемъ 17 декабря, прежде всего объявилъ, что «его цесарское величество желаетъ, чтобъ ссоры и войны и кроворозлитія, которые дѣлаются межъ его царскимъ величествомъ и Яномъ Казимеромъ королемъ Польскимъ, какими нибудь мѣрами усмирити и укротити, чтобъ христіянская кровь литись престала», и что цесарское величество не только хочетъ быть въ третьихъ между царемъ и королемъ Польскимъ и третействомъ своимъ мирное постановленье учинить, но даже приметъ за безчестье, если миръ учинится посредствомъ иного коего государя. Послы указывали боярамъ, какъ на убѣдительнѣйшее доказательство братской дружбы и любви цесаря Фердинанда, что въ привезенной ими посольской грамотѣ выписанъ полный царскій титулъ съ повышеньемъ, «а прежніе-де цесари къ предкамъ царскаго величества такъ николи не писывали, да не токмо-де что полнаго титла не писывали, и царемъ-де николи не писывали жъ». Бояре отвѣчали: «великому государю нашему, его царскому величеству, то не но-

вина. И къ прародителямъ царскаго величества всѣ великіе государи христіянскіе и бусурманскіе писали съ царскимъ имянованьемъ и съ титлы. А выговоровъ за то ни отъ кого не бывало, и что ему, великому государю, Богъ далъ, того никто отняти не можетъ. А что̀ и нынѣ его царскому величеству свыше Богъ подаровалъ за его государеву правду княжества и города и земли, и того какъ въ его государевы титлы не писать? То даръ Божій: кого хощетъ, того и одаритъ».

На второмъ отвѣтѣ, 20 декабря, бояре сказали посламъ, что великій государь принимаетъ посредничество цесаря въ любовь, но желаетъ знать, на которыхъ статьяхъ тому миру съ Польскимъ королемъ мочно статись?

Послы отвѣчали: «коли-де царскаго величества на то изволенье есть, и царское бъ величество велѣлъ назначить (для переговоровъ объ условіяхъ мира) съѣзду время и мѣсто, гдѣ онъ, государь, изволитъ». А когда посламъ сказали, что государь указалъ быть посольскому съѣзду въ царствующемъ градѣ Москвѣ, они стали просить назначить съѣздъ въ любомъ другомъ городѣ, кромѣ только Москвы. Послы находили болѣе удобнымъ съѣ-

хаться «въ особыхъ въ вольныхъ городѣхъ, въ Любку, или въ Амборку, или во Гданску, или въ Шленску, чтобы всѣмъ тремъ посломъ, царскаго величества и цесарскому и Польскому, было податно; а будетъ-де по нужѣ, ино въ Смоленску, или во Псковѣ». Бояре замѣтили, что сами же послы въ избранiи мѣста съѣзда положились на волю царскаго величества: «и вамъ надобѣ первыхъ словъ своихъ быти въ постоянствѣ, а инако переговаривать непригоже».

На томъ-же второмъ отвѣтѣ, бояре спросили у пословъ цесаревыхъ: «Гдѣ нынѣ Полской Янъ Казимеръ король, и паны рада Полскiе при немъ ли, и нѣтъ ли межъ ими розни»? Послы видимо обидѣлись намекомъ и отвѣчали съ раздраженiемъ: «Король-де Полской Янъ Казимеръ еще не згинулъ, стоитъ отъ Кракова близко, въ Шлезской землѣ, а при немъ есть и паны рада и рѣчь посполитая. Да и папа-де нашъ, и цесарь, и короли Ишпанской и Францужской и иные христiянскiе государи, которые католитцкiе вѣры, за него вступятся и своей католитцкой вѣрѣ загинуть не дадутъ. А то дѣло не дивное, что нынѣ король Полской и Кракова лишенъ: напе-

редъ того было, что за Поляки и Москва была, а послѣ-де, собрався Рускіе люди, Поляковъ изъ Москвы и выгнали съ большою имъ бѣдою».

Но помощь католическихъ державъ представлялась вещью гадательною, такъ какъ всѣ онѣ были заняты своими дѣлами. Въ Посольскомъ приказѣ хорошо знали, что «Шпанскій король велъ войну съ Французкимъ королемъ; Венецеяне съ Турскимъ бились, а папежъ Венецеянамъ помочь даетъ»; курфирсты же Нѣмецкихъ земель, на предложеніе цесаря помочь Польскому королю, прямо отвѣтили, что «если Свѣйскій король учинитъ какую неправду самому цесарю, и они ему на помочь готовы; а Польскій король съ Свѣйскимъ королемъ какъ хочетъ, такъ и раздѣлывается».

На отвѣтѣ, происходившемъ въ сочельникъ, 24 декабря, бояре требовали скорѣйшаго окончанія переговоровъ о съѣздѣ. «Нынѣде вѣдомо учинилось подлинно, — говорили они,—что Свѣйской король Полшею мало не всею завладѣлъ: Варшава давно за нимъ, а Краковъ взялъ же, а иные многіе города подъ себя подбиваетъ, а люди къ нему мало не всѣ поддались. И коли ужъ Свѣйской всѣмъ за-

владѣетъ, и въ то время что дѣлать и съ кѣмъ будетъ мириться»?

Въ концѣ концовъ рѣшено было съѣхаться уполномоченнымъ, для переговоровъ объ условіяхъ мира съ Польшею, въ Вильнѣ. Съ извѣстіемъ объ этомъ рѣшеніи отправлены были въ Вѣну гонцы: отъ насъ подьячій Григорій Богдановъ[263], а отъ пословъ—Нѣмчинъ Миколаюсъ Винцентъ. Поставлено было условіемъ, чтобы гонцы вернулись съ отвѣтомъ отъ цесаря къ 1 числу мая. «Помните,—сказали бояре посламъ,—войска царскаго величества многіе, которые собраны и оставлены въ Вилнѣ и въ иныхъ городѣхъ для поиску надъ Полскими людми, нынѣ, по братцкой любви къ цесарю, задержаны и стоятъ безъ промыслу, и то жданье съ великими убытки».

---

[263] Въ обстоятельномъ наказѣ, данномъ Григорью Богданову, предусмотрѣнъ и тотъ случай, когда рѣчь зайдетъ о личности царя Алексѣя Михайловича: «А будетъ цесаревы думные люди или приставы учнутъ спрашивать о государевыхъ лѣтѣхъ и о возрастѣ, и Григорью говорити: великій государь нашъ, его царское величество, въ совершенномъ возрастѣ, а дородствомъ и красотою лица и разумомъ украсилъ его Богъ паче всѣхъ людей, и ко всѣмъ людемъ онъ, государь, милостивъ и щедръ, и наукамъ философскимъ и рыцерскимъ онъ, государь, навыченъ, и къ ратному строю хотѣнье держитъ болшое по своему государскому чину и достоинству».

ГЛАВА XV.

Послы Римскаго цесаря горько сѣтовали на свое житье-бытье въ Москвѣ. «Три мѣсяцы уже суть,—писали они къ государю въ январѣ 1655 года,—яко здѣ въ надеждѣ пребывая почествованнымъ быти, искушаемъ ото дня въ день горшее». И раньше того, послы не одинъ разъ жаловались государю: «насъде съ челядью нашей велми крѣпко держатъ и никаковыхъ здѣшнихъ Нѣмецъ къ намъ и нашихъ за дворъ не пускаютъ». Но жалобы эти оставались даже безъ отвѣта. Строгость надзора была такъ велика, что когда одинъ изъ членовъ посольства, «человѣкъ честной и рода великаго», тяжко заболѣлъ и уже лежалъ при смерти, то послы едва добились, чтобы къ нимъ во дворъ пустили дохтура

Артмана съ «однимъ Полскимъ ксендзомъ, которой въ тюрмѣ сидитъ»[264].

Вѣроятно еще болѣе стѣснены были Шведскіе послы, которые, по словамъ современника-очевидца, съ перваго же раза были приняты царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ «очень холодно и неласково»[265].

При назначеніи лицъ для веденія переговоровъ съ представителями Шведскаго короля выборъ царя Алексѣя Михайловича остановился, между прочимъ, и на Васильѣ Борисовичѣ Шереметевѣ, который такимъ образомъ вновь призывался къ государскому дѣлу, послѣ столь долгаго, подневольнаго бездѣйствія.

23 декабря 1655 года, въ тотъ день, какъ Густавъ Біельке съ своими товарищами «въ

[264] Это былъ ксендзъ Николай Борковскій, «родомъ Полякъ, Перемышскаго повѣту, простого чину, а жилъ въ Смоленску у костела». Ксендзовъ держали строже прочихъ плѣнныхъ «для того: какъ городъ Смоленескъ былъ за Полскимъ королемъ, а въ Смоленскѣ были церкви благочестивые христіянскіе вѣры Греческаго закону, и отъ нихъ ксендзовъ тѣмъ церквамъ и въ нихъ служащимъ священникомъ было утѣсненье, церкви печатали и отнимали, а священниковъ мучили и всякое наруганье чинили» (Эта подробность, какъ и всѣ свѣдѣнія, касающіяся пребыванія въ Россіи цесарскихъ пословъ, взята изъ Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. III. Спб. 1854. столб. 450 и 452).

[265] Аболенскій. Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго. Кіевъ. 1876. стр. 64.

другоредь» представлялся государю, сказано было «быть въ отвѣтѣ съ Свѣйскими послы» боярамъ: ближнему боярину и намѣстнику Астраханскому князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, боярину и намѣстнику Бѣлозерскому Василью Борисовичу Шереметеву, боярину и оружейничему и намѣстнику Нижнего Новагорода Григорью Гавриловичу Пушкину, думному дворянину и намѣстнику Боровскому Аѳанасью Осиповичу Прончищеву и думному посольскому дьяку Алмазу Иванову[266].

Главнымъ предметомъ переговоровъ съ Шведскими послами было «подтвержденіе Столбовскаго докончанья»; но послы на первомъ же отвѣтѣ заспорили по поводу новаго царскаго титула, объявленнаго 3 сентября, въ указѣ о томъ, что «за милостію Божіею, царское величество учинились предковъ своихъ великихъ государей Россійскихъ на великомъ княжествѣ Литовскомъ и надъ Бѣлою Россіею и на Волыни и на Подоліи великимъ государемъ»[267]. Шведы отказывались признавать

[266] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 17.

[267] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Томъ I. Спб. 1830. № 164.

титулы «Литовскій, Бѣлой Россіи, Волынскій и Подольскій», отговариваясь новостію дѣла и своимъ незнаніемъ о немъ. Бояре рѣшительно объявили, чтобы въ посольскую грамоту были вписаны новоприбылые титлы, и что безъ того они не подтвердятъ Столбовскаго докончанья, которое-де нарушено многою неправдою Шведскаго короля. «Когда великій государь нашъ,—говорили бояре,—ходилъ на Польскаго короля своею парсуною и многія земли взялъ, и другія хотѣли добить ему челомъ, въ то время государь вашъ, видя, какъ Польша и Литва подъ государеву высокую руку мало не всѣ клонятся, не обославшись съ царскимъ величествомъ, пошелъ въ Польскіе города войною и у царскихъ ратныхъ людей отъ Полоцка дорогу велѣлъ перенять; города, покорившіеся царскому величеству, королевскіе ратные люди перезываютъ на свою сторону, безчестя государя и все Московское государство».

Посламъ вычитаны были и всѣ прочія «новоучиненныя отъ короны Шведской неправости». Тѣ возражали, что о такихъ ссорахъ можно послать сыскать и дѣло исправить безссорно. Но бояре, не видя другого

исхода кромѣ войны, рѣзко сказали: «Этого дѣла вершить нечѣмъ, кромѣ того, что за малыя мѣста отдавать вамъ большія мѣста»[268].

Продолженіе переговоровъ становилось невозможнымъ. Очевидно, что они заведены были Карломъ X только для того, чтобы выиграть время. Изъ Литвы безпрестанно приходили донесенія, что Шведскіе ратные люди чинятъ нашимъ тѣсноту большую, заѣзжаютъ города и цѣлые повѣты, которые дали вѣру великому государю и находились подъ его царскаго величества высокою рукою. «И намъ то въ великое подивленіе,—писалъ къ королю царь Алексѣй Михайловичь въ мартѣ 1656 года,—какими обычаи такіе неправды и самовольства за вѣчнымъ докончаньемъ съ вашіе королевскаго величества стороны дѣлаютца? И вамъ бы велѣти о томъ къ намъ отписать подлинно, по вашему ли указу или генераловъ вашихъ велѣнью то все чинитца. А съ нашіе стороны вѣчное докончанье во всякихъ мѣрахъ сдержано крѣпко и нерушимо, а съ вашіе королевскаго величества сто-

---

[268] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. X. Спб. 1860. стр. 404—407.

роны многіе причины къ нарушенью вѣчнаго докончанья оказуютца»[269].

Король Карлъ X хотя и отвѣчалъ увѣреніями въ дружбѣ и обѣщаніемъ наказать виновниковъ непріязненныхъ столкновеній, случившихся будто бы не по его королевскому приказу, а самовольствомъ начальныхъ людей, но уже было поздно. Вопросъ о замиреніи съ Польшею и о войнѣ съ Шведами былъ рѣшенъ окончательно, къ великому огорченію гетмана Богдана Хмельницкаго, находившаго, что было бы благоразумнѣе сперва совсѣмъ порѣшить съ Польшей, а потомъ уже, собравшись со средствами, приняться и за Шведовъ. По идеѣ гетмана, необходимо «нужно было продолжать войну съ Польшею, не давать Полякамъ отдыха и поражать ихъ силы до совершеннаго уничтоженія Польскаго государства и раздѣла его земель, что̀ должно быть неизбѣжною развязкою всей войны»[270].

Дѣйствительно, еслибы царь Алексѣй Михайловичь не удержалъ своего побѣдоноснаго оружія, бѣдствующая Польша дошла бы до

[269] Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою коммиссіею. Т. VI. Спб. 1857. стр. 456. столб. 1.

[270] Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Т. III. Спб. 1870. стр. 239.

конечнаго разрушенія. «Въ исходѣ 1655 года, —говоритъ очевидецъ, горячій Польскій патріотъ Янъ-Казиміръ Даровскій,—въ центрѣ королевства Польскаго единовременно собрались съ разныхъ сторонъ три громадныя непріятельскія арміи: Шведская, Московитская и казацкая. Люблинъ, самый цвѣтущій городъ, мѣстопребываніе королевскаго суда, былъ страшно разграбленъ Московитами и казаками. Самъ Краковъ, столица королевства, уступленъ по договору Шведамъ. Курфюрстъ Бранденбургскій, ленникъ королевства, перешелъ на Шведскую сторону. Войско наше, раздѣленное на различныя партіи, находилось, по большей части, на службѣ у самого Шведа. Удивительнымъ образомъ совпали разомъ всѣ эти ужаснѣйшія бѣдствія»[271]!

Въ эту отчаянную минуту государственнаго кризиса, съ Польской стороны полуофиціальнымъ путемъ заявлено было о существованіи предположенія избрать царя Алексѣя Михайловича на Польскій престолъ. У

[271] Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1667 (auctore Ioanne Casimiro Darowski). Мы пользовались этою малоизвѣстною рукописью Римскаго архива іезуитовъ по списку, сообщенному достопочтеннымъ отцомъ Иваномъ Матвѣевичемъ Мартыновымъ графу С. Д. Шереметеву.

насъ тѣмъ легче повѣрили этому, что мысль о соединеніи двухъ Славянскихъ коронъ вовсе не была новостью. Призывали на Польскій престолъ и царя Ивана Васильевича Грознаго, и сына его Ѳедора Ивановича. Не дальше какъ въ 1634 году, на Поляновскомъ посольскомъ съѣздѣ, Польскіе коммиссары убѣждали нашего полномочнаго посла боярина Ѳедора Ивановича Шереметева и его товарищей внести въ мирный договоръ статью, чтобы въ ознаменованіе «нераздѣльнаго вѣчнаго обоихъ государствъ соединенія», при коронаціяхъ на Польскихъ королей возлагалась бы и корона Россійская, а на нашихъ государей—корона Польская[272]. Но въ то время, Шереметевъ, не имѣя полномочія на такіе рѣшительные переговоры о судьбѣ двухъ государствъ, безусловно отринулъ предложеніе коммиссаровъ.

Царь Алексѣй Михайловичь твердо былъ увѣренъ въ возможности получить Польскую корону и, предпочитая этотъ способъ примиренія съ Польшей войнѣ кровопролитной, рѣ-

---

[272] Труды и лѣтописи общества исторіи и древностей Россійскихъ, учрежденнаго при императорскомъ Московскомъ университетѣ. Ч. VI. М. 1833. стр. 54.

шилъ пріостановить военныя дѣйствія въ Литвѣ. Поляки только этого и добивались. Польша была спасена.

За пріостановкой военныхъ дѣйствій, черезъ Москву безпрестанно проходили распущенные по домамъ ратные люди, а вмѣстѣ съ ними на Московскихъ рынкахъ появилось множество золота, серебра, драгоцѣнныхъ каменьевъ, разныхъ часовъ, кубковъ, изукрашенныхъ ружей и другихъ вещей, отбитыхъ у непріятеля. Сирійцы, проживавшіе въ то время въ Москвѣ, говорятъ, что всѣ эти богатства на ихъ глазахъ продавались въ лавкахъ и на рынкахъ, и что они были изумлены и поражены при видѣ массы серебреныхъ тарелокъ, серебреныхъ замковъ, драгоцѣнныхъ каменьевъ и разныхъ запасовъ. Въ числѣ военной добычи были и такія громоздкія вещи, какъ желтая и красная мѣдь, колокола, покрытые золотомъ купола съ дворца Радзивила, множество мраморныхъ колоннъ, даже полы и обѣденные столы [273]. Говорили, что изъ Вильны наши вывезли цѣлый серебреный

---

[273] Аболенскій. Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго. Кіевъ. 1876. стр. 164.

алтарь, а также гробницу святаго Казиміра, сдѣланную изъ чистаго серебра, вѣсомъ три тысячи фунтовъ[274].

Къ Рождественскимъ праздникамъ возвратился въ Москву и Василій Петровичъ Шереметевъ съ сыномъ Матвѣемъ Васильевичемъ. И такъ, всѣ Шереметевы были въ сборѣ. Вчерашніе боевые сподвижники царя Алексѣя Михайловича опять заняли свои мѣста при его блестящемъ дворѣ, участвуя почти во всѣхъ главнѣйшихъ выходахъ, выѣздахъ и другихъ придворныхъ церемоніяхъ.

Въ день Рождества Христова, послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, которую служили патріархъ Никонъ и гостившій въ Москвѣ патріархъ Антіохійскій Макарій, у государя былъ столъ въ столовой избѣ, въ присутствіи обоихъ патріарховъ, а также патріарха Сербскаго Гавріила и царевичей Грузинскаго Николая Давыдовича, Касимовскаго Васплья Арасланович а и Сибирскихъ Петра да Алексѣя Алексѣевичей. Оба брата Шереметевы, Петръ и Матвѣй Васильевичи, смотрѣли въ столы, одинъ въ большой столъ, а другой въ

[274] Берхъ. Царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Ч. I. Спб. 1831. стр. 103.

кривой[275]. Въ дневникѣ архидіакона Павла Алепскаго отмѣчено, что праздничная трапеза длилась до трехъ часовъ ночи, и что царь отпустилъ патріарха Макарія когда уже благовѣстили къ заутрени, а самъ съ патріархомъ Никономъ пошелъ прямо въ церковь[276].

Царь Алексѣй Михайловичь и особенно Никонъ, пользуясь присутствіемъ патріарха Антіохійскаго, постоянно обращались къ нему, какъ къ живому представителю Православнаго Востока, за разъясненіями и совѣтами касательно чина Богослуженія и разныхъ церковныхъ обрядовъ. Никонъ неоднократно говаривалъ патріарху Макарію: «если вы найдете что̀ неправильнымъ въ чинѣ нашихъ обрядовъ, говорите намъ, чтобы мы могли совершать ихъ правильно»[277]. И дѣйствительно, по указанію патріарха Макарія, нѣкоторые церковные обряды, отличные отъ древнихъ обрядовъ Греческой церкви, были тогда-же исправлены, къ вящшему озлобленію враговъ

---

[275] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 17.

[276] Аболенскій. Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по запискамъ архидіакона Павла Алепскаго. Кіевъ. 1876. стр. 68.

[277] Тамъ-же, стр. 127.

Никона, которые, изъ ненависти къ нему, упорно стояли и за такія очевидныя новшества, какъ двуперстіе для крестнаго знаменія.

Въ Богоявленьевъ день, патріархъ Антіохійскій опять кушалъ у государя вмѣстѣ съ Никономъ и Сербскимъ патріархомъ; а изъ бояръ за столомъ сидѣли: князь Никита Ивановичь Одоевскій, Василій Борисовичь Шереметевъ и Григорій Гавриловичь Пушкинъ[278].

Десять дней спустя, именно 17 января 1656 года, царь Алексѣй Михайловичь пригласилъ патріарха Антіохійскаго въ свой любимый Саввинъ-Сторожевскій монастырь, отпраздновать годовщину обновленія обители.

Петръ Васильевичь Шереметевъ удостоенъ былъ высокой почести быть возницей у государя и оставался при царскомъ величествѣ во все время пребыванія его въ Саввинскомъ монастырѣ.

Патріархъ Макарій пріѣхалъ въ обитель въ самый день праздника Обновленія, то есть 19 января, уже послѣ обѣдни, къ тому времени, какъ государь шелъ въ монастырскую трапезу. Патріархъ, приложившись въ соборѣ къ

---

[278] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 21.

иконамъ и мощамъ чудотворца, отправился въ отведенные ему покои царицы, а его спутники—Сирійцы пошли изъ любопытства въ трапезную, гдѣ съ перваго же раза были поражены тѣмъ, что великій государь самъ прислуживалъ братіи, собственноручно подавая кушанья каждому иноку. «Смотри,—восклицаетъ архидіаконъ Павелъ Алепскій,—какія отрадныя и чудныя вещи, по милости Божіей, сподобились мы узрѣть, — разумѣю, глубочайшее смиреніе, съ какимъ государь своими руками подноситъ инокамъ ястіе и питіе»!

По окончаніи монашеской трапезы, государь послалъ за патріархомъ, котораго посадилъ подлѣ себя за особымъ столомъ. Петръ Васильевичъ Шереметевъ и прочія лица государевой свиты сѣли за столъ, стоявшій на-лѣво, а на-право, противъ нихъ — свита патріарха и монашествующая братія. По срединѣ, какъ разъ противъ государя, поставленъ былъ столъ для нищихъ, хромыхъ и убогихъ. Послѣ обычной молитвы, патріарху поднесена была панагія (благословенный хлѣбъ); онъ вознесъ ее во имя Святой Троицы и, разрѣзавъ на части, подалъ ихъ госу-

дарю, а оставшіяся частицы послалъ раздать вельможамъ царскимъ, сидѣвшимъ въ лѣвомъ столѣ, а также клиру. За обѣдомъ государь, къ удивленію Сирійцевъ, очень много занимался нищими, которымъ точно такъ-же, какъ и монахамъ, самолично подавалъ кушанье и питье. Между прочимъ разговорились объ инокахъ Саввинской обители, скончавшихся въ послѣднее моровое повѣтріе. Государь, заплакавъ, сказалъ патріарху: «Сатана позавидовалъ великости моего счастія. Прежде было здѣсь до 300 иноковъ; но смерть похитила весьма многихъ изъ нихъ, и теперь осталось не болѣе 170-ти».

Во все время пребыванія въ обители, царь Алексѣй Михайловичь не пропускалъ ни одной монастырской службы и становился рядомъ съ патріархомъ подлѣ раки Преподобнаго, на подножіи изъ соболей. По словамъ архидіакона Павла Алеппскаго, государь «отъ начала до конца Богослуженія внимательно слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ устава. Онъ безпрестанно подходилъ къ монахамъ, приказывая: пойте такъ; повторяйте такой-то канонъ, такой-то и такой тропарь и на такой-то гласъ; а когда въ хорѣ сбивались, застав-

лялъ пѣть снова. Этого мало, государь показывалъ діакону какъ слѣдуетъ кадить, и собственноручно возжигалъ и поправлялъ свѣчи предъ иконами. «Однимъ словомъ,—говоритъ Павелъ Алеппскій,—царское величество былъ точно уставщикъ, обходя всѣхъ и обучая. Можно было предположить также, что онъ принялъ на себя обязанности церковнаго старосты, такъ онъ былъ усерденъ къ зажиганію свѣчекъ, тушенію ихъ и сниманію нагара»[279].

Петръ Васильевичь Шереметевъ былъ возницей у государя и при обратномъ слѣдованіи изъ Саввинскаго монастыря; а по возвращеніи въ столицу, почти неотлучно находился при особѣ царскаго величества. Въ Срѣтеньевъ день, онъ стоялъ по наряду у государева стола, вмѣстѣ съ стольникомъ княземъ Юрьемъ Никитичемъ Борятинскимъ; а 12 февраля, въ день ангела царевича Алексѣя Алексѣевича, онъ смотрѣлъ въ столы, вмѣстѣ

---

[279] Посѣщеніе Саввина Сторожевскаго монастыря Макаріемъ, патріархомъ Антіохійскимъ, въ 1656 году. М. 1861 (Изъ ежемѣсячнаго изданія: Душеполезное Чтеніе. 1861. февраль).—Аболенскій. Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по записками архидіакона Павла Алепскаго. Кіевъ. 1876. стр. 71—80.

съ своимъ братомъ Матвѣемъ Васильевичемъ Шереметевымъ[280].

Патріархъ Антіохійскій, оба эти раза кушавшій у государя, 5 марта, предъ отъѣздомъ домой, на Востокъ, былъ у царскаго величества на отпускѣ. Онъ подъѣхалъ къ дворцу въ царскихъ саняхъ, сопровождаемый своею свитою и отрядомъ стрѣльцовъ. На половинѣ лѣстницы, ведущей въ Золотую палату, его святѣйшество встрѣтили и взяли подъ руки: дворянинъ князь Ѳедоръ Григорьевичь Ромодановскій и думный дворянинъ Аѳанасій Осиповичь Прончищевъ. Когда взошли уже на лѣстницу, на площадкѣ, патріарха встрѣтили: стольники Матвѣй Васильевичь Шереметевъ и князь Дмитрій Васильевичь Ромодановскій, да дьякъ Большого Дворца Василій Михайловъ. Это была такъ называемая средняя встрѣча. Наконецъ, при самомъ входѣ въ палату, выступила третья, большая встрѣча, въ лицѣ боярина Василья Петровича Шереметева, стольника князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго и дьяка Большого Двор-

[280] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 24 и 25.—Петръ и Матвѣй Шереметевы смотрѣли въ столы и 18 апрѣля, въ день ангела царицы Марьи Ильинишны (Тамъ-же, столб. 32).

ца Давыда Дерябьева[281]. Войдя въ палату, патріархъ прочелъ «Достойно есть», поклонился иконамъ и благословилъ государя, который, взявъ его святѣйшество подъ руку, отвелъ въ уголъ залы и, при посредствѣ толмача, долго разговаривалъ съ нимъ. Всѣ видѣли, что государь плакалъ. Въ заключеніе патріархъ прочелъ «Спаси Господи люди твоя», а патріаршая свита пропѣла многолѣтіе государю[282].

---

[281] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 28.

[282] Аболенскій. Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по запискамъ архидіакона Павла Алепскаго. Кіевъ. 1876. стр. 83 — 85. Антіохійскій патріархъ Макарій выѣхалъ однако изъ Москвы лишь 25 марта. Но едва достигъ Болхова, какъ долженъ былъ, по приглашенію государя, воротиться въ Москву, откуда окончательно выѣхалъ 29 мая (Макарій, митрополитъ Московскій. Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ. М. 1881. стр. 102. примѣч. 69).

ГЛАВА XVI.

Патріархъ Антіохійскій хотя еще и оставался въ Москвѣ въ день ангела царя Алексѣя Михайловича, 17 марта, но у именинаго стола не былъ. Въ этотъ день кушали у государя: патріархъ Никонъ и Сибирскіе царевичи, а изъ бояръ: Борисъ Ивановичъ Морозовъ, Василій Петровичъ и Василій Борисовичъ Шереметевы[283]. Милость и довѣріе царя Алексѣя Михайловича къ этимъ двумъ старѣйшимъ членамъ семьи Шереметевыхъ выражались, между прочимъ, и въ томъ, что онъ поручалъ имъ, въ свое отсутствіе, вѣдать стольный градъ, какъ это было, напримѣръ, 24 апрѣля, когда государь ходилъ молиться къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь[284].

[283] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 29.

[284] Тамъ-же, столб. 33.

По счету Олеарія, «при началѣ войны подъ Смоленскомъ» (слѣдовательно, въ 1654 году), было всего 29 бояръ, въ числѣ коихъ Василій Петровичь Шереметевъ поставленъ на девятомъ мѣстѣ, а Василій Борисовичь Шереметевъ, въ то время только-что получившій боярство,—на двадцать осьмомъ. По словамъ Олеарія, то были все «лица важнѣйшія при царскомъ дворѣ, которыми управлялись и производились всѣ придворныя, государственныя и частныя дѣла». Далѣе читаемъ у Олеарія: «Вельможи эти живутъ въ великолѣпныхъ домахъ и палатахъ, держатъ большой дворъ, на улицахъ показываются всегда съ пышностію, одѣтые въ весьма дорогія одежды и въ сопровожденіи множества слугъ, которые обыкновенно бѣгутъ подлѣ лошадей и экипажа»[285].

Олеарій, не пожалѣвшій черныхъ красокъ для изображенія нравовъ и обычаевъ Русскихъ, преимущественно простолюдиновъ, сообщаетъ очень мало свѣдѣній по этому предмету собственно о боярахъ или знатныхъ ли-

[285] Олеарій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію. М. 1870. стр. 283 — 285 и 287. По переводу Павла Барсова съ третьяго изданія, вышедшаго въ свѣтъ въ 1663 году, при жизни Олеарія.

цахъ. Ясно однако, что онъ не простираетъ на нихъ своихъ общихъ и, къ слову сказать, слишкомъ строгихъ сужденій о грубости и невѣжествѣ современныхъ ему Русскихъ. Доказательствомъ тому могутъ служить отзывы Олеарія о боярынѣ Никитѣ Ивановичѣ Романовѣ да и о самомъ Васильѣ Петровичѣ Шереметевѣ, о его богатой домашней обстановкѣ и любезной обходительности[286]. Архидіаконъ Павелъ Алепскій примѣтилъ въ обращеніи Московскихъ вельможъ съ людьми особенную изысканность или, по его выраженію, «церемоніальность», которая-де поставлялась главнымъ достоинствомъ знатнаго человѣка, и что къ этому они пріучались съ самаго ранняго дѣтства. «Мы не разъ удивлялись,—говоритъ архидіаконъ Павелъ,—ловкости и поведенію знатныхъ дѣтей, ихъ познаніямъ и уму, ихъ учтивой привѣтливости къ прохожимъ и прекрасному обычаю полагать на себѣ крестное знаменіе» при встрѣчахъ съ иконами и предъ церквами. Дѣти знатныхъ людей имѣли хорошій примѣръ въ своихъ благочестивыхъ родителяхъ, поражавшихъ Сирійцевъ, спутниковъ патріарха

[286] См. третью книгу нашей исторіи, стр. 185—187.

Антіохійскаго, своимъ «смиреніемъ и снисходительностью къ бѣднымъ». По свидѣтельству Павла Алеппскаго, всѣ нищіе столицы были распредѣлены между боярами и ежедневно получали пищу при ихъ дворахъ; необходимою и главною принадлежностію домашней обстановки боярина было множество иконъ въ золотыхъ и серебреныхъ ризахъ, богато изукрашенныхъ драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ. «Да! — заключаетъ архидіаконъ Павелъ,—это по истинѣ благословенная страна. Богу угодно было сдѣлать народъ этотъ своимъ народомъ»[287].

Живымъ памятникомъ благочестія Русскихъ вельможъ временъ царей служатъ Московскія церкви. Весьма многія изъ нихъ выстроены на иждивеніе бояръ и сперва были ихъ собственными домовыми церквами. «При каждомъ боярскомъ дворѣ,—говоритъ тотъ-же архидіаконъ Павелъ Алеппскій,—была домовая церковь, и владѣльцы соперничали другъ съ другомъ въ убранствѣ своихъ домовыхъ храмовъ».

---

[287] Аболенскій. Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго. Кіевъ. 1876. стр. 98—101. 136 и 137.

Не менѣе усердія прилагалось и къ устройству вотчинныхъ храмовъ. Въ описываемое время, то есть весною 1656 года, сосѣдъ Василья Петровича Шереметева по Кускову, князь Яковъ Никитичь Одоевскій, хлопоталъ о перестройкѣ и распространеніи церкви села Вешнякова, воздвигнутой, въ 1644 году, его дѣдомъ бояриномъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ. Въ апрѣлѣ 1656 года, князь Одоевскій получилъ слѣдующую грамоту патріарха Никона: «Билъ намъ челомъ государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі самодержца столникъ князь Яковъ Никитичь Одоевской, а въ челобитной ево написано: въ подмосковной-де ево вотчине в селѣ Вешнякове церковь каменная теплая во имя Успенія пречистые Богородицы, да въ той-же церкве предѣлъ Николы чюдотворца, и тѣмъ-де предѣломъ олтарь Успенія пречистые Богородицы истесненъ—царские двери и дѣисусъ стали к одной сторонѣ; да на верху церковь холодная во имя Воскресенія Христова, а около еѣ паперти каменные-жъ[288]. И

[288] Сравни съ храмозданною грамотою, отъ 12 апрѣля 1644 года, на построеніе Вешняковской церкви (274 страница III книги нашей

ныне-де онъ обещался тотъ предѣлъ Николы чюдотворца ис церкви Успения пречистые Богородицы взнесть и построить на паперти по правую сторону церкви Воскресения Христова, а по лѣвую сторону построить вновь предѣлъ святаго апостола Iякова, брата Iоанна Богослова. И намъ бы ево пожаловать благословить, велѣти ему тотъ предѣлъ Николы чюдотворца разобрать, а на новые предѣлы камень и кирпичь и известь и песокъ готовить, и в тѣхъ каменныхъ запасѣхъ воздвигнути церкви Воскресения Христова на паперти: по правую сторону предѣлъ Николы чюдотворца, а по лѣвую сторону святаго апостола Iякова, брата Iоанна Богослова, и велѣти бъ на тѣ предѣлы дати антиминсы. И азъ, смиренныi великиi государь святѣйшиi Никонъ, патриархъ Московскиi i всеа великия и малыя и бѣлыя Росиi, столника князя Якова Никитича Одоевскаго пожаловалъ, благословилъ, велѣлъ ему ис церкви Успения пречистые Богородицы предѣлъ Николы чюдотворца розобрать, и на новые предѣлы ка-

исторiи). Грамота та даетъ совсѣмъ иное представленiе о внутреннемъ расположенiи означеннаго храма. Очевидно, что строитель, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, измѣнилъ первоначальный планъ, указанный въ патрiаршей грамотѣ.

мень и кирпичь і известь и песокъ готовить, і въ тѣхъ каменныхъ запасехъ воздвигнути вновь два предѣла у церкви Воскресенія Христова на паперти: по правую сторону Николы чюдотворца, а по лѣвую сторону святаго апостола Іякова, брата Іоанна Богослова. А предѣлы бъ дѣлати тоѣ церкви с стороны особою статьею, чтобъ входъ в предѣлы былъ ис паперти; а главы бъ на тѣхъ предѣлахъ были круглые, а не островерхие. А какъ тѣ предѣлы совершатца, и на тѣ предѣлы велѣлъ ему и антиминсы дать и освятить тѣ предѣлы попу со дьякономъ по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ»[289].

Князь Яковъ Никитичь Одоевскій предпринялъ столь капитальную перестройку Вешняковской церкви въ такое время, когда всѣ озабочены были приготовленіями къ новой войнѣ. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ на Вологду послана была грамота о скорѣйшей, «безо всякаго мотчанья», выковкѣ въ монастырскихъ кузницахъ Спасо-Прилуцкой обители топорковъ и бердышей, согласно высланнымъ образцамъ. «А велѣно топорки и бердыши дѣлать

---

[289] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 138.

съ образцовъ, ни болши, ни менши, вѣсомъ бы были таковы жъ, а дѣлать въ желѣзѣ и въ укладѣ добромъ; а тѣ топорки насадить на долгіе топорища мѣрою дву аршинъ, а бердыши насадить на деревье же, какъ ведется; а на концахъ на тупыхъ у деревья у бердышевъ велѣть дѣлать маленкіе копейца, чтобъ можно въ землю воткнуть»[290]. Кромѣ этихъ произведеній отечественнаго искуства, предназначавшихся исключительно для рукопашнаго боя, доставлялось много холоднаго и огнестрѣльнаго оружія и «изъ Франкскихъ земель, въ обмѣнъ на пшеницу и рожь»[291].

Въ Разрядѣ уже росписаны были воеводы по полкамъ; а съ тѣхъ бояръ, окольничихъ, думныхъ людей, стольниковъ и дворянъ, которые «за старость и за увѣчье на Москвѣ оставлялись, приказано взять на государеву службу даточныхъ людей, по переписнымъ книгамъ, съ крестьянскихъ и съ бобыльскихъ тридцати дворовъ по человѣку, конныхъ и оружныхъ со всею съ полною службою и съ

---

[290] Акты, собранные Археографическою экспедиціею. Т. IV. № 91.

[291] Аболенскій. Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго. Кіевъ. 1876. стр. 171.

запасы»[292]. Въ число престарѣлыхъ и увѣчныхъ, имена коихъ посланы изъ Разряда въ Монастырскій приказъ, за дьячьею приписью, включенъ былъ и бояринъ Василій Петровичь Шереметевъ, давно уже просившійся у государя на покой.

Оставляя навсегда боевое поприще, Василій Петровичь Шереметевъ имѣлъ утѣшеніе видѣть, что заслуги его цѣнились по достоинству. Самъ царь Алексѣй Михайловичь торжественно засвидѣтельствовалъ, что онъ, бояринъ Василій Петровичь Шереметевъ, «будучи на его государевѣ службѣ въ Литовскихъ походѣхъ, ему, государю, служилъ, многіе городы поималъ и Литовскихъ людей многихъ побивалъ». Въ награду за эту службу государь пожаловалъ Василью Петровичу: «шубу отласъ золотной, да кубокъ, да 500 рублевъ денегъ, да къ старому его окладу придачи 170 рублевъ». Надо думать, что Василій Петровичь былъ дѣйствительно очень дряхлъ и увѣченъ, потому что государево жалованье было привезено къ нему на дворъ комнатнымъ стольникомъ Ѳедоромъ

[292] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 177.

Абросимовичемъ Лодыженскимъ и дьякомъ тайныхъ дѣлъ Дементьемъ Башмаковымъ[293].

Государь находилъ справедливымъ наградить и бывшихъ товарищей Василья Петровича Шереметева: боярина Семена Лукьяновича Стрѣшнева и окольничаго Ждана Васильевича Кондырева. Оба они получили по шубѣ, по кубку и къ прежнимъ ихъ окладамъ по придачѣ. Точно также пожалованы и бывшіе товарищи Василья Борисовича Шереметева: окольничіе Ѳедоръ и Андрей Васильевичи Бутурлины. Жалованье это сказано было и роздано 29 апрѣля 1656 года, на государевомъ дворѣ, послѣ стола, къ которому приглашены были и Стрѣшневъ съ Кондыревымъ и Бутурлины.

Въ тотъ-же день были у государя у руки: князь Алексѣй Никитичь Трубецкой съ товарищами—княземъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ и княземъ Семеномъ Романовичемъ Пожарскимъ. Всѣ трое отпущены «на государеву службу въ Великій Новгородъ, для государева и земскаго дѣла; а изъ Великаго Новагорода велѣно имъ, собрався съ ратными

[293] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 107.

людми, идти на государева недруга, на Свѣйскаго короля, подъ Нѣмецкіе городы, подъ Юрьевъ Ливонской (Дерптъ) и подъ иные Нѣмецкіе городы»[294].

На 15 мая назначено выступленіе изъ Москвы главныхъ ратныхъ силъ, подъ предводительствомъ самого царя, положившаго идти на Ригу черезъ Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ.

Карлу X еще не было объявлено войны, но рѣшеніе Московскаго правительства не могло оставаться тайной для его пословъ. А между тѣмъ, когда главный посолъ, Густавъ Біельке, сказалъ думному дьяку Алмазу Иванову, что «вѣсти носятся въ міру, будто царское величество хочетъ на Шведскую землю наступить войною», тотъ, не обинуясь, отвѣтилъ, что «если такая молва въ людяхъ и есть, то говорятъ это глупые люди, и такихъ пустыхъ рѣчей не переслушать». Однако съ Шведами стали обходиться такъ дурно, что Біельке вынужденъ былъ подать жалобу, что посольскихъ людей и слугъ держатъ какъ плѣнныхъ, не пускаютъ ихъ со двора болѣе

[294] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 33—36.

четырехъ человѣкъ разомъ и не велятъ ходить со шпагами; «а о томъ-де нечего и говорить, какое намъ потчиванье въ корму бываетъ»[295].

Цесарскому послу Аллегрети оставалось только утѣшаться успѣхомъ своей дипломатической миссіи. Онъ разсчитывалъ, что если даже и не поспѣютъ къ 1 мая гонцы изъ Вѣны, царь Алексѣй все-таки возьметъ его съ собою въ походъ «для посредства». Но, къ удивленію, еще за недѣлю до условленнаго срока, именно 25 апрѣля, цесарскимъ посламъ объявили, что на 27 число они приглашаются быть у государя «на отпускѣ и у стола». Приставъ Волынскій пояснилъ при этомъ, что царское величество «отпускъ посламъ учинитъ потому, что положенъ гонцамъ срокъ пріѣхать мая 1 число, и май мѣсяцъ близко, а про тѣхъ гонцовъ еще и вѣсти нѣтъ; а великій государь, его царское величество, идетъ на своего непріятеля со многими ратьми; и имъ цесарскаго величества великимъ посломъ нынѣ дѣлать нечего. А буде цесарское величество изволитъ для посредства при-

[295] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. X. Спб. 1860. стр. 408.

слать иныхъ пословъ, и тѣ послы будутъ у царскаго величества въ походѣ».

Аллегрети отвѣтилъ: «что царское величество жалуетъ, велитъ имъ, посламъ, быть у себя у стола, и они на той его государевѣ милости челомъ бьютъ; а отпуску не примутъ, потому что гонецъ ихъ не бывалъ; а не дождався гонца, ѣхать имъ къ цесарскому величеству не съ чѣмъ; а бьютъ-де челомъ, чтобъ царское величество пожаловалъ, велѣлъ ихъ, пословъ, взять съ собою, государемъ, въ походъ».

Подошелъ, наконецъ, и договорный срокъ, первое мая, а гонцовъ изъ Вѣны все еще не было въ Москвѣ. Въ тотъ-же самый день, думный дьякъ Алмазъ Ивановъ, по порученію государя, объявилъ Аллегрети, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, Польскіе послы прибудутъ на съѣздъ въ Вильну въ послѣднихъ числахъ іюля или въ августѣ, «а прежъ того поспѣть имъ отнюдь немочно»; что до этого времени цесарскимъ посламъ ждать въ Москвѣ долго, а въ походъ съ царскимъ величествомъ идти «непристойно», и что потому, великій государь, отправляясь въ скоромъ времени «въ свои новопріемные городы, въ

великое княжество Литовское, для всякаго остереганья со многими ратми, чтобъ безвѣстно какой невѣдомой непріятель не напалъ и шкоты какой не учинилъ», — велѣлъ отпустить ихъ, пословъ цесаря, при себѣ, до походу. Алмазъ Ивановъ присовокупилъ, что посламъ, для посредства, «мочно будетъ къ царскому величеству пріѣхать и съ другой стороны, отъ Полскіе границы».

Какъ ни упрашивалъ Аллегрети доложить государю, чтобы цесарскимъ посламъ по крайней мѣрѣ дозволено было дождаться въ Москвѣ прибытія гонцовъ, но думный дьякъ рѣшительно сказалъ, что 4 мая посламъ указано быть у государя на отпускѣ.

Между разговоромъ, Аллегрети, какъ-бы невзначай, спросилъ у Алмаза Иванова: «куды царскаго величества изъ тѣхъ Литовскихъ нововзятыхъ городовъ походъ будетъ»?

Думный дьякъ отвѣтилъ: «намъ царскаго величества мысль вѣдать не мочно, да и спрашивать о томъ страшно».

Это правда, сказалъ Аллегрети: «однажды у Ишпанскаго короля ближніе его люди спросили, что̀-де у него сдумано и куды онъ многіе корабли и ратныхъ людей изготовилъ; и

онъ имъ сказалъ, что̀-де у меня сдумано, и того вамъ вѣдать ненадобно; колибъ я вѣдалъ, что моя рубашка думу мою знаетъ, и я бы ее, съ тѣла снявъ, въ огонь вкинулъ».

ГЛАВА XVII.

4 мая, въ день, назначенный для отпускной аудіенціи, цесарскіе послы со всею свитою явились въ государевъ дворъ. На крыльцѣ они были встрѣчены стольникомъ Артеміемъ Степановичемъ Волынскимъ[296] и дьякомъ Герасимомъ Головинымъ; а при входѣ въ Золотую палату — стольникомъ Матвѣемъ Васильевичемъ Шереметевымъ и дьякомъ Никитой Головинымъ[297].

Послѣ обычныхъ церемоній представленія, думный дьякъ Алмазъ Ивановъ объявилъ

---

[296] Родной дѣдъ извѣстнаго кабинетъ-министра Артемія Петровича Волынскаго.

[297] Подробности объ отпускѣ цесарскихъ пословъ извлечены: изъ Дворцовыхъ разрядовъ. Т. III. Спб. 1852. столб. 491 и 492; изъ Дополненій къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 36—38; главнымъ же образомъ изъ Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. III. Спб. 1854. столб. 433—438.

посламъ и цесарскимъ дворянамъ, что великій государь жалуетъ ихъ, велѣлъ имъ быть у своего царскаго величества стола и чтобы они съ приставами шли «дожидатись стола» въ Отвѣтную палату.

Немного погодя, государь, переодѣвшись изъ царскаго платья въ служилое[298], пришелъ въ Грановитую палату, въ которой уже находились, также въ служиломъ платьѣ, приглашенные къ столу бояре: князь Никита Ивановичь Одоевскій, Василій Борисовичь Шереметевъ и князь Дмитрій Петровичь Львовъ.

Царь, возсѣвъ на свое мѣсто, — подлѣ котораго съ обѣихъ сторонъ стали стольники «съ топорами, что̀ бываютъ у рындъ», двое головъ стрѣлецкихъ съ мечами и по шести человѣкъ сотниковъ стрѣлецкихъ съ алебардами,—послалъ стольника Петра Васильевича Шереметева звать пословъ къ столу.

Войдя въ Отвѣтную палату, Шереметевъ возгласилъ: «Великіе послы Алгаретъ де Аллегретъ да Яганъ Дитрихъ фанъ-Лорбахъ! великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ, и многихъ госу-

[298] То есть въ военное, ратное платье.

дарствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичь и дѣдичь, и наслѣдникъ, и государь и обладатель, жалуетъ васъ, велѣлъ вамъ итти за столъ».

На пути въ Грановитую палату послы были опять встрѣчены сперва дворяниномъ Артеміемъ Степановичемъ Волынскимъ, потомъ стольникомъ Матвѣемъ Васильевичемъ Шереметевымъ. Оба встрѣчника говорили посламъ одно и то же: «Царское величество жалуетъ васъ, велѣлъ васъ встрѣтить».

При входѣ въ палату, Аллегрети и Лорбахъ поклонились государю и за тѣмъ сѣли за кривой столъ, съ наружной его стороны, лицомъ къ царскому величеству; противъ нихъ помѣстился Петръ Васильевичъ Шереметевъ, на котораго возложена была обязанность потчивать пословъ. Поодаль отъ пословъ, за тотъ же кривой столъ сѣли дворяне цесарскіе, а подлѣ нихъ головы стрѣлецкіе, шляхта Польская и посольскіе люди низшихъ чиновъ.

За государевымъ большимъ столомъ сидѣли царевичи: Грузинскій Николай Давыдовичь, Касимовскій Василій Аразлановичь и Сибирскіе Петръ и Алексѣй Алексѣевичи. За царевичами слѣдовали бояре: князь Никита

Ивановичь Одоевскій, Василій Борисовичь Шереметевъ и князь Дмитрій Петровичь Львовъ; противъ бояръ—духовникъ государевъ протопопъ Благовѣщенскій, а подъ нимъ—два окольничихъ и думные дьяки; нѣсколько дальше сидѣли дворяне Московскіе большіе и дьяки.

У ѣствы сидѣлъ окольничій Ѳедоръ Михайловичь Ртищевъ, а ѣству ставили и пить подавали окружавшіе столы въ два ряда стольники и стряпчіе, одѣтые въ ферези золотныя, бархатныя и обьяринныя; на большихъ же стольникахъ были цѣпи золотыя.

Подачи посылались отъ государя съ кравчимъ Петромъ Михайловичемъ Салтыковымъ: первому послу Аллегрети—послѣ втораго боярина, то есть послѣ Василья Борисовича Шереметева, а Лорбаху—послѣ князя Львова. Поднося первому послу подачу, Салтыковъ говорилъ: «Алгаретъ! великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь (титулъ) жалуетъ тебя своимъ государевымъ жалованьемъ подачею».

Послѣ подачь, царь Алексѣй Михайловичь, принявъ отъ стольника Ивана Ивановича Колычова чашу вина, сказалъ: «Пьемъ чашу за

здоровье брата нашего любезнѣйшаго Фердинандуса Третьяго, Божіею милостію цесаря Римскаго, и хотимъ съ нимъ, братомъ нашимъ, быть въ дружбѣ и въ любви и на непріятелей нашихъ быть въ соединеніи, и желаемъ того, чтобъ ему, брату нашему, далъ Богъ доброе здоровье и счастливое пребыванье и на недруги его побѣду». Затѣмъ, подымали чашу за цесарево здоровье поочередно: царевичи, бояре, кравчій и прочіе чиновные люди. Послы должны были каждый разъ выпивать чашу до дна и, вышедъ изъ-за стола, бить челомъ государю. Въ такомъ-же порядкѣ выпито было и за «государево многолѣтное здоровье».

Далѣе, по церемоніалу, посламъ надлежало пить за боярское здоровье, а боярамъ—за здоровье цесаревыхъ думныхъ людей. Но эта часть церемоніи уже не могла быть исполнена. Въ разрядной записи отмѣчено: «И послы про бояръ, а бояре про пословъ не пили, потому что послы, обрадовався государевы милости, упились пьяни и пошли изъ палаты вскорѣ безпамятно».

А между тѣмъ, послѣ стола назначено было раздать посламъ государево жалованье со-

боли, сказать имъ рѣчь и вручить отпускную грамоту. Все это было отмѣнено и самый отпускъ отложенъ до иного дня, «для того, что послы упились гораздо».

Государь приказалъ своему любимцу Московскому ловчему Аѳанасью Ивановичу Матюшкину усадить пословъ въ карету и отвезти ихъ домой. «А корета была посломъ для того,—поясняется въ третій разъ въ разрядной записи,—что они, послы, были пьяни». Любопытно, что и за всѣмъ тѣмъ, Петръ Васильевичь Шереметевъ отправленъ былъ съ питьемъ еще попотчивать пословъ на ихъ дворѣ. Но Шереметевъ сейчасъ-же вернулся назадъ, объявивъ, что онъ «совсѣмъ не потчивалъ пословъ, для того, что они пьяни»[299].

На другой день, бояринъ Семенъ Лукьяновичь Стрѣшневъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ, по порученію государя, ѣздили къ

---

[299] Петру Васильевичу Шереметеву, при отправленіи его къ цесарскимъ посламъ «съ государевымъ жалованьемъ съ питьемъ», данъ былъ особый наказъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «А будетъ цесарскіе послы учнутъ говорити, чтобъ онъ, Шереметевъ, съ ними вмѣстѣ посидѣлъ и государева жалованья съ ними испилъ,—и Шереметеву за столъ сѣсти по конецъ стола и подносить посломъ питья, вина и меды..... А о чемъ съ нимъ цесаревы послы поговорятъ, и ему съ ними противъ ихъ вспросу говорить что̀ будетъ пригоже, чтобъ государеву имяни къ чести и къ повышенью, а Московскому государству къ доброй славѣ и похвалѣ».

посламъ спросить ихъ о здоровьѣ. «И послы на государевѣ милости били челомъ и его государскую милость выхваляли».

7 мая цесарскіе послы были снова на отпускѣ, но уже не обѣдали у государя. Столъ былъ присланъ къ нимъ на домъ съ стольникомъ Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ; а Матвѣй Васильевичь Шереметевъ встрѣчалъ пословъ, какъ и на первомъ отпускѣ, при входѣ въ Золотую палату.

Послы выѣхали изъ Москвы 11 мая, въ сопровожденіи Новгородца Ивана Васильевича Колобова и подьячаго Григорья Михайлова, которымъ приказано было проводить ихъ «съ честью и береженьемъ большимъ» до Свѣйскаго рубежа, на Новгородъ и Псковъ.

Къ тому-же Свѣйскому рубежу, но только съ другой стороны, черезъ Смоленскъ, выступилъ въ Вознесеньевъ день, 15 мая 1656 года, и царь Алексѣй Михайловичь.

На этотъ разъ въ походѣ съ государемъ, въ числѣ другихъ семи бояръ, находились князь Никита Ивановичь Одоевскій и Василій Борисовичь Шереметевъ. Двоюродный братъ послѣдняго, Никита Ивановичь Шереметевъ, какъ и въ прежніе походы, состоялъ

въ государевомъ полку есауломъ. Матвѣй Васильевичь Шереметевъ назначенъ былъ головою одной изъ четырехъ сотенъ государева же полка, именно 4-ой сотни стольниковъ[300], и получилъ сотенное знамя, «а на немъ написанъ мученикъ Дмитрей Селунскиі по зеленой таѳтѣ, опушка таѳта алая, крестъ и трубка серебренъ золоченъ»[301]. Всѣмъ сотеннымъ головамъ, чиновнымъ и сотеннымъ людямъ велѣно идти со всею службою на указный срокъ въ Смоленскъ. Туда-же раньше того отправились воеводы: большого полка князь Яковъ Куденетовичь Черкасскій и ертаульнаго полка Петръ Васильевичь Шереметевъ. Обоимъ приказано было «сбираться въ Смоленску съ ратными людьми» и дожидаться тамъ прибытія государя[302].

По случаю распутицы, и этотъ третій по счету походъ государя къ Смоленску отличался крайнею медлительностью. Въ трехъ верстахъ отъ Москвы, на Воробьевой горѣ,

---

[300] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 42 и 43.

[301] Яковлевъ. Древности Россійскаго государства. Дополненіе къ III отдѣленію «Русскія старинныя знамена. М. 1865. Приложенія. № 4. стр. 6. столб. 1.

[302] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 44 и 55.

былъ первый станъ. На слѣдующій день сдѣлано всего 27 верстъ до втораго стана, въ дворцовомъ селѣ Вяземахъ. Отсюда царскій поѣздъ, слѣдуя черезъ Саввинскій монастырь, прибылъ 17 числа на третій станъ, въ пустошь Шолковку, отъ Вяземъ въ 37 верстахъ[303]. Лишь 18 мая государь пріѣхалъ въ Можайскъ и въ тотъ-же день извѣстилъ о семъ оставшихся въ Москвѣ сестеръ, приписавъ въ письмѣ собственною рукою: «А за грязми ѣхать скоро немошно. Братъ вашъ царь Алексѣй челомъ бьетъ. Здравствуйте, государыни мои. А по насъ не кручинтеся. Положите упованіе на Бога крѣпко, той отдастъ вамъ меня здрава. Паки и паки челомъ бью»[304].

Въ Смоленскъ царь Алексѣй Михайловичь

---

[303] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 86. Ч. I.

[304] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 91.—Въ припискѣ къ слѣдующему письму, отъ 23 мая, изъ города Вязьмы, царь Алексѣй Михайловичь объясняетъ сестрамъ, кому онѣ могутъ довѣрять писать свои отвѣтныя письма (которыя, къ сожалѣнію, еще не найдены): «А грамоты кому изволите, тому и велите писать; а подьячему и дьяку писать непригоже; а окромѣ бы тѣхъ, которые оставлены у васъ, никто бы не писалъ». Изъ разрядной книги видно, что тогда «у государынь царевенъ оставленъ» былъ окольничій Иванъ Ѳедоровичь Стрѣшневъ Меньшой, а «у государыни царицы Марьи Ильиничны»—окольничій Иванъ Андреевичь Милославскій и дворецкій стольникъ Василій Михайловичь Еропкинъ (Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 41).

пришелъ 31 мая и пробылъ здѣсь до 20 іюня. За три дня до отъѣзда, государь потчивалъ сопровождавшихъ его бояръ, окольничихъ и думныхъ дьяковъ своимъ государевымъ столомъ, въ столовой избѣ; при чемъ стольникъ Петръ Васильевичь Шереметевъ смотрѣлъ въ большой столъ, а Матвѣй Васильевичь Шереметевъ—въ кривой столъ[305]. Послѣ обѣда выступили въ походъ: большой полкъ боярина князя Якова Куденетовича Черкасскаго и ертаулъ стольника Петра Васильевича Шереметева. А 20 іюня и самъ царь Алексѣй Михайловичь поднялся «изъ своей государевой отчины изъ Смоленска на недруга своего, на Свѣйскаго короля, подъ городъ подъ Ригу»[306].

Въ тотъ-же день боярину Василью Борисовичу Шереметеву сказано было остаться воеводою въ Смоленскѣ. Въ товарищи ему назначены: думные дворяне Иванъ Ѳедоровичь Еропкинъ и Иванъ Іевлевичь Загряжскій, да дьяки Иванъ Андреяновъ и Ѳома Никифоровъ. А въ отпискахъ Шере-

---

[305] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 48.

[306] Тамъ-же, столб. 50.

метеву указано выписывать только свое имя; товарищей же не называть поименно, а только прибавлять: «съ товарищи»[307]. Это считалось весьма существеннымъ отличіемъ для воеводы и нерѣдко служило поводомъ къ ожесточеннымъ мѣстническимъ спорамъ со стороны его товарищей.

Недѣлю спустя, одинъ изъ товарищей Василья Борисовича Шереметева, дьякъ Иванъ Андреяновъ, былъ смѣненъ дьякомъ Иваномъ Тимашевымъ. Указъ объ этомъ посланъ былъ къ Василью Борисовичу, 26 іюня, съ 7-го государева стана отъ Смоленска, съ пустоши Бородиной. «Дьяку Ивану Ондреянову,—сказано въ томъ указѣ,—велѣно быть на нашей государеве службе, въ нашемъ царскаго величества въ походе. И вамъ бы, боярину нашему и воеводѣ Василью Борисовичю Шереметеву съ товарыщи, нашей государеве денежной казнѣ и хлѣбнымъ всякимъ запасомъ приходные и расходные книги, и наряду, и всякимъ пушечнымъ запасомъ, и ручному всякому ружью, и знаменамъ, и литавромъ, и барабаномъ и всякимъ нашимъ государевымъ

[307] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 50.

приказнымъ дѣламъ роспись велѣть дьяку Ивану Тимашеву у дьяка у Ивана Ондреянова взять за ево Ивановою рукою съ роспискою. А какъ дьякъ Иванъ Ондреяновъ съ дьякомъ съ Иваномъ Тимашевымъ во всемъ роспишетца, и вамъ бы, боярину нашему и воеводѣ Василью Борисовичю Шереметеву съ товарыщи, дьяка Ивана Ондреянова велѣть изъ Смоленска выслать на нашу государеву службу въ походъ къ намъ, великому государю, безъ мотчанья»[308].

На другой день послѣ отправленія къ Василью Борисовичу Шереметеву прописаннаго указа, то есть 27 іюня, государь прибылъ въ Витебскъ «и сталъ подлѣ Двины рѣки въ шатрахъ». Здѣсь онъ провелъ Петровъ день и обѣдалъ въ этотъ праздникъ, вмѣстѣ съ сопровождавшими его Крутицкимъ митрополитомъ Питиримомъ[309], обоими Сибирскими царевичами, боярами и окольничими, «въ комнатномъ шатрѣ». Къ столу были приглашены также Витебскіе шляхтичи и мѣщане[310].

---

[308] Московскій архивъ министерства юстиціи: столбцы разныхъ столовъ (Новгородскаго стола, столбецъ 9154).

[309] Впослѣдствіи патріархъ Всероссійскій.

[310] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 56.

Въ Полоцкъ государь пришелъ 5 іюля предъ вечернями. Вышедшій на встрѣчу игуменъ Богоявленскаго Братскаго монастыря, Игнатій Іевлевичь, произнесъ торжественную рѣчь, въ которой величалъ царя Алексѣя Михайловича «Правовѣрія зѣльнымъ рачителемъ». Отъ имени всѣхъ гражданъ «преименитаго града Полотеска», игуменъ Игнатій говорилъ государю: «блаженный входъ твоего царскаго величества, во благочестіи аки солнце сіяющаго, во градъ твоея отчины Полотескія, сладкаго веселія и неизглаголанныя радости всѣмъ есть виною». Въ заключеніи ораторъ воскликнулъ: «Вѣруй, благовѣрный и Богомъ хранимый царю! падетъ отъ страны твоея тысяща, и тма одесную тебе»[311].

Стольникъ Матвѣй Васильевичь Шереметевъ, въ теченіе всего похода состоявшій при особѣ государя[312], сопровождалъ его и въ Спасскій монастырь, находящійся въ урочищѣ Сельцѣ, въ двухъ верстахъ отъ Полоцка. Въ эту древнюю обитель благовѣрной великой княжны Евфросиніи Полоцкой царь Алексѣй

---

[311] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. III. Спб. 1774. стр. 30—34.

[312] Точно также, какъ и двоюродный братъ Матвѣя Васильевича, стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ.

Михайловичь ходилъ молиться 8 іюля, въ праздникъ Казанской Божіей Матери. Онъ остался тамъ и на 9 число, и присутствовалъ при освященіи монастырской Преображенской церкви. Послѣ обѣдни, государь кушалъ за монастыремъ въ шатрахъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Питиримомъ, а также съ боярами и окольничими, при чемъ Матвѣй Васильевичь Шереметевъ смотрѣлъ въ государевъ большой столъ[133].

Отъѣздъ царя Алексѣя Михайловича изъ Полоцка нѣсколько замедлился вслѣдствіе новыхъ переговоровъ съ цесарскимъ посломъ Аллегрети, пріѣхавшимъ сюда, по государеву указу, съ дороги къ Свѣйскому рубежу.

Нужно сказать, что еще 26 мая, на государевъ станъ въ селѣ Семлевѣ, въ 20 верстахъ отъ города Вязьмы, явились наконецъ посыланные въ Вѣну гонцы подьячій Григорій Богдановъ и Нѣмчинъ Миколаюсъ Винцентъ. Послѣдній привезъ грамоту Римскаго цесаря на имя великихъ пословъ Аллегрети и его товарищей. Въ тотъ-же день государь приказалъ дьяку Василью Богдановичу Ли-

---

[313] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 57 и 58.

хачеву ѣхать съ гонцомъ Винцентомъ къ цесарскимъ посламъ, «гдѣ ихъ съѣдетъ»; а съѣхавъ, спросить о здоровьѣ и сказать имъ, что царское величество желаетъ видѣться съ ними въ Полоцкѣ и, на основаніи присланной къ нимъ цесаревой грамоты, условиться о подробностяхъ Виленскаго съѣзда.

Лихачевъ настигъ пословъ уже въ Псковѣ. Они «обрадовались премногой милости царскаго величества; били челомъ и кланялись низко, и про государское многолѣтное здоровье спрашивали». А когда Лихачевъ объявилъ посламъ волю государя на счетъ пріѣзда въ Полоцкъ, Аллегрети отвѣтилъ: «Не токмо-де царскаго величества пресвѣтлые очи ради въ Полоцкѣ видѣть, намъ бы-де видѣть великаго государя пресвѣтлые очи въ Ригѣ и въ Стеколнѣ, а потомъ и все бъ Свѣйское государство и самого короля подъ его царскаго величества высокою рукою въ вѣчномъ подданствѣ видѣть».

ГЛАВА XVIII.

Въ Полоцкѣ цесарскіе послы были поставлены «въ городѣ на болшой улицѣ, отъ государева двора неподалеку».

До представленія государю, Аллегрети имѣлъ продолжительныя совѣщанія сперва съ думнымъ дьякомъ Ларіономъ Лопухинымъ, а потомъ съ боярами, по поводу того, что во вновь присланной цесаревой грамотѣ въ царскомъ титлѣ не было написано «Бѣлые Россіи и Литовскаго» и иныхъ новоприбылыхъ титлъ. Аллегрети объяснялъ, что до договора съ Польскимъ королемъ тѣхъ титлъ писать отнюдь нельзя, что цесарское величество посредникъ, а не судья; «и какъ-де посреднику, не соверша дѣла, титла у одного государя

отнимать, а другому приписывать? и то-де было бы отъ всѣхъ окрестныхъ государей въ зазоръ. А напередъ-де сего бывало много: которой государь войною доступитъ сколко городовъ и мѣстъ и тѣми титлами писаться учнетъ, а послѣ на мирномъ договорѣ тѣхъ мѣстъ уступитъ назадъ и изъ титлы выпишетъ, и то-де бываетъ въ зазоръ». Аллегрети ставилъ на видъ, что уже и безъ того «цесарское величество, для брацкіе дружбы и любви, въ царскаго величества титлѣ писалъ передъ прежнимъ съ прибавкою: Кіевскимъ и Черниговскимъ и Малыя Росіи и Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ странъ отчичемъ и дѣдичемъ и наслѣдникомъ. А напередъ-де сего никоторой Россійской государь тѣми титлами не описывался».

— «Окрестныхъ государей образцы и обычьи,—отвѣчали бояре,—великому государю нашему его царскому величеству не примѣръ: какъ кто хочетъ, такъ то и дѣлаетъ. А мы вамъ объявляемъ впрямь, что великій государь нашъ тѣхъ княжствъ и городовъ, которые ему Богъ подаровалъ взяти у Полского короля и которые ему добили челомъ и учи-

нились въ подданствѣ, Полскому королю не уступитъ ничего, и для того въ грамотахъ своихъ государскихъ тѣ новоприбылые титла писать велѣлъ. И цесарскому величеству надобно было брата своего, великаго государя нашего, честь остерегать и его государское именованье и титло писать по достоинству и какъ онъ, великій государь самъ себя описуетъ..... А что послы говорятъ, что прежніе Россійскіе великіе государи тѣми титлами, которыми нынѣ великій государь описуется (Кіевскимъ и прочее) не писывались, и то они говорятъ не вѣдая: Кіевъ искони вѣчная отчина великихъ государей благочестивыхъ царей и великихъ князей Россійскихъ, предковъ великаго государя нашего; а на Востокѣ и на Западѣ и на Сѣверѣ у великаго государя подъ его царскою высокою рукою есть же».

Въ заключеніе цесарскіе послы подали «на свои рѣчи письмо». Бояре, принявъ то письмо, «велѣли сначала государское именованье честь» и, услыхавъ, что царскія титла опять писаны несполна, безъ «Бѣлыя Русіи и Литовскаго», много выговаривали посламъ. Письмо было возвращено назадъ, съ требованіемъ

переписать его. Съ этимъ и отпущены были послы на ихъ подворье[314].

Должно полагать, что это требованіе бояръ было исполнено, такъ какъ 10 іюля государь принялъ пословъ весьма милостиво и одарилъ ихъ кубками. Послѣ представленія послы были опять въ отвѣтѣ у бояръ, при чемъ выяснилось, что Польскіе коммиссары прибудутъ на съѣздъ въ Вильну къ 10 августа. За тѣмъ, государь пожаловалъ пословъ, велѣлъ имъ быть у своего государева стола. Но Аллегрети и его товарищи, памятуя Московское потчиванье, уклонились отъ этой чести: «послы пришли къ столу и били челомъ, чтобъ государь пожаловалъ ихъ, не велѣлъ имъ быть у своего государева стола». Челобитье было уважено. Ѣству и питье отправили къ посламъ на ихъ подворье, гдѣ и потчивалъ ихъ стольникъ князь Александръ Ивановичь Лобановъ-Ростовскій.

Государь остался кушать съ тремя лицами, назначенными на Виленскій съѣздъ великими и полномочными послами. То были: боринъ князь Никита Ивановичь Одоевскій,

[314] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. III. Спб. 1854. столб. 495—509.

сынъ его бояринъ князь Ѳедоръ Никитичь Одоевскій и окольничій князь Иванъ Ивановичь Лобановъ-Ростовскій. А у стола стояли стольники: Матвѣй Васильевичь Шереметевъ и Матвѣй Степановичь Пушкинъ.

Подъ вечеръ, цесарскіе послы уѣхали въ Вильну «на съѣздъ для посредства съ Полскими комисары». Туда же 13 іюля отправились и наши полномочные послы[315].

Въ день отъѣзда князя Одоевскаго съ товарищами, царь Алексѣй Михайловичь присутствовалъ на освященіи древле-Православнаго Софійскаго соборнаго храма, находившагося со времени архіепископства знаменитаго Іоасафата Кунцевича въ рукахъ Базиліанъ[316]. Послѣ этого церковнаго торжества у государя былъ обѣдъ въ столовой избѣ. Во время стола Матвѣй Васильевичь Шереметевъ, по наряду, потчивалъ митрополита Крутицкаго Питирима[317].

[315] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 59—61.

[316] Іоасафатъ Кунцевичъ даже приказалъ снять украшавшія Софійскій соборъ пять главъ, которыя, по замѣчанію уніатскаго писателя Стебельскаго, «своимъ Византійскимъ стилемъ служили бы для будущихъ поколѣній безмолвнымъ памятникомъ древности Православія въ Полоцкѣ» (Говорскій. Іоасафатъ Кунцевичъ, Полоцкій уніатскій архіепископъ. Вильна. 1865. стр. 13).

[317] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 61.

15 іюля, въ день святаго равноапостольнаго князя Владиміра, царь Алексѣй Михайловичь выступилъ изъ Полоцка, взявъ съ собою изъ Софійскаго собора чудотворную икону Божіей Матери[318]. Воинскій обозъ отправленъ былъ впередъ на судахъ, рѣкою Двиною[319]. Что же касается до хлѣбныхъ запасовъ, то всѣ распоряженія по этому важному предмету мы узнаемъ изъ слѣдующей отписки Смоленскаго воеводы боярина Василья Борисовича Шереметева, представленной государю, 16 августа 1656 года, Бѣлениномъ Аѳанасьемъ Бехтѣевымъ: «Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі самодержцу, холопи твои Васка Шереметевъ съ товарыщи челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 164 году, іюля въ 18 день, въ твоей великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі самодержца, грамоте писано къ намъ, холопемъ твоимъ, а велено: изъ Смоленска отпустить на Касплю реку десять тысечь чети

[318] Сементовскій. Памятная книжка Витебской губерніи на 1864 годъ. Спб. 1864. стр. 153.

[319] Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878. стр. 44.

сухарей на подводахъ, съ кѣмъ пригожъ, тотчасъ, безо всякого мотчанья; а съ Каспли велѣть тѣ сухари отпустить въ походъ къ тебѣ, великому государю, въ судѣхъ водою потому жъ тотчасъ; а кормщиковъ и гребцовъ на суды велѣть взять изъ Бѣшенковичь и изъ Вяжищь и изъ Чашникова пятдесятъ человѣкъ; и велѣть тѣ сухари вѣсть съ великимъ береженьемъ, чтобъ тѣ сухари съ верху и съ исподи не подмочили и иные какие порухи имъ не учинилось, и довѣсти бъ тѣ сухари къ тебѣ, великому государю, совсѣмъ въ делѣ. А въ Шкловъ изъ Смоленска послать дворенина добра изъ тѣхъ, которые оставлены съ нами, холопи твоими, ково пригожъ; а велѣть ему въ Шклове, у Василья Яковлева, взять пять тысечь чети сухарей добрыхъ, не гнилыхъ и не лежалыхъ; и тѣ сухари велѣть ему вѣсть къ тебѣ, великому государю, въ походъ тотчасъ, безо всякого мотчанья, до села Бѣшенковичь на подводахъ Могилевского и Шкловского и Копышского уѣздовъ крестьяны по розвытке: Шкловскимъ и Копышскимъ уѣзды четыре тысечи чети, Могилевскимъ уѣздомъ— тысечю чети; а изъ Бѣшенковичь велено тѣ хлѣбные запасы вѣсть въ судѣхъ водою по-

тому жъ, съ великимъ береженьемъ; а уѣздныхъ людей съ подводы велено изъ Бѣшенковичь отпустить по домомъ, а кормщиковъ и гребцовъ велѣть бы ему имать въ тѣхъ селѣхъ въ Бѣшенковичахъ и въ Вяжищахъ и въ Чашникове, колько пригожъ и кѣмъ тѣ суды съ запасы спровадить мочно. А которого числа и сколько чети какихъ хлѣбныхъ запасовъ и съ кѣмъ имяны къ тебѣ, великому государю, въ походъ изъ Смоленска отпустить и ково въ Шкловъ пошлемъ, и намъ бы, холопемъ твоимъ, о томъ къ тебѣ, великому государю, отписать, а роспись тѣмъ запасомъ за дьячьею рукою въ разрядъ прислать. И по твоему государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі самодержца, указу, мы, холопи твои, отпустили на Касплю хлѣбныхъ запасовъ въ розныхъ числехъ и что, по твоему государеву указу, отпустилъ стольникъ Родионъ Стрешневъ сухарей и крупъ девять тысечь чети; а въ Шкловъ, государь, послали мы, холопи твои, для твоихъ государевыхъ хлѣбныхъ запасовъ дворенина Ѳилата Колтовского іюля въ 22 день, и велѣли взять у воеводы у Василья Яковлева пять тысечь чети суха-

рей и велѣли вѣсть къ тебѣ, великому государю, въ походъ. Да и на Касплю реку мы, холопи твои, послали того-жъ числа, что и въ Шкловъ, Смольнянина Бориса Деденова и велѣли твои государевы хлѣбные запасы вѣсть рекою Касплею и Двиною къ тебѣ, великому государю, въ походъ днемъ и ночью, чтобъ съ твоими государевыми хлѣбными запасы за тобою великимъ государемъ поспешить, которые запасы остались на Каспле рекѣ за прежними посылками»[320].

У Василья Борисовича Шереметева немало было хлопотъ и съ бѣглыми служилыми людьми всякихъ чиновъ, во множествѣ скопившимися въ Смоленскѣ и въ уѣздѣ. Они сбѣгались сюда съ государевой полковой службы изъ Москвы и изъ городовъ. Вмѣстѣ съ ними укрывались отъ службы и тѣ ратные люди, которые «послѣ государева походу въ Смоленску остались». Поимка бѣглецовъ оказалась столь затруднительною, что нашли необходимымъ прислать въ помощь Шереметеву стольника Ивана Прончищева, съ которымъ строго приказано было, «сыскавъ всѣхъ

[320] Московскій архивъ министерства юстиціи: столбцы разныхъ столовъ (Новгородскаго стола, столбецъ 9154).

бѣглыхъ и учиня имъ наказанье, выслать ихъ на государеву службу тотчасъ, безо всякаго мотчанья». А Василью Борисовичу Шереметеву, отъ 18 іюля, предписано было: «какъ стольникъ Иванъ Прончищевъ въ Смоленескъ приѣдетъ и учнетъ для сыску служилыхъ людей о людехъ говорить, и ему бъ для того сыску людей какихъ пригоже давать велѣть, чтобъ у него за тѣмъ въ Смоленску мотчанья не было. А какъ онъ, Иванъ, выславъ служилыхъ людей, изъ Смоленска къ великому государю поѣдетъ, и ему, Ивану, на реке Каспле велѣти дать стружокъ небольшой, въ чемъ ему къ великому государю въ походъ водою доехать».

Василій Борисовичь Шереметевъ въ отвѣтной отпискѣ писалъ: «Іюля, государь, въ 18 день, стольникъ Иванъ Прончищевъ въ Смоленескъ приѣхалъ и по твоему государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі самодержца, указу, мы, холопи твои, Ивану Прончищеву для сыску твоихъ государевыхъ служилыхъ всякихъ чиновъ людей дали сотника стрелецкого да дватцать человѣкъ стрельцовъ того-жъ числа, которого числа Иванъ

Прончищевъ отъ тебя, великого государя, къ намъ, холопемъ твоимъ, приѣхалъ. Да и на Касплю реку писали твои государевы указы мы, холопи твои, велели ему, Ивану Прончищеву, дать стружокъ, въ чемъ ему ѣхать къ тебѣ, великому государю, въ походъ. А ратныхъ людей въ Смоленску сыскалъ Иванъ Прончищевъ немногихъ людей; а и мы, холопи твои, твоимъ государевымъ ратнымъ людемъ, которые остались после тебя, великого государя, въ Смоленску и которые воровали, изъ твоего государева полку бѣгали, а жили въ Смоленску, и мы, холопи твои, сыскивая, имъ чинили наказанье и высылали на твою государеву службу къ тебѣ, великому государю, въ походъ»[321].

Стольникъ Прончищевъ посланъ былъ въ Смоленскъ, къ боярину Василью Борисовичу Шереметеву, съ пути изъ города Дисны въ Друю. Въ стройномъ порядкѣ слѣдовало царское войско, крѣпкими заказами удерживаемое отъ обычныхъ въ военное время грабежей и всякихъ обидъ мѣстнымъ жителямъ. Еще въ Полоцкѣ всѣмъ сотеннымъ головамъ, въ

[321] Московскій архивъ министерства юстиціи: столбцы разныхъ столовъ (Новгородскаго стола, столбецъ 9154).

томъ числѣ и Матвѣю Васильевичу Шереметеву, начальствовавшему сотнею стольниковъ государева полка, строго предписано было, «чтобъ сотенные люди въ дорогѣ и на станѣхъ были всѣ въ сотняхъ, а изъ сотенъ безъ ихъ отпуску никуда не розъѣзжались, и людей своихъ по селамъ и по деревнямъ не посылали, и дорогою и по сторонамъ селъ и деревень не жгли, и крестьянъ не били и не грабили, животовъ и лошадей и животины никакія, и хлѣба и никакихъ кормовъ безденежно ни у кого ничего не имали, и въ дорогѣ по хлѣбу не ѣздили, и на станѣхъ межъ хлѣба въ тѣсныхъ мѣстѣхъ не ставили, и хлѣба не травили и не толочили, и женокъ и дѣвокъ не воровали, и никакихъ насильствъ никому не дѣлали»[322].

19 іюля, царь Алексѣй Михайловичь пришелъ съ своимъ войскомъ къ городу Друѣ и расположился на берегу рѣки Двины въ шатрахъ. Сюда въ тотъ-же день стряпчій Кириллъ Пущинъ привезъ письмо князя Никиты Ивановича Одоевскаго къ государю, въ которомъ тотъ извѣщалъ о кончинѣ своего

[322] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 181.

сына, князя Ѳедора Никитича. «Іюля 18 числа,—писалъ князь Одоевскій,—отъ Полотцка на другомъ стану, у рѣки Начи, судомъ праведнымъ Божіимъ, а моимъ великимъ грѣхомъ, сына моего Ѳедки не стало. На послѣднемъ часу дни съ покаяніемъ сподобился приняти спутника тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа. И я, холопъ твой, тѣло ево съ тово стану отпущу іюля въ 19 день. А на твою государеву службу пойду іюля 20. Милость, государь, покажи, сотвори милость надъ убогою ево душею и надъ оставшею ево женою и малыми сиротками»[323].

Царь Алексѣй Михайловичь «не помалу посѣтовалъ» о преждевременной кончинѣ своего «ближняго человѣка»[324]. Съ тѣмъ-же посланцемъ, Пущинымъ, онъ отправилъ къ кня-

---

[323] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 108.

[324] Князь Ѳедоръ Никитичь Одоевскій, второй по старшинству внукъ боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, лишь 15 апрѣля 1655 года пожалованъ былъ въ бояре, какъ это видно изъ грамоты царя Алексѣя Михайловича къ боярину и дворецкому Василью Васильевичу Бутурлину, отъ 25 числа того-же мѣсяца: «Мы, великій государь, по своему государеву разсмотрѣнью, нашево ближнево человѣка изъ спальниковъ князь Ѳедора Никитича Одоевскаго пожаловали въ бояре въ самый Свѣтлый день, для ево къ намъ зѣлнова послушанія» (Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго археологическаго общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 731).

зю Никитѣ Ивановичу Одоевскому милостивую грамоту, въ которой просилъ его «отъ зѣльныя своей скорби и печали не сокрушаться, памятуя общее всѣмъ живущимъ едино воспріятіе смерти»[325].

---

[325] Сохранился только черновой отпускъ этой грамоты (Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ. № 108).

ГЛАВА XIX.

«Іюля 21, изволилъ государь перейти за рубежъ, въ Нѣмецкую землю, черезъ рѣчку Индрицу, отъ города Друи въ пяти верстахъ». Такъ отмѣчено въ современномъ военно-походномъ журналѣ[326] о вступленіи нашего войска въ предѣлы памятныхъ отъ временъ Грознаго «Инфлянтовъ»[327]. Всѣ прибрежныя Инфлянтскія села и деревни были пусты, такъ какъ при первой же вѣсти о приближеніи Русскихъ все мѣстное населеніе, на пространствѣ отъ Двины верстъ за тридцать и больше, побравъ животы, перебѣжало за Двину, на нейтральную Курляндскую сторону[328].

[326] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 86. Ч. I.

[327] Инфлянтами называлась бывшая Польская Лифляндія, то есть сѣверозападные уѣзды нынѣшней Витебской губерніи (Рѣжицкій, Люцинскій, Дриссенскій и Динабургскій).

[328] Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою коммиссіею. Т. IV. Спб. 1851. стр. 59. столб. 2.

Лишь 24 числа, въ день святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, подошелъ государь къ первой Шведской крѣпости Диноборку (нынѣшній Динабургъ) и расположился станомъ въ трехъ верстахъ отъ города. Изстари это былъ самый важный стратегическій пунктъ на Двинской линіи. Въ описываемое время, городъ Диноборокъ или «Дивноборокъ», какъ однажды названъ онъ въ письмѣ царя Алексѣя Михайловича, стоялъ «на высокой осыпи, и около города у Нѣмецкихъ людей земляныя и деревяныя многія крѣпости были учинены, и нарядъ былъ по городу большой, и людей въ немъ сидѣло немало»[329].

Бывшій товарищъ Василья Петровича Шереметева, бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ, прибывшій къ Диноборку съ передовымъ отрядомъ на стругахъ еще 18 іюля, сообщалъ, что, по показанію взятаго Нѣмчина, «въ Диноборкѣ сидитъ подполковникъ, а съ нимъ Нѣмецъ человѣкъ съ четыреста, а хлѣба и пороху много». Стрѣшневъ немедленно осадилъ городъ «и Божіимъ и государевымъ дѣломъ надъ городомъ и надъ городцки-

[329] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 185.

ми сидѣлцы учалъ промышлять: шанцы копать и туры ставить».

Очевидно, что и самъ государь рѣшилъ продолжать походъ водою, на стругахъ, такъ какъ Стрѣшневъ, отъ 21 числа, доносилъ царскому величеству: «А рѣкою, государь, Двиною твоимъ государевымъ служилымъ людемъ нынѣ стругами мимо города пройтти немочно, для того, что съ города и противъ города на другой сторонѣ съ рѣки Двины на берегу учинены шанцы, и на рѣку на Двину съ берегу стрѣляютъ изъ полуторныхъ пищалей безпрестанно». Какъ бы то ни было, но государь подошелъ къ Диноборку уже послѣ того, какъ Стрѣшневъ донесъ ему, что онъ «милостію Божіею, изъ-за Двины рѣки весь шанецъ сбилъ»[330].

Въ ночь съ 30 на 31 іюля, царь Алексѣй Михайловичь, послѣ молебнаго пѣнія святымъ страстотерпцамъ Россійскимъ князьямъ Борису и Глѣбу, повелѣлъ стольнику Ивану Богдановичу Милославскому идти на приступъ Диноборскихъ укрѣпленій. Съ Мило-

---

[330] Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою коммиссіею. Т. IV. Спб. 1851. стр. 59. столб. 2 и стр. 61. столб. 1.

славскимъ были: голова стрѣлецкій Семенъ Ѳедоровичь Полтевъ «и полковники съ салдаты и съ датошными людми»[331], всего 3400 человѣкъ. За полчаса до свѣта, наши взяли большой городъ, а меньшой городокъ зажгли «гранадами». А когда «загорѣлися въ верхнемъ (или меньшомъ) городкѣ дворы, и изъ нижнева городка (ратные люди) пошли на верхней городокъ и верхней взяли и высекли того-жъ часа»[332]. Немедленно по взятіи Диноборка, государь приказалъ построить въ немъ церковь во имя святыхъ Бориса и Глѣба, а самый городъ переименовать въ Борисоглѣбовъ.

3 августа, комнатный стольникъ Петръ Ивановичь Матюшкинъ повезъ въ Москву, къ царевнамъ, письмо царя Алексѣя Михайловича съ извѣстіемъ о взятіи Диноборка. Въ концѣ письма собственною рукою государя приписано: «Многолѣтствуйте, государыни мои, и съ нами всѣми и вы со мною и съ новоосвященною церковью страстотерпецъ Бо-

[331] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 64.

[332] Изъ письма царя Алексѣя Михайловича къ сестрамъ, отъ 3 августа (Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ. № 91).

риса и Глѣба въ нововзятомъ городѣ Дивноборке и съ нимъ новымъ нареченнымъ Борисоглѣбовымъ городомъ. Здравствуйте на многіе лѣта. А на приступѣ всѣхъ нашихъ было 3400 человѣкъ. А убито и ранено немного»[333].

Изъ дѣлъ Аптекарскаго приказа видно, что было «ранено подъ Динаборкомъ до приступа и на приступѣ всякихъ чиновъ людей тяжелыми раны: 167 человѣкъ, да лехкими— 84 человѣка; всего ранено тяжелыми и лехкими раны 251 человѣкъ»[334].

Сердобольный государь принималъ всевозможныя мѣры къ облегченію тяжкой участи раненыхъ. Онъ приказалъ выдавать «на лѣчьбу ранъ, на зелье» денежнаго жалованья: «дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ и рейтаромъ и новокрещеномъ и иноземцомъ, у которыхъ раны тяжелые, по четыре рубли человѣку, а у которыхъ середніе и легкіе—по три; а драгуномъ и салдатомъ и казакомъ и монастырскимъ служкамъ и даточнымъ людемъ—по два рубли»[335].

---

[333] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 91.

[334] Матерьялы для исторіи медицины въ Россіи. Вып. III. Спб. 1884. стр. 679.

[335] Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою коммиссіею. Т. IV. Спб. 1851. стр. 61. столб. 2.

Заботливость царя Алексѣя Михайловича о раненыхъ видна и изъ слѣдующей грамоты его, отъ 3 августа 1656 года, на имя Василья Борисовича Шереметева:

«Отъ царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі самодержца, въ нашу отчину въ Смоленескъ, боярину нашему и воеводамъ Василью Борисовичю Шереметеву съ товарыщи. По нашему указу, раненые салдаты и стрельцы и розныхъ чиновъ люди, которые ранены на нашей службе подъ Диноборкомъ, для тяжелыхъ увѣчныхъ ранъ, съ нашей службы изъ Диноборка отпущены въ Полотескъ въ судѣхъ водою. А въ Полодцку велено имъ быть до тѣхъ мѣстъ, покаместъ они отъ ранъ оздоровеютъ; а какъ хто изъ нихъ отъ ранъ оздоровеетъ, и изъ Полодцка, по ихъ челобитью, велено ихъ отпущать по домомъ. А какъ по отпуску изъ Полодцка раненыхъ, хто въ Смоленескъ приѣдетъ или придетъ, и вы бъ ихъ изъ Смоленска отпущали безъ мотчанья; а нашего жалованья въ дорогу на кормъ велели имъ дать изъ нашихъ хлѣбныхъ запасовъ по четверику сухарей человѣку да по четверику крупъ на десятокъ, и ту дачю велѣли пи-

сать въ расходные книги. А колькимъ человѣкомъ раненымъ и что сухарей и крупъ на кормъ дать велите, и вы бъ о томъ къ намъ, великому государю, отписали»[336].

Оставивъ «въ городѣ преже именованномъ Диноборкѣ, а нынѣ въ нареченномъ Борисоглѣбовѣ городѣ» воеводу Василья Григорьевича Ѳефилатьева, царь Алексѣй Михайловичь, 3 августа, пошелъ далѣе, къ другой сильной Шведской крѣпости Куконосу. Бояринъ Семенъ Лукьяновичь Стрѣшневъ, постоянно слѣдовавшій впереди государя, прибылъ туда еще 29 іюля. Вслѣдъ за взятіемъ Диноборка, царь Алексѣй Михайловичь, во избѣжаніе излишняго кровопролитія, приказалъ Стрѣшневу «послать въ Куконосъ изъ ратныхъ людей кого пригоже и велѣть городцкихъ всякихъ людей сговаривать и государьскою милостью во всемъ обнадеживать, чтобъ они государьскіе милости къ себѣ поискали, учинились подъ государьскою высокою рукою и городъ сдали». Но Куконосскіе сидѣльцы «отказали и на сговоръ не пошли». Когда имъ объявили, что Диноборокъ уже взятъ царскими

[336] Московскій архивъ министерства юстиціи: столбцы разныхъ столовъ (Новгородскаго стола, столбецъ 9154).

войсками, они не повѣрили этому и требовали, чтобъ имъ показали кого нибудь изъ тамошнихъ жителей. «А чаю,—писалъ Стрѣшневъ государю,—не послушаютъ никого, опричь милости Божіей и крестной силы и твоей великого государя къ Богу молитвы»[337].

На первомъ же станѣ отъ Диноборка, 4 августа, царь Алексѣй Михайловичь принималъ въ шатрахъ Венгерскаго и Молдавскаго посланниковъ, а также гонца курфирста Бранденбургскаго Фридриха Вильгельма I. На слѣдующемъ станѣ, 6 августа, посланники и гонецъ были на отпускѣ, при чемъ въ рындахъ стояли съ топорами и въ ферезяхъ четыре стольника: въ одной парѣ Никита Ивановичь и Матвѣй Васильевичь Шереметевы, а въ другой—Иванъ Ѳедоровичь и Матвѣй Степановичь Пушкины[338].

8 августа государь подошелъ наконецъ и къ Куконосу или Куконаузу, какъ назывался въ нашихъ актахъ знаменитый въ то время

---

[337] Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою коммиссіею. Т. IV. Спб. 1851. стр. 63. столб. 2. и стр. 64. столб. 1.

[338] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 65 и 67.

городъ и замокъ Кокенгузенъ[339]. «А крѣпокъ безмѣрно,—писалъ о немъ царь Алексѣй Михайловичь къ своимъ сестрамъ,—ровъ глубокой—меншой братъ нашему Кремлевскому рѣву, а крѣпостию—сынъ Смоленску граду. Ей, чрезъ мѣру крѣпокъ»[340].

Государь остановился на берегу Двины, въ полуторѣ верстѣ отъ города, и такъ какъ въ то время былъ Успенскій постъ, то поспѣшилъ «обновитися святымъ покаяніемъ и пріобщитися пречестному тѣлу и крови Христовой». Также «и люди всѣ ратные и съ служащими ихъ обновилися, а иные и причащалися многіе»[341].

Передъ самымъ приступомъ, въ ночь съ 13 на 14 августа «по явленію (царю Алексѣю Михайловичу) страстотерпецъ Бориса и Глѣба, повелѣвающю (ему) празновати страдальцу царевичю Димитрію»[342], отслуженъ былъ сему чудотворцу молебенъ, а за тѣмъ, пѣшіе

---

[339] Нынѣ кирхгшиль, Лифляндской губерніи, Рижскаго уѣзда.

[340] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (Разрядъ XXVII). № 91.

[341] Изъ письма царя Алексѣя Михайловича къ сестрамъ (Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ. № 91).

[342] Изъ того-же письма. На оборотѣ, подлѣ адреса, дьяческою рукою отмѣчено: «Явленіемъ Святыхъ Бориса и Глѣба».

люди, солдаты и стрѣльцы, предводимые бояриномъ Семеномъ Лукьяновичемъ Стрѣшневымъ, вышли изъ шанцовъ и къ городу Куконосу «приступали жестокимъ приступомъ»[343]. Осажденные оказывали сильное сопротивленіе; но, по выраженію Украинскаго лѣтописца-самовидца, «сила закону не знаетъ, бо и Кукунавзъ также приступомъ узяли войска его царского величества и тотъ спустошили, людей выгубивши, и людомъ Московскимъ осадили»[344].

На приступѣ Куконоса нашихъ людей побито 67 человѣкъ, а ранено 430 человѣкъ[345]. Потеря непріятеля была неисчислима. Кромѣ множества плѣнныхъ, наши взяли всѣ знамена, нарядъ и зелейную казну[346].

Говорятъ, что царь Алексѣй Михайловичь до трехъ разъ посылалъ къ осажденнымъ съ предложеніемъ сдаться, обѣщая пощаду; но тѣ, считая крѣпость свою неприступною, толь-

---

[343] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 189.

[344] Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878. стр. 45.

[345] По свидѣтельству самого царя Алексѣя Михайловича (Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ. № 91).

[346] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 189.

ко смѣялись. Тогда царь сказалъ будто бы: «такъ пусть же грѣхъ падетъ на ихъ голову», и велѣлъ начать приступъ[347].

Въ исполненіе даннаго передъ приступомъ обѣта, государь приказалъ въ тотъ-же день строить въ Куконосѣ церковь во имя благовѣрнаго царевича Димитрія, которая трое сутокъ спустя, именно 17 августа, была уже и освящена митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ Питиримомъ съ братіею. «И отселе,— пишетъ царь Алексѣй Михайловичь, — нарекли сему граду имя Царевиче-Дмитреевъ градъ»[348].

Вслѣдъ за освященіемъ вновь построенной Дмитріевской церкви, государь давалъ отпускную аудіенцію посланнику Датскаго короля Фридриха III-го Герману Косу, прибывшему въ Куконосъ еще 10 августа для переговоровъ о заключеніи союза противу общаго недруга—Шведскаго короля[349]. Датскій по-

---

[347] Аболенскій. Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по запискамъ архидіакона Павла Алепскаго. Кіевъ. 1876. стр. 178.

[348] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 91.

[349] Царь Алексѣй Михайловичь настаивалъ, чтобы королевское величество шелъ въ походъ противъ Шведовъ, «не испустя времени; а только-де теперь не пойдетъ, и время пройдетъ». Такъ и

сланникъ былъ и у государева стола, накрытаго въ шатрахъ. При этомъ царь потчивалъ также и тѣхъ головъ, которые ходили съ Стрѣшневымъ на приступъ къ городу Куконосу. Участникамъ этого блестящаго дѣла тутъ-же розданы были щедрыя награды. Напримѣръ, самъ Стрѣшневъ получилъ атласную золотную шубу, кубокъ, два сорока соболей и сто рублей денегъ; а головѣ Московскихъ стрѣльцовъ Ивану Никитичу Нелидову велѣно быть въ полковникахъ и кромѣ того, государь пожаловалъ его, «велѣлъ ему свои государевы очи видѣть по праздникамъ за переградою»[350].

Въ тотъ-же день, бояре обсуждали мѣры къ обезпеченію войска правильною доставкою и въ наибольшемъ количествѣ хлѣбныхъ запасовъ, такъ какъ трудно было предвидѣть на сколько времени продлится предстоявшая осада Рижской крѣпости. Государь, слушавъ присланныя по этому предмету отписки Василья Борисовича Шереметева, указалъ отпи-

---

вышло: Датчане затянули дѣло сборами да переговорами и начали войну съ Шведами гораздо позже и уже въ союзѣ съ Поляками, а не съ нами (Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. X. Спб. 1860. стр. 426).

[350] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 70 и 71.

сать въ Смоленскъ, къ нему, боярину Василью Борисовичу: «Велѣть тотъ запасъ, которой нынѣ на Касплѣ рекѣ и которой изъ Шклова привезутъ пять тысечь чети въ Бѣшенковичи, прислать съ Каспли съ Семеномъ Беклемишевымъ; и Семену подъ тотъ запасъ пригнать сто струговъ съ Каспли подъ ту пять тысечь сухарей или на колькихъ судѣхъ ту пять тысечь поднять мощно. А будетъ тѣхъ судовъ столько не будетъ, и писать въ Полотескъ къ окольничему князю Дмитрею Алексѣевичю Долгоруково, чтобъ велѣлъ къ тѣмъ судомъ собрать въ прибавку съ Бѣшенковичь и съ Вяжищь и съ Чашникова и съ Полотцка и съ Полотцкого уѣзду, и кормщиковъ и гребцовъ велѣлъ дать Семену Беклемишеву сколко надобно, какъ мочно въ Ригу тотъ запасъ согнать. Однолично бъ боярину Василью Борисовичю тотъ запасъ, что́ привезутъ на Касплю и которой будетъ привезутъ въ Бѣшенковичи, отпустить съ Семеномъ Беклемишевымъ подъ Ригу не мешкавъ. А вмѣсто того, что̀ отпуститъ изъ Смоленска, взять въ Смоленескъ 10.000 чети запасу въ Шклове, и устроить тотъ запасъ въ анбары и держать съ великимъ береженьемъ; а въ Витебскъ отпи-

сать, чтобъ ему изъ Витебска на Касплю послать сорокъ человѣкъ съ Витебского съ посаду и съ уѣзду; а проводя до Бѣшенковичь, отпустить тѣхъ людей по домомъ тотчесъ»[351].

---

[351] Московскій архивъ министерства юстиціи: столбцы разныхъ столовъ (Новгородскаго стола, столбецъ 9154).

ГЛАВА XX.

Царь Алексѣй Михайловичь поручилъ вновь прибылой Царевиче-Дмитріевъ городъ стольнику Роману Ѳедоровичу Боборыкину и Ивану Михайловичу Коновницыну, а самъ, 18 августа, выступилъ «на своего недруга, на Свѣйскаго короля, подъ городъ подъ Ригу, пославъ туда напередъ себя князя Якова Куденетовича Черкасскаго съ большимъ полкомъ[352].

Еще раньше князя Черкасскаго, къ Ригѣ посланъ былъ бояринъ Семенъ Лукьяновичь Стрѣшневъ, который безпрестанно высылалъ къ государю захваченныхъ имъ въ мелкихъ стычкахъ языковъ. То были разныхъ званій Поляки, Литвины, Латыши, Финны, а больше

[352] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 72.

всего Нѣмчины земель: Шведской, Курляндской и Голштинской. Приведенъ былъ въ числѣ языковъ и Нѣмчинъ «Прускіе земли», Григорій Каспировъ, изъ свиты Бранденбургскаго гонца, отъ котораго-де онъ отсталъ случайно за подводами, случайно-же попалъ на Курляндскую сторону, гдѣ и наѣхали его государевы служилые люди[353].

Отъ языковъ невозможно было узнать о дѣйствительной численности Шведскаго войска, собраннаго въ обозѣ подъ Ригою и въ самомъ городѣ. Опредѣленнѣе прочихъ показывали двое раненыхъ Финновъ. Они говорили, что въ Шведскомъ обозѣ подъ Ригою «служилыхъ людей рейтаръ 32 хоронги, а въ хоронгѣ по 20 и по 30 человѣкъ и болши; драгуновъ 6 хоронгъ, въ хоронгѣ по 40 и по 50 и по 60 и по 100 человѣкъ; въ обозѣ солдатъ нѣтъ, а въ Ригѣ солдатъ толко пол-3000».

Спрошенный же 3 августа полонянникъ, Польскій капитанъ Степанъ Карповичь, показывалъ, что въ Ригѣ, «съ графомъ де-Магносомъ, людей пѣшихъ двѣ тысячи человѣкъ, и конныхъ стоятъ въ обозѣ тысячи съ четы-

[353] Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою коммиссіею. Т. IV. Спб. 1851. стр. 66—68.

ре, да мѣщанъ писались въ Ригѣ семь тысячъ»[354].

Во всякомъ случаѣ Шведскаго войска было несравненно меньше нашего. 23 августа, когда, съ приходомъ царя Алексѣя Михайловича, подъ Ригою собралось все его войско, назначенное для осады, оно до такой степени поражало своею численностію, по крайней мѣрѣ на глазъ, что извѣстный анонимный Украинскій лѣтописецъ, который «своима очима смотрѣлъ» на Московское войско, опредѣлилъ его въ «седмъ кротъ сто тисячей»[355], то есть въ 700.000 человѣкъ..... Невольно вспомнишь пословицу: говоритъ тысячами, а тма въ глазахъ. Въ дѣйствительности же, по точнымъ свѣдѣніямъ, всего царскаго осаднаго войска было 118.000 человѣкъ[356]. Но и этой, въ сущности весьма внушительной, боевой силѣ, въ концѣ концовъ, не удалось одолѣть Рижскихъ твердынь и пробиться къ завѣтному Балтійскому морю.

Не смотря однако на неудачу, осада Риги

---

[354] Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою коммиссіею. Т. IV. Спб. 1851. стр. 65. столб. 1.

[355] Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878. стр. 45.

[356] Ласковскій. Матеріалы для исторіи инженернаго искуства въ Россіи. Ч. I. Спб. 1858. стр. 299.

признается «однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ событій по инженерной части въ исторіи царствованія Алексѣя Михайловича»[357].

Незадолго до прихода Московскаго войска, Шведы окончили лишь главныя работы по исправленію Рижскихъ укрѣпленій, въ сильной степени поврежденныхъ, въ 1649 году, страшнымъ наводненіемъ, продолжавшимся четверо сутокъ. Во время разлива Двины затопило предмѣстья, смыло до 200 домовъ и снесло почти всѣ мосты съ крѣпостнаго рва. Кромѣ того, сильно пострадали крѣпостные верки, а насыпь горнверка предъ замкомъ была уничтожена до основанія.

Шведское правительство отпустило большія средства не на одно только исправленіе, но и на усиленіе Рижскихъ укрѣпленій. Находившійся около крѣпости, нѣсколько ниже ея, королевскій замокъ обращенъ былъ въ цитадель, а вокругъ предмѣстій построены передовыя укрѣпленія. Кромѣ крѣпости, цитадели или королевскаго замка и укрѣпленныхъ предмѣстій, на противуположномъ, лѣвомъ берегу Двины находилось еще отдѣльное мосто-

[357] Ласковскій. Матеріалы для исторіи инженернаго искуства въ Россіи. Ч. I. Спб. 1858. стр. 299.

вое укрѣпленіе съ бастіонами и равелинами, окруженное глубокимъ водянымъ рвомъ. Этотъ сильный сомкнутый фортъ, называвшійся, по имени первоначальнаго строителя Шведскаго полковника Коброна, Кобронъ или Коберъшанцомъ, защищалъ сообщеніе крѣпости съ лѣвымъ берегомъ Двины[358].

Къ большой выгодѣ нашихъ, Рижскій гарнизонъ своею малочисленностію далеко не соотвѣтствовалъ обширности и силѣ укрѣпленій, такъ что не было возможности оборонять предмѣстій или форштатовъ. Сами жители предмѣстій принялись обносить ихъ земляннымъ валомъ бастіоннаго расположенія, но не успѣли кончить этой работы.

Осадное войско обложило Ригу тремя укрѣпленными лагерями: Царь Алексѣй Михайловичь, съ осьмидесятью тысячами ратныхъ людей, сталъ противъ крѣпости, подлѣ Двины, «на бору, отъ Риги за три версты»[359]. Воевода большого полка бояринъ князь Яковъ

---

[358] Всѣ подробности о Рижскихъ укрѣпленіяхъ и объ осадѣ оныхъ взяты изъ Сборника матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Т. II. Рига. 1879. стр. 409—411 и у Ласковскаго: Матеріалы для исторіи инженернаго искуства въ Россіи. Ч. I. Спб. 1858. стр. 200—203.

[359] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 86. Ч. I.

Куденетовичь Черкасскій, съ двѣнадцатью тысячами, сталъ въ пяти верстахъ, противъ цитадели, у нынѣшняго Московскаго предмѣстья; а воевода Аѳанасій Лаврентьевичь Ординъ-Нащокинъ (нашъ знаменитый дипломатъ), съ шестнадцатью тысячами ратныхъ людей, расположился на томъ берегу Двины, противъ Коберъ-шанца.

Въ одной Нѣмецкой реляціи изъ Риги, отъ 19 іюня 1657 года, сказано, что, при осадѣ Риги Московитами въ 1656 году, стольникъ Матвѣй Васильевичь Шереметевъ «командовалъ особымъ корпусомъ»[360]. Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь о стольникѣ Петрѣ Васильевичѣ Шереметевѣ, который, дѣйствительно, начальствовалъ тогда надъ особымъ, ертаульнымъ, полкомъ и находился въ станѣ князя Черкасскаго. Матвѣй же Васильевичь Шереметевъ, точно такъ-же какъ его двоюродный братъ Никита Ивановичь Шереметевъ, во все время осады былъ въ станѣ государя, въ качествѣ головы стольничьей сотни государева полка.

Всѣ три лагеря осаднаго войска обнесены были цѣпнымъ валомъ неправильнаго очер-

[360] Continuation der Relation wegen der Victorie beym Städtlein Walck im Jahr 1657.

танія, въ видѣ исходящихъ и входящихъ частей, доставлявшихъ взаимную перекрестную оборону.

Хотя осадное искуство того времени, то есть постепенная атака, помощью траншей или такъ называемыхъ «земляныхъ работъ», давно уже не было новостью для нашего войска, тѣмъ не менѣе, въ дѣлѣ расположенія осадныхъ дѣйствій у насъ еще не могли обойтись безъ руководства иноземныхъ инженеровъ или «градоимцевъ», которые во время осады Риги, дѣйствительно, находились при войскѣ, имѣя своимъ главнымъ начальникомъ осмидесятилѣтняго Шотландскаго выходца генерала Александра Лесли[361].

23 августа, ратные люди изъ обоихъ лагерей по сю сторону Двины ударили на передовыя форштатскія укрѣпленія. Наступленіе было столь стремительно, что жители, строившіе въ тѣхъ укрѣпленіяхъ земляной валъ, вынуждены были бросить работы и поспѣшно отступили въ крѣпость, предавъ огню свои

---

[361] Въ нашихъ разрядныхъ книгахъ онъ назывался генераломъ Лесть. Точно также Шведскій посолъ Бielьке переименованъ былъ въ Бѣлку (Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 15 и 73).

жилища въ форштатахъ. «И государевы воеводы въ городъ въ земляной вошли, которыхъ Нѣмецъ въ городѣ застали и тѣхъ высѣкли»[362].

Въ покинутыхъ укрѣпленіяхъ найдено множество орудій и шанцоваго инструмента. Кромѣ того, по оплошности непріятеля, въ форштатахъ оставлены были неразрушенными густые сады и рощи, которые послужили нашимъ надежнымъ прикрытіемъ и облегчили самое приближеніе къ крѣпостнымъ веркамъ.

На другой же день, 24 августа, начались, подъ руководствомъ генерала Лесли, весьма сложныя траншейныя работы, направленныя одновременно и противъ крѣпости, и противъ королевскаго замка или цитадели.

По описанію военнаго инженеръ-генералъ-маіора Ласковскаго[363], главная или царская атака была поведена на два фронта крѣпости, изъ которыхъ одинъ примыкалъ къ берегу Двины. Открытіемъ атаки служили два длинные хода сообщенія, которые, начинаясь у куртины въ прибрежномъ фронтѣ форштата, расходились, по мѣрѣ приближенія къ крѣ-

---

[362] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 73.

[363] См. выше, подстрочное примѣчаніе 358.

пости, въ стороны, такъ что у подошвы гласиса ходы кончались уже на противуположныхъ концахъ фронта атаки. Внутреннее пространство, охваченное ходами, было занято тремя сомкнутыми окопами, гдѣ помѣщались войска, служившія для охраненія работъ. Оконечности ходовъ соединялись траншеями, параллельными съ фронтомъ атаки; отсюда были выведены зигзагами четыре подступа до гребня гласиса и до контръ-эскарпа. Вторая вспомогательная атака на фронтъ крѣпости состояла изъ подступовъ зигзагами, начатыхъ у фронта форштатскихъ укрѣпленій и доведенныхъ до гребня гласиса; ихъ подкрѣпляли другіе два сомкнутыхъ окопа.

У князя Якова Куденетовича Черкасскаго атака на цитадель начата была параллельною траншеею, въ 75 саженяхъ отъ гребня гласиса; отъ нея повели въ двухъ мѣстахъ зигзагами подступы, которые близъ гребня гласиса положено было соединить новою траншеею. Для помѣщенія войска также устроены были сомкнутые окопы, непосредственно за первой траншеей.

Въ одномъ изъ окоповъ, находившихся въ районѣ главной атаки, именно въ ближай-

шемъ къ Двинѣ, расположился съ своею свитою самъ царь Алексѣй Михайловичь, для ближайшаго наблюденія за ходомъ траншейныхъ работъ. Здѣсь, въ окопѣ, государь принималъ, 29 августа, Бранденбургскаго посла барона Іонаса-Казиміра фонъ-Эйленбурга, прибывшаго для подтвержденія стараго договора, заключеннаго еще въ 1517 году между великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ и маркграфомъ Бранденбургскимъ Альбрехтомъ о невступаніи Бранденбургскихъ владѣтелей въ союзы противу Россійскихъ государей[364].

При представленіи барона Эйленбурга въ точности соблюдены были всѣ обычныя церемоніи посольскаго пріема: встрѣчи у царскаго шатра, предстояніе рындъ въ ферезяхъ и съ топорами, отправка государева стола въ ставку посла и тому подобное[365].

Бранденбургскій посолъ, отъ имени курфирста, торжественно заявилъ, что его курфирстская свѣтлость и слѣдующіе курфирсты Бранденбургскіе, которые по немъ слѣдовать будутъ, королю Шведскому, такожъ и королю

[364] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 191.

[365] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 74.

Польскому и другимъ сосѣднимъ потентатамъ и ихъ землямъ, съ которыми впредь либо какой ради причины, отъ чего Боже сохрани, у великихъ государей царей и великихъ князей Московскихъ какая недружба и явная война произойдетъ, не будетъ вспомоществовать ни войскомъ, ни деньгами, ни оружіемъ, ни порохомъ, ни свинцомъ, ни провіантомъ, ниже инымъ какимъ воинскимъ припасомъ; что курфирстская свѣтлость «ни съ какимъ его царскаго величества непріятелемъ какое злое умышленіе имѣть, и ниже о томъ мыслить не будетъ, но во всемъ лучшаго искать хочетъ все безъ всякой льсти и опасности»[366].

Курфирстъ Бранденбургскій Фридрихъ Вильгельмъ, именуемый Великимъ, по всей справедливости признается главнѣйшимъ устроителемъ Прусскаго государства. Подтверждая союзный договоръ съ Московскимъ царемъ, онъ въ то же время оставался въ добрыхъ отношеніяхъ съ Шведскимъ королемъ и, такимъ образомъ, вполнѣ обезпечивалъ свое маленькое государство отъ всѣхъ случайностей борьбы двухъ сѣверныхъ державъ,

[366] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 191.

а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ новый и вѣрный шагъ къ достиженію независимости герцогства Прусскаго, находившагося въ ленномъ владѣніи курфирстовъ Бранденбургскихъ.

Въ присутствіи барона Эйленбурга началось штурмованье Рижской крѣпости.

Въ самый новый годъ (индиктіонный, то есть 1 сентября) наши открыли сильнѣйшій огонь по крѣпостнымъ веркамъ и по городу со всѣхъ семи батарей, устроенныхъ въ сомкнутыхъ окопахъ и въ траншеѣ близъ подошвы гласиса. Однихъ бомбъ выпущено было въ продолженіе осады до тысячи, такъ что въ городѣ не осталось почти ни одного цѣлаго зданія. Шведы дѣлали безпрестанныя вылазки, но безъ 'успѣха, и обнаруживали только крайнюю малочисленность своего гарнизона. При всемъ томъ Рижскій губернаторъ графъ Магнусъ Де-ла-Гарди не сдавалъ города, и осада затянулась.

Царскія войска уже довели траншеи до самого контръ-эскарпа рва, построили и брешь-батарею на 3 орудія, но и за тѣмъ предстояло еще совершить самыя трудныя работы, а именно: спускъ въ ровъ съ проточною водою

и переходъ черезъ него. А между тѣмъ, на бѣду нашу, нѣсколько иностранныхъ инженеровъ перебѣжало на сторону непріятеля. Шведы, руководимые этими измѣнниками, успѣли захватить большую часть нашихъ судовъ и лодокъ съ жизненными и военными припасами. Около же половины сентября осажденные получили изъ Динаминда подкрѣпленіе въ 1400 человѣкъ и приготовились къ отчаянной оборонѣ.

Въ довершеніе всего наступили осенніе холода. Войско терпѣло большой недостатокъ въ кормахъ, за которыми посылали въ о крестныя деревни; но крестьяне сами голодали и съ ожесточеніемъ истребляли отряды кормовщиковъ. Стоянка подъ Ригою становилась невозможною. По свидѣтельству самовидца, «много людей Московскихъ з голоду и зимна померло»[367]. Это бѣдственное время надолго сохранилось въ народной памяти. Извѣстна старинная пѣсня о томъ, «какъ подъ славнымъ было городомъ подъ Ригою стоялъ царь государь Алексѣй Михайловичь», въ которой говорится, что солдаты, заслышавъ о намѣ-

[367] Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878. стр. 46.

реніи государя уѣхать въ Москву, жалобно упрашивали взять ихъ съ собою:

«Не оставь ты насъ бѣдныхъ подъ Ригою,—
Ужъ и такъ намъ-де Рига наскучила,
Она скучила намъ Рига, напрокучила:
Много холоду, голоду приняли,
Наготы, босоты вдвое того»[368].

Царь Алексѣй Михайловичь, дѣйствительно, рѣшилъ оставить осаду Риги, побуждаемый къ тому, между прочимъ, и слухами, что самъ король Карлъ X идетъ на защиту Лифляндіи. Письмо государя къ сестрамъ, отъ 22 сентября, оканчивается слѣдующею собственноручною припискою: «Многолѣтствуйте, государыни мои свѣты, и съ нами; а мы къ вамъ за милостію Божіею Актября въ 1 день пойдемъ. Братъ вашь царь Алексѣй челомъ бьетъ»[369].

Предъ отступленіемъ, государь рѣшилъ еще разъ попытать счастіе: войскамъ отданъ былъ приказъ готовиться къ рѣшительному приступу. Но Шведы предупредили насъ: 2 октября, въ осьмомъ часу утра, они внезапно атаковали наши шанцы и на-голову разби-

[368] Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. Изд. 3. М. 1878. № XXXII.

[369] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 91.

ли царскія войска. 17 знаменъ и значительная часть обоза достались въ руки побѣдителей[370].

5 октября, царь Алексѣй Михайловичь снялъ осаду Риги и отступилъ къ городу Царевиче-Дмитріеву (Куконосу), подъ прикрытіемъ большого полка князя Якова Куденетовича Черкасскаго и ертаула стольника Петра Васильевича Шереметева, оставленныхъ на мѣстѣ для удержанія непріятеля отъ преслѣдованія.

Предосторожность эта оказалась далеко не лишнею. 6-го октября, на второй станъ отъ Риги, къ государю пригнали сеунщики: отъ

---

[370] Арцыбашевъ. Повѣствованіе о Россіи. Т. III. кн. VI. М. 1843. стр. 126.—Сохранилась «роспись раненымъ людемъ, которые ранены подъ Ригою тежолы раны». Въ росписи показано всего 30 человѣкъ; изъ нихъ 17 «застрѣлены» изъ мушкетовъ, 9 изъ затинныхъ пищалей, 3 изъ пушекъ и 1 «порубленъ» шпагою. Для образчика сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ изъ росписи: «Сержантъ Александръ Косаткинъ—перебита правая рука выше локтя изъ затинной, кости выподали... Сержантъ Стенка Борсуковъ застрѣленъ изъ мушкета въ спину да ротъ—обѣ пулки въ немъ. Прапорщикъ Илюшка Борсуковъ—застрѣленъ изъ мушкета въ лѣвую руку—пулка въ немъ... Стрѣлецъ Юшка Лукьяновъ застрѣленъ изъ затинной—у правой руки кость переломлена—руку отрѣзали... Стрѣлецъ Ивашко Васильевъ застрѣленъ изъ пушки по лѣвой ногѣ—берцо переломлено на двое... Пятидесятникъ Петрушка Васильевъ застрѣленъ изъ мушкета въ правое колѣно—пулка въ немъ, да по головѣ порубленъ шпагою» и такъ далѣе (Матерьялы для исторіи медицины въ Россіи. Вып. III. Спб. 1884. стр. 679—681).

князя Черкасскаго—стряпчій Иванъ Корсаковъ, а отъ Шереметева—Чириковъ, съ извѣстіемъ, что они, воеводы, «Божіею милостію, а государскимъ счастьемъ, Нѣмецкихъ людей, которые изъ Риги выходили, конныхъ и пѣшихъ многихъ побили и языки поимали».

Государь въ тотъ-же день послалъ къ князю Черкасскому и Шереметеву стольника Петра Дмитріевича Скуратова «съ своимъ государевымъ милостивымъ словомъ и о здоровьѣ спрашивать, за ихъ службу»[371].

---

[371] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 77 и 78.

ГЛАВА XXI.

24 октября, въ то время какъ государь, на обратномъ пути изъ Риги, подходилъ къ Полоцку, его полномочные послы на Виленскомъ съѣздѣ, князь Никита Ивановичь Одоевскій съ товарищи, подписывали извѣстную договорную запись о пріостановкѣ войны съ Польшею и о рѣшительномъ окончаніи на предстоявшемъ Варшавскомъ сеймѣ дѣла избранія царя Алексѣя Михайловича на Польскій престолъ, при жизни короля Яна Казиміра[372].

Не касаясь подробностей посольскихъ переговоровъ о перемиріи, замѣтимъ только, что когда наши послы напомнили объ избраніи царя Алексѣя Михайловича въ короли, цеса-

[372] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. IV. М. 1828. № 3.—Труды и лѣтописи общества исторіи и древностей Россійскихъ, учрежденнаго при императорскомъ Московскомъ университетѣ. Ч. VI. М. 1833. стр. 245—253.

ревъ посолъ донъ Аллегрети рѣшительно объявилъ, что объ этомъ онъ и слышать не хочетъ, такъ какъ присланъ отъ императора для посредничества о мирѣ, а не для избранія короля; да къ тому же-де и у цесаря есть братья и дѣти и другіе арцыкняжата одной съ Поляками Римской вѣры, и на королевствѣ Польскомъ есть кому быть.

Польскіе же коммиссары, Янъ Казиміръ Красинскій и Христофоръ Завиша, приняли заявленіе князя Одоевскаго «любительно», и на одномъ частномъ совѣщаніи объ избраніи, въ отсутствіи Аллегрети и его товарищей, пояснили, что цесарскіе послы досадуютъ на нихъ, что обходятъ дѣтей и братьевъ цесаря. «А намъ-де цесарева племени Австрійскаго дома короли уже наскучили: какъ у насъ государствовало потомство Ягайла короля, то мы благоденствовали; а когда начали у насъ быть короли Нѣмецкой природы, то мы отъ ихъ потомства теперь мало что не нищіе, и государству своему видимъ запустошеніе. Цесарскіе послы рады не соединенію, а разорванью между нами». А на самомъ первомъ съѣздѣ, когда князь Одоевскій сообщилъ о слухѣ, будто-бы Французскій король вызы-

вался помирить короля Яна Казиміра съ Швеціей на условіи, чтобы, по смерти Яна-Казиміра, королемъ Польскимъ быть Шведскому королю, коммиссары съ жаромъ возразили: «Тому статься нельзя. Намъ надобенъ король, который бы ходилъ въ нашей Польской ферязи, а не въ Нѣмецкихъ флюндрахъ, а эти намъ флюндры и такъ придокучили»[373].

Въ сущности, Польскіе коммиссары были столько-же далеки отъ желанія видѣть на Польскомъ престолѣ и Московскаго царя. Для нихъ вся задача заключалась лишь въ томъ, чтобы заключить съ Московскимъ правительствомъ перемиріе, которое возстановило бы силы истерзанной Польши. Для достиженія же этой главной цѣли можно было быть и «любительнымъ» и тароватымъ на всевозможныя обѣщанія. 24 октября коммиссары подписали договорную запись о томъ, чтобы для окончательнаго постановленія о избраніи Россійскаго государя на Польскій престолъ отъ царя Алексѣя Михайловича было отправлено полномочное посольство на Варшавскій сеймъ, «а до тѣхъ мѣстъ межъ королевскимъ

---

[373] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. X. Спб. 1860. стр. 411—419.

величествомъ и царскимъ величествомъ войскамъ быть задержаннымъ, и рати и войнѣ не быть и жадныхъ зацѣпокъ съ обѣихъ сторонъ не чинить»[374]. Коммиссары размѣнялись экземплярами договора съ нашими послами и отправили къ царю Алексѣю Михайловичу посланца, подчашаго Полоцкаго королевскаго дворянина Яна Корсака, съ извѣстіемъ «объ окончаніи добраго дѣла».

Князь Никита Ивановичь Одоевскій, признавая дѣло избранія въ принципѣ рѣшеннымъ, отправилъ къ государю дворянина Дениса Дороѳеича Астафьева съ сеунчемъ, въ которомъ прямо сказано, что на съѣздѣ «обрали его, государя, его царское величество, королемъ Полскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ»[375].

Государь получилъ донесеніе князя Одоевскаго въ Полоцкѣ, 31 октября. Два дня спустя, послѣ торжественнаго богослуженія въ загородномъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, куда царь Алексѣй Михайловичь хо-

---

[374] Труды и лѣтописи общества исторіи и древностей Россійскихъ, учрежденнаго при императорскомъ Московскомъ университетѣ. Ч. VI. М. 1833. стр. 245—253.

[375] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 81.

дилъ молиться опять въ сопровожденіи стольника Матвѣя Васильевича Шереметева, игуменъ Богоявленскаго Братскаго монастыря Игнатій Іевлевичь привѣтствовалъ государя «яко избраннаго короля Польскаго и великаго князя Литовскаго», и въ своей рѣчи, между прочимъ, сказалъ: «Видѣти царя великаго государемъ не токмо малыя и бѣлыя Россіи, но и всего побѣдами прежде повсюду славнаго королевства Польскаго и великаго княженія Литовскаго, ревнующимъ по благовѣріи, вельми велико дѣло есть, и благодарственныхъ всякихъ молитвъ достойно»[376].

Въ тотъ-же день государь пригласилъ къ своему столу и Полоцкую шляхту, при чемъ въ большой государевъ столъ смотрѣлъ Матвѣй Васильевичь Шереметевъ, а въ кривой столъ — князь Андрей Михайловичь Солнцовъ-Засѣкинъ[377].

Выступивъ изъ Полоцка 4 ноября, царь Алексѣй Михайловичь пришелъ въ Смоленскъ лишь 20 числа. «А скорѣе тово поспѣшить,— писалъ государь къ сестрамъ въ Вязьму,—ни-

---

[376] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. III. Спб. 1774. стр. 47.

[377] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 82.

какъ нельзя. Сами видите, какая по дорогѣ расторопица стоитъ и груда и обломки»[378].

Въ Смоленскѣ государя ожидалъ посланецъ Польскихъ коммиссаровъ, дворянинъ Янъ Корсакъ. На торжественной аудіенціи, Корсакъ также величалъ царя Алексѣя Михайловича «обраннымъ королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ». Отъ имени коммиссаровъ рѣчи посполитой онъ правилъ «нижайшій поклонъ престолу его царской милости» и въ напыщенной рѣчи на Польскомъ языкѣ высказалъ слѣдующее: «По воли Божіей, за счастливымъ государствованіемъ вашей царской милости, государя нашего милостиваго, народъ нашъ подъ высокую и благоговѣйную руку вашей царской милости Богъ поддаетъ; за что не только Божію престолу благодарствуя, но и вѣрное подданство вашей царской милости ихъ милость панове послы его королевской милости, именемъ рѣчи посполитой, черезъ меня обѣщаютъ»[379].

---

[378] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 91.

[379] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. 4. М. 1828. № 6.—Труды и лѣтописи общества исторіи и древностей Россійскихъ, учрежденнаго при императорскомъ Московскомъ университетѣ. Ч. VI. М. 1833. стр. 257—260.

Какъ ни спѣшилъ царь Алексѣй Михайловичь къ сестрамъ въ Вязьму, до которой оставалось еще полтораста верстъ, но дѣла не позволили ему выѣхать изъ Смоленска раньше 24 ноября. А между тѣмъ, именно въ этотъ день государь обѣщалъ сестрамъ быть уже у нихъ: «А къ вамъ, государыни мои, приду въ недѣлю, въ 24 день»[380].

Бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ оставленъ былъ воеводою въ Смоленскѣ, но не надолго: 2 декабря, государь вызвалъ его къ себѣ въ Вязьму; а въ Смоленскъ на воеводство послалъ окольничаго князя Петра Алексѣевича Долгорукова[381].

Василья Борисовича вызвали для важнаго порученія: вмѣстѣ съ княземъ Никитой Ивановичемъ Одоевскимъ, онъ назначенъ былъ полномочнымъ посломъ на Варшавскій сеймъ по дѣлу объ избраніи царя Алексѣя Михайловича на Польскій престолъ.

Очень можетъ быть, что назначеніемъ Василья Борисовича Шереметева въ составъ посольства, отправляемаго въ Польшу, на-

[380] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 91.

[381] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 84.

дѣялись успокоить подозрительность гетмана Богдана Хмельницкаго, который все время съ тревожнымъ недоумѣніемъ наблюдалъ за ходомъ мирныхъ переговоровъ съ Польскимъ дворомъ, опасаясь, чтобы царь не возвратилъ Украйны Полякамъ. Подозрительность гетмана особенно усилилась послѣ того, какъ онъ узналъ, что отправленныхъ имъ на Виленскій съѣздъ посланцевъ не только не пустили въ посольскій шатеръ, «но и до шатровыхъ полъ задалеко недопускали». По возвращеніи домой, обиженные посланцы, «ухапя за ноги гетмана Богдана Хмельницкого, обливаючись слезами, говорили: нынѣ-де войско Запорожское въ Малой Россіи згинуло, и помощи не имѣемъ ни откуду, и гдѣ главы свои подклонити»[382]?

Вотъ почему, вслѣдъ за назначеніемъ посольства на сеймъ, государь отправилъ въ Украйну полковника и голову стрѣлецкаго Аврама Никитича Лопухина, приказавъ говорить всякими мѣрами Богдану Хмельницкому и всему войску Запорожскому, чтобы они оставались спокойными и не вѣрили ложнымъ слухамъ, распускаемымъ врагами Божіими,

---

[382] Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Т. III. Спб. 1862. стр. 556. столб. 1.

будто бы царское величество отдаетъ войско Запорожское въ королевскую сторону, «и они бъ о томъ отнюдь не сумнѣвалися и въ разумъ того себѣ не имали». На тотъ же случай, если гетманъ скажетъ, что король Польскій и присягнетъ да солжетъ, Лопухину велѣно отвѣтить, что «великій государь, его царское величество, вѣритъ животворящему кресту, имъ-же ихъ, Поляковъ, и иныхъ сопостатъ своихъ побѣждаетъ; и если они нынѣ, учиня присягу, и за присягою своею хотя малое что солгутъ, и государь надеженъ, что Господь Богъ, за ихъ неправду, сокрушитъ ихъ до конца»[383]. Доводы эти однако не убѣдили Хмельницкаго, и ему не суждено было успокоиться за судьбу своей родины. Полгода спустя послѣ пріѣзда Лопухина, когда возобновилась Шведская война, Богданъ Хмельницкій, уже на смертномъ одрѣ, сказалъ Московскимъ посламъ: «Чудно мнѣ, что вы, бояре, ничего путнаго его царскому величеству не присовѣтуете. Еще не владѣетъ онъ короною Польскою, а уже открыта новая война съ Швеціею»[384].

[383] Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 386—388.

[384] Маркевичъ. Исторія Малороссіи. Т. I. М. 1842. стр. 383.

Василій Борисовичь Шереметевъ, назначенный на «сеймъ всей посполитой рѣчи» вторымъ посломъ, какъ это видно изъ наказа Аврaму Лопухину[385], — отправился въ путь отдѣльно отъ главнаго посла князя Никиты Ивановича Одоевскаго, съ которымъ долженъ былъ соединиться въ Вильнѣ, для дальнѣйшаго слѣдованія въ Польшу.

По указу государя, лично при Шереметевѣ должны были состоять: дьякъ Никита Головнинъ, голова стрѣлецкій Ѳедоръ Александровъ съ приказомъ, сто человѣкъ Вяземскихъ казаковъ, да «для провожанья его» до Борисова — рота Смоленской шляхты ротмистра Гурки. Кромѣ того, на службѣ съ Шереметевымъ велѣно быть изъ Полоцка цѣлому полку солдатъ.

Лишь въ маѣ мѣсяцѣ 1657 года Василій Борисовичь Шереметевъ выступилъ изъ Смоленска, не дождавшись ни полка солдатъ изъ Полоцка, ни дьяка Головнина. Съ Шереметевымъ слѣдовали: 427 человѣкъ стрѣльцовъ съ головою Ѳедоромъ Александровымъ, 98 человѣкъ Вяземскихъ казаковъ и всего 63 че-

[385] Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 386. столб. 2.

ловѣка Смоленской шляхты Гурковой роты съ поручикомъ Семеномъ Корсакомъ. «А Смоленская шляхта,—писалъ Шереметевъ къ государю,—со мною, холопомъ твоимъ, до Борисова были не всѣ, которымъ велено со мною быть до Борисова; да и ротмистръ Гурка со мною, холопомъ твоимъ, не былъ же; какъ я поѣхалъ изъ Смоленска, и онъ былъ боленъ; а кто со мною до Борисова шляхты былъ и кто не былъ, и ихъ имяна... подъ отпискою». Въ приложенной росписи Смоленская шляхта Гурковой сотни раздѣлена на двѣ группы: 1) Провожали: поручикъ Семенъ Корсакъ, хорунжеи—Григорій Станкѣвичъ[386], Матвѣй Путятинъ, Воинъ Тютчевъ, Иванъ и Никифоръ Княжнины, Янъ Рогайло, Янъ Путята, Микула Шипиха, Янъ Романовскій, трое Пузыревскихъ и такъ далѣе, всего 63 человѣка; 2) За лѣнью своею изъ Смоленска до Борисова провожать не поѣхали: Василій Арда, Янъ Комаръ, Михайло Киркоръ, Мартынъ Воронецъ и такъ далѣе, всего 54 человѣка.

15 мая, за 50 верстъ отъ Борисова, Шереметева встрѣтилъ казакъ Лошанецъ и вру-

[386] Противъ него отмѣтка: «Избранъ на посольство».

чилъ отъ Борисовскаго воеводы Ивана Ржевскаго отписку, съ извѣстіемъ, что «мая въ 1 день, гнѣвомъ Божіимъ, учинилось въ Вилнѣ, за Большимъ городомъ, за Субочью брамою, у мещанина у Самойла Бочачкина, на дворѣ на посадѣ, на людехъ моровое повѣтріе. Померло съ язвами мусково и женскова полу мая съ 1 числа до мая жъ по 4 число шесть человѣкъ».

Тотчасъ-же по прибытіи въ Борисовъ, Шереметевъ сдѣлалъ смотръ своимъ ратнымъ людямъ и 17 мая отправилъ къ государю съ сотникомъ Московскихъ стрѣльцовъ Григорьемъ Шаховымъ отписку о появленіи въ Литвѣ мороваго повѣтрія. «И я, холопъ твой, —писалъ Василій Борисовичь,—съ твоими государевыми ратными людьми безъ твоего государева указу изъ Борисова иттить въ Вилню не смѣю, чтобъ въ моровое время въ Вилню не приттить и твоихъ государевыхъ ратныхъ людей не поморить, которые со мною, холопомъ твоимъ, въ Вилню идутъ. А въ Вилню, къ князю Михаилу Шеховскому, писалъ я, холопъ твой, маія въ 17 день, чтобъ онъ, князь Михайла, ко мнѣ отписалъ наспѣхъ: после умершихъ шти человѣкъ людей скорою

смертью съ язвами, умершихъ нѣтъ ли и моровое повѣтріе престало ль? А съ отпискою своею я, холопъ твой, въ Вилню ѣздить не велѣлъ, а велѣлъ подать на заставѣ начальному человѣку... А что изъ Вилни князь Михайло Шеховской ко мнѣ отпишетъ, и о томъ къ тебѣ, великому государю, отпишу я тотчасъ. А я, холопъ твой, ожидаю твоего государева указу въ Борисовѣ, какъ ты, государь, укажешь»[387].

Указъ государя, въ отвѣтъ на отписку Василья Борисовича Шереметева, не сохранился. Извѣстно только, что, по случаю мороваго повѣтрія, сеймъ объ избраніи царя Алексѣя Михайловича на Польскій престолъ былъ отложенъ, и Шереметеву довелось прожить въ пограничномъ городѣ Борисовѣ болѣе года въ томительномъ и напрасномъ ожиданіи приказанія ѣхать дальше для совершенія возложеннаго на него посольскаго дѣла.

---

[387] Московскій архивъ министерства юстиціи: столбцы Преображенскаго приказа. № 75.

ГЛАВА XXII.

Въ декабрѣ-же мѣсяцѣ 1656 года, когда Василій Борисовичь Шереметевъ назначенъ былъ полномочнымъ посломъ на Польскій сеймъ, произошли весьма существенныя перемѣны въ служебномъ положеніи и его двоюродныхъ братьевъ, Петра и Матвѣя Васильевичей Шереметевыхъ.

Стольникъ Петръ Васильевичь Шереметевъ, прибывшій изъ Инфлянтовъ въ Вязьму 2 декабря, черезъ трое сутокъ, въ самый Николинъ день, былъ пожалованъ въ бояре. Думный разрядный дьякъ Семенъ Заборовскій сказывалъ ему боярство, а у сказки стоялъ окольничій князь Семенъ Петровичь Львовъ[388].

---

[388] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 85.

Нѣсколько дней спустя, младшій братъ Петра Васильевича, стольникъ Матвѣй Васильевичъ Шереметевъ, посланъ былъ на воеводство во Псковъ. Объ этомъ назначеніи въ разрядной книгѣ записано такъ: «Того-жъ мѣсяца декабря, изъ Вязмы послалъ государь во Псковъ столника и воеводу Матвѣя Васильева сына Шереметева, боярина на Иваново мѣсто Андреевича Хилкова»[389]. Изъ современной же Нѣмецкой реляціи видно, что при этомъ Шереметевъ получилъ приказаніе загнать Шведовъ, появившихся уже въ Псковскихъ мѣстахъ, «до стѣнъ Риги или Ревеля и потомъ сжечь и выпустошить всю страну»[390].

Нужно замѣтить, что вслѣдствіе неудачнаго приступа къ Ригѣ, въ царскомъ совѣтѣ положили-было всѣми мѣрами промышлять, чтобы привести Шведовъ къ миру. Въ этихъ видахъ и оставленъ былъ воеводою въ городѣ Царевичевѣ-Димитріевѣ (Куконосѣ) Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, уже

---

[389] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 87.

[390] Continuation der Relation wegen der Victorie beym Städtlein Valck im Jahr 1657.

стяжавшій себѣ славу знатока посольскихъ дѣлъ. Самъ Рижскій губернаторъ графъ Магнусъ Де-ла-Гарди даже упрашивалъ о мирномъ постановленьи, но только до тѣхъ поръ, пока въ Курляндіи стоялъ съ Польскимъ войскомъ преданный намъ гетманъ Винцентій Корвинъ Гонсѣвскій; когда же послѣдній, собравъ съ Курляндіи 10.000 талеровъ, отошелъ въ Жмудь, Де-ла-Гарди заговорилъ иначе. Онъ уже и слышать не хотѣлъ о перемиріи и, пользуясь малочисленностію и разбросанностію нашихъ войскъ въ Лифляндіи, началъ всѣми способами тѣснить ихъ. По его приказанію, полковникъ Тизенгаузенъ захватилъ два большіе струга съ мастеровыми людьми, перевозимыми въ Москву; полковникъ Бистромъ завладѣлъ судами съ военными припасами и провіантомъ, а полковникъ Глазенапъ подходилъ даже къ Царевичеву-Дмитріеву городу и отъ самого крѣпостнаго вала отогналъ 200 лошадей, убивъ при этомъ 40 ратныхъ людей и столько-же захвативъ въ плѣнъ. Дѣла ухудшились еще болѣе со времени появленія въ Лифляндіи фельдмаршала Крюза, прибывшаго съ цѣлымъ корпусомъ изъ Выборга, черезъ Карелію. Дошло наконецъ до то-

го, что Шведы проникли уже въ Псковскія мѣста[391].

Самое назначеніе во Псковъ при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ составляло какъ-бы оцѣнку достоинствъ и заслугъ стольника Матвѣя Васильевича Шереметева. Такъ смотрѣли на это и иностранцы. Напримѣръ, историкъ Лифляндіи говоритъ, что «въ то время Матвѣя Васильевича Шереметева (Szaremitow) считали самымъ лучшимъ воиномъ въ Россіи»[392]; а въ упомянутой Нѣмецкой реляціи замѣчено, что «сей генералъ Шереметевъ былъ весьма славенъ у Московитовъ».

Замѣчательно, однако, что лишь 1 марта 1657 года, то есть два мѣсяца спустя по возвращеніи царя Алексѣя Михайловича въ Москву, посланы были во Псковъ товарищи Матвѣя Васильевича Шереметева, а именно: окольничій князь Тимоѳей Ивановичь Щербатовъ и стольникъ князь Михайла Ивановичь Щетининъ. Обоимъ приказано было быть въ осадныхъ и полковыхъ воеводахъ;

---

[391] Берхъ. Царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Ч. I. Спб. 1831. стр. 115 и 119.—Арцыбашевъ. Повѣствованіе о Россіи. Т. III. Кн. VI. М. 1843. стр. 129 и 130.—Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. X. Спб. 1860. стр. 422—425.

[392] Kelch. Liefländische Historia. Revall. 1695. стр. 581.

а въ отпискахъ государь указалъ писаться «стольнику и воеводѣ Матвѣю Шереметеву съ товарищи»[393].

Поздняя присылка товарищей, а особенно затрудненія по сбору ратныхъ людей, слишкомъ долго задержали Матвѣя Васильевича Шереметева во Псковѣ. Не смотря на строжайшіе царскіе указы, изъ городовъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не высылали ни ратныхъ людей, ни полковыхъ запасовъ. Ординъ-Нащокинъ доносилъ, что этимъ обстоятельствомъ «на государскихъ людей многія крови наведены» и что при своевременной высылкѣ ратниковъ Шведы не осмѣлились бы выходить ко Псковскимъ мѣстамъ. Нащокинъ, въ порывѣ отчаянія, писалъ царю: «изъ чужихъ непріятельскихъ земель послушаніе и вспоможеніе твоему государеву дѣлу чинятъ, а изъ твоихъ городовъ ни малой части твоего указа не исполняютъ, въ твоемъ государевомъ дѣлѣ многій промыслъ разрушаютъ и во-время промыслу дѣлать мнѣ не даютъ. И въ томъ твоя царскаго величества воля»[394].

[393] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 93.

[394] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. X. Спб. 1860. стр. 423 и 424.

Хотя Ординъ-Нащокинъ и доносилъ, что ему «промысла чинить некѣмъ», тѣмъ не менѣе, еще до прихода во Псковъ Матвѣя Васильевича Шереметева, онъ успѣлъ занять важный стратегическій пунктъ, именно старинный замокъ Адзель (по нашему Говье и Гавье), принадлежавшій тогда фамиліи знаменитаго Шведскаго полководца Банера. Адзельскій замокъ, расположенный при рѣкѣ Аа, верстахъ въ 80 отъ Псково-Печерскаго монастыря, считался весьма сильною крѣпостью, и занятіе его Русскими переполошило не однихъ только Шведскихъ генераловъ, но и все окрестное населеніе. Современникъ-очевидецъ говоритъ, что «Московитскій непріятель занятіемъ крѣпкаго замка Адзеля и постановкою тамъ сильнаго гарнизона навелъ большой страхъ и ужасъ на всю страну»[395].

При первой же возможности Матвѣй Васильевичь Шереметевъ сдѣлалъ попытку выручить ратныхъ людей Ордина-Нащокина, си-

---

[395] Relation von der zwischen I. K. M. Liefländischen Armée, unter Conduicte des H. General-Major v. Löwen und der Moscowitischen Macht, unter Commando des Gross-Woywoden Mattwie Szaremietow, beim Städtlein Walck, den 9 Juni 1657 vorgegangenen Haupt-Rencontre.

дѣвшихъ въ Адзелѣ и отовсюду тѣснимыхъ Шведами. По прибытіи товарищей, Шереметевъ собралъ отрядъ, въ составъ котораго вошли: полкъ рейтаръ маіора рейтарскаго строя Данилы Романовича Беклемишева; три сотни Псковскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ головъ сотенныхъ: Козьмы Игнатьевича Елагина, Богдана Александровича Тимашева и князя Ивана Кирилловича Шаховскаго; сотня Пусторжевскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ головы сотеннаго Ивана Воиновича Сумарокова; стрѣлецкій приказъ головы стрѣлецкаго Григорья Захарьевича Вельяшева и сотня Псковскихъ казаковъ головы казачьяго Самсона Артемьевича Тюльнева.

16 марта, маіоръ Беклемишевъ и всѣ головы получили приказаніе идти съ своими частями «на Печерской монастырь, а съ Печерскова монастыря—подъ городъ подъ Гавье (Адзель), по вѣстямъ, на выротчку отъ Неметцкихъ людей». А Вельяшеву, съ стрѣлецкимъ приказомъ, Тюльневу съ Псковскими казаками и сотнѣ Тимашева велѣно было пройдти и далѣе, къ городу Вольмару[396].

[396] Московскій архивъ министерства юстиціи: столбцы разныхъ столовъ (Новгородскаго стола, столб. 8008).

Матвѣй Васильевичъ Шереметевъ, по-видимому, и не подозрѣвалъ, что одновременно съ посланными имъ ратными людьми, къ Печерскому монастырю, со стороны города Алыста (Маріенбурга) приближались «лукавнующіе Нѣмцы, въ силѣ тяжцѣ».

Наши пришли къ Печерскому монастырю 16 числа вечеромъ, а Шведы—въ ночь на 17 число. Святая обитель Печерская не впервые увидѣла непріятеля предъ своими грозными стѣнами, издревле служившими надежнымъ оплотомъ для Псковской области. Но на сей разъ вся слава избавленія страны отъ гибельнаго вторженія врага принадлежала небольшому отряду ратныхъ людей, такъ во́время прибывшему изъ Пскова. Послѣ жестокаго ночнаго боя, продолжавшагося четыре часа, Шведы принуждены были съ большимъ урономъ отступить отъ Печерскаго монастыря. Описаніе боя сохранилось въ такъ называемыхъ «Послужныхъ спискахъ 165 (1657) года о бытіи на службе подо Псковомъ стольнику Матвею Шереметеву съ полками, служилыми людми, Псковскими городовыми дворяны и детьми боярскими къ Печерскому монастырю, къ городу Гавьи, и кто съ какимъ ружь-

емъ былъ и ково побили непріятельскихъ людей»[397].

Эти списки составлены на имя каждаго отдѣльнаго начальника отряда и не отличаются разнообразіемъ, такъ что достаточно привести сполна какой нибудь одинъ списокъ чтобы ознакомиться съ формою и отчасти съ содержаніемъ прочихъ.

Мы беремъ для образца послужной списокъ головы стрѣлецкаго Вельяшева, въ которомъ наиболѣе обстоятельно разсказанъ упомянутый ночной бой съ Шведами:

«Лѣта 7165 марта въ 16 день, по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа великия и малые и бѣлые Росіі самодержца, указу и по грамоте, стольникъ и воевода Матѳей Васильевичь Шереметевъ велѣлъ голове стрелецкому Григорью Захарьеву сыну Вельяшеву своимъ приказомъ съ сотниками и съ стрельцами ийти на государеву службу противо воинскихъ Немецкихъ людей къ городу Вальмеру, на Печерской монастырь; а съ Печерского монастыря—къ городу Гавье. И марта въ 16 день, пришолъ онъ,

[397] Московскій архивъ министерства юстиціи: столбцы разныхъ столовъ (Новгородскаго стола, столб. 8008).

Григорей, съ приказомъ своимъ въ Печерской монастырь. И марта къ 17 числу въ седьмомъ часу ночи пришли подъ Печоры изъ Алыста Немецкие воинские люди конные и пешие. А какъ тѣ Немецкие воинские люди конные и пѣшие пришли подъ Печерской монастырь къ посаду, и онъ, Григорей, съ приказомъ своимъ, съ сотники и съ стрельцы, съ тѣми Немецкими воинскими конными и пешеми людьми, не даючи посаду зажечь, бился четыре часы. И какъ Немецкие воинские люди наступили большими людьми, и онъ, Григорей, съ приказомъ своимъ, съ сотники и съ стрельцы, государеву пороховую и свинцовую казну отъ Немецкихъ людей отстоялъ и тое государеву пороховую и свинцовую казну ввезли въ городъ въ Печоры всю целу. И какъ тѣ Немецкие люди конные и пешие ево, Григорья, съ приказомъ, съ стрельцы отъ Печерского монастыря отъ Святыхъ воротъ отбили, и тѣ городовые Святые ворота учали высекать и знамена свои тѣ Немецкие люди къ городу прислонили, и онъ, Григорей, съ своимъ приказомъ, съ сотники и съ стрельцы, прося у всемилостиваго Бога и у Пречистые Богородицы и у Московскихъ чюдотворцовъ помощи, и великого государя ца-

ря и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа великия и малые и бѣлые Росиі самодержца, и сына ево государева великого государя благовѣрнаго царевича и великого князя Алексѣя Алексѣевича, всеа великия и малые и бѣлые Росиі счастьемъ, и промысломъ стольника и воеводы Матѳея Васильевича Шереметева, тѣхъ Немецкихъ воинскихъ людей конныхъ и пешихъ отъ Печерского монастыря, отъ города отъ воротъ прочь отбили и тѣхъ Немецкихъ конныхъ и пешихъ людей побили и языки поймали. А хто имяны на томъ бою съ нимъ, Григорьемъ, сотниковъ и стрельцовъ были и великому государю служили и билися явственно, и которые стрельцы раненыи побиты, и тѣхъ имена написаны въ семъ послужномъ списке подлинно»[398].

---

[398] Въ концѣ каждаго послужнаго списка выписаны имена всѣхъ ратныхъ людей съ отмѣтками. Напримѣръ, въ спискѣ Вельяшева:

«Голова стрелецкой Григорей Захарьевъ сынъ Вельяшевъ великому государю служилъ съ приказомъ съ стрельцы.

«Знаменьшикъ головы стрелецкого Федотко Петровъ бился явственно и на томъ бою раненъ шпагою.

«Пятисотной дьячокъ Васка Самсоновъ бился явственно и на томъ бою убитъ.

«Сотникъ Иванъ Бусормановъ на государеве службе не былъ, потому что оставленъ у государева ѳетильного дѣла во Пскове.

«Пятидесятникъ Семенъ Еремеевъ убилъ Немчина.

«Знаменьшикъ Васка Микитинъ бился явственно» и такъ далѣе.

Подобныя же отмѣтки и въ прочихъ послужныхъ спискахъ:

Утромъ 17 марта, Шведы отошли къ Новугородку (Нейгаузену) и соединились съ графомъ Магнусомъ Де-ла-Гарди, прибывшимъ на помощь изъ-подъ Алыста (Маріенбурга) «со многими съ воинскими съ Неметцкими людми съ конными и съ пѣшими».

Непріятеля преслѣдовали по пятамъ: Данила Беклемишевъ съ своимъ рейтарскимъ полкомъ и всѣ четыре сотни Псковичей и Пусторжевцевъ. Въ 12 верстахъ отъ Печерскаго монастыря, не доходя двухъ верстъ до Новогородка, при деревнѣ Мигузицѣ, былъ вторичный бой. Царскіе ратные люди «бились явственно», и «Московскихъ и Псковскихъ чюдотворцовъ молитвами, а стольника и воеводы Матвѣя Васильевича Шереметева промысломъ, «графа Магнуса и ево полку Неметцкихъ людей многихъ побили и языки поимали»[399]. При этомъ Нѣмецкіе люди убили со-

---

«Атаманъ Василей Еустафьевъ сынъ Рудаковъ государю служилъ, бился явственно, убилъ мужика», (въ спискѣ казачьяго головы Тюльнева); «Иванъ Агеевъ сынъ Забелинъ служилъ государю и бился явственно, убилъ Немчина» (въ спискѣ сотеннаго головы Суморокова); «Ѳилипъ Ивановъ сынъ Шишкинъ государю служилъ и бился явственно, раненъ изъ мушкета» (въ спискѣ сотеннаго головы Тимашева); «Иванъ Васильевъ сынъ Коновницынъ служилъ государю и бился явственно, убилъ дву Немчиновъ» (въ спискѣ сотеннаго головы Елагина).

[399] Послужной списокъ маіора рейтарскаго строя Данилы Романовича Беклемишева.

тенного голову князя Ивана Кирилловича Шаховскаго[400].

О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ отряда, высланнаго Шереметевымъ изъ Пскова, свѣдѣній не имѣется. Извѣстно только, что послѣ боя при деревнѣ Мигузицѣ въ Печерскомъ монастырѣ остались лишь три сотни—Тюльнева, Сумарокова и Тимашева. Остальныя, вѣроятно, воротились во Псковъ, гдѣ только въ послѣднихъ числахъ апрѣля совсѣмъ окончился сборъ ратныхъ людей.

Въ распоряженіи Матвѣя Васильевича Шереметева собралось до десяти тысячъ ратныхъ людей, которыхъ онъ и сосредоточилъ между Псковомъ и Печорою[401], а самъ переѣхалъ въ Печерскій монастырь.

---

[400] Въ его послужномъ спискѣ отмѣчено: «А послужной списокъ писалъ, по приказу стольника и воеводы Матѳея Васильевича Шереметева, князь Леонтей княжъ Кириловъ сынъ Шеховской». Прочіе послужные списки писали сами сотенные головы.

[401] Pufendorf. De rebus a Carolo Gustavo Sueciae Rege gestis commentariorum libri VII. Norimbergae. 1696. стр. 311.—Kelch. Liefländische Historia. Revall. 1695. стр. 581.

ГЛАВА XXIII.

Графъ Магнусъ Де-ла-Гарди, послѣ пораженія при деревнѣ Мигузицѣ, отошелъ къ рѣчкѣ Шварцбаху и расположился станомъ въ одной милѣ отъ замка Адзеля. Онъ послалъ въ городъ Вольмаръ, гдѣ сосредоточены были главныя силы Шведскаго войска, приказъ о высылкѣ къ нему артиллеріи, а генералъ-маіору Фрицу фонъ-Лёвену велѣлъ идти къ Адзелю и атаковать его[402].

Лёвенъ, оставивъ часть своего корпуса при мѣстечкѣ Валкѣ, отправился приблизительно съ двумя тысячами всадниковъ и нѣ-

[402] Relation von der zwischen I. K. M. Liefländischen Armée unter Conduicte des H. General-Major v. Löwen und der Moscowitischen Macht, unter Commando des Gross-Woywoden Mattwie Szaremietow beim Städtlein Walck, den 9 Juni 1657 vorgegangenen Haupt-Rencontre.

сколькими взводами драгунъ къ Адзелю и «въ продолженіи нѣсколькихъ дней издали блокировалъ замокъ», но безъ всякаго успѣха. Между тѣмъ, въ началѣ іюня, Шведы получили достовѣрное извѣстіе, что Матвѣй Васильевичь Шереметевъ со всѣми бывшими у него подъ рукою войсками выступилъ изъ Печоръ, и что передовые посты Шереметева уже видѣли близъ Нейгаузена. Тогда Лёвенъ отправился въ Валкъ, чтобы выждать тамъ наше войско и вступить съ нимъ въ рѣшительный бой[403].

Шереметевъ дѣйствительно находился въ то время въ походѣ, имѣя при себѣ всего три тысячи ратныхъ людей. Нѣмецкіе писатели показываютъ, что онъ велъ съ собою десять тысячъ человѣкъ, то есть все то войско, которое собрано было между Псковомъ и Печорами. Но это невѣрно. Мы опредѣлили численность отряда, вступившаго въ Лифляндію подъ непосредственнымъ начальствомъ Матвѣя Васильевича Шереметева, въ три тысячи человѣкъ, на основаніи свидѣтельства самого царя Алексѣя Михайловича въ письмѣ

[403] Kelch. Liefländische Historia. Revall. 1695. стр. 581.

его къ стольнику Матюшкину[404], съ которымъ онъ былъ всегда дружески откровененъ.

Ближайшею задачею Шереметева было удержать въ своихъ рукахъ замокъ Адзель, куда онъ и направлялся, чтобы поддержать тамошній гарнизонъ. Для этого совершенно достаточно было трехъ тысячъ людей, особенно если они были «отборные», какъ объясняютъ тѣ-же Нѣмецкіе писатели. Остальное же Шереметевское войско было разбито на отдѣльные отряды, изъ которыхъ часть оставлена во Псковскихъ мѣстахъ, а остальные разосланы въ стороны для обезпеченія движенія главнаго отряда.

Матвѣю Васильевичу Шереметеву пришлось слѣдовать по юго-восточной части Верроскаго уѣзда и по срединной части Валкскаго, или по такъ называемому Гангофскому плоскогорью, составляющему самую возвышенную часть Лифляндіи. Тутъ находятся великаны Остзейскихъ горъ: Мунна-мегги (1063 фута) и Велла-мегги (946 футовъ). Поверхность Гангофской возвышенности покрыта отдѣльными высотами и холмами, съ кру-

[404] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 51.

тыми склонами и узкими проходами на подобіе ущелій, долинами рѣкъ, озерами и болотами. Вообще вся эта мѣстность весьма разнообразна и живописна[405], и Шведы отлично воспользовались всѣми ея особенностями, чтобы затруднить движеніе отряда Шереметева.

Генералъ Лёвенъ на далекое пространство раскинулъ свои конные пикеты, которые, занявъ почти всѣ горные проходы, слѣдили шагъ за шагомъ за движеніемъ нашего отряда, и не пропускали случая нападать на его передовыхъ развѣдочныхъ людей.

8 іюня, въ одномъ изъ труднѣйшихъ горныхъ проходовъ по пути къ Адзелю, Шереметеву довелось пробиваться силою. Шведскій отрядъ, охранявшій проходъ, былъ смятъ и отброшенъ назадъ къ Валку, къ полкамъ Лёвена, который поспѣшилъ выстроиться въ боевой порядокъ и цѣлый день ожидалъ Шереметева. Ночью Шведы узнали, что Шереметевъ, миновавъ проходъ, направился прямо на Адзель. Извѣстіе это поставило Лёвена въ полное недоумѣніе. «Такъ какъ теперь,—

---

[405] Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Лифляндская губернія. Спб. 1864. стр. 103 и 104.

читаемъ въ Нѣмецкой реляціи,—генералъ Лёвенъ не могъ знать, въ чемъ собственно состояло намѣреніе непріятеля, какъ онъ силенъ и куда именно предполагаетъ идти дальше, то онъ счелъ нужнымъ отправить одного квартирмейстера съ осьмью конными капралами, поручивъ имъ добыть болѣе точныя свѣдѣнія».

9 іюня, посланный Лёвеномъ квартирмейстеръ наткнулся на нашъ отрядъ и, убѣдившись, что онъ дѣйствительно идетъ къ Адзелю, поспѣшно повернулъ къ Валку. Шереметевъ, какъ-бы искавшій роковой для себя встрѣчи съ непріятелемъ, двинулся со всѣмъ отрядомъ по слѣдамъ Шведскаго колоновожатаго и почти въ одно время съ нимъ подошелъ къ Валкскимъ форпостамъ.

Не смотря на сильнѣйшій огонь, открывшійся съ форпостовъ, отрядъ Шереметева дружно ударилъ на передовое Шведское войско и загналъ его къ полкамъ, стоявшимъ у самого города.

Между тѣмъ, генералъ Лёвенъ, напрасно прождавшій нашихъ весь день и всю ночь, утромъ 9 іюня велѣлъ разсѣдлать лошадей и пустить на ближайшее пастбище. Перестрѣлка на форпостахъ подняла тревогу въ

непріятельскомъ станѣ. Лёвенъ, весьма скоро собравъ своихъ людей, устремился на передовыя сотни Шереметевскаго отряда, отбилъ ихъ отъ города и затѣмъ атаковалъ самого Шереметева, ожидавшаго непріятеля въ полномъ боевомъ порядкѣ.

Нѣмецкіе писатели свидѣтельствуютъ, что наши «защищались весьма храбро». Не смотря на прибывавшіе отовсюду новые Шведскіе полки Глазенапа, графа Понтуса Де-ла-Гарди и Христіана Горна, Шереметевскіе ратники нѣсколько разъ собирались съ силами и поражали Шведовъ мѣткимъ огнемъ «изъ карабиновъ и пистолетовъ». Они даже совершенно опрокинули особенно настойчиво подступавшій къ нимъ полкъ Толя. По словамъ очевидца, «Московиты особенно удачно дѣйствовали стрѣлами и холоднымъ оружіемъ». Но наибольшую храбрость выказалъ самъ начальникъ отряда стольникъ Матвѣй Васильевичь Шереметевъ. Изъ Нѣмецкой реляціи видно, что онъ былъ постоянно впереди. На глазахъ у всѣхъ, подъ Шереметевымъ застрѣлена была лошадь; герой пересѣлъ на другую и продолжалъ личнымъ своимъ примѣромъ одушевлять ратныхъ людей.

Однако, въ концѣ концовъ наши воины «дрогнули» и при томъ въ такое время, когда, по условіямъ мѣстности, противъ нихъ могъ дѣйствовать только лѣвый флангъ непріятеля, всего двѣ тысячи солдатъ. Вся причина въ томъ, что Шведамъ удалось загнать нашихъ къ узкимъ проходамъ. За невозможностью идти дальше, многіе слѣзли съ лошадей и завязли въ болотѣ. Все это произвело сильнѣйшую панику въ отрядѣ, который въ полномъ смущеніи бросился въ разсыпную. Матвѣй Васильевичъ Шереметевъ съ горстью храбрецовъ остался на полѣ сраженія и отбивался до тѣхъ поръ, пока не упалъ вмѣстѣ съ лошадью, пораженный двумя пулями въ животъ. Это случилось въ девять часовъ утра. Шереметевъ былъ еще живъ, не смотря на полученныя имъ раны, признаваемыя безусловно смертельными. Его тотчасъ-же подхватили Шведскіе драгуны и унесли въ свой станъ.

Такъ кончилась несчастная для насъ битва при мѣстечкѣ Валкѣ. Въ руки непріятеля достался весь нашъ обозъ, весь нарядъ, четыре знамени, двадцать пять значковъ, пять паръ литавръ и множество плѣнныхъ.

Плѣнные были доставлены въ непріятельскій станъ полковникомъ Глазенапомъ. Изъ дополнительной Нѣмецкой реляціи, посланной изъ Риги 19 іюня, узнаемъ, что плѣнные, въ числѣ которыхъ были дворяне: Пименъ Ѳедоровичь Муравьевъ, Ѳедоръ Максимовичь Карповъ, Петръ Ивановичь Елагинъ, Григорій Ивановичь Великопольскій[406], представлялись графу Магнусу Де-ла-Гарди въ замкѣ. Всѣхъ захваченныхъ знаменъ оказалось четырнадцать; «а такъ какъ прочія знамена[407] были разорваны всадниками или пошли на шарфы и шляпные уборы, то велѣно было принести ихъ древка». По показанію плѣнныхъ, товарищъ Матвѣя Васильевича Шереметева, князь Тимоѳей Ивановичь Щербатовъ, «при самомъ началѣ битвы былъ смертельно раненъ въ грудь, въ тотъ самый моментъ, какъ взялъ въ руки булаву». Въ реляціи показанъ еще убитымъ «полковникъ Псковской конницы Denis Denisrowiz»[408], котораго «нашелъ мертвымъ въ лѣсу сторожъ

[406] Ѳедоръ Васильевичь Torzoff (?) и Иванъ Григорьевичь Belfin (?).

[407] Въ счету не различаются знамена и значки.

[408] Ближе всего предположить, что это вышеупомянутый маіоръ рейтарскаго строя Данила Романовичь Беклемишевъ.

изъ Адзеля». Точно также найденъ былъ убитымъ и дворянинъ Нащокинъ. «Такимъ образомъ,—сказано въ заключеніи реляціи,—пали знатнѣйшіе офицеры и большое число б о я р ъ, собравшихся изо всѣхъ мѣстъ: изъ Новгорода, Пскова, Торопца, Твери, Торжка, Старицы, Пусторжевы и Невеля. Вотъ она Московитская сила, которою намъ угрожали! Будетъ ли она вновь собрана, объ этомъ плѣнники ничего не знаютъ. Армія совсѣмъ уничтожена, такъ что лишь немногіе спаслись бѣгствомъ».

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ крайне смущенъ печальнымъ исходомъ Валкской битвы и тяжкою участью своего любимаго стольника Матвѣя Васильевича Шереметева. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ полученнаго извѣстія, онъ написалъ своему другу Аѳанасью Ивановичу Матюшкину письмо, въ которомъ Валкское дѣло разсказано нѣсколько иначе противъ того, что̀ изложено у насъ на основаніи упомянутой реляціи и другихъ Нѣмецкихъ источниковъ[409].

[409] Relation von der zwischen Ihre Königl. Mayest. Liefländischen Armée, damahls unter Conduicte des Hrn. General-Major Friedrich von Löwen, und der Moskowitischen Macht, unter Commando des Gross-Woywoden von der Plesskow und Generalen Mattwie Wasilo-

Столнику г(осу)д(а)ру нашему и мо(с)ко(в)ском
[illegible]вчему на Офанасею Ивановичю М
атюшкину

[illegible]

Вотъ это письмо, писанное отъ начала до конца собственною рукою государя:

«Братъ, буди тебѣ вѣдомо: у Матвѣя Шереметева былъ бой с Немецкими людми, і дворяне іздрогали і побежяли всѣ, а Матвѣй остался в отводе і сорвалъ Немецкихъ людей; да на встрѣчю иные пришли роты, і Матвѣй напустилъ і на тѣхъ с небольшими людьми, да лошядь повалилася, такъ ево і взяли; а людей нашихъ всякихъ чиновъ 51 ч(еловѣкъ) убитъ, да ранено 35 ч(еловѣкъ); і то благодарю Бога, что от трехъ тысячь столько побито, а то всѣ цѣлы, потому что побежали; і сами плачютъ, что такъ грѣхъ учинился. І мы людей полторы тысячи прибавили къ тѣмъ тремъ тысячамъ, і воеводу послали Хованского Тараруя[410], а от Полоцка князь Осипа[411], да съ нимъ конныхъ 3000 да салдатъ 2000, да Пронскому князь Ивану со всѣми конными

wicz Szaremietow, beym Städtlein Walck, den 9 Juni, Anno 1657 vorgegangenen Haupt-Rencontre, und an seiten Ihre Königl. Mayest. erhaltenen herrlichen Victorie. — Continuation der Relation wegen der erhaltenen herrlichen Victorie beym Städtlein Walck, wie auch was an denen Ingermanland-und Finnischen Grentzen passiret ist. Im Jahr 1657.—Kelch. Liefländische Historia. Revall. 1695. стр. 581.—Pufendorf. De rebus a Carolo Gustavo Sueciae Rege gestis commentariorum libri VII. Norimbergae. 1696. стр. 311.

[410] Князь Иванъ Андреевичъ.

[411] Князь Осипъ Ивановичъ Щербатовъ.

і пѣшими съ 2000 ве(лѣ)ли стать в Друе, для помочи, і велели кождому, прося у Бога милости, промышлять надъ розными людьми Немецкими. А с кѣмъ бой былъ, і тѣхъ Нѣмецъ всего было 2000; нашихъ и больши было, да такъ грѣхъ пришелъ. А о Матвѣе не тужи, будетъ живъ, впередъ ему к чести; радуйся, что люди цѣлы, а Матвѣй будетъ по прежнему. А потомъ здравствуй, і не унывай, і насъ не забывай»[412].

Но царь преждевременно радовался за цѣлость ратныхъ людей и напрасно успокоивалъ Матюшкина на счетъ Шереметева. Письмо его писано было на основаніи самаго перваго донесенія, которое очевидно послано было въ самый послѣдній моментъ боя, когда наши дѣйствительно имѣли предъ собою всего 2000 Шведскихъ солдатъ, и когда Шереметева только что вынесли съ поля битвы. Послѣ того Шведы, вмѣстѣ съ окрестными крестьянами, пустились въ погоню за разбѣжавшимся отрядомъ. Полторы тысячи ратныхъ людей было убито, а изъ остальныхъ большая часть попалась въ плѣнъ.

---

[412] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 51.

Что же касается до Матвѣя Васильевича Шереметева, то онъ, «не смотря на хорошій уходъ за нимъ»[413], скончался ровно черезъ сутки послѣ полученія ранъ, именно въ 10 часовъ утра 10 іюня 1657 года. «Большой воевода Шереметевъ,—читаемъ въ Нѣмецкой реляціи отъ 19 іюня,—незадолго до своей кончины сознался, что онъ получилъ приказаніе преслѣдовать нашихъ до стѣнъ Риги или Ревеля и потомъ сжечь и опустошить всю страну. Онъ обѣщалъ цирюльнику (Balbier) двѣ тысячи рублей и генералитету десять тысячъ, если останется въ живыхъ. Но смерть была неизбѣжна, такъ какъ его ранили двумя пулями ниже пупка. Шереметевъ жилъ всего сутки, съ 9 часовъ утра, когда его взяли въ плѣнъ, и до 10 часовъ слѣдующаго дня; все время онъ находился въ полномъ сознаніи. Тѣло Шереметева похоронено съ почестями (honorable) въ церкви, въ Вольмарѣ. Этотъ генералъ былъ весьма славенъ у Московитовъ. Онъ оказался и въ этой битвѣ (при Валкѣ) весьма храбрымъ; когда была застрѣлена подъ нимъ одна лошадь, онъ сѣлъ на другую. Стоя во главѣ своихъ полковъ, Шереметевъ

[413] Kelch. Liefländische Historia. Revall. 1695. стр. 581.

лично воодушевлялъ ихъ, пока не былъ сраженъ пулями; послѣ чего онъ тотчасъ же былъ взятъ въ плѣнъ и просилъ пощадить его жизнь»[414].

Лишь 3-го іюля назначенъ былъ преемникъ Матвѣю Васильевичу Шереметеву. Подъ этимъ числомъ въ Дворцовой разрядной книгѣ записано слѣдующее: «Изъ села Покровскаго послалъ государь во Псковъ въ полковые и въ осадные столника и воеводу князь Ивана Андреевича Хованскаго, столника на Матвѣево мѣсто Васильевича Шереметева, потому что былъ бой у Матвѣя Шереметева съ генераломъ графомъ Магнусомъ и съ Нѣмецкими людми, и на бою столника и воеводу Матвѣя Васильевича Шереметева взяли въ полонъ, изранена многими ранами, и отъ ранъ его у Нѣмецъ въ обозѣ не стало»[415].

Хотя въ вышеупомянутой современной реляціи весьма опредѣленно сказано, что Матвѣй Васильевичь Шереметевъ похороненъ въ городѣ Вольмарѣ, въ церкви, но, къ прискорбію, его могила, дорогая для каждаго Русска-

[414] Continuation der Relation wegen der erhaltenen herrlichen Victorie beym Städtlein Walck, im Jahr 1657.

[415] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 103.

го, до сихъ поръ не отыскана. Говорили, что тѣло Шереметева «перевезено изъ Швеціи въ Москву и (вновь) погребено въ Богоявленскомъ монастырѣ»[416], однако въ этой обители ничего не знаютъ объ этомъ. Правда, въ одномъ изъ монастырскихъ синодиковъ, въ числѣ другихъ членовъ рода Шереметевыхъ, записано для вѣчнаго поминовенія и имя «Матѳея убіеннаго»[417], но точно такая же запись находится и въ синодикахъ: Николо-Радовицкаго монастыря, Рязанской епархіи, и упраздненнаго Николо-Розважскаго монастыря[418], Новгородской епархіи.

---

[416] Спиридовъ. Записки о старинныхъ службахъ Русскихъ благородныхъ родовъ (Рукопись императорской публичной библіотеки). Ч. V. стр. 167.

[417] Синодикъ Московскаго Богоявленскаго монастыря. № 5.

[418] Синодикъ этотъ хранится нынѣ въ Новгородской Тихвинской военной церкви.

ГЛАВА XXIV.

Въ Москвѣ, въ то время какъ пришла туда печальная вѣсть о кончинѣ Матвѣя Васильевича Шереметева, изъ родныхъ почившаго героя отсутствовалъ только двоюродный братъ его, Василій Борисовичъ Шереметевъ, который все еще оставался въ пограничномъ городѣ Борисовѣ и берегъ Бѣлоруссію «отъ непріятельскихъ Ляцкихъ безвѣстныхъ приходовъ»[419]. Въ тѣхъ мѣстахъ продолжало свирѣпствовать моровое повѣтріе. По всѣмъ дорогамъ и стежкамъ, «межъ Борисова и Шклова, и отъ Орши къ Смоленску, и отъ Смоленска къ Оршѣ, и отъ Орши къ Борисову», стояли «заставы и сторожи крѣпкія и частыя». Всякихъ чиновъ людей, которые учнутъ про-

[419] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. III. Спб. 1861. стр. 581. столб. 1.

крадываться мимо заставъ и сторожей проселочными стежками, велѣно вѣшать. Съ проѣзжающими переговаривались «изъ-за воротъ и издали»; а воеводскія отписки и «всякія государевы дѣла принимали за заставами издалече черезъ огонь въ лещедяхъ[420] и переписывали на новую бумагу», подлинники же тотчасъ жгли на огнѣ. Отписки изъ Вильны, по пути въ Борисовъ, переписывались такимъ образомъ три раза; въ Борисовѣ ихъ переписывали въ четвертый разъ и отправляли черезъ Смоленскъ въ Москву[421]. Отписки же, посылаемыя въ Москву прямо изъ Борисова, переписывались на заставахъ шесть разъ[422].

Всѣ эти необходимыя предосторожности крайне замедляли письменныя сношенія, и Василью Борисовичу Шереметеву далеко нелегко было исполнять главнѣйшую изъ возложенныхъ на него обязанностей: «вѣдать всякія дѣла и вѣсти во всемъ княжествѣ Литовскомъ въ государевыхъ городѣхъ, и про

[420] Лѣщедь=расщепленная въ концѣ палка.

[421] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. № 21 и 42.

[422] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. III. Спб. 1854. столб. 682.—Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. № 42.

всякія дѣла и про вѣсти писать къ великому государю»[423].

Изъ Москвы настойчиво требовали частыхъ донесеній о положеніи дѣлъ въ краѣ, и несвоевременное полученіе свѣдѣній «о всякихъ государевыхъ дѣлѣхъ» ставили на видъ Шереметеву. А тотъ въ оправданіе писалъ государю: «Мы, холопи твои, къ тебѣ, великому государю, о всякихъ твоихъ дѣлѣхъ и о вѣстяхъ пишемъ почасту съ пріѣзду своего, какъ мы пріѣхали на твою государеву службу въ Борисовъ; а съ отписками посылаемъ, по твоему великаго государя указу, на Смоленскую заставу: нѣчто, государь, будетъ на заставѣхъ отписки наши переписываютъ мѣшкотно и къ тебѣ посылаютъ невскорѣ»[424].

Особенно же затрудняли Василья Борисовича Шереметева безконечныя ссоры и недоразумѣнія между Черкасами, стоявшими въ Бѣлоруссіи подъ начальствомъ Чаусскаго полковника Ивана Нечая, и Московскими ратными людьми. Не было конца жалобамъ съ обѣ-

---

[423] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. III. Спб. 1854. столб. 734.

[424] Тамъ-же, столб. 728.

ихъ сторонъ. Еще въ Смоленскѣ Шереметевъ получилъ отъ Нечая, напримѣръ, такое письмо, отъ 22 іюля 1656 года: «Бью челомъ чесности твоей, господину моему милому, на прапорщика Ивана Петровича Залѣского и на маіора Ивана Юрьевича (Ниротморцова), которые подъ началомъ чесности твоей застаютъ, иже великия обиды тыранства любенства (?) и незносные кривды надъ Черкасы верными слугами и зычливыми подданными задѣлали войсковыми людьми его царского величества: били и мучили, кони побрали и всѣ животы поймали, именна—Александра Козловского сотника войскового съ таварствомъ змучили и въ одной заледво[425] рубашкахъ попускали. Умилосердися пожалуй, меня, слугу твоего, вели воротить загребленые рѣчи[426] и о иныхъ за безчиние скарай, чесность твоя, бо терпѣти не можемъ въ невинности своей. А естьли въ томъ ласки чесности твоей не будетъ, будемъ челомъ бить его царского величеству, бо яко служивые люди всякого строю верными слугами и его царского величества застоятъ, такъ и мы Черкасы. Ненадобе насъ

[425] Заледво = едва.
[426] Рѣчи = вещи.

верныхъ слугъ и зычливыхъ подданыхъ грабить и мучить»[427].

Шереметевъ представилъ списокъ съ листа Нечая государю, присовокупивъ, что «противъ того письма онъ послалъ сыскивать дворенина Ивана Иванова сына Розладина, а велѣлъ сыскать тотчесъ; а что по сыску объявитца, и тѣмъ людемъ будетъ, которые грабили, по государеву указу за ихъ воровство».

Что̀ объявилось по сыску Розладина—нѐизвѣстно; но изъ актовъ видно, что вообще въ дѣлѣ ссоръ и грабежей починъ принадлежалъ Черкасамъ. Вотъ почему царь Алексѣй Михайловичь велѣлъ Богдану Хмельницкому «приказать накрѣпко, чтобы Черкасы въ тѣ городы и повѣты Бѣлорусскіе, гдѣ царскаго величества отъ воеводъ ратные люди въ залогахъ (то есть на стоянкахъ) будутъ, не приходили и ссоры никакіе не чинили, а были бъ они въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ имъ по указу царскаго величества указано»[428]. Но и за симъ, казаки Нечая силою врывались въ мѣста

[427] Московскій архивъ министерства юстиціи: столбцы разныхъ столовъ (Новгородскаго стола, столбецъ 9154).

[428] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. III. Спб. 1861. стр. 581. стобл. 2.

расположенія Московскихъ ратныхъ людей, стрѣляли изъ луковъ и пищалей въ солдатъ, стоявшихъ на караулѣ, грабили и убивали даже гонцовъ съ царскими отписками[429]; а мирныхъ жителей края довели своимъ насиліемъ до послѣдней крайности. Вотъ что, напримѣръ, писалъ въ апрѣлѣ 1657 года, изъ Мстиславля стольникъ и воевода Григорій Дашковъ: «Черкасы Чауского полку во Мстиславскомъ уѣздѣ, великого государя волости, многія села и деревни и мѣстечко Рясну заѣхали и залоги поставили, и шляхту, которую великому государю присягали и приняли иные православную Христіянскую вѣру, изъ маетностей выгнали и пашенныхъ крестьянъ въ козаки пописали насильствомъ. И отъ такова ихъ насильства и отъ разоренья крестьяне пашень своихъ отбыли, и отъ того учинился въ Минскомъ и въ иныхъ повѣтѣхъ голодъ большой: не токмо что собакъ и иное розное безсловесное, но и людцки тѣла ѣдятъ»[430].

Василій Борисовичь Шереметевъ, какъ начальникъ края, равно какъ и прочіе вое-

[429] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. III. Спб. 1854. столб. 679.

[430] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. III. Спб. 1861. стр. 582. столб. 1.

воды (Оршанскій, Мстиславскій, Шкловскій, Копысскій и Минскій) вынуждены были наконецъ обратиться къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ Чаусскихъ хищниковъ и, дѣйствительно, успѣли остановить ихъ злодѣянія. О характерѣ принятыхъ мѣръ можно до нѣкоторой степени судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ жалобнаго челобитья самого Чаускаго полковника Ивана Нечая, посланнаго имъ къ государю 27 августа 1657 года: «Вашего пресвѣтлого царскаго величества воеводы многіе ссоры мнѣ самому и казакомъ полку моего, подданнымъ вашего царскаго величества, обиды чинятъ, изъ домовъ насильствомъ выгоняютъ, хохлы рѣжутъ и кнутами бьютъ, грабятъ. И аще бъ подробну всякое противное вычитать, много бъ время надобно, и ваше бъ пресвѣтлое царское величество тѣмъ забавить, а не вычиткою обидъ; толко естли мочно пущему непріятелю какіе нибудь злые обиды чинить, такіе они Черкасомъ чинятъ. Вашего царскаго величества панове воеводы, за подущеніемъ тѣхъ хитрыхъ обманныхъ лисицъ (пановъ шляхты), меня и товарство мое, не какъ подданныхъ вашего царского величества, но какъ непріятелей го-

нятъ, а особно бояринъ и воевода и намѣстникъ Бѣлоозерскій Василій Борисовичь Шереметевъ: въ нынѣшнемъ во 165 (1657) году, въ розныхъ числѣхъ, вашего царскаго величества ратнымъ людемъ съ нарядомъ на мѣстечка и деревни, гдѣ казаки свои помѣстья имѣютъ, велѣлъ наѣзжать; и казаковъ имаютъ и иныхъ въ вязеньѣ держатъ, а иныхъ невѣдомо гдѣ дѣваютъ, изъ домовъ казацкихъ животы емлютъ. Въ которой моей обидѣ ничего далѣе не чиня, толко до вашего царского величества прибѣгаю, жадаючи милосердія и грамоты къ боярину и воеводѣ и намѣстнику Бѣлоозерскому, къ Василью Борисовичю Шереметеву, и къ инымъ, чтобъ таковаго злаго дѣла чинить перестали, понеже коль добро и коль красно еже жити братіи смирно. А какъ сами разоряться будемъ, лучше непріятелемъ тѣшитися съ нашего православного несоузу»[431].

Но въ Москвѣ по-видимому знали, чего стоятъ жалобы Нечая, и не придавали имъ значенія. Сколько извѣстно, Василій Борисовичь Шереметевъ не получалъ желанной Нечаемъ грамоты. А изъ сдѣланнаго Шереме-

[431] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. № 13 и Т. VII. Спб. 1872. № 62.

теву, мѣсяца два спустя, запроса по настоящему дѣлу опять видно, что не царскихъ ратныхъ людей и не мѣстныхъ жителей признавали зачинщиками «ссоры и кривды». Государь спрашивалъ Василья Борисовича: «А Черкасы, въ которыхъ ближнихъ мѣстѣхъ, смирно ли живутъ, и нѣтъ ли отъ нихъ какого воровства, и насильствомъ пашенныхъ мужиковъ въ казаки не прибираютъ ли»[432]?

Этотъ запросъ о Черкасахъ буквально теряется въ обширной перепискѣ, возникшей въ то время по поводу неожиданнаго прибытія къ Литовскому рубежу цесарскихъ посланниковъ, слѣдовавшихъ къ царю Алексѣю Михайловичу съ извѣщеніемъ о кончинѣ императора Фердинанда III и о вступленіи на престолъ сына его Леопольда I.

Въ наказѣ, данномъ Василью Борисовичу Шереметеву предусмотрѣнъ былъ и случай пріѣзда во время мороваго повѣтрія иноземныхъ пословъ. «Какъ будутъ приходить послы и посланники,—сказано въ наказѣ,—и тѣхъ пословъ и посланниковъ допрашивать подъ присягою, не моровыми ли мѣстами шли

---

[432] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. III. Спб. 1854. стр. 728.

и въ моровыхъ мѣстѣхъ гдѣ не бывали ль, какъ шли до великаго государя городовъ? а буде скажутъ подъ присягою, что они шли не моровыми мѣстами и въ моровыхъ мѣстѣхъ нигдѣ не бывали, и пословъ и посланниковъ примать»[433]. Все это въ точности было исполнено по отношенію къ вновь прибывшему цесарскому посланнику Яну Христофу фонъ-Фрагштейну, котораго приняли сперва за посланника Венгерскаго короля Рагоци и въ воеводскихъ отпискахъ называли то Фракштеномъ и Афракштеномъ, то Франстикомъ и Дренстекомъ, то Гранстеномъ, Афенстеномъ и такъ далѣе.

Дѣло началось съ того, что 8 іюля 1657 года Василій Борисовичь Шереметевъ получилъ изъ Гродны, отъ воеводы Богдана Апрѣлева, извѣстіе, что 3 іюля писалъ къ нему съ границы княжества Литовскаго посланникъ «Венгерскаго короля» Янъ Христопъ Афенстенъ, что посланъ-де онъ къ великому государю, и чтобы его съ границы пропустили въ Москву. Апрѣлевъ писалъ, что безъ государева указа онъ «не смѣетъ» пропустить по-

[433] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. III. Спб. 1854. стр. 697.

сланника. Шереметевъ, руководствуясь приведенною статьею наказа, приказалъ Апрѣлеву «посланника Рокочева допросить подъ присягою, не моровыми ли мѣстами онъ шелъ, и въ моровыхъ мѣстахъ не былъ ли? И будетъ посланникъ скажетъ, что онъ шелъ не моровыми мѣстами и въ моровыхъ мѣстѣхъ не былъ, пропустить до Борисова, будетъ въ Гроднѣ и въ Гродненскомъ уѣздѣ мороваго повѣтрія нѣтъ»[434].

Фрагштейнъ обижался этими формальностями и въ письмѣ на родину, къ своему двоюродному брату, жаловался, что «Московиты худо обошлись съ посольствомъ», что они даже «отняли у нихъ болѣе половины знаменъ и барабановъ». Особенно же негодовалъ Фрагштейнъ на то, что посольству «не позволили ѣхать дальше безъ особеннаго на то разрѣшенія Шереметева, генерала въ Литвѣ» (Scheremethi, General in Littaw)[435]. Почему-то посланникъ «никакимъ образомъ не хотѣлъ помириться съ этимъ».

---

[434] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. III. Спб. 1854. стр. 677 и 697.

[435] Письма и донесенія Фрагштейна, хранящіяся въ Вѣнскомъ государственномъ архивѣ, сообщены намъ въ спискахъ генеральнымъ консуломъ въ Вѣнѣ Константиномъ Аркадьевичемъ Губастовымъ.

Согласно приказанію Василья Борисовича Шереметева, воевода Апрѣлевъ посылалъ поручика Дмитрія Рыкорева допросить цесарцевъ «съ большимъ подкрѣпленіемъ подъ присягою»; и такъ какъ они показали, что въ тѣхъ мѣстахъ, которыми шли, нигдѣ мороваго повѣтрія нѣтъ, то пропустилъ ихъ съ тѣмъже Рыкоревымъ до Борисова.

Посланникъ Фрагштейнъ съ товарищемъ своимъ Христофомъ Беверомъ фонъ-деръ-Биномъ, съ тремя цесарскими дворянами и съ двадцатью двумя посольскими и дворянскими людьми, сопровождаемые поручикомъ Рыкоревымъ и отрядомъ драгунъ, слѣдовали окольными дорогами, за 15 верстъ въ сторону отъ Гродны, выбирая такія мѣста, въ которыхъ не было мороваго повѣтрія. «Мы должны были,—пишетъ Фрагштейнъ къ брату,—дать свидѣтельство, что ѣхали до рубежа здоровыми мѣстами, и за тѣмъ продолжали путь, оставляя въ сторонѣ мили на четыре городъ Минскъ, гдѣ сильно свирѣпствовала зараза. Мы нѣсколько разъ давали знать Шереметеву о нашемъ пріѣздѣ, пока не получили наконецъ увѣдомленія, что онъ готовъ пустить насъ въ Борисовъ. Но и за симъ, недалеко

отъ города мы были остановлены на открытомъ полѣ и, только нѣсколько часовъ спустя, получили дозволеніе продолжать дорогу. У самаго города, на рѣкѣ Березинѣ, мы опять были задержаны по причинѣ наступившей ночи. Такое обращеніе съ нами показываетъ неуваженіе къ нашему всемилостивѣйшему государю, и мы выставляли это на видъ. А такъ какъ, не смотря на требованіе, намъ даже не отпустили ни припасовъ, ни корма для лошадей, а за деньги ничего нельзя было достать, то мы въ ту-же самую ночь уѣхали назадъ мили за двѣ, предупредивъ, что если на другой же день за нами не пріѣдутъ, мы совсѣмъ уѣдемъ домой».

Далѣе Фрагштейнъ разсказываетъ, что на другой день, очень рано, къ нимъ прибылъ бояринъ (ein Boiar) съ свитою въ 30 человѣкъ и именемъ царя упрашивалъ ихъ ѣхать въ Борисовъ, слагая всю вину на пристава, котораго хотѣлъ будто бы тутъ-же наказать кнутомъ (mit Knotten schlagen), но простилъ по просьбѣ ихъ, цесарцевъ.

Въ дѣйствительности, къ Фрагштейну выѣзжалъ изъ Борисова не «бояринъ», а дворянинъ Иванъ Ивановичь Касоговъ; и не для

упрашиванія пожаловать въ Борисовъ, а для новаго допроса посланника «съ большими подкрѣпленіями: не моровыми ли мѣстами онъ шелъ»? Это послѣднее дознаніе производилось 5 августа, у Борисовской заставы. Фрагштейнъ отвѣчалъ, что онъ «шелъ не моровыми мѣстами и нигдѣ въ моровыхъ мѣстѣхъ не былъ, а шелъ на Верборы и на Частохово, на обозъ короля Польскаго, а изъ Частохова-де на Мосты, а изъ Замостья на Новгородокъ и на Мѣнескъ и до Борисова, а въ тѣхъ-де мѣстѣхъ нигдѣ мороваго повѣтрія нѣтъ». Въ заключеніе, Фрагштейнъ, все еще называвшійся у насъ посланникомъ Венгерскаго короля, объяснилъ, что онъ идетъ къ великому государю «отъ цесарева сына Леопольдюса» съ грамотою его, и Богдану Апрѣлеву Венгерскимъ посломъ не писался, «нѣчто-де Богданъ письма его не выразумѣлъ».

На заставѣ спрошенъ былъ про моровое повѣтріе также поручикъ Рыкоревъ, который показалъ, что «въ Гроднѣ и въ Гродненскомъ повѣтѣ мороваго повѣтрія нѣтъ, а объявилось-де было моровое повѣтріе въ мѣстечкѣ въ Озерѣхъ: померли моровымъ повѣтріемъ два человѣки, а въ которомъ-де мѣсяцѣ съ

язвами тѣ люди померли, и онъ-де того подлинно не вѣдаетъ, потому что было то давно».

Послѣ всѣхъ этихъ разспросовъ, цесарскіе послы вошли въ городъ Борисовъ и, по словамъ Фрагштейна, были встрѣчены «сорока пятью ротами солдатъ, по тридцати человѣкъ въ каждой».

Три дня спустя, 8 августа, бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ послалъ къ государю, съ Московскимъ стрѣльцомъ Ивашкой Мартыновымъ, подробное донесеніе о пріѣздѣ цесарскихъ пословъ, съ приложеніемъ распросныхъ рѣчей. Въ отпискѣ своей Шереметевъ присовокупилъ, что «во Борисовскомъ уѣздѣ въ мѣстечкѣ Лукомлѣ моровое повѣтріе есть, а Лукомль отъ Борисова семдесятъ верстъ»[436].

---

[436] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. III. Спб. 1854. стр. 687—690.

ГЛАВА XXV.

Въ отвѣтъ на донесеніе о пріѣздѣ въ Борисовъ цесарскихъ пословъ, Василій Борисовичь Шереметевъ съ товарищами получилъ царскую грамоту, отъ 17 сентября, въ которой сказано слѣдующее: «Какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ цесарскимъ посломъ велѣли въ Борисовѣ побыть до зимнего пути, и кормъ и питье велѣли имъ давать со всѣми людми нескудной, чтобъ имъ нужи не было, и дворъ отвести велѣли доброй; а то имъ посломъ велѣли сказать, чтобъ они не оскорблялись, что ихъ нынѣ къ намъ, великому государю, до зимнего пути отпустить не умѣть, для того что они ѣхали моровыми мѣстами; а наше великаго государя жалованье кормъ и питье давать имъ учнутъ и нужи имъ

ни въ чемъ не будетъ. А какъ морозы учнутъ быть и зимней путь утвердится и моровое повѣтріе около Борисова въ околнихъ мѣстѣхъ, гдѣ учинилось, престанетъ, и вы бъ о томъ къ намъ, великому государю, отписали, и объ отпускѣ тѣхъ цесарскихъ пословъ въ то время нашъ, великаго государя, указъ къ вамъ присланъ будетъ; а безъ указу тѣхъ пословъ къ намъ къ Москвѣ не отпускали. А въ приставѣхъ у тѣхъ цесарскихъ пословъ велѣли бъ есте быть изъ дворянъ досужему человѣку, которой бы былъ уменъ и словесенъ и говорилъ бы съ послами по ихъ спросу, о чемъ доведется, смотря по ихъ рѣчемъ, учтиво и остерегательно, а лишнихъ бы рѣчей о великихъ дѣлѣхъ съ послы не говорилъ, отговариваясь невѣданьемъ»[437].

По избранію Василья Борисовича Шереметева, приставомъ къ цесарскимъ посламъ назначенъ былъ стрѣлецкій голова Иванъ

---

[437] Во избѣжаніе частыхъ ссылокъ на одни и тѣ-же источники, замѣтимъ, что свѣдѣнія о пребываніи посланника Фрагштейна въ Борисовѣ, точно также какъ и о пріѣздѣ его въ Литву, взяты изъ Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными (Т. III. Спб. 1854. стр. 684 — 743), и изъ переписки самого Фрагштейна, извлеченной Константиномъ Аркадьевичемъ Губастовымъ изъ манускриптовъ Вѣнскаго государственнаго архива.

Мещерениновъ, на обязанности котораго было накрѣпко наблюдать, чтобъ «къ посольскому двору Русскіе люди и иноземцы никакіе не подходили, и съ посломъ и съ людми его ни о чемъ не разговаривали и ничего у нихъ не покупали; а будетъ которые учнутъ всякихъ чиновъ люди къ посольскому двору приходить и съ людми посольскими что разговаривать, или что у нихъ купятъ, и тѣхъ людей, поотпустя отъ посольскаго двора немного, велѣти имать и приводить въ съѣзжую избу».

Хотя Фрагштейнъ и увѣряетъ, что «съ ними обращались вообще весьма дурно и мало оказывали почтенія», но изъ нашихъ актовъ, напротивъ того, видно, что пословъ содержали въ большой чести и береженьи, наблюдая, чтобъ имъ «ни отъ кого никакого безчестья, насильства и обидъ не было». Имъ предоставлены были «лучшіе дворы» въ городѣ, и отпускали на ихъ содержаніе кормъ и питье дѣйствительно въ достаточномъ количествѣ. Обоимъ посламъ, тремъ дворянамъ и ихъ людямъ, 21 человѣку, выдавали ежедневно 14 ситныхъ хлѣбовъ, а посламъ еще по четыре калача; «посломъ же и дворяномъ и

людемъ всѣмъ вобче» отпускалось по два барана на день, по три курицы, по четверику пшеничной муки, по 5 гривенокъ (то есть по 5 фунтовъ) коровьяго масла, по 3 гривенки соли, по четверти ведра уксусу и на каждые три дня по яловицѣ[438]. А питья отпускалось: обоимъ посламъ по десяти чарокъ и тремъ дворянамъ по пяти чарокъ двойнаго вина, простаго вина по полуведру, меду по два ведра на день и пива по четыре ведра на день[439]. Въ постные дни, въ пятницу и субботу, когда цесарцы мяса не ѣли, ежедневно выходило среднимъ числомъ на каждаго по 15 алтынъ: на крупу, «да на рыбу, и на рыжики, и на грузди, и на грыбы, и на лукъ, и на морковь, и на постарнакъ, и на угурцы, и на иные мелкіе расходы, чего похотятъ въ запросъ». На освѣщеніе же отпускалось посольству ежедневно всего 10 сальныхъ свѣчъ, а конскаго корму, на 30 лошадей, по 2 четверти овса и по 3 воза сѣна.

Шереметевъ доносилъ государю, что цесарскіе послы и ихъ люди во все время пре-

[438] Яловица = корова трехлѣтка.

[439] Въ одной росписи отмѣчено слѣдующее: «И то питье медъ и пиво давано всѣмъ ли вобче, того не написано; а людемъ (посольскимъ и дворянскимъ) по чему вина, того не написано жъ».

бываніи въ Борисовѣ были здоровы, «и о томъ не говорили ему, что корму мало».

Фрагштейнъ ни разу не жаловался на недостатокъ корма и въ своей перепискѣ съ императоромъ Леопольдомъ, и съ двоюроднымъ братомъ. За то почти въ каждомъ донесеніи и письмѣ онъ съ отчаяніемъ пишетъ о скудости денежныхъ средствъ посольства. На путевыя издержки ему выдано было всего четыре тысячи гульденовъ, такъ что уже въ началѣ октября Фрагштейнъ писалъ: «Мы рѣшительно безъ всякихъ средствъ, и если не получимъ денегъ, то мы сами и наша ободранная прислуга можемъ дойдти до послѣдней крайности. Зима удручаетъ насъ и уже требуются другія траурныя платья (зимнія)». Нѣсколько времени спустя, Фрагштейнъ опять пишетъ: «Умоляю ваше величество о дарованіи мнѣ денежной поддержки, необходимой теперь болѣе чѣмъ когда либо, такъ какъ у меня въ свитѣ 27 человѣкъ и столько же лошадей; легко понять, что имъ многаго нужно».

Цесарскихъ пословъ сильно раздражалъ и строгій надзоръ за ихъ заграничной перепиской. «Московиты,—пишетъ Фрагштейнъ, —не позволяютъ отправлять изъ своихъ зе-

мель никакихъ писемъ, предварительно не прочитавъ ихъ. Мы и наша свита, всѣ 27 человѣкъ, находимся подъ надзоромъ такого-же числа сторожей, и кромѣ того, приставленный къ намъ коммиссаръ безпрестанно обходитъ наши покои... Я, съ своей стороны, довольно протестовалъ; но что ни говори этимъ варварамъ, все на вѣтеръ».

Надзоръ былъ дѣйствительно строгъ, и ни одно вѣстовое письмо изъ Польши и обратно, изъ Бѣлоруссіи въ Польщу, не могло миновать Василья Борисовича Шереметева; но такъ какъ при немъ не было переводчиковъ, то велѣно было тѣ письма «переписывать Польскимъ же письмомъ» и отсылать въ Посольскій приказъ, къ думному дьяку Алмазу Иванову.

Цесарцы пользовались для отправки своихъ писемъ разными «тайными оказіями», но невсегда удачно. Такъ, на первыхъ же порахъ пребыванія пословъ въ Борисовѣ, именно 14 августа, къ Василью Борисовичу Шереметеву явился Польскій шляхтичь Алексѣй Быковскій и сказалъ, что цесарскій посолъ «прислалъ къ нему писмо запечатано въ листу, и приказывалъ-де ему, чтобъ онъ то писмо ото-

слалъ къ Сапѣгѣ». Шереметевъ отобралъ письмо отъ Быковскаго и по важности дѣла тотчасъ-же отписалъ государю, объяснивъ, что «писмо писано по-Латынѣ, что перевести его некому, и что, не переписавъ того письма, послать его къ великому государю не смѣетъ». Изъ Москвы отвѣтили, что если не сыщется таковъ человѣкъ, кто умѣетъ письмо посла перевести, то «велѣть, кто умѣетъ, Латинскіе слова переписать слово въ слово, хотя и не зная рѣчи». Но Шереметевъ донесъ, что «и въ Борисовѣ, и въ Шкловѣ того письма Нѣмцы не только перевести, но и переписать не умѣютъ: писано цыфиремъ; а сказываютъ Нѣмцы, что знати того писма некому опричь тѣхъ людей, кто кому пишетъ, потому что только они, межъ себя выдумавъ такое тайное писмо, ключь къ прочитанью того писма у себя имѣютъ».

Письмо съ тайными цыфирными словами такъ и осталось неразъясненной загадкой при дѣлахъ Борисовскаго воеводскаго управленія; а изъ переписки Фрагштейна видно, что оно заключало въ себѣ «донесеніе о настоящемъ положеніи дѣлъ». Фрагштейнъ поясняетъ, что изъ перехваченнаго письма Московиты «ни-

какой тайны узнать не могли, потому что все относящееся до положенія Литовскихъ провинцій было скрыто подъ шифрами».

Между тѣмъ, и съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ, заставлявшихъ цесарцевъ подумать о зимнемъ платьѣ, моровое повѣтріе въ Бѣлоруссіи не ослабѣвало, такъ что въ Москвѣ признали нужнымъ распустить войска по домамъ, а самого Василья Борисовича Шереметева перемѣстить изъ Борисова въ Шкловъ.

2 октября, жилецъ Михайла Онучинъ привезъ къ Шереметеву изъ Разряда царскую грамоту, въ которой написано: «будетъ въ Мѣнску моровое повѣтріе не унялось, а впредь только объявится отъ Борисова въ ближнихъ мѣстѣхъ и верстахъ въ сорокѣ или пятидесять, и тебѣ бъ, боярину Василью Борисовичу, дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ чиновъ служилыхъ конныхъ людей, пересмотря всѣхъ на лицо, роспустить по домомъ; а роспустя ихъ, тебѣ, боярину Василью Борисовичу, и дьяку Микитѣ Головнину ѣхать въ Шкловъ, а товарища своего Ивана Ржевскаго съ солдатцкими началными людми съ солдаты оставить въ Борисовѣ». Шереметевъ, отписавъ въ Москву, «что въ Мѣнскомъ

уѣздѣ моровое повѣтріе не престало и въ Борисовскомъ уѣздѣ моровое повѣтріе есть», тотчасъ-же приступилъ къ пересмотру служилыхъ людей. 7 октября, дворяне и дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ служилые конные люди были распущены по домамъ, а на другой день Василій Борисовичь Шереметевъ, вмѣстѣ съ дьякомъ Головнинымъ, уѣхалъ въ Шкловъ.

Отъѣздъ Василья Борисовича еще болѣе утвердилъ Фрагштейна въ подозрѣніи, что его задерживаютъ въ Борисовѣ съ какими-то особенными цѣлями. «Эту задержку,—пишетъ онъ въ письмѣ къ брату,—Московиты объясняютъ боязнью заразы отъ насъ, но объясненіе сіе лживо, ибо многіе уже отправились отсюда въ Москву, да и самъ Шереметевъ со всѣмъ остальнымъ войскомъ 8 числа сего октября пошелъ тою-же дорогою». По поводу же отпуска ратныхъ людей по домамъ, Фрагштейнъ разсуждаетъ: «Московитамъ уже сильно надоѣдаетъ война, и они страстно желаютъ видѣть свои дома, дѣтей и женъ. Только царь понуждаетъ этихъ почти невоинственныхъ людей къ войнѣ, постоянно обнадеживая скорымъ миромъ».

Василій Борисовичь Шереметевъ, уѣзжая изъ Борисова, угостилъ цесарскихъ пословъ трехдневнымъ пиромъ, въ ихъ-же собственныхъ покояхъ. Къ сожалѣнію, Фрагштейнъ поскушился подробностями по этому предмету. Въ его письмѣ къ брату, отъ 18 октября, сказано только, что «Шереметевъ, прежде чѣмъ уѣхалъ отсюда (изъ Борисова) черезъ Шкловъ къ Смоленску, угощалъ насъ три дня обѣдами въ 60 кушаньевъ, при такомъ же числѣ напитковъ, въ нашей квартирѣ».

Для Шереметева стоянка въ Шкловѣ имѣла то неудобство, что тутъ онъ окончательно лишенъ былъ возможности получать своевременныя извѣстія о положеніи дѣлъ въ краѣ, но уже не по винѣ карантинныхъ заставъ.

5 ноября, къ Василью Борисовичу пріѣхалъ изъ Москвы человѣкъ его Яковъ Ивановъ Лощиловъ и вручилъ государеву грамоту, которую получилъ въ Разрядѣ отъ окольничаго Ивана Аѳанасьевича Гавренева. Въ этой грамотѣ Шереметеву опять ставили на видъ, что не по-часту пишетъ о ходѣ болѣзни «и объ иныхъ вѣстѣхъ въ тамошнихъ краѣхъ». Тотъ отвѣтилъ, что и самъ не знаетъ, перестало ли нынѣ моровое повѣтріе въ Мин-

скомъ и Борисовскомъ уѣздахъ, «и о томъ-де къ намъ изъ Борисова воевода Иванъ Ржевскій приказывалъ съ Назарьемъ Олфимовымъ, что онъ ни о чемъ ко мнѣ писать не хочетъ, для того что будто Борисова не указалъ ты, великій государь, мнѣ, холопу своему, вѣдать. Только, государь, будетъ изъ городовъ воеводы ко мнѣ о дѣлѣхъ и о вѣстяхъ писать не будутъ, и мнѣ ни про что вѣдать будетъ не по чему; и о томъ ты, великій государь, вели свой указъ учинить мнѣ, холопу своему».

Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о пребываніи Василья Борисовича Шереметева въ Бѣлорусскомъ краѣ видно только то, что онъ зимовалъ въ Шкловѣ и оставался тамъ даже и весну 1658 года, когда «моровое повѣтріе вездѣ престало».

Что же касается до цесарскихъ пословъ, то они лишь 24 декабря 1657 года, «послѣ двадцатинедѣльнаго плѣна», какъ называлъ Фрагштейнъ время, проведенное ими со дня прибытія къ Литовскому рубежу, получили наконецъ разрѣшеніе ѣхать въ Москву. Передъ выѣздомъ изъ Борисова, для посольской свиты было куплено, «на счетъ казны,

нѣсколько шубъ, чтобы защищаться отъ холода».

Отъ 2 января 1658 года, Фрагштейнъ «съ тайною оказіею» донесъ цесарю: «27 декабря, я достигъ города Шклова на Днѣпрѣ, гдѣ генералъ Шереметевъ стоитъ лагеремъ. Я былъ встрѣченъ и привѣтствованъ новымъ приставомъ, который приблизительно за милю отъ города выѣхалъ къ намъ съ эскадрономъ драгунъ. Переночевавъ въ деревнѣ, находящейся въ четверти мили отъ города, я не безъ опасности переправился, на слѣдующій день, черезъ Днѣпръ, который въ предыдущую ночь покрылся льдомъ, такъ что его можно было перейти только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Мнѣ отвели помѣщеніе въ предмѣстьи города. Со мною обращались лучше, чѣмъ когда либо въ теченіи всего моего плѣна. Въ слѣдующіе два дня мои кареты для большаго удобства поставлены были на полозья. Вчера я посылалъ посольскихъ дворянъ привѣтствовать генерала Шереметева. Онъ сказалъ имъ, что я завтра могу ѣхать далѣе и нигдѣ уже не буду задержанъ».

Не смотря на повсемѣстное прекращеніе мороваго повѣтрія, Смоленскому воеводѣ кня-

зю Петру Алексѣевичу Долгорукову приказано было, предъ отправленіемъ пословъ въ Москву, «велѣть имъ платье свое перетрясть и выморозить, и суды серебреные и оловяные и мѣдные, также и денги, и яфимки и золотые перемыть, и писма всякіе окурить и самимъ омыться. А буде они про то учнутъ говорить, что имъ то будетъ нечестно и въ иныхъ государствахъ того не бываетъ, и вы бъ велѣли имъ говорить, чтобъ они того себѣ за безчестье не ставили, что велѣно рухлядь перемыть, а иное выморозить, потому что отъ морового повѣтрія во всѣхъ государствахъ держатъ опасенье великое».

ГЛАВА XXVI.

1657 годъ, проведенный Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ въ зачумленной Бѣлоруссіи, былъ вообще тяжелымъ годомъ для Россіи. Кромѣ несчастной Шведской войны и мороваго повѣтрія, онъ ознаменовался и другими бѣдственными по послѣдствіямъ событіями. Важнѣйшимъ изъ этихъ событій была смерть Богдана Хмельницкаго, которая глубоко потрясла всю Украйну. Не даромъ казаки вопили и плакали, погребая своего стараго батька. Отлетѣла душа великаго дѣла возсоединенія Малороссіи съ единовѣрною, единокровною Москвою, и все враждебное сему естественному союзу, воспрянуло съ силою обнадеженной успѣхомъ злобы. Осиротѣвшее посполитство, то есть простой народъ, и Запорожцы, съ ненавистью взирали

на «значныхъ», то есть на ополяченныхъ чиновниковъ и шляхту, открыто заговорившихъ у самаго гроба почившаго вождя о Польшѣ и о необходимости возвратиться къ Польскому государству. Во главѣ сторонниковъ Польщизны сталъ генеральный писарь и правая рука Хмельницкаго Иванъ Выговскій, силившійся, во что бы то ни стало, захватить въ свои руки гетманскую булаву, и уже завязавшій сношенія съ Крымскимъ ханомъ. Поляки спѣшили воспользоваться удобною минутою, чтобы отвоевать потерянное. Стряпчій Іевлевъ, посланный въ Варшаву въ началѣ 1658 года, въ своемъ донесеніи о положеніи дѣлъ въ королевствѣ Польскомъ и о настроеніи тамошняго общества, писалъ слѣдующее: «Въ Варшавѣ Поляки часто перешептываются между собою на ухо, а на насъ подсмѣхаютъ и на насъ подмаргиваютъ. А жолнерство ихъ по городу и въ корчмахъ всегда при насъ пощолкиваетъ и саблями побрязгиваетъ, что инъ на ужасъ беретъ. А по деревнямъ у нихъ войскъ-то, говорятъ, видимо-невидимо, и частёшенько проговариваются напилые Полячишки, что наши южъ козаки, нашъ дескать и Смоленскъ скоро будетъ. О че-

сти-то нашей посольской и въ усъ не дуютъ; также и про наслѣдство твое, государь, Польское никто ужъ и не шевельнется, а на наши про то сказки и привязки отвѣчаютъ одними усмѣшками и ножнымъ шарканіемъ; и мы, правду сказать, государь, пресмыкаемся здѣсь столбняками и Поляцкимъ насмѣшищемъ»[440].

Все предвѣщало намъ новую, жесточайшую войну, и при томъ въ такую пору, когда средства государства были истощены до того, что рѣшились восполнить крайній недостатокъ серебреныхъ денегъ выпускомъ мѣдной монеты съ одинаковымъ штемпелемъ и въ такой-же цѣнѣ, какъ и серебреная. Мы увидимъ какія бѣдственныя послѣдствія имѣла эта финансовая мѣра, приписываемая совѣтамъ окольничаго Ѳедора Михайловича Ртищева[441].

Въ эту тяжелую годину, единственнымъ радостнымъ событіемъ для царя Алексѣя Михайловича было рожденіе дочери, царевны Софіи Алексѣевны, столь извѣстной своею роковою судьбою. Царевна родилась 17 сентя-

---

[440] Маркевичъ. Исторія Малороссіи. Т. II. М. 1842. стр. 23.

[441] Михаилъ Заблоцкій. О цѣнностяхъ въ Древней Руси. Спб. 1854. стр. 79.

бря 1657 года, а окрещена 4 октября, въ Успенскомъ соборѣ, патріархомъ Никономъ. Въ тотъ-же день у государя былъ крестинный столъ въ Золотой палатѣ; а за столомъ, кромѣ патріарха Никона, сидѣли два боярина: князь Никита Ивановичь Одоевскій и Илья Даниловичь Милославскій, да окольничій Родіонъ Матвѣевичь Стрѣшневъ. А вина наряжалъ стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ[442].

Въ то время патріархъ Никонъ, все еще находившійся въ духовной пріязни съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, былъ занятъ осуществленіемъ своего завѣтнаго желанія создать вблизи царствующаго града иноческую обитель съ такимъ храмомъ, который былъ бы точнымъ подобіемъ знаменитаго Іерусалимскаго храма Воскресенія Господня.

Уже давно намѣчено было Никономъ и мѣсто для сего сооруженія. На пути въ Иверскую обитель, онъ обыкновенно останавливался для ночлега въ вотчинѣ Боборыкиныхъ, селѣ Воскресенскомъ, въ 50 верстахъ отъ Москвы, по большой Волоколамской дорогѣ.

---

[442] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 109.

Здѣсь святѣйшему патріарху особенно полюбилась та часть нагорнаго берега извилистой рѣчки Истры, которая имѣетъ видъ гористаго полуострова съ крутыми спусками къ рѣчкѣ, покрытыми вѣковою дубравою. «Мѣсто сіе,—писалъ самъ Никонъ,—вельми любимо мнѣ, понеже красно зѣло; аще кто не вѣровати сему хощетъ, да искуситъ вещію».

Еще въ 1656 году, Никонъ купилъ село Воскресенское съ деревнями и пустошами у стольника Романа Ѳедоровича Боборыкина за двѣ тысячи рублей, и тогда-же приступилъ къ сооруженію на излюбленномъ мѣстѣ первой деревянной церкви во имя живоноснаго Воскресенія Христова, послужившей основаніемъ предположенной иноческой обители»[443].

Кромѣ села Воскресенскаго, патріархъ Никонъ, въ томъ-же 1656 году, скупилъ на свое имя и много другихъ окрестныхъ вотчинъ Горетова и Сурожскаго становъ, и въ томъ числѣ три деревни боярина Василья Петровича Шереметева, а именнно: деревню Князщину, Полево тожъ, на рѣчкѣ Песочнѣ,

[443] Всѣ свѣдѣнія, касающіяся Воскресенскаго монастыря взяты нами изъ извѣстной книги архимандрита Леонида: Историческое описаніе ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря. М. 1876.

съ 17 крестьянскими и бобыльскими дворами; деревню, что̀ было сельцо Асаурово, также на рѣчкѣ Песочнѣ, съ 11 крестьянскими и бобыльскими дворами и деревню Качебарову, на рѣчкѣ Истрѣ, съ 5 крестьянскими и бобыльскими дворами[444].

За одну деревню Асаурову Никонъ заплатилъ Василью Петровичу Шереметеву полторы тысячи рублей. О цѣнахъ другихъ двухъ деревень свѣдѣній не имѣется.

Къ осени 1657 года окончательно отстроено было въ селѣ Воскресенскомъ деревянное зданіе теплой церкви во имя Воскресенія Христова съ трапезою, и патріархъ Никонъ, десять дней спустя по крещеніи царевны Софіи Алексѣевны, пригласилъ государя на освященіе вновь сооруженнаго храма.

Въ разрядной книгѣ 1657 года читаемъ слѣдующую запись: «Мѣсяца октября въ 16

---

[444] Въ писцовой книгѣ 1584—1586 годовъ написано: «За Богданомъ за Ивановымъ сыномъ Полева старая отца его вотчина: деревня Кочабарова на рѣкѣ на Истрѣ, пашни паханые добрые земли 20 четьи, да перелогомъ 10 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣкѣ по Истрѣ 100 копенъ.—Пустошь, что̀ была деревня Князщина, пашни добрые земли 10 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ.—Пустошь, что̀ была деревня Аксаурова, пашни добрые земли 40 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ» (Писцовыя книги XVI вѣка. Отдѣленіе I. Спб. 1872. стр. 135).

день, ходилъ государь въ Воскресенской монастырь, на Истру рѣку, отъ Москвы пятдесятъ верстъ, что̀ строитъ святѣйшій Никонъ, патріархъ Московскій и всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи».

Изъ Шереметевыхъ сопровождалъ государя въ Воскресенское только Никита Ивановичъ. Послѣ освященія церкви, совершеннаго самимъ патріархомъ Никономъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, царь Алексѣй Михайловичъ обошелъ вокругъ всего монастыря, любуясь живописнымъ мѣстоположеніемъ, и, остановясь на пригоркѣ (именуемомъ нынѣ Елеономъ), въ душевномъ восторгѣ воскликнулъ: «Во истину благоволи Господь Богъ исперва мѣсто сіе предъуготовати на созданіе монастыря; понеже прекрасно, подобно Іерусалиму». За тѣмъ, государь кушалъ съ патріархомъ и боярами въ трапезѣ, при чемъ Никита Ивановичъ Шереметевъ наряжалъ вина[445].

Царь Алексѣй Михайловичъ пробылъ въ Воскресенскомъ до 20 октября. Отъѣхавъ въ этотъ день, рано утромъ, въ Саввино-Сто-

[445] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 111.

рожевскій монастырь, онъ отправилъ оттуда Никону слѣдующую собственноручную грамоту въ отвѣтъ на присланное патріархомъ благодарственное письмо съ благословеннымъ хлѣбомъ: «Великому государю и отцу нашему, святѣйшему Никону, архіепископу царствующаго великаго града Москвы и всея великия и малыя и бѣлыя Росіи патріарху, сынъ твой возлюбленный, царь Алексій, челомъ бьетъ. Изволишь, государь, про насъ вѣдать, и мы, милостію Божіею и твоими, отца нашего, молитвами, пришли въ Савинскій монастырь 20 октября въ четвертомъ часу дни далъ Богъ здорово. А потомъ тебѣ, отцу своему, челомъ бью на хлѣбѣ. Да ты жъ жалуешь, тужишь о насъ, и аще Богъ дастъ живы будемъ, за твоими пресвятыми молитвами, и паки не зареклися, и не зарекаемся и паки приѣзжать. А старца твоего, государева, Новаго Іерусалима[446], препокоивъ, отпустили къ тебѣ. Царь Алексій, со многою любовію радостною,

[446] «И повелѣ (святѣйшій патріархъ Никонъ) по сему царскому писанію, званіемъ именоватися Воскресенской монастырь, Новый Іерусалимъ» (Шушеринъ. Извѣстіе о рожденіи и воспитаніи и о жизни святѣйшаго Никона, патріарха Московскаго и всея Россіи. М 1871. стр. 31).

лобызавъ честную десницу твою, государеву, челомъ бью»[447].

Обѣщанію государя опять пріѣхать въ Воскресенское суждено было остаться неисполненнымъ. «Не по мнозѣ времени,—пишетъ современникъ-очевидецъ,—позавидѣвъ общій супостатъ великія любви между благочестивымъ царемъ со святѣйшимъ Никономъ патріархомъ, нача быти между ими безсовѣтіе и распря чрезъ нѣкіихъ злыхъ человѣкъ, иже отъ супостата на то устроенныхъ»[448].

Дѣйствительно, не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ пребыванія царя Алексѣя Михайловича въ гостяхъ у Никона, на глазахъ у многихъ произошелъ случай, ясно обнаруживший перемѣну отношеній царя къ патріарху. Дѣло происходило въ Успенскомъ соборѣ, въ Татьянинъ день (12 января 1658 года), предъ началомъ всенощной службы. Въ то время, какъ патріархъ Никонъ прослѣдовалъ въ алтарь для облаченія, стоявшій подлѣ царя

---

[447] Архимандритъ Леонидъ. Историческое описаніе ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря. М. 1876. стр. 6 и 7.

[448] Шушеринъ. Извѣстіе о рожденіи и воспитаніи и о житіи святѣйшаго Никона, патріарха Московскаго и всея Россіи. М. 1871. стр. 31.

старецъ Григорій Нероновъ, главный вождь возникавшаго въ то время раскола, рѣзко сказалъ государю, указывая на удалявшагося Никона: «Доколѣ, государь, тебѣ терпѣть такого врага Божія? Смутилъ всю землю Русскую и твою царскую честь попралъ, и уже твоей власти не слышать,—отъ него, врага, всѣмъ страхъ». Царь не опалился на дерзкаго изувѣра; напротивъ того, онъ «какъ-бы устыдившись, отошелъ отъ старца, ничего не сказавъ ему»[449].

Въ нашу задачу не можетъ входить разслѣдованіе причинъ охлажденія царя Алексѣя Михайловича къ патріарху Никону. Мы даже не имѣемъ возможности воспользоваться готовыми выводами по этому загадочному дѣлу, доселѣ остающемуся невыясненнымъ. Какъ кажется, все сводится къ тому, что царь Алексѣй Михайловичь сталъ тяготиться властелинствомъ Никона, привыкшаго къ первенствующему положенію во время нахожденія государя въ походахъ. Многочисленные враги Никона изъ лицъ высшаго духовенства, а также въ средѣ бояръ, преимущественно изъ

---

[449] Макарій, митрополитъ Московскій. Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ. М. 1881. стр. 109.

партіи Морозовыхъ и Милославскихъ, пользовались всякимъ случаемъ, чтобы раздуть печальное недоразумѣніе, возникавшее между двумя «собинными пріятелями» и лицемѣрно сѣтовали на то, что въ Московскомъ государствѣ стало два великихъ государя, намекая на титулъ Никона, усвоенный имъ по волѣ самого-же царя. Вмѣсто открытаго объясненія, Алексѣй Михайловичь видимо началъ уклоняться отъ свиданія съ патріархомъ. Къ удивленію всѣхъ, нерѣдко случалось даже, что царь Алексѣй Михайловичь, обыкновенно столь точный въ исполненіи всѣхъ уставовъ и обрядовъ церкви, вовсе не выходилъ къ патріаршей службѣ въ праздничные дни, «и святѣйшій патріархъ,—по свидѣтельству очевидца,—множицею его ожидаше, благовѣстъ продолжая; благочестивый же царь присылаше къ нему и повелѣваше не ждати себя»[450].

Весною 1658 года, когда Василій Борисовичь Шереметевъ возвратился изъ Бѣлоруссіи въ Москву, «безсовѣтіе» между госуда-

---

[450] Шушеринъ. Извѣстіе о рожденіи и воспитаніи и о житіи святѣйшаго Никона, патріарха Московскаго и всея Россіи. М. 1871. стр. 31.

ремъ и патріархомъ было уже дѣломъ очевиднымъ для всѣхъ.

Въ свѣтлое Христово Воскресеніе (11 апрѣля 1658 года), патріархъ Никонъ въ послѣдній разъ кушалъ у государя. За столомъ сидѣли четыре царевича: Грузинскій Николай Давыдовичь, Касимовскій Василій Аразлановичь и Сибирскіе Петръ да Алексѣй Алексѣевичи, а изъ бояръ только трое: князь Яковъ Куденетовичь Черкасскій, Василій Петровичь Шереметевъ и Василій Борисовичь Шереметевъ[451].

---

[451] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 127.

ГЛАВА XXVII.

Мѣсяца черезъ три послѣ великоденской трапезы у государя, открылся случай, который довелъ взаимное смущеніе и несогласіе царя Алексѣя Михайловича и патріарха Никона до окончательнаго разрыва. Дѣло произошло во время пребыванія въ Москвѣ Кахетинскаго царя Теймураза I Давыдовича.

Мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности пріѣзда Теймураза, во-первыхъ потому, что въ торжествахъ встрѣчь и пріема его участвовали Шереметевы; а во-вторыхъ, самъ Теймуразъ, слывшій «хорошимъ риторомъ и поэтомъ», представляетъ лицо замѣчательное въ исторіи Грузіи.

Въ 1648 году, Теймуразъ въ третій разъ лишился престола, на который былъ присланъ изъ Испагани, еще въ 1605 году, знаменитымъ

шахомъ Аббасомъ I, при дворѣ коего Теймуразъ пробылъ, въ качествѣ заложника, съ ранняго дѣтства до пятнадцатилѣтняго возраста[452]. Теймуразъ, воспользовавшись смутами въ Карталиніи, завладѣлъ-было и этою областью, при содѣйствіи Эристава Арагвскаго Зураба, но въ концѣ концовъ потерялъ не только Карталинію, но и родимую Кахетію, и поселился въ Кутаисѣ, у своего зятя Имеретинскаго царя Александра. Несчастія и годы не ослабили энергіи Теймураза, и вотъ онъ рѣшился предпринять далекое и трудное путешествіе въ Москву, къ царю Алексѣю Михайловичу, чтобы «видѣть его государскіе очи и челомъ ударить» за себя и за свою многострадальную родину.

Грузинскіе владѣтели обыкновенно просили у насъ защиты отъ своихъ исконныхъ враговъ Персіянъ. А между тѣмъ, Россія издавна находилась въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Персіей. Вмѣшательство въ дѣла отдаленнаго Закавказья неизбѣжно порвало бы

[452] Теймуразъ отвезенъ былъ въ Персію, по приказанію его матери, святой царицы Кахетинской Кетевани, княземъ Шермазаномъ Челокаевымъ, предкомъ нынѣшнихъ столь извѣстныхъ въ Грузіи и у насъ князей Челокаевыхъ (Долгоруковъ. Россійская родословная книга. Ч. 3. Спб. 1856. стр. 477).

эти сношенія, что̀ было особенно невыгодно именно въ описываемое время, когда правительство имѣло столько заботъ съ своими собственными Европейскими врагами. Но если, по обстоятельствамъ, невозможно было оказать Теймуразу дѣйствительную помощь и защиту, за то онъ былъ встрѣченъ и принятъ съ большими почестями, и, не смотря на то, что уже болѣе десяти лѣтъ какъ лишился своего престола, именовался во всѣхъ правительственныхъ актахъ «царемъ Греческаго Грузинскаго государства».

Уже въ послѣднихъ числахъ апрѣля начались приготовленія къ пріему Теймураза. Между прочимъ, велѣно было «въ Китаѣ, въ Бѣломъ городѣ и въ Земляномъ валу въ улицахъ, которыми итти Грузинскому царю, и на Пожарѣ шалашъ харчевниковъ, и по́лки, и скамьи, и мостовой старой лѣсъ и въ Телѣжномъ ряду прибрать все начисто; и въ Китаѣ жъ во рву, что внизу церковь Живоначалные Троицы, лавки, которые безъ затворовъ пусты, вычистить, и мостовой лѣсъ, и по́лки и скамьи по тому жъ все прибрать, чтобъ вездѣ все было стройно»[453].

[453] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 496.

Въ день пріѣзда Теймураза, 20 іюня 1658 года, за Срѣтенскими воротами, въ полѣ, по обѣимъ сторонамъ Ярославской дороги, съ утра была выстроена «большая встрѣча» высокому гостю. По одну сторону стояли стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе, жильцы, дворяне выборные изъ городовъ, рейтарскій полковникъ Змѣевъ съ начальными людьми и приказные подьячіе; по другую сторону— даточные люди Московскихъ монастырей, бояръ, окольничихъ, думныхъ людей и вдовъ большихъ. «А были тѣ всѣ люди у головъ въ сотняхъ строемъ; изъ нихъ многіе были на аргамакахъ и на коняхъ на добрыхъ, а на лошадяхъ были наряды конскіе большіе чепи гремячія и поводныя, а сами были въ приволокахъ[454] и въ ферезѣяхъ золотныхъ и въ бархатныхъ и во всякомъ цвѣтномъ платьѣ». Головою въ стольничьей сотнѣ былъ стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ, выѣхавшій на встрѣчу, подобно прочимъ головамъ, со знаменемъ въ рукахъ.

Теймуразъ подъѣхалъ къ встрѣчному мѣсту въ государевой дорожной каретѣ, предшествуемый своими «царевыми духовнаго чи-

[454] Прѝволока = плащъ.

ну старцы и попы», которые везли Спасовъ образъ да животворящій крестъ Господень съ мощами. За каретой слѣдовали: дорожный приставъ Андрей Степановичь Вельяминовъ да «царевы люди Грузинцы». Бояринъ князь Иванъ Андреевичь Хилковъ, не дошедъ кареты, въ которой сидѣлъ Теймуразъ, саженъ съ десять, послалъ Вельяминова объявить, «чтобъ Грузинскій царь изъ кареты вышелъ, для того, что великій государь пожаловалъ велѣлъ его встрѣтить ему, царскаго величества боярину». Теймуразъ вышелъ изъ кареты «вскорѣ» и, подойдя къ боярину, выслушалъ стоя и безъ шапки его привѣтственную рѣчь. Послѣ того Теймуразъ сѣлъ въ другую, «нарядную» карету и тѣмъ-же порядкомъ продолжалъ путь по Московскимъ улицамъ, сопровождаемый выборными стрѣльцами «съ протазаны, въ цвѣтномъ платьѣ». Встрѣчныя же сотни прошли строемъ мимо кареты и поспѣшили впередъ, чтобы занять въ столицѣ указанныя имъ встрѣчныя мѣста.

Согласно разрядной росписи, Никита Ивановичь Шереметевъ, съ своею стольничьею сотнею въ 79 человѣкъ, въѣхалъ въ Китай-городъ Неглинными воротами. Съ Никольска-

го крестца онъ проѣхалъ Богоявленскимъ переулкомъ въ Введенскій, и сталъ у воротъ отведеннаго Теймуразу двора князя Льва Александровича Шлякова-Чешскаго. А когда Теймуразъ подъѣхалъ ко двору, Шереметевъ и его стольники поклонились ему, сидя на лошадяхъ, и потомъ разъѣхались по домамъ[455].

Въ тотъ-же день Никитѣ Ивановичу Шереметеву назначено было ѣхать за царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ подмосковное село Покровское, гдѣ 27 іюня государь давалъ отпускную аудіенцію посламъ Теймуразова зятя Имеретинскаго царя Александра и потчивалъ ихъ. Во время стола Никита Ивановичь Шереметевъ «сидѣлъ за государевымъ поставцомъ за кушаньемъ»[456], то есть принималъ съ поварни во дворецъ отъ ключниковъ каждое блюдо для царскаго величества, отвѣдывалъ кушанье и за тѣмъ сдавалъ стольникамъ нести предъ государя[457].

---

[455] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. XIV. М. 1790. стр. 22—31 (Записка о пріѣздѣ Грузинскаго царя Теймураза Давыдовича, писанная во оное-же время).—Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 137.

[456] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 139.

[457] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царей. Ч. I. М. 1862. стр. 294.

Лишь 6-го іюля былъ царь Теймуразъ у государя на аудіенціи и у стола. Въ росписи чинамъ, назначеннымъ, по государеву указу, участвовать въ торжествѣ пріема Теймураза, не было имени патріарха Никона, не смотря на то, что онъ находился тогда въ Москвѣ и что вмѣстѣ съ Теймуразомъ приглашены были во дворецъ и прибывшія съ нимъ изъ Грузіи духовныя власти. Обстоятельство невиданное въ придворныхъ лѣтописяхъ! Теперь оставалось ожидать послѣдняго повода къ окончательному разрыву между царемъ и патріархомъ, и эта роковая минута наступила скорѣе, нежели думали.

Грузинскій царь ѣхалъ на торжественную аудіенцію въ государевой каретѣ вмѣстѣ съ своимъ Московскимъ приставомъ, бояриномъ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Хилковымъ. Дорожный приставъ Вельяминовъ ѣхалъ сзади, а впереди—полковникъ и голова стрѣлецкій Артамонъ Сергѣевичь Матвѣевъ. По бокамъ кареты шли конюшенные чины въ атласныхъ червчатыхъ и лазоревыхъ кафтанахъ съ протазанами. На пути слѣдованія пышнаго поѣзда, по обѣимъ сторонамъ стояли строемъ стрѣльцы съ ружьями. Въ Кремлѣ, у Благо-

вѣщенскаго собора, Теймуразъ вышелъ изъ кареты. Здѣсь на первую встрѣчу его выступилъ съ соборной паперти на рундукъ стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ съ своими товарищами—встрѣчниками, изъ коихъ дьякъ Василій Нефедьевъ сказалъ Теймуразу обычную привѣтственную рѣчь. Послѣ того всѣ отправились Благовѣщенскою папертью и Краснымъ крыльцомъ къ проходнымъ сѣнямъ, что̀ предъ Золотою палатою. По этому пути стояли въ два ряда подьячіе изъ приказовъ въ цвѣтномъ платьѣ, а далѣе «до сѣней, что̀ предъ Грановитою палатою,—60 человѣкъ жильцовъ въ бархатныхъ и объяринныхъ разноцвѣтныхъ терликахъ, въ золотныхъ шапкахъ, съ протазанами и съ алебардами. Въ Грановитыхъ сѣняхъ, наполненныхъ дьяками и гостьми въ золотахъ и въ шапкахъ горлатныхъ, встрѣтилъ Теймураза бояринъ Василій Петровичь Шереметевъ съ своими товарищами—стольникомъ княземъ Андреемъ Ивановичемъ Хилковымъ и дьякомъ Александромъ Дуровымъ. Послѣ рѣчи Дурова, шествіе направилось къ Грановитой палатѣ. У дверей палаты была третья большая встрѣча князя Алексѣя Никитича Трубецкаго.

Теймуразъ, войдя въ Грановитую палату, поклонился государю до земли[458]; а когда приблизился къ царскому мѣсту, билъ челомъ, чтобы великій государь далъ ему свою царскую руку цѣловать. Царь Алексѣй Михайловичь руки не далъ и, вставъ съ своего мѣста, сказалъ: «Ты царь нашей благочестивой Христіанской вѣры, сотворимъ о Христѣ цѣлованіе во уста». Тогда Теймуразъ съ великимъ страхомъ цѣловалъ государя въ уста[459].

Усадивъ Теймураза по лѣвую сторону трона на лавкѣ, государь жаловалъ къ своей государской рукѣ Грузинскихъ «властей и бояръ и чиновныхъ людей», прибывшихъ съ Теймуразомъ. Когда исполнены были и всѣ прочіе установленные для пріемовъ обряды, царь Алексѣй пригласилъ Теймураза къ столу, а до того времени указалъ ему побыть въ Золотой палатѣ; самъ же удалился въ свои покои. Возвратившись въ палату и сѣвъ за уготованный столъ, царь Алексѣй послалъ боярина Василья Петровича Шереметева и думнаго

---

[458] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. XIV. М. 1790. стр. 33—35.—Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 496—499.—Дополненія къ тому III Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 139 и 140.

[459] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XII. М. 1862. стр. 268 и 269.

дьяка Семена Ивановича Заборовскаго звать Теймураза къ столу.

Во время слѣдованія Теймураза изъ Золотой палаты въ Грановитую, случилось нѣчто необыкновенное. Окольничій и оружейничій Богданъ Матвѣевичь Хитрово устроялъ путь Теймуразу: онъ шелъ впереди и очищалъ дорогу для церемоніальнаго шествія. Разгоняя палкой столпившійся въ одномъ мѣстѣ народъ, Хитрово задѣлъ ею случившагося въ толпѣ патріаршаго стряпчаго князя Дмитрія Мещерскаго, который былъ посланъ самимъ Никономъ для устройства церковнаго чина. «Напрасно ты бьешь меня, Богданъ Матвѣевичь,—сказалъ Мещерскій,—я не просто сюда пришелъ, а за дѣломъ; я патріаршій человѣкъ».—Не дорожися патріархомъ,—вскрикнулъ Хитрово,—и съ этими словами ударилъ Мещерскаго палкой по головѣ[460].

Извѣстны послѣдствія этого возмутительнаго случая: Никонъ жаловался царю на Хитрово, но, не получивъ удовлетворенія, всенародно отрекся отъ патріаршества, и въ ти-

[460] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. XIV. М. 1790. стр. 36 и 37.—Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 294.—Гиббенетъ. Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Ч. I. Спб. 1882. стр. 26.

хомъ уединеніи Воскресенскаго монастыря, въ тѣсной келліи, осѣненной густыми деревьями, провождалъ дни свои до 1666 года, когда вызванъ былъ къ суду восточныхъ и Русскихъ іерарховъ.

Намъ не придется больше говорить объ этомъ печальномъ событіи нашей церковной исторіи. Изъ Шереметевыхъ одинъ Василій Петровичь былъ косвеннымъ образомъ причастенъ къ дѣлу Никона, какъ очевидецъ дерзкаго поступка Хитрово; но онъ не дожилъ до того времени, когда отбирались сказки объ описанномъ случаѣ. Во всемъ дѣлѣ Никона ни разу не встрѣчается даже простаго упоминанія о Шереметевыхъ.

Возвратимся къ прерванному разсказу о Теймуразѣ.

Василій Петровичь Шереметевъ, проводивъ Грузинскаго царя къ приготовленному для него особому «каменному столу», по лѣвую сторону государева мѣста, въ первомъ окнѣ отъ Благовѣщенія, самъ сѣлъ за большой боярскій столъ, рядомъ съ боярами княземъ Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ и княземъ Иваномъ Андреевичемъ Хилковымъ. Всѣ три боярина были одѣты въ кафтаны

Турскіе зуфные. За боярами въ числѣ прочихъ встрѣчниковъ сидѣлъ Никита Ивановичь Шереметевъ. Влѣво отъ Теймураза, на нижнемъ рундукѣ размѣщены были: за кривымъ столомъ—Грузинской земли архимандриты и игумены, а за посольскимъ столомъ—Грузинскаго царя бояре, дворяне и иныхъ чиновъ царевы люди. На окнахъ палаты, на золотномъ бархатѣ, разставлены были серебреные часы, большіе серебряники съ лоханями, высокіе росольники серебреные же, большая серебреная позолоченная, мѣрою въ ведро, бочка и прочее. Около столпа на поставцѣ красовались выбранные изъ лучшихъ статей суды золотые, серебреные, сердоликовые и хрустальные.

Когда всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ, семьдесятъ паръ стольниковъ и чашниковъ въ золотахъ и съ золотыми цѣпями прошли мимо столпа и стали предъ государемъ. Богданъ Матвѣевичь Хитрово, назначенный по церемоніалу быть за поставцомъ за кушаньемъ и у государя, и у Теймураза, явилъ стольниковъ и чашниковъ государю, а за тѣмъ развелъ ихъ по столамъ для разноски питія и ѣствъ. Въ числѣ 26 чашниковъ, носившихъ предъ вели-

каго государя питія въ яшмовыхъ, хрустальныхъ и золотыхъ судахъ и кубкахъ, находился и сынъ Василья Борисовича Шереметева, въ первый разъ здѣсь упоминаемый, Иванъ Васильевичь Шереметевъ.

Послѣ стола государь пожаловалъ Теймуразу свое государское жалованье: шубу соболью, покрытую бархатомъ червчатымъ золотнымъ, шапку мурмолку, кубки, бархатъ, атласъ и сорокъ соболей. Ударивъ челомъ государю за дары, Теймуразъ пошелъ изъ палаты къ каретѣ, сопрождаемый встрѣчниками до тѣхъ мѣстъ, гдѣ кто встрѣчалъ царя. А Василій Петровичь Шереметевъ, князь Трубецкій и думный дьякъ Ларіонъ Лопухинъ ѣздили, по государеву указу, потчивать Теймураза у него на подворьѣ[461].

Теймуразъ пробылъ въ Москвѣ до конца сентября. Къ сожалѣнію, въ переговорахъ съ боярами онъ былъ чрезъ мѣру настойчивъ и предъявлялъ слишкомъ большія требованія, не принимая во вниманіе нашихъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Такъ, онъ просилъ

[461] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. XIV. М. 1790. стр. 37—41.—Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 500—509.—Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 140—142.

дать ему по крайней мѣрѣ 30.000 ратныхъ конныхъ людей для защиты Грузіи отъ Персіянъ. Бояре замѣтили, что теперь у великаго государя война съ Польскимъ и Шведскимъ королями, самому нужно много ратныхъ людей. «Воля великаго государя,—отвѣчалъ Теймуразъ:—чаялъ я къ себѣ государской милости и обороны, для того сюда и пріѣхалъ, а теперь царское величество отпускаетъ меня ни съ чѣмъ».—Какъ нибудь проживи теперь въ своей землѣ, а потомъ царское величество ратныхъ людей къ тебѣ пришлетъ, будь надеженъ, безъ всякаго сомнѣнія.—Но Теймуразъ не вѣрилъ обѣщаніямъ: «Коли я самъ нынѣ милости не упросилъ и никакой помощи не получилъ, то впредь заочно нечего ждать»[462]. Такого рода объясненія не могли нравиться царю Алексѣю Михайловичу и, вѣроятно не безъ причины, послѣ отпускной аудіенціи Теймуразъ не былъ приглашенъ къ государеву столу.

И въ послѣдній пріѣздъ ко двору Грузинскаго царя (21 сентября), Василій Петровичь и Никита Ивановичь Шереметевы встрѣчали

---

[462] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XII. М. 1862. стр. 269—274.

его по тому-же порядку и на тѣхъ-же мѣстахъ: первый—у Грановитыхъ сѣней предъ дверьми, а второй—у паперти Благовѣщенскаго собора, на рундукѣ[463].

---

[463] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 148.

ГЛАВА XXVIII.

На торжествахъ въ честь Теймураза мы не видѣли ни Петра Васильевича, ни Василья Борисовича Шереметевыхъ. Первый находился въ то время въ Вильнѣ, а второй—въ Кіевѣ.

Начнемъ съ Петра Васильевича Шереметева, а потомъ послѣдуемъ за Васильемъ Борисовичемъ въ Малороссію.

Послѣ несчастной битвы при Валкѣ, стоившей намъ погибели юнаго героя Матвѣя Васильевича Шереметева, въ Лифляндіи распространилось моровое повѣтріе, и Шведамъ не удалось вполнѣ воспользоваться одержанной побѣдой. Въ Польшѣ Карлъ терпѣлъ одну неудачу за другою, а его отношенія къ сосѣдней Даніи были уже прямо враждебными. Все это склоняло короля къ миру съ Московскимъ ца-

ремъ, и онъ уже просилъ о посредничествѣ курфирста Бранденбургскаго и герцога Курляндскаго. Царь Алексѣй Михайловичь, съ своей стороны, не только готовъ былъ, но и желалъ покончить войну съ Швеціею.

Шведскіе послы Густавъ Біелке, Александръ Эссенъ и Филиппъ Крузенштернъ, которые, какъ выражено въ оффиціальномъ документѣ, «засажены были на Москвѣ»[464] съ 1656 года, когда съ ними вели переговоры князь Никита Ивановичь Одоевскій и Василій Борисовичь Шереметевъ, въ концѣ 1657 года получили отъ короля грамоту съ приказаніемъ стараться о примиреніи съ царемъ. Для облегченія дѣла, посламъ поручено было объявить о готовности Карла X титуловать царя Бѣлорусскимъ, Литовскимъ, Волынскимъ и Подольскимъ, хотя-де и не водится вносить въ титулъ названія областей, пріобрѣтенныхъ оружіемъ, но еще не утвержденныхъ мирнымъ договоромъ.

30 апрѣля 1658 года, царь Алексѣй Михайловичь поручилъ «быть въ отвѣтѣ» съ Шведскими послами боярамъ: князю Никитѣ

---

[464] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 130.

Ивановичу Одоевскому и Петру Васильевичу Шереметеву[465].

Переговоры съ Шведскими послами были непродолжительны. На первый же вопросъ бояръ: «на какихъ статьяхъ королевское величество желаетъ мира»? послы отвѣтили, что обо всѣхъ статьяхъ договоръ будетъ на рубежѣ и что для этого дѣла государь изволилъ бы отпустить ихъ изъ Москвы. — «По всему видно,—возразили бояре,—что вы промышляете только о томъ, чтобъ вамъ отсюда высвободиться, а учините ли между государями доброе дѣло или нѣтъ, того не вѣдомо». Послы скромно отвѣтили, что за ними дѣло не остановится; изволитъ ли царское величество отпустить ихъ или нѣтъ, только-де видитъ Богъ, что они рады между государями доброе дѣло вести; а начинать переговоры теперь, до освобожденія, нельзя: нигдѣ-молъ не водится, чтобъ невольные люди вели мирные переговоры.

За тѣмъ, Шведскимъ посламъ объявлено было, что государь отпускаетъ ихъ къ королевскому величеству, что для переговоровъ о

[465] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 130.

мирѣ обѣ стороны съѣдутся на рубежѣ, подъ Нарвою, и что, по государеву указу, на посольскій съѣздъ назначены: бояринъ Иванъ Семеновичь Прозоровскій и воевода Аѳанасій Лаврентьевичь Ординъ-Нащокинъ[466].

На этомъ и кончились у князя Одоевскаго и Шереметева переговоры съ Шведскими послами. Оба они сейчасъ-же получили другое, особенно важное по времени, порученіе.

Въ разрядной книгѣ, подъ 7 числомъ мая записано слѣдующее: «Государь царь (титулъ) послалъ въ свою государеву отчину въ Вилню, на съѣздъ съ Полскими комисары о мирномъ поставленьѣ и о вѣчномъ докончаньѣ, своихъ государевыхъ великихъ и полномочныхъ пословъ: ближняго боярина и намѣстника Астараханскаго князь Никиту Ивановича Одоевскаго, боярина и намѣстника Смоленскаго Петра Васильевича Шереметева, боярина и намѣстника Муромскаго князь Ѳедора Ѳедоровича Волконскаго, да думнаго дьяка Алмаза Иванова да дьяка Ивана Патрекѣева»[467].

---

[466] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 78—81.

[467] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 131.

Возобновленіе Виленскаго съѣзда вызвано было слѣдующимъ обстоятельствомъ:

Въ мартѣ 1658 года, въ Москву прибылъ королевскій гонецъ Голенецкій съ извѣстіемъ, что такъ давно обѣщанный сеймъ назначенъ на 10 іюня. Вслѣдъ за Голенецкимъ пріѣхалъ Литовскій гонецъ Адамъ Саковичь и объявилъ, что гетманы и все посполитство великаго княжества Литовскаго, по королѣ Янѣ Казимірѣ, не хотятъ выбирать иныхъ королей, а хотятъ выбрать на корону Польскую и на великое княжество Литовское великаго государя царя. Пусть-де царское величество прикажетъ своимъ полномочнымъ посламъ договориться о томъ съ гетманами, а послѣдніе представятъ договоръ сейму; если же послѣдній не утвердитъ договора, то они отступятъ отъ короны и сами отдадутся въ подданство царю[468].

Хотя въ приведенной выпискѣ изъ разрядной книги ничего не говорится объ избраніи царя Алексѣя Михайловича въ короли Польскіе и Литовскіе, но и на новомъ Виленскомъ съѣздѣ таковое избраніе поставлено было главною статьею порученнаго князю

[468] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 52.

Одоевскому и Шереметеву посольскаго дѣла[469]. Объявленіе же Саковича, не смотря даже на то, что оно не было подкрѣплено достаточно вѣскими полномочіями, было принято почти на вѣру, до такой степени царь Алексѣй Михайловичь былъ увѣренъ въ своихъ правахъ на Литовскій престолъ. Съ давнихъ поръ Московскіе государи смотрѣли на корону великаго княжества какъ на достояніе своего дома.

Выборъ главнаго посла на Виленскій съѣздъ признаютъ неудачнымъ. Дѣйствительно, князь Никита Ивановичь Одоевскій, при всѣхъ своихъ высокихъ качествахъ, не отличался успѣхами въ посольскихъ дѣлахъ, и на поприщѣ дипломатіи не стяжалъ славы своего знаменитаго тестя, Ѳедора Ивановича Шереметева. При выборѣ Одоевскаго могли имѣть въ виду то важное обстоятельство, что онъ былъ очень уважаемъ за Литовскимъ рубежемъ. Проживавшій въ то время въ Москвѣ знатный Польскій плѣнный Павелъ Потоцкій отзывается объ Одоевскомъ какъ о человѣкѣ

[469] Оффиціальная справка изъ дѣлъ Польскаго двора, выданная 11 января 1801 года за № 221, Московскимъ архивомъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ графу Николаю Петровичу Шереметеву. Пунктъ 5 (изъ архива графа С. Д. Шереметева).

умномъ, энергичномъ, исполненномъ благородныхъ чувствъ и весьма просвѣщенномъ. По свидѣтельству Потоцкаго, князь усердно занимался Славянскою литературою и былъ свѣдущъ въ Польской исторіи. Потоцкій отдаетъ справедливость и первому товарищу князя Одоевскаго, Петру Васильевичу Шереметеву, находя въ немъ «много хорошихъ способностей», но за то весьма рѣзко говоритъ объ его характерѣ. По словамъ Потоцкаго, Шереметевъ, «какъ-бы надутый своею длинною родословною», отличался «необыкновенною гордостью и высокомѣріемъ и черезъ это былъ несносенъ даже своимъ соотечественникамъ»[470].

Съ послами отправлялся «для чести посольской» небольшой отрядъ ратныхъ людей, а именно: сотня дворянъ съ головою княземъ Ѳедоромъ Никитичемъ Борятинскимъ, сотня жильцовъ съ головою Яковомъ Семеновичемъ Волынскимъ и смѣшанная сотня (стольники, стряпчіе, дворяне и жильцы) съ головою Алексѣемъ Дмитріевичемъ Охотинымъ-Плещеевымъ. Кромѣ того, при посольствѣ состояли

[470] Potocki, Paulus Comes. Opera omnia. Varsaviae. 1748. p. 192 и 195.

еще: семь стольниковъ князь Семенъ Ивановичь Львовъ, Андрей Ильичь Безобразовъ, князь Андрей Михайловичь Волконскій, Юрій Ивановичь Квашнинъ, князь Дмитрій Андреевичь Волконскій, князь Борисъ Васильевичь Горчаковъ и Кирила Осиповичь Хлоповъ; два стряпчихъ: Кирила Панкратьевичь Пущинъ и Семенъ Ерофеевичь Алмазовъ; два дворянина: Иванъ Ивановичь Бирдюкинъ-Зайцовъ и Денисъ Дорофеевичь Астафьевъ, и два жильца: Иванъ и Аѳанасій Алексѣевичи Ушаковы[471].

Для съѣзда всѣмъ посламъ выдана была весьма значительная по времени денежная сумма или, такъ называемая, подмога, а именно: князю Одоевскому 3920 рублей, Шереметеву 1500 рублей, князю Волконскому 2050 рублей и думному дьяку Алмазу Иванову 1650 рублей. Шереметеву выдали меньше всѣхъ. Какая тому причина, неизвѣстно. Можетъ быть, онъ менѣе другихъ нуждался въ денежной подмогѣ. Иначе распредѣлено количество разныхъ запасовъ, отпущенныхъ посламъ изъ дворцовъ: тутъ соблюдена была

[471] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 132.

строгая постепенность, по старшинству. Напримѣръ, меду вишневаго отпущено: князю Одоевскому 12 ведръ съ полуведромъ, Шереметеву 10 ведръ, князю Волконскому 9 ведръ, и Алмазу Иванову 6 ведръ, и такъ далѣе. Въ соотвѣтственной пропорціи распредѣлены и всѣ прочіе запасы. Мы выпишемъ только то, что досталось на долю Петра Васильевича Шереметева. Кромѣ меду вишневаго, ему выдали слѣдующіе запасы:

Меду малиноваго	8 ведръ
Меду вешняго	8 ведръ
Меду боярскаго	10 ведръ
Меду обарнаго съ варомъ. .	12 ведръ
Рыбы бѣлужьи	2 спины, да 4 прута, да 2 теши.
Рыбы осетрой	2 спины, да 6 прутовъ.
Рыбицъ бѣлыхъ	16
Лососей	16
Муки крупичетой	7 четвертей[472].

Наконецъ, «для обереганья государевыхъ великихъ и полномочныхъ пословъ» назначенъ былъ въ Вильну цѣлый полкъ ратныхъ людей, подъ начальствомъ боярина и воеводы князя Юрья Алексѣевича Долгорукова[473].

---

[472] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. VIII. Спб. 1867. столб. 519 и 520.

[473] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 132.

Снаряженіе посольства и снабженіе его всѣмъ нужнымъ заняло много времени. Но кромѣ того, князя Никиту Ивановича Одоевскаго и Петра Васильевича Шереметева задержали въ Москвѣ еще дополнительные переговоры съ Шведскими послами. Послѣдніе, видя, что бояре уклоняются отъ прямаго отвѣта относительно прекращенія военныхъ дѣйствій, настояли на томъ, чтобы тутъ-же, въ Москвѣ, заключено было перемиріе; и если миръ не состоится, то перемирья не нарушать въ теченіи мѣсяца послѣ разъѣзда уполномоченныхъ.

Лишь 21 мая, князь Одоевскій и Шереметевъ учинили съ Шведскими послами слѣдующія три договорныя записи: 1) о съѣздѣ къ 12 іюня на рубежѣ полномочныхъ пословъ обоихъ «великихъ потентатовъ» для утвержденія Столбовскаго мирнаго договора и о томъ, чтобы съ 21 мая считать «съ обѣихъ сторонъ ружьямъ покой»; 2) о томъ, что Шведскіе уполномочные послы обязуются въ своихъ грамотахъ и договорахъ «воздавать его царскому величеству полные титлы, съ тѣми (заключительными) словами: и многимъ инымъ государствамъ и землямъ

Восточнымъ и Западнымъ и Сѣвернымъ отчичь и дѣдичь и наслѣдникъ и государь и обладатель», и 3) что выданные Шведскимъ посламъ заимообразно изъ царской казны шесть тысячъ рублей будутъ возвращены ими въ Нарвѣ цѣлыми ефимками и золотыми червонными[474].

Вслѣдъ за утвержденіемъ этихъ записей, Виленское посольство выѣхало изъ Москвы. Предъ отъѣздомъ, князь Никита Ивановичь Одоевскій, Петръ Васильевичь Шереметевъ и прочіе члены посольства были у государя у руки въ Успенскомъ соборѣ. Тутъ-же князь Одоевскій билъ челомъ государю о томъ, какъ ему писать въ отпискахъ: «съ товарищи или по имяномъ», то есть, прописывать ли полныя имена товарищей, или же писать такъ: «князь Одоевскій съ товарищи». Государь «указалъ говорить о семъ боярамъ комнатнымъ всѣмъ», со включеніемъ самого Одоевскаго, и бояре приговорили писаться князю Одоевскому «съ товарищи».

Въ Москвѣ же князь Одоевскій получилъ изъ Посольскаго приказа первую царскую

[474] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. №№ 228—230.

грамоту (отъ 26 мая) по дѣламъ съѣзда, въ которой написано было ему, боярину, «съ товарищи». Но дорогою эта формула, такъ сказать, утвержденная боярскимъ приговоромъ и царскимъ указомъ, вызвала несогласія между главнымъ посломъ и двумя его товарищами. Петръ Васильевичь Шереметевъ и князь Ѳедоръ Ѳедоровичь Волконскій «гораздо оскорблялись» и приняли за царскую опалу, что ни въ царскихъ грамотахъ, ни въ посольскихъ отпискахъ не выписывалось ихъ именъ. Въ челобитной государю и на словахъ самому Одоевскому они ссылались на то, что въ 1656 году, во время посольскаго съѣзда въ Вильнѣ-же, когда у князя Одоевскаго были въ товарищахъ окольничіе князь Иванъ Ивановичь Лобановъ-Ростовскій и Василій Александровичь Чоглоковъ, царскія грамоты писаны были къ нему Одоевскому и къ нимъ окольничимъ и даже дьякамъ всѣмъ «имянно». Тоже самое и въ посольскихъ отпискахъ.

Князь Одоевскій, желая возстановить согласіе съ своими товарищами, рѣшился воспользоваться тѣмъ, что еще не получалъ посольскаго наказа, которымъ окончательно устанавливалась форма посольскихъ отпи-

сокъ. 9-го іюня онъ послалъ къ государю съ жильцомъ Петромъ Тутолминымъ отписку и письмо. Первая оканчивается такъ: «А великаго государя наказъ къ намъ, великимъ посломъ, не прислано и впредь намъ, великимъ посломъ, къ великому государю о своихъ великаго государя дѣлехъ въ отпискахъ писатца съ товарищи ль или всѣмъ имяны. И о томъ великій государь какъ укажетъ». А въ письмѣ Одоевскій прямо просилъ «новаго приговору, по настоящему дѣлу, чтобъ до него товарищи новымъ приговоромъ совѣтнѣе и любительнѣе были, а великаго государя указъ и боярскій приговоръ передѣланъ былъ»[475].

---

[475] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 127.

ГЛАВА XXIX.

И отписка, и письмо князя Никиты Ивановича Одоевскаго весьма разгнѣвали царя Алексѣя Михайловича. Съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ къ нему послана была слѣдующая царская грамота:

«Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа великіе и малые и бѣлые Русіи самодержца, великому и полномочному послу, ближнему боярину нашему и намѣстнику Астараханскому князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому. Въ нынѣшнемъ во 166 году іюня въ 9 день писалъ къ намъ, великому государю, ты, бояринъ нашъ князь Никита Ивановичь, что били челомъ намъ, великому государю, товарищи твои бояря Петръ Васильевичь Шереметевъ да князь Ѳедоръ Ѳедоровичь Волконской, а къ тебѣ приходили и го-

ворили: въ прошломъ-де во 164 году, по нашему великаго государя указу, какъ были на нашей великаго государя службѣ на посольскомъ съѣздѣ въ Вильнѣ съ тобою, бояриномъ нашимъ, окольничеи князь Иванъ Ивановичь Лобановъ-Ростовской да Василей Александровичь Чоглоковъ, и въ нашихъ-де великаго государя грамотахъ писано къ тебѣ, боярину нашему, и къ нимъ, окольничимъ и дьякомъ, имяны, и къ намъ, великому государю, въ отпискахъ... имяны жъ. И впредь намъ, великому государю, о нашихъ великаго государя дѣлехъ вамъ, великимъ и полномочнымъ посломъ, въ отпискахъ писатца всѣми имяны, или тебѣ, боярину нашему, съ товарищи, о томъ бы намъ, великому государю, указъ учинить. И какъ мы, великій государь, васъ, бояръ, изъ царствующаго великого града Москвы изъ соборные и апостольскіе церкви отпущали, и тогда насъ, великаго государя, ты, бояринъ нашъ, докладывалъ: какъ тебѣ къ намъ, великому государю, писать, съ товарищи ль или по имяномъ. И мы, великій государь, указали о томъ говорить бояромъ нашимъ комнатнымъ всѣмъ. А ты, бояринъ нашъ князь Никита Ивановичь, въ приговорѣ тутъ былъ

же, и приговорили писатца съ товарищи. И мы, великій государь, по вашему боярскому приговору, а не по новому образцу, указали писатца съ товарищи. А нынѣ просишь ты новаго приговору, чтобъ до тебя, боярина нашего, товарищи твои новымъ приговоромъ совѣтнѣе и любительнѣе были, а нашъ бы великаго государя указъ и вашъ боярскій приговоръ передѣланъ былъ. И то мы, великій государь, вѣдаемъ же подлинно, что товарищи твои, бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ да бояринъ князь Ѳедоръ Ѳедоровичь Волконской, сѣтуютъ, чаютъ того, что нашъ великаго государя указъ велѣно писать съ товарищи будто что за опалу, и о томъ оскорбляютца гораздо и пишутъ въ грамоткахъ къ друзьямъ своимъ, чтобы у насъ, великаго государя, друзья ихъ заступали, будто что опальные. И то пишутъ они не дѣломъ: нашъ, великаго государя, указъ былъ по вашему боярскому приговору, а не для иново дѣла. И тому Богъ будетъ мститель въ страшный свой и грозный день, кто насъ, великаго государя, озлобляетъ къ людемъ и кто неправдою къ намъ, великому государю, и къ вамъ, бояромъ нашимъ, выписываетъ въ докладъ. А Аристо-

тель пишетъ ко всѣмъ государемъ, велитъ выбирать такова человѣка, которой бы государя своего къ людемъ примирялъ, а не озлоблялъ. И о томъ тебѣ, боярину нашему князь Никитѣ Ивановичу, и писать не довелось, потому что нашъ великаго государя указъ на вашъ боярской приговоръ былъ. И то мы, великій государь, вѣдаемъ же, о томъ писалъ для очистки отъ товарищей своихъ, чтобъ товарищи... на тебя не досадовали. А прежъ сего наши великаго государя указы и ваши боярскіе приговоры бывали крѣпки и постоянны. И мы, великій государь, яко царь христіанскій, отставя несправчивые выписки и доклады и двоедушные рѣчи, милосердуя и желая того, чтобы вездѣ на нашихъ, великаго государя, службахъ вы, бояря и великіе послы, такъже и ратные люди, служили со всякимъ усердіемъ и радостными сердцами, кромѣ всякіе печали...»[476].

Грамота была послана изъ Москвы 13 іюля съ стряпчимъ конюхомъ Артемьемъ Рудаковымъ, но тотъ «пропалъ безвѣсно»; вско-

[476] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 127.—Конца грамоты не достаетъ; столбецъ, въ которомъ она выписана, весьма испорченъ гнилью, и тѣ мѣста, которыя означены у насъ точками, окончательно истлѣли.

рѣ послали другую грамоту того-же содержанія, и, по приказанію государя, дьякъ прочелъ ее вслухъ и Шереметеву, и князю Волконскому.

Независимо отъ неудовольствій съ товарищами, князь Одоевскій терпѣлъ неудачу за неудачей и въ самомъ посольскомъ дѣлѣ.

20 іюня, не доходя 5 верстъ до Вильны, великіе и полномочные послы сдѣлали смотръ своимъ стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и жильцамъ; при чемъ изъ 355 человѣкъ, значившихся въ спискѣ, оказалось «въ нѣтяхъ» 63 человѣка. Пересмотря «естей», то есть оказавшихся на лицо, послы велѣли имъ идти съ собою въ Вильну, «устроясь сотнями».

Въ Вильнѣ, противъ всякаго ожиданія, послы не нашли Польскихъ коммиссаровъ, назначенныхъ на съѣздъ. А вліятельнѣйшій членъ Литовскаго посполитства, гетманъ Павелъ Сапѣга, къ которому посланъ былъ Одоевскимъ дворянинъ посольства Астафьевъ, давалъ весьма загадочные отвѣты. Такъ, на вопросъ Астафьева, правда ли, что Литва хочетъ отступиться отъ короны, Сапѣга долго сидѣлъ молча и наконецъ отвѣтилъ: «кто какъ хочетъ, а я не отступлюсь.... Намъ жаль

коронныхъ, а короннымъ жаль насъ. Самъ знаешь, какъ не жалѣть? Смѣшались мы съ ними вѣрою и поженились—они у насъ, а мы у нихъ, и маетностями помѣшались».—Отъ кого же и съ чѣмъ посланъ былъ въ Москву Саковичъ? спросилъ Астафьевъ.—«Посланъ отъ Гонсѣвскаго, по его повелѣнью; а съ чѣмъ посланъ, о томъ знаютъ у насъ въ Литвѣ человѣкъ съ десять сенаторовъ; самъ знаешь, то дѣло великое и страшное, что при живомъ государѣ другого ищемъ»[477].

Еще болѣе загадочны были вѣсти изъ Варшавы. Тамъ уже всѣ знали, что Выговскій съ казаками измѣнилъ Москвѣ.

Наши Виленскіе послы все ожидали Польскихъ коммиссаровъ, но въ дѣйствительности приходилось болѣе помышлять о вѣроятности возобновленія военныхъ дѣйствій, чѣмъ о мирныхъ переговорахъ. А между тѣмъ, полкъ князя Юрья Алексѣевича Долгорукова, назначенный для обереганія пословъ, еще не весь собрался въ Вильнѣ. Посламъ сперва приказано было ждать коммиссаровъ до 20 іюля, «а послѣдній срокъ 22 число,—больше того сроку ждать не велѣно». Вслѣдъ за тѣмъ,

[477] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 51.

князь Одоевскій получилъ другую тайную грамоту, въ которой указано ему «тотъ срокъ отставить тайно, потому что у боярина и воеводы у князь Юрья Алексѣевича Долгорукова великаго государя ратные люди съѣхались не всѣ». Замѣчательно, что князь Одоевскій долженъ былъ сохранять эту грамоту въ тайнѣ даже отъ своихъ товарищей, Шереметева и князя Волконскаго. Во всемъ посольствѣ только двое могли знать о ней: самъ Одоевскій да думный дьякъ Алмазъ Ивановъ. Такова была воля государя, изъясненная въ слѣдующихъ словахъ: «А сію бъ нашу великаго государя грамоту ты бъ бояринъ нашъ князь Никита Ивановичь держалъ у себя тайно и никто бъ еѣ не вѣдалъ. А какъ по сей нашей великаго государя грамотѣ, къ намъ, великому государю, писать, и тебѣ бъ, боярину нашему, велѣть при себѣ дьяку нашему Алмазу Иванову».

Въ грамотѣ же къ князю Юрью Алексѣевичу Долгорукову, тоже тайной, сказано было слѣдующее: «какъ наши великаго государя ратные люди къ тебѣ съѣдутца и со всѣми полки устроишься, и боярину нашему князю Никитѣ Ивановичу велѣно о томъ къ намъ,

великому государю, отписать тотчасъ съ нарочнымъ гонцомъ наскоро; а не описався, тебѣ, боярину нашему и воеводѣ, въ войну ходить не велѣно. А тебѣ бъ о томъ къ намъ, великому государю, отписать же своею рукою въ приказъ нашихъ великаго государя тайныхъ дѣлъ»[478].

Наступилъ и августъ мѣсяцъ, а Польскіе коммиссары въ Вильнѣ еще не бывали. Положеніе нашихъ пословъ ухудшалось съ каждымъ днемъ. По слухамъ, въ Варшавѣ свирѣпствовала моровая язва. И вотъ, князь Одоевскій рѣшилъ, не дожидаясь царскаго указа, ѣхать назадъ въ Москву. 16 августа послы оставили Вильну, но въ тотъ же день ихъ настигъ гонецъ съ извѣстіемъ, что Польскіе коммиссары ѣдутъ въ Вильну. Князь Одоевскій послалъ сказать имъ, что царскіе послы жили въ Вильнѣ безъ дѣла семь недѣль и что срокъ съѣзда уже миновался по ихъ коммиссарской проволочкѣ. Коммиссары подъѣхали къ Вильнѣ и, не бывъ впущены туда, кричали о безчестьѣ.

Въ Минскѣ послы получили царскую гра-

[478] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 127.

моту съ приказаніемъ возвратиться въ Вильну и начать переговоры съ Польскими комиссарами. Послѣдніе опять оттягивали пріѣздъ; а между тѣмъ, въ сентябрѣ получено было извѣстіе, что «гетманъ Павелъ Сапѣга идетъ съ войскомъ подъ города великаго государя, и что Литовскіе ратные люди уже начали государевыхъ людей бить, грабить и въ полонъ брать». Вслѣдъ за тѣмъ пришло другое извѣстіе, что войско Запорожское поддалось королю[479]. При такихъ обстоятельствахъ начался 16 сентября съѣздъ нашихъ пословъ съ Польскими коммиссарами.

Обѣ стороны были въ большомъ раздраженіи и въ теченіи цѣлаго мѣсяца съѣзжались только для споровъ по поводу заведенныхъ нами мирныхъ переговоровъ съ Шведами и объ условіяхъ избранія царя Алексѣя Михайловича на Польскій престолъ. Благодаря лишь вліянію князя Никиты Ивановича Одоевскаго, дѣло не доходило до крайностей. По свидѣтельству Павла Потоцкаго, онъ «постоянно сдерживалъ грубое упрямство и болтливость своихъ товарищей»[480]. Это показа-

[479] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 53 и 54.
[480] Potocki, Paulus Comes. Opera omnia. Varsaviae. 1748. p. 192.

ніе Поляка-современника говоритъ скорѣе въ пользу товарищей Одоевскаго, Шереметева и князя Волконскаго. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было сохранять спокойствіе и мягкость пріемовъ въ виду задорной кичливости Польскихъ коммиссаровъ и очевиднаго намѣренія ихъ проволочить только время. Они требовали, напримѣръ, отдачи назадъ завоеванныхъ нами городовъ въ Литвѣ и полнаго возстановленія Поляновскаго договора.

Мирные переговоры еще продолжались, а оба гетмана, Павелъ Сапѣга и Вицентій Корвинъ-Гонсѣвскій, уже подвигались къ Вильнѣ, и даже былъ случай нападенія на отрядъ драгуновъ, слѣдовавшихъ въ полкъ князя Юрья Алексѣевича Долгорукова. 19 октября, послѣ крупной размолвки, посольскій съѣздъ кончился, и наши послы выѣхали изъ Вильны, предоставивъ князю Долгорукову «промышлять Божіимъ и государевымъ дѣломъ по указу».

Военныя дѣйствія открылись побѣдой князя Долгорукова. Въ шести верстахъ отъ Вильны онъ разбилъ на голову гетмана Гонсѣвскаго и взялъ его въ плѣнъ, а Сапѣга спасся бѣгствомъ, благодаря мѣстничеству сотенныхъ головъ отряда ратныхъ людей, состояв-

шихъ при посольствѣ. Дѣло въ томъ, что князь Долгоруковъ просилъ князя Одоевскаго прислать къ нему на помощь находившихся при немъ ратныхъ людей. «И бояринъ князь Никита Ивановичь Одоевской говорилъ товарищу своему боярину Петру Васильевичю Шереметеву, чтобъ пошелъ на гетмановъ на помочь къ боярину и воеводамъ, къ князь Юрью Алексѣевичю Долгоруково съ товарищи». Вмѣстѣ съ Шереметевымъ князь Одоевскій сказалъ быть съ своими сотнями стольникамъ: князю Ѳедору Никитичу Борятинскому и Алексѣю Дмитріевичу Охотину-Плещееву. Но оба они отказались отъ назначенія, объявивъ, что «имъ съ сотнями итти помогать князь Юрью Алексѣевичю невмѣстно»[481].

Ослушники получили возмездіе уже въ Москвѣ. А князь Долгоруковъ, лишенный просимой помощи, принужденъ былъ отступить отъ Вильны.

Дальнѣйшихъ свѣдѣній о великихъ и полномочныхъ послахъ мы не имѣемъ; неизвѣстно даже, когда именно возвратились они въ Москву.

---

[481] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 184.

Неудовлетворительный исходъ такъ называемой «Виленской комиссіи» ни въ какомъ случаѣ не могъ быть поставленъ въ вину Петру Васильевичу Шереметеву, и это выражено въ оффиціальной о его службѣ справкѣ, въ которой читаемъ: «въ 1658-мъ году, бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ отправленъ былъ въ Вильну на съѣздъ полномочнымъ посломъ для споспѣшествованія, дабы избранъ былъ на Польскій престолъ царь Алексѣй Михайловичь. Хотя оказавшееся со стороны Поляковъ вѣроломство и разрушило всѣ приспособленныя къ тому возможности, но сіе важное препорученіе навсегда служитъ памятникомъ особенной довѣренности государевой къ фамиліи Шереметевыхъ»[482].

Отвѣтственность за неудачу Виленскаго съѣзда всецѣло пала на главнаго посла, князя Никиту Ивановича Одоевскаго. До какой степени прогнѣвалъ онъ тогда государя, можно судить по слѣдующимъ словамъ царя Алексѣя Михайловича въ грамотѣ къ князю Юрью Алексѣевичу Долгорукову, по поводу само-

[482] Справка изъ дѣлъ Польскаго двора, выданная 11 января 1801 года за № 221 Московскимъ архивомъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ графу Николаю Петровичу Шереметеву. Пунктъ 5 (изъ архива графа С. Д. Шереметева).

вольнаго отступленія послѣдняго отъ Вильны послѣ побѣды надъ Гонсѣвскимъ: «А чаю, что князь Никита Ивановичь тебя подбилъ, и его было слушать напрасно. Вѣдаешь самъ, какой онъ промышленникъ; послушаешь, какъ про него поютъ на Москвѣ... Князь Микита не пособитъ, какъ Вильню збрѣютъ и по дорогамъ пуще старово залоги поставятъ»[483].

Еще хуже пошли наши дѣла въ Малороссіи. Василій Борисовичь Шереметевъ назначенъ былъ воеводою въ Кіевъ въ такое время, когда, по словамъ Потоцкаго, «всѣ бояре уклонялись отъ порученія управлять этою несчастною провинціею и гдѣ сей герой, мужественно сражавшійся за Русское царство, твердо переносилъ бѣдственную участь, чтобы послужить Отечеству»[484].

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

---

[483] Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго археологическаго общества. Т. II. Спб. 1881. стр. 757.

[484] Opera omnia. Varsaviae. 1748. стр. 305.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫЙ, ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ

КЪ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГѢ.

Аа, рѣка. 330.
Аббасъ I, шахъ Персидскій. 393.
Ададуровъ, Богданъ Тихоновичъ. 198—202.
Адзель (Гавье), городъ. 330—333, 338—342, 346.
Алебарды, оружіе. 254, 399.
Александровъ, Ѳедоръ, голова стрѣлецкій. 321.
Александръ, царь Имеретинскій. 393, 397.
Алексѣй Михайловичъ, царь. 2 и далѣе почти на каждой страницѣ книги.
Алексѣй Алексѣевичъ, царевичъ, сынъ царя Алексѣя Михайловича. 106, 112, 125, 137, 215, 235, 335.
Алексѣй Алексѣевичъ, царевичъ Сибирскій. 75, 90, 230, 255, 391.
Аллегрети де Аллегретисъ, посолъ цесарскій. 196, 198—200, 204—206, 210, 211, 215, 216, 249—251, 254—256, 266—269, 271, 313.
Алмазовъ, Семенъ Ерофеевичъ. 414.
Алмазъ Ивановъ, думный дьякъ. 32, 36, 37, 136, 200, 208, 216, 223, 248, 250, 251, 253, 258, 372, 410, 414, 415, 426.
Алтарь, серебреный. 229.
Алыстъ (Маріенбургъ), городъ. 332, 334, 336.
Альбрехтъ, маркграфъ Бранденбургскій. 305.
Амборкъ, городъ. См. Гамбургъ.
Андрей, иконописецъ. 171.
Андреяновъ (Ондреяновъ), Иванъ, дьякъ. 262, 263, 264.
Андрусовскій, миръ. 166.
Анна Алексѣевна, царевна. 136.
Анна Ивановна, императрица. 166.
Анна Михайловна, царевна 26, 79.
Антиминсы, 244.
Апрѣлевъ, Богданъ. 361—363, 365.
Арбатъ, въ Москвѣ. 2.
Арда, Василій. См. Орда.
Аристотель, философъ. 422, 423.
Артманъ, докторъ. 222.
Архангельскій, Иванъ Васильевичъ, священникъ. 108, 110, 111.
Асаурово (и Аксаурово), деревня. 385.
Астафьевъ, Денисъ Дорофеичъ. 315, 414, 424, 425.
Астраханское царство. 11.
Астрахань, городъ. 199.
Багва, притокъ и деревня. 148, 155.
Базиліане, въ Полоцкѣ. 272.
Балтійское море. 298.
Банеръ, полководецъ Шведскій. 330.
Барсуковъ, Илья прапорщикъ. 310.
Барсуковъ, Степанъ, сержантъ. 310.
Батоги, наказаніе. 142.
Бахматы, особая порода лошадей. 188.

Бахчисарай, городъ. 71.
Башмаковъ, Дементій, дьякъ. 247.
Беверъ фонъ-деръ-Бинъ, Христофоръ, посланникъ цесарскій. 363.
Безобразовъ, Андрей Ильичъ. 414.
Беклемишевъ, Данила Романовичъ. 331, 336, 345.
Беклемишевъ, Семенъ. 294.
Бердыши, оружіе. 244, 245.
Березина, рѣка. 96, 182, 364.
Березникова, деревня. 86.
Бехтѣевъ, Аѳанасій. 273.
Бирдюкинъ-Зайцовъ, Иванъ Ивановичъ. 414.
Бистромъ, полковникъ. 327.
Біельке, Густавъ, посолъ Шведскій. 207, 222, 248, 302, 408.
Благовѣщенская церковь, въ Витебскѣ. 121.
Благовѣщенскій соборъ, въ Москвѣ. 398, 399, 402, 406.
Боборыкинъ, Романъ Ѳедоровичъ. 296, 384.
Боборыкины. 383.
Богданова околица, урочище. 89. 90.
Богдановичъ, Самойла. 42.
Богдановъ, Григорій. 186, 220, 226.
Богородичная церковь, въ Витебскѣ. 121.
Богоявленскій монастырь, въ Москвѣ. 351.
Богоявленскій Братскій монастырь, въ Полоцкѣ. 265, 316.
Богоявленскій переулокъ, въ Москвѣ. 397.
Богунъ, полковникъ. 61, 143—147, 150—152, 157.
Болото, въ Москвѣ. 41.
Болховъ, городъ. 237.
Большой Знаменскій переулокъ, въ Москвѣ. 171.
Большой городъ, въ Вильнѣ. 323.
Болѣзни: головная, 30; огневая, 30; чума (моровое повѣтріе), 98—104, 109, 111—114, 168, 175, 234, 323, 324, 352, 362, 363, 365—367, 374—380, 407, 427.
Бориса и Глѣба, святыхъ страстотерпцевъ, явленіе. 290.
Борисовъ, городъ и Борисовскій уѣздъ. 180, 181, 321—324, 352—354, 362—368, 371—377.
Борисоглѣбовъ, городъ. См. Динабургъ.
Борисоглѣбская церковь, въ Динабургѣ. 285, 286.
Борковскій, Николай, ксендзъ. 222.
Боровскъ, городъ. 76.
Бородина, пустошь. 263.
Борятинскій, князь Юрій Никитичъ. 235.
Борятинскій, князь Ѳедоръ Никитичъ. 413, 430.
Бочачкинъ, Самойла. 323.
Бояре, 2, 9, 13, 14, 17, 18, 22, 27, 32, 33, 37, 42, 43, 102, 115, 125, 167, 206, 239—241, 245, 257, 259, 262, 264, 266, 268—271, 293, 320, 325, 346, 364, 386, 389, 400, 403—405, 417, 421, 432.
Бранденбургскіе курфирсты. 305, 307.
Брянскъ, городъ. 43, 44, 50, 51.
Бряславль, городъ и Бряславщина. 143, 157.
Бурляй, Кондратъ. 11, 12.
Бусурмановъ, Иванъ. 335.
Бутурлинъ, Андрей Васильевичъ. 62, 65, 143, 164, 247.
Бутурлинъ, Василій Васильевичъ. 36, 40, 50—54, 75, 160, 280.
Бутурлинъ, Ѳедоръ Васильевичъ. 19, 55, 62, 143, 164, 247.
Бутырская застава, въ Москвѣ. 27.
Быковскій, Алексѣй. 372, 373.
Быховъ Новый, городъ. 184, 185.
Бѣглые служилые люди. 141—143, 276—278.
Бѣлая Церковь, городъ. 141, 143, 147, 154, 155, 157, 159, 160, 164.
Бѣлгородъ (курскій), городъ, Бѣлогородскій уѣздъ и Бѣлогородская оборонительная линія. 19, 44—46, 48, 77, 138, 141, 161.
Бѣлицы, мѣстечко. 18.
Бѣлоозеро. 184.

Бѣлоруссія и Бѣлоруссы. 84, 89, 91, 95, 133, 138, 174, 223, 316, 352, 354, 356, 372, 374, 377, 380, 390.
Бѣлый городъ, въ Москвѣ. 76, 394.
Бѣлыхъ, ксенжъ костелъ, въ Витебскѣ. 121.
Бѣльскій уѣздъ. 117.
Бѣсанскій, панъ. 93.
Бѣшенковичи, село. 274, 275, 294, 295.

Валкъ, городъ и Валкскій уѣздъ. 338—342, 344, 349, 407.
Валы земляные. 45, 300, 301, 302.
Вальцовъ, Никифоръ. 19.
Варлаамъ, митрополитъ Ростовскій. 4.
Варшава (Оршава) городъ. 41, 60, 176, 182, 183, 185, 188, 191, 219, 381, 425, 427.
Василья Блаженнаго церковь. См. Покровскій соборъ.
Василій Аристановичь, царевичь Касимовскій. 230, 255, 391.
Василій Ивановичь, царь. 305.
Василій Ивановичь Шуйскій, царь. 108.
Васильевъ, Иванъ, стрѣлецъ. 310.
Васильевъ, Петръ, пятидесятникъ. 310.
Введенская церковь, что у Гостинаго двора, въ Москвѣ. 197.
Введенскій переулокъ, въ Москвѣ. 397.
Вдовы большія (знатныя). 395.
Великія Луки, городъ. 133, 138, 174, 177.
Великопольскій, Григорій Ивановичь. 345.
Велла-мегги, гора. 340.
Велижъ, городъ. 126, 177—180.
Вельяминовъ, Андрей Степановичь. 396, 398.
Вельяшевъ, Григорій Захарьевичь. 331, 333—335.
Венгерскія дружины. 84.
Венеціяне, народъ. 219.
Верборы, городъ. 365.
Верроскій уѣздъ. 340.
Верхососенскъ, городъ. 19.
Вешняково, село. 27—29, 242.
Видѣть государевы очи по праздникамъ за переградою, награда. 293.
Викторовъ, Алексѣй Егоровичь. 168.
Вилія, рѣка. 187.
Виленскій посольскій съѣздъ. 267, 271, 272, 312, 315, 319, 410—412, 414, 418, 421, 424, 428, 429, 431.
Вильна, городъ и Виленскій уѣздъ. 88, 118, 176, 181, 182, 184, 187—194, 198, 220, 229, 250, 271, 272, 321, 323, 324, 353, 407, 410, 415, 421, 424, 425, 427—431.
Винцентъ, Миколаюсъ, гонецъ. 220, 266, 267.
Витебскъ, городъ, Витебскій уѣздъ, Витебское воеводство и Витебцы. 82, 88, 92, 94—96, 116, 118—123, 125—127, 130—138, 174, 177, 178, 248, 264, 294, 295.
Виттенбергъ, фельдмаршалъ Шведскій. 182, 183.
Возки. 209.
Возница, въ царскомъ поѣздѣ. 232, 235.
Волга, рѣка. 159.
Волконскій, князь Андрей Михайловичь. 414.
Волконскій, князь Дмитрій Андреевичь. 414.
Волконскій, князь Ѳедоръ Ѳедоровичь. 52—54, 63, 410, 414, 415, 418, 420, 422, 424, 426, 429.
Вологда, городъ. 244.
Волоколамская большая дорога. 383.
Волоколамскъ, городъ. 76.
Волынская, Анна Ѳедоровна. См. Шереметева.
Волынскій, Артемій Петровичь. 253.
Волынскій, Артемій Степановичь. 253, 255.
Волынскій, Василій Семеновичь, приставъ. 249.

Волынскій, Яковъ Семеновичъ. 413.
Волынь и Волынское воеводство. 61, 223.
Вольгастъ, городъ. 183.
Вольмаръ, городъ. 331, 333, 338, 349, 350.
Вольный, городъ. 19.
Воробьево, село и Воробьевы горы, подъ Москвою, 38, 260.
Воронецъ, Мартынъ. 322.
Ворскла, рѣка. 45.
Воскресенская церковь, въ селѣ Вешняковѣ 242—244.
Воскресенская церковь, въ городѣ Витебскѣ. 122.
Воскресенское, село. 383—386, 388.
Воскресенскій, Новый Іерусалимъ именуемый, монастырь. 384—387, 402.
Выборгъ, городъ. 327.
Выборные отъ всего государства. 32.
Выговскій, Иванъ. 40, 53, 381, 425.
Вылазки, 307.
Вѣна, городъ. 186, 195, 220, 249, 250, 266, 362.
Вяжищи, село. 274, 275, 294.
Вяземы, село. 261.
Вяземскіе казаки. 321.
Вязьма, городъ. 41, 73, 74, 76, 85, 114, 119, 127, 133, 136, 171, 172, 261, 266, 316, 318, 325, 326.

Гавріила Архангела церковь, въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. 103.
Гавріилъ, патріархъ Сербскій. 208, 230, 232.
Гавреневъ, Иванъ Афанасьевичъ. 376.
Гавье, городъ. См. Адзель.
Гамбургъ (Амборкъ), городъ. 218.
Гангофское плоскогорье. 340.
Гданскъ. См. Данцигъ.
Глубокій, городъ. 93.
Главы церковныя. 244, 272.
Глазенапъ, полковникъ, 327, 343, 345.
Гоголь, полковникъ. 145.
Голенецкій, гонецъ. 411.
Голенскій, маршалокъ Оршанскій. 118.
Голицына, княгиня Афимья Васильевна. См. Шереметева, Афимья Васильевна.
Голицынъ, князь Иванъ Андреевичъ. 195, 196, 198.
Голицынъ, князь Яковъ Алексѣевичъ. 169.
Головина, Ульяна Ѳедоровна. См. Шереметева.
Головино, деревня. 169, 170.
Головинъ, Герасимъ. 253.
Головинъ, Никита. 253, 321, 374, 375.
Головинъ, Семенъ Васильевичъ 105.
Головины. 170.
Голштинская земля. 297.
Гопная слобода, подъ Москвою. 203.
Гонсевскій, Винцентій. 187, 327, 425, 429, 432.
Гонцы, 55, 91, 143, 195, 202, 220, 249 — 251, 266, 289, 297, 357, 427.
Горетовъ, станъ. 384.
Горнъ, Христіанъ. 343.
Городовое дѣло. 58, 59.
Горчаковъ, князь Борисъ Васильевичъ. 414.
Гости. См. Купцы.
Гостинный дворъ, въ Москвѣ. 197.
Грабежи, 48, 49, 51, 355—358.
Грамоты (духовныя, патріаршія и царскія). 12—14, 20, 22, 30, 62, 87, 93, 94, 104, 106, 108, 109, 141, 164, 170, 173, 178, 193, 194, 196, 242—244, 273, 287, 374, 376, 418, 421—423, 426, 427, 431, 432.
Гранаты и бомбы. 285, 307.
Грановитая палата, въ Москвѣ. 10, 32, 212, 254, 255, 399—401, 406.
Гробница Св. Казиміра. 230.
Гродна, городъ и Гродненскій уѣздъ. 361—363, 365.
Грузія (Иверская земля) и Грузи-

ны. 39, 40, 392—394, 396, 398, 400, 403, 405.
Губастовъ, Константинъ Аркадьевичъ. 362, 368.
Гурко, ротмистръ. 321, 322.
Гутцынъ, Юрій. 55—59.

Данія и Датчане. 293, 407.
Данцигъ (Гданскъ), городъ. 218.
Даровскій, Янъ-Казиміръ. 227.
Даточные люди. 14, 245, 285, 286, 395.
Дашковъ, Григорій. 357.
Двина (Западная), рѣка. 88, 91, 94, 134, 177, 264, 273, 276, 279, 282, 284, 290, 299—303, 305.
Дворецкій, чинъ. 18.
Дворецъ царскій, въ городѣ Вязьмѣ. 114.
Дворы: Въ селѣ Вешняковѣ, князей Одоевскихъ, 29; въ городѣ Вильнѣ, мѣщанина Бочачкина, 323; въ селѣ Никольскомъ, князя Якова Куденетовича Черкасскаго, 201; въ селѣ Новосильцовѣ, князей Скопиныхъ-Шуйскихъ, 107, 110; въ Москвѣ—иконописца Андрея, 171; князей Одоевскихъ, въ Кремлѣ, 104; посольскій, 208; Ульяны Петровны Шереметевой, 171; князя Шлякова-Чешскаго, 197, 198, 203—205, 211, 212, 397.
Дворяне. 14, 32, 33, 37, 62, 90, 126, 142, 178, 192, 198, 212, 214, 245, 255, 256, 276, 286, 331, 332, 347, 363, 368—370, 374, 375, 378, 395, 403, 413, 424.
Деденовъ, Борисъ. 276.
Де-ла-Гарди, графъ Магнусъ. 297, 307, 327, 336, 338, 345, 350.
Де-ла-Гарди, графъ Понтусъ. 343.
Демашевскій, Янъ. 179.
Деньги серебреныя, мѣдныя и кожаныя. 98, 382.
Деревянный городъ, въ Витебскѣ. 121.
Деренъ (фонъ), Борисъ. 85.
Дерптъ. См. Юрьевъ Ливонскій.
Дерябьевъ, Давыдъ. 237.
Динабургъ (Диноборокъ, Борисоглѣбовъ), городъ и Динабургскій уѣздъ. 91, 282—289.
Динаминдъ, крѣпость. 308.
Дисна, городъ. 92, 278.
Дмитріевская церковь, въ городѣ Кокенгузенѣ (Куконосѣ). 292.
Дмитріевъ, Михаилъ, стряпчій. 184.
Дмитровка, въ Москвѣ. 2.
Днѣпръ, рѣка. 40, 72, 91, 180, 378.
Долгоруковъ, князь Григорій Даниловичъ. 44.
Долгоруковъ, Дмитрій Алексѣевичъ. 294.
Долгоруковъ, князь Петръ Алексѣевичъ. 318, 379.
Долгоруковъ, князь Юрій Алексѣевичъ. 215, 247, 415, 425, 426, 429—432.
Долгоруковъ, князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ. 174, 177.
Домажировъ, Владиміръ. 57.
Доновыя церкви въ Москвѣ. 241.
Донскіе и Яицкіе казаки. 62, 139, 158, 159.
Донской монастырь, въ Москвѣ. 74.
Донъ, рѣка. 45, 158.
Дороги въ Россіи. 55, 172, 201, 261, 317.
Дорогобужъ, городъ, Дорогобужскій уѣздъ и Дорогобужане. 86.
Драгуны. 178, 192, 286, 297, 339, 344, 363, 378, 429.
Драгомиловская застава, въ Москвѣ. 209.
Дриссенскій уѣздъ 282.
Дрожи-поле, мѣсто битвы. 155, 160, 161, 164.
Друя (Сапѣжинъ) городъ и Друяне. 92, 278, 279, 282, 348.
Дубово, сельцо. 107.
Дума государственная. 18.
Дуровъ, Александръ, дьякъ. 399.
Духовныя (завѣщанія). См. Грамоты.

Дѣвичья гора, подъ Смоленскомъ. 91.
Дѣвичье поле, въ Москвѣ. 21—23, 25, 75.
Дѣти боярскіе. 14, 20, 32, 33, 37, 62, 90, 142, 192, 286, 331, 332, 374, 375.

Евфросинія, благовѣрная великая княжна Полоцкая. 265.
Елагинъ, Козьма Игнатьевичъ. 331, 336.
Елагинъ, Петръ Ивановичъ. 345.
Елена Леонтьевна, царица Грузинская. 38.
Елеонъ, въ Воскресенскомъ, Новый Іерусалимъ именуемомъ, монастырѣ. 386.
Елецъ, городъ и Елецкій уѣздъ. 19, 45.
Ельна, рѣка. 79.
Еремѣевъ, Семенъ, пятидесятникъ. 335.
Еропкинъ, Василій Михайловичъ. 261.
Еропкинъ, Иванъ Ѳедоровичъ. 262.
Есаулы, чинъ. 75.
Ести и нѣты. 15, 424.
Ефимки (Яфимки), деньги. 379, 417.
Ефремовъ, городъ. 19.

Жемчугъ. 107, 188, 189, 212, 241.
Жидовская школа, въ Витебскѣ. 121.
Жмудь, область. 327.

Заборовскій, Семенъ Ивановичъ. 18, 23, 37, 325, 401.
Забѣлинъ, Иванъ Аггеевичъ. 336.
Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ. 27.
Завиша, Христоферъ. 313.
Загряжскій, Иванъ Іевлевичъ. 262.
Загряжскій, Яковъ. 203—206.
Закавказье. 393.
Залускій, графъ. 166.
Залѣскій, Иванъ Петровичъ. 355.
Замостье (Мосты), городъ. 365.
Запасы хлѣбные. 14, 180, 181, 187, 263, 273—276, 287, 293, 294.
Запорожское войско и Запорожцы. См. Малороссія.
Заставы карантинныя. 112, 352—354, 365, 376.
Засѣки лѣсныя. 14, 45.
Здравицы застольныя. 213—215, 256, 257.
Зеленскій, полковникъ. 145.
Зелье, Зелейная казна. См. Порохъ.
Земляной городъ, въ Москвѣ. 76, 394.
Змѣевъ, рейтарскій полковникъ. 395.
Знамена. 22, 23, 52, 68—70, 85, 87, 92, 93, 97, 126—129, 142, 155, 156, 173, 260, 263, 291, 310, 334, 344, 345, 362, 395.
Знаменка, въ Москвѣ. 2, 171.
Золотая палата, въ Москвѣ. 25, 236, 237, 253, 259, 383, 399—401.
Золоторенко, Василій. 117.
Золоторенко, Иванъ. 49—52, 117, 176, 181, 184, 187.
Зюзина, Елена Алексѣевна. См. княгиня Черкасская.
Зюзина, Ѳедора Григорьевна. 67.
Зюзинъ, Алексѣй Ивановичъ. 67.
Зюзинъ, Никита Алексѣевичъ. 67, 68, 78.

Иванишкова, пустошь. 108—110.
Иванъ Алексѣевичъ, царь. 166.
Иванъ IV Васильевичъ Грозный. 5, 18, 228, 282.
Ивань, деревня. 110.
Иверскій монастырь, Новгородской епархіи. 383.
Игнатій Іевлевичъ, игуменъ. 265, 316.
Избраніе патріарха. 8.
Изюмская сакма. 45.
Иконы: Иверской Божіей Матери, въ Москвѣ, 74; Казанской Божіей Матери, благословеніе князя Пронскаго. 107.
Ильинскій крестецъ, въ Москвѣ. 197, 203.
Индрица, рѣчка. 282.
Иноземцы въ Московскомъ войскѣ. 286, 302, 308.

Инфлянты (бывшая Польская Лифляндія). 282, 325.
Ирина Антонова, дворовая женщина боярыни Ульяны Петровны Шереметевой. 6.
Ирина Михайловна, царевна. 79.
Исламъ-Гирей, ханъ Крымскій. 140.
Испагань, городъ. 392.
Истра, рѣка. 384—386.

Іевлевъ, Климентъ, гонецъ. 193, 381.
Іезуитскій (Язовицкій) костелъ, въ Витебскѣ. 121.
Іезуиты въ Полоцкѣ. 89.
Іерусалимскій храмъ Воскресенія Господня. 383, 386.
Іоакимъ, патріархъ Всероссійскій. 111.
Іоанна Богослова церковь, въ Витебскѣ. 121.
Іоасафатъ Кунцевичъ, уніатскій архіепископъ. 272.

Казаки. См. Малороссія.
Казань, городъ. 5, 7, 28, 126.
Калачи. 369.
Калитьево, сельцо. 108.
Калишское воеводство. 182.
Калміюская сакма. 45.
Калмыки, народъ. 147, 159.
Калуга, городъ. 55.
Калужская застава, въ городѣ Вязьмѣ. 114.
Кальникъ, городъ. 143, 144.
Калязинскій Троицкій Макарьевъ монастырь. 101, 112, 168.
Калязинъ, городъ. 101, 115, 168.
Каменный городъ, въ Витебскѣ. 121, 125.
Карабины, оружіе. 343.
Карачаровскія рощи, подъ Москвою. 29.
Карелія, область. 327.
Кареты. 32, 188, 189, 203, 204, 258, 378, 395, 396, 398, 399, 404.
Карлъ X Густавъ, король Шведскій. 133, 182, 184—186, 192, 193, 195, 219, 224—226, 248, 262, 292, 296, 309, 314, 407, 408.
Карповичъ, Степанъ. 297.
Карповъ, Ѳедоръ Максимовичъ. 345.
Карповъ, городъ. 19, 55, 57, 77.
Карталинія, область. 393.
Касаткинъ, Александръ, сержантъ. 310.
Касоговъ, Иванъ Ивановичъ. 364.
Каспировъ, Григорій. 297.
Каспля, рѣка. 273—278. 294, 295
Кахетія, область. 39, 393.
Качебарова (и Кочабарова), деревня. 385.
Квашнинъ, Юрій Ивановичъ. 414.
Кетевань, святая царица Кахетинская. 393.
Кикинъ, Василій Петровичъ. 117.
Киркоръ, Михаилъ. 322.
Китай-городъ, въ Москвѣ. 197, 394, 396.
Кіевъ, городъ. 52—54, 59, 61—65, 71, 72, 77, 80, 157, 270, 407, 432.
Клинъ, городъ. 200.
Клязьма, рѣка. 107—110.
Книжная продажа, при Московскомъ печатномъ дворѣ. 105.
Кнутъ, наказаніе. 142, 358, 364.
Княжнинъ, Иванъ. 322.
Княжнинъ, Никифоръ. 322.
Князщина, Полево тожъ, деревня. 384, 385.
Кобронъ, полковникъ. 300.
Кобронъ или Коберъ-шанцъ, въ Ригѣ. 300, 301.
Ковры Персидскіе. 22.
Козловскій, Александръ. 355.
Козловъ, городъ. 78.
Кокенгузенъ (Куконосъ, Царевичъ-Дмитріевъ), городъ. 288 — 293, 296, 310, 326, 327.
Колобовъ, Иванъ Васильевичъ. 259.
Колодня, рѣчка. 90.
Коломенское, село. 25, 26, 38.
Колывань, городъ. См. Ревель.
Колычовъ, Андрей Ивановичъ. 7. 10.

Колычовъ, Иванъ Ивановичь. 256.
Колычовъ, Семенъ Васильевичь. 7, 10.
Колычовы. 7.
Колтовскій, Филатъ. 275.
Комаровскій, Янъ урядникъ. 84.
Комаръ, Янъ, Смоленскій шляхтичь. 322
Коморники, при посольствѣ. 198.
Кондыревъ, Жданъ Васильевичь. 35, 247.
Кондыревъ, Иванъ Ждановъ сынъ. 89.
Конецпольскій, Александръ. 61.
Конинъ, мѣстечко. 183.
Коновницынъ, Иванъ Васильевичь. 336.
Коновницынъ, Иванъ Михайловичь. 296.
Константинополь (Царьградъ). 71.
Копитонскій костелъ въ Витебскѣ. 121.
Копысскій (Копышскій) уѣздъ. 274.
Кормовщики. 308.
Корнилій, митрополитъ Казанскій. 74, 90.
Коротоякъ, городъ. 19.
Корсаковъ, Иванъ стряпчій. 311.
Корсакъ, Семенъ. 322.
Корсакъ, Янъ. 315, 317.
Костомаровъ, историкъ. 146, 148, 150.
Косъ, Германъ, посланникъ Датскій. 292.
Коховскій, историкъ. 146, 149, 151, 155.
Краковъ, городъ. 183, 185, 218, 219, 227.
Крапивна, деревня. 187, 189.
Красинскій, Янъ-Казиміръ. 313.
Красное крыльцо, въ Москвѣ. 399.
Кремль, въ Москвѣ. 4, 75, 290, 398.
Крестные ходы. 3, 4, 32.
Крестъ напрестольный въ церкви села Троицкаго-Шереметева. 111.
Крестьяне. 274, 279, 308, 348, 357.
Крузенштернъ, Филиппъ, посолъ Шведскій. 207, 408.
Крупки, село. 180.
Крымскіе люди. См. Татары.
Крымъ, Крымскій улусъ. 72, 77, 139, 159.
Крѣпости и за́мки: въ Адзелѣ, 330; въ Витебскѣ, 94, 95, 119, 120, 125; въ Динабургѣ, 283—285; въ Кокенгузенѣ, 288—293, 327; въ Невелѣ, 84; въ Путивлѣ, 67; въ Ригѣ, 293, 298—304, 307, 308; въ Смоленскѣ, 97.
Крюзъ, фельдмаршалъ Шведскій. 327.
Ксендзы Польскіе, въ Московскомъ плѣну. 222.
Кубенское, село. 77, 172.
Кубки, жалованные и подносные. 209, 246, 247, 271, 293, 404.
Кувшинцы золотые съ жемчугомъ. 212.
Кузницы монастырскія. 244.
Куконосъ, городъ. См. Кокенгузенъ.
Кунцевичь, Іоасафатъ. См. Іоасафатъ Кунцевичъ.
Купола съ Виленскаго дворца Радзивила. 229.
Купцы (гости). 32—34, 205, 209.
Курламскій, панъ. 136.
Курляндія. 133, 193, 282, 297, 327, 408.
Курскъ, городъ и Курскій уѣздъ. 19, 45.
Куракинъ, князь Григорій Семеновичь. 165, 196, 204, 215.
Куракинъ, князь Ѳедоръ Семеновичь. 52—60, 63.
Кусково, село. 242.
Кутаисъ, городъ. 393.

Лазутчики. 95.
Ласковскій, авторъ. 303.
Латыши, народъ. 296.
Лебедянь, городъ. 19.
Лёвенъ (фонъ), Фрицъ. 338, 339, 341—343.
Леопольдъ I, цесарь Римскій. 360, 365, 371.
Лесли, Александръ. 302, 303.

Лещинскій, Андрей, архіепископъ Гнѣзненскій. 95.
Ливны, городъ и Ливенскій уѣздъ. 20, 22, 45.
Литавры. 87, 92, 93, 263, 344.
Литва и Литовскіе люди. 35, 42, 49, 50, 53, 54, 61, 63, 64, 73, 84, 86—92, 97, 98, 118—120, 127, 136, 141, 160, 184, 187, 188, 190, 193, 194, 223—225, 229, 246, 251, 296, 316, 323, 353, 361, 362, 368, 374, 411, 412, 424, 425, 428, 429.
Лифляндія. 282, 309, 327, 328, 339, 340, 407.
Лихачевъ, Василій Богдановичь. 267.
Лобановъ-Ростовскій, князь Александръ Ивановичь. 271.
Лобановъ-Ростовскій, князь Иванъ Ивановичь. 272, 418, 421.
Лобное мѣсто, въ Москвѣ. 5, 209, 210.
Ловичь, городъ. 183.
Лодыженскій, Ѳедоръ Абросимовичь. 123, 127, 128, 130, 247.
Лопухинъ, Аврамъ Никитичь. 319—321.
Лопухинъ, Ларіонъ. 268, 404.
Лорбахъ (фанъ), Яганъ, посолъ цесарскій. 198, 211, 254—256.
Лошанецъ, казакъ. 322.
Лощиловъ, Яковъ Ивановъ. 376.
Луки и стрѣлы. 343, 357.
Лукомль, мѣстечко. 366.
Лукомскій, князь. 135—138.
Лукьяновъ, Юрій, стрѣлецъ. 310.
Луцкіе казаки. 178.
Лучане, жители. 192.
Львовъ, князь Дмитрій Петровичь. 254, 256.
Львовъ, князь Семенъ Ивановичь. 414.
Львовъ, князь Семенъ Петровичь. 325.
Лѣсной Воронежъ, рѣка. 78.
Любекъ, городъ. 218.
Люблинъ, городъ. 227.
Люцинскій уѣздъ. 282.
Ляндскоронскій, Павелъ. 61.

Мазепа, Адамъ. 61.
Макарій, патріархъ Антіохійскій. 208, 230—234, 236—238.
Малороссія, Украйна, Запорожское войско, Запорожцы, Казаки, Малороссіяне, Черкасы. 11, 13, 16, 20, 31, 33, 36, 40, 41, 43, 46, 48—50, 54, 60, 64, 66, 71, 72, 81, 84, 117, 118, 138—140, 144, 152, 158, 160—163, 165, 167, 227, 316, 319, 320, 354—360, 380, 407, 425, 428, 432.
Манантовъ, Ѳедосѣй. 158.
Марiенбургъ. См. Алыстъ.
Мартыновъ, Иванъ Матвѣевичь. 227.
Мартыновъ, Иванъ, стрѣлецъ Московскій. 366.
Марья Ильинишна Милославская, царица. 136, 236, 261.
Мастеровые люди. 327.
Матвѣевъ, Артамонъ Сергѣевичь. 12, 36, 40, 134, 136, 137, 398.
Матюшкинъ, Аѳанасій Ивановичь. 75, 172, 258, 340, 346—348.
Матюшкинъ, Петръ Ивановичь. 285.
Медвѣжья охота. 26, 27.
Медъ, напитокъ. 202, 213, 258, 370, 415.
Межибожъ, городъ. 143.
Мечь, оружіе. 254.
Мещерининовъ, Иванъ. 369.
Мещерскій, князь Дмитрій. 401.
Мещерскій, князь Лаврентій Михайловичь. 20, 26.
Мигузица, деревня. 336—338.
Милославскіе. 390.
Милославскій, Иванъ Андреевичь. 261.
Милославскій, Иванъ Богдановичь. 89, 284, 285.
Милославскій, Илья Даниловичь. 383.
Минохъ, Михель, графъ. 186.
Минскъ (Мѣнескъ), городъ и Минскій уѣздъ. 181, 357, 363, 365, 374—376, 427.

Михаила Архангела церковь, въ Витебскѣ. 121.
Михаилъ Ѳедоровичъ, царь. 33.
Михайловъ, Василій, дьякъ. 203, 204, 236.
Михайловъ, Григорій, подьячій. 259.
Млоцкій, сенаторъ Польскій. 41.
Могилевъ, городъ и Могилевскій уѣздъ. 175, 176, 274.
Можайскъ, городъ. 76, 79, 261.
Моровое повѣтріе. См. Чума.
Морозовъ, Борисъ Петровичъ. 238.
Морозовъ, Иванъ Васильевичъ. 75, 115.
Морозовы. 390.
Москва, городъ, упоминается почти на каждой страницѣ книги.
Москва-рѣка. 41.
Москоленко, Макаръ. 159.
Мосты, городъ. См. **Замостье**.
Мощи: преподобнаго Саввы Сторожевскаго, 233; святаго Филиппа, митрополита Всероссійскаго, 3—5, 7, 8.
Мстиславль, городъ и Мстиславскій уѣздъ. 184, 357.
Мужиловскій, Силуянъ 11, 12.
Мунна-мегги, гора. 340.
Муравскій шляхъ. 45.
Муравьевъ, Пименъ Ѳедоровичъ. 345.
Мурзы Татарскіе. 140, 159.
Мусинъ-Пушкинъ, Алексѣй Богдановичъ. 93.
Мушкеты, оружіе. 179, 310, 336.
Мѣнескъ, городъ. См. Минскъ.
Мѣстничество. 37, 263, 429, 430.
Муро Св. Николая Чудотворца. 212.

Наборъ воинскій. 14.
Наводненіе, въ Ригѣ. 299.
Надгробныя доски и надписи. 103, 104.
Наказы царскіе. 48, 49, 117, 123, 211, 214, 215, 220, 258, 321, 360—362, 418, 419.
Напрудная, дворцовая слобода. 3. 4.
Нарва, городъ. 410, 417.
Нарядъ (артиллерія). 41, 42, 56, 57, 81, 92, 179, 263, 283, 291, 338, 344, 359.
Нача, рѣка. 280.
Нащокинъ, дворянинъ. 346.
Невель, городъ, Невельское старостство и Невляне. 35, 83—85, 87, 192, 346.
Невельское озеро. 84.
Неглинные ворота, въ Москвѣ. 396.
Неглинный мостъ, въ Москвѣ 202.
Нейгаузенъ (Новый городокъ). 336, 339.
Нелидовъ, Иванъ Никитичъ. 293.
Нероновъ, Григорій. 389.
Нефедьевъ, Василій, дьякъ. 399.
Нечай, Иванъ. 354—356, 358, 359.
Никитинъ, Василій знаменьщикъ. 335.
Никитская улица, въ Москвѣ. 2.
Никифоровъ, Ѳома, дьякъ. 262.
Николая Чудотворца церковь, въ Витебскѣ. 122.
Николай Давыдовичъ, царевичъ. Грузинскій. 38, 39, 74, 90, 230, 255, 391.
Николо-Радовицкій монастырь, Рязанской епархіи. 168, 351.
Николо-Розважскій монастырь, Новгородской епархіи. 351.
Никольскій крестецъ, въ Москвѣ. 396, 397.
Никольское, село. 201—203.
Никонъ, патріархъ Всероссійскій. 3, 8—13, 17, 20, 25, 26, 37, 67, 74, 75, 93, 94, 101, 102, 113—115, 124, 137, 163, 174, 187, 204, 208, 210, 230—232, 238, 242, 243, 383—392, 398, 401, 402.
Никотморцовъ, Иванъ Юрьевичъ. 355.
Нищіе. 233, 234, 241.
Новгородокъ. 365.
Новгородская Тихвинская военная церковь. 351.
Новгородъ Великій и Новгородцы. 34, 35, 83, 192, 196, 198, 199, 247, 259, 346.

Новодѣвичій монастырь, въ Москвѣ. 26, 103.
Новосильцово, село. См. Троицкое-Шереметево.
Новый городокъ. См. Нейгаузенъ.
Нѣжинъ, городъ. 50, 52.

Обозъ воинскій. 135, 137, 148, 150, 151, 153, 187, 273, 297, 344, 350, 365.
Обряды церковные, исправленіе ихъ. 231.
Оглобли, въ рукопашномъ бою. 154.
Одоевская, княгиня Евдокія Ѳедоровна. См. **Шереметева,** Евдокія Ѳедоровна.
Одоевская, княжна Марѳа Яковлевна. См. Черкасская, княгиня Марѳа Яковлевна.
Одоевскіе, князья. 30.
Одоевскій, князь Алексѣй Никитичъ. 28, 75.
Одоевскій, князь Михаилъ Никитичъ. 28—30.
Одоевскій, князь Никита Ивановичъ. 5, 7, 27, 28, 73, 76, 90, 102, 223, 232, 254, 256, 259, 271, 272, 279—281, 312, 313, 315, 318, 321, 383, 408—410, 412—432.
Одоевскій, князь Яковъ Никитичъ. 27, 28, 106, 109—111, 171, 242,—244.
Одоевскій, князь Ѳедоръ Никитичъ. 28, 29, 272, 280.
Озерецкое, село. 27.
Озери, мѣстечко. 365.
Озерище, городъ. 93.
Ока, рѣка. 78.
Окопы. 304, 305, 307.
Олеарій, авторъ. 197, 239, 240.
Олфимовъ, Назарій. 377.
Ондреяновъ. См. Андреяновъ.
Онучинъ, Михаилъ. 374.
Онѣжицъ, деревня. 198.
Опричники. 5.
Орда (Арда), Василій. 322.
Ординъ-Нащокинъ, Аѳанасій Лаврентьевичъ. 124, 301, 326, 329, 330, 410.
Орликъ, Адамъ. 17.
Оружейная палата, въ Москвѣ. 69, 70.
Орша, городъ, Оршанскій повѣтъ и Оршанскія мѣста. 43. 118, 352.
Оршава, городъ. См. Варшава.
Осада городовъ и крѣпостей: Адзеля, 339; Велижа, 179, 180; Витебска, 94—96, 116, 118, 119, 125; Динабурга, 283—286; Кокенгузена, 290—293; Могилева, 175; Невеля, 84, 85; Полоцка, 88, 89; Псково-Печерскаго монастыря, 332, 334, 335; Риги, 298—304, 307—310; Смоленска, 95—97; Умани, 145, 148.
Осиповъ, Герасимъ, Московскій стрѣлецъ. 62.
Осколъ, городъ и Оскольскій уѣздъ. 19, 45.
Осколъ, рѣка. 46.
Останкино, село. 111.
Остзейскія горы. 340.
Остроги жилые и стоялые. 45.
Острогожскъ, городъ. 19, 47.
Острогъ, въ Витебскѣ. 121, 125.
Отпускъ ратныхъ людей. 14, 374, 375.
Охматовъ, городъ. 147, 148, 164.
Охотинъ-Плещеевъ. См. Плещеевъ-Охотинъ.

Павелъ, архидіаконъ Алепскій, авторъ. 66, 68, 231, 233 — 235, 240, 241.
Павлищевъ, авторъ. 146, 148.
Панагія, благословенный хлѣбъ. 233.
Паны радные. 31, 32, 82, 218.
Параскевіинская церковь, въ Витебскѣ. 121.
Патрикѣевъ, Иванъ, дьякъ. 410.
Пенцеславскій, Альбрехтъ. 2, 3.
Передняя изба, въ государевомъ дворѣ. 26.
Переводчики (толмачи). 198, 237, 372, 373.
Переяславль (Кіевскій), городъ. 50.
Персія и Персіяне. 39, 393, 405.

Песочна, рѣчка. 384, 385.
Петровка, въ Москвѣ. 2.
Петровъ, Федотъ, знаменьщикъ. 335.
Петръ, св. митрополитъ Кіевскій и всея Русіи. 9.
Петръ Алексѣевичъ, царевичь Сибирскій. 75, 90, 230, 255, 391.
Печатный дворъ, въ Москвѣ. 105, 114.
Печоры, городъ. 334, 337, 339.
Пиво. 202, 370.
Пистолетъ, оружіе. 343.
Письма: царя Алексѣя Михайловича—къ А. С. Матвѣеву, 134; къ А. И. Матюшкину, 172, 346—348; къ И. В. Морозову, 115; къ патріарху Никону, 387; къ князю Н. И. Одоевскому, 27—30; къ сестрамъ, 79, 80, 86, 89, 97, 172, 173, 175, 180—182, 187, 188, 261, 285, 290, 309, 316; къ князю А. Н. Трубецкому, 80, 81; Богдана Хмельницкаго къ В. Б. Шереметеву, 157—159; Ивана Нечая къ В. Б. Шереметеву, 355; князя Никиты Ивановича Одоевскаго къ царю Алексѣю Михайловичу, 279, 280, 419, 420; Казиміра Сапѣги къ архіепископу Гнѣзненскому, 95, 96; Теймураза I къ царю Алексѣю Михайловичу, 39; цесарскаго посланника Фрагштейна на родину, 362—364, 371—373, 375, 376.
Питиримъ, митрополитъ Крутицкій. 264, 266, 272, 292.
Пищали, оружіе. 14, 56, 149, 179, 284, 310, 357.
Плещеевъ-Охотинъ, Алексѣй Дмитріевичъ. 413, 430.
Плѣнные Русскіе: у Поляковъ, 185; у Шведовъ, 344, 345.
Подолія (Подолье), область. 138, 223.
Пожарская, княгиня Евдокія Васильевна. 170.
Пожарскіе, князья. 170.
Пожарскій, князь Дмитрій Петровичъ. 7.
Пожарскій, князь Семенъ Романовичъ. 18, 170, 247.
Пожаръ, названіе Китая-города, въ Москвѣ. 203, 394.
Пожары: въ Европѣ, 1; въ Москвѣ, 1, 2.
Познанское воеводство. 182.
Поклонскій, урядникъ. 118, 174.
Покровскій соборъ (Василій Блаженный), въ Москвѣ. 32.
Покровское, село. 29, 350, 397.
Покршивицкій, Михаилъ. 148.
Поле: степи южной Россіи. 45.
Полево, деревня См. Князщина.
Полевъ, Богданъ Ивановичъ. 385.
Полоцкъ, городъ, Полоцкое воеводство, Полоцкій уѣздъ. 43, 44, 81, 84, 85, 87—91, 95, 134, 224, 248, 265—268, 272, 273, 278, 280, 287, 294, 312, 315, 316, 321, 347.
Полтава, городъ. 139.
Полтевъ, Семенъ Ѳедоровичъ. 285.
Польша, Поляки, Польскіе люди, ляхи. 11, 13, 25, 31, 35, 38, 41—43, 46, 60, 61, 63, 64, 66, 71—73, 77, 84, 86—89, 95, 133—136, 138—141, 143—146, 148—155, 157—160, 166, 174, 181—183, 185—187, 192, 193, 195, 196, 200, 218—220, 224, 226—229, 293, 296, 312—314, 316, 318—321, 372, 381, 382, 407, 411, 424, 431.
Поляновскій посольскій съѣздъ и договоръ. 228, 429.
Померанія, область. 182.
Порохъ и свинецъ (Зелье, Зелейная и свинцовая казна). 14, 56, 57, 291, 334.
Послужные списки. 332—337.
Посохи: царя Алексѣя Михайловича, 32; патріарха Никона, 208; святаго Петра митрополита, 9.
Постельное крыльцо, въ Москвѣ. 14.
Потоцкая, Елена (Елеонора) Петровна, рожденная Салтыкова. 166.

Потоцкій, Павелъ, авторъ. 164, 166, 412, 413, 428, 432.
Потоцкій, Станиславъ. 143—148, 155, 156.
Потоцкій, Ѳедоръ, примасъ Польши. 166.
Почепцы, жители. 51.
Прасковья Ѳедоровна Салтыкова, царица. 166.
Преображенская церковь Спасскаго Полоцкаго монастыря. 266.
Пречистенскіе ворота, въ Москвѣ. 171.
Приговоры боярскіе. 19, 32, 33, 125, 417—419, 422, 423.
Придворная церковь въ городѣ Вязьмѣ. 114.
Приказы: Аптекарскій, 286; Большаго Дворца, 236; Большой Казны, 17; Земскій, 197; Монастырскій, 246; Посольскій, 200, 215, 219, 372, 376, 417; Разрядный (Разрядъ), 70, 142, 245, 246, 275, 374; Тайныхъ дѣлъ, 427.
Присяга на боярство. 18, 19.
Присяга Малоросіянъ на подданство. 40, 41, 50, 54.
Пронская, княжна Анна Михайловна. 106, 109.
Пронская, княгиня Евдокія. 108, 109.
Пронская, княгиня Ксенія (Оксинья) Васильевна. 170.
Пронская, княжна Ульяна Петровна. См. Шереметева, Ульяна Петровна
Пронскіе, князья. 106, 170.
Пронскій, князь Иванъ Петровичь. 106, 270.
Пронскій, князь Михаилъ Петровичь. 93, 94, 99, 102, 103, 106—109, 170.
Пронскій, князь Петръ Ивановичь. 107.
Пронскій, князь Иванъ. 347.
Прончищевъ, Аѳанасій Осиповичь. 223, 236.
Прончищевъ, Иванъ. 276—278.
Протазаны, оружіе. 396, 398, 399.
Пруссія, страна. 193, 297, 306, 307.
Псково-Печерскій монастырь. 330—337.
Псковскіе казаки. 331.
Псковъ, городъ, Псковская область, Псковскія мѣста, Псковичи. 35, 83, 192, 218, 259, 267, 326, 328, 329, 331, 332, 335—337, 339, 340, 346, 350.
Пузыревскіе. 322.
Пусторжевъ и Пусторжевцы. 192, 331, 336, 346.
Путивль и Путивльцы. 19, 47, 52—58, 60, 64—68, 72, 77, 78, 81.
Путята, Янъ, Хоружій. 322.
Путятинъ, Матвѣй. 322.
Пушки, 93, 155, 178, 179, 189, 310.
Пушкинъ, Григорій Гавриловичь. 20, 75, 223, 232.
Пушкинъ, Иванъ Ѳедоровичь. 289.
Пушкинъ, Иванъ. 184—186.
Пушкинъ, Матвѣй Степановичь. 272, 289.
Пушкинъ, Петръ Михайловичь. 78.
Пущинъ, Кириллъ Панкратьевичь. 279, 280, 414.

Рагоци, король Венгерскій. 361.
Рагуза, городъ. 199.
Радзеіовскій, подканцлеръ Литовскій. 184, 185.
Радзивилъ, Янушъ. 83, 175, 184, 187, 193, 229.
Радошковичь, мѣстечко. 97.
Раздѣлъ Польши, въ мысляхъ гетмана Богдана Хмельницкаго. 226.
Раздѣлъ семейственный. 105.
Рака преподобнаго Саввы Сторожевскаго. 234.—Святаго Филиппа, митрополита Московскаго, 7, 8.
Раненые на приступахъ и въ сраженіяхъ. 286, 287, 291, 310, 335, 344, 345, 347, 349, 350.
Расколъ церковный. 389.

Ревель (Колывань), городъ. 195, 326, 349.
Рейтары. 286, 297, 331, 336.
Репнинъ, князь Борисъ Александровичъ. 13, 14, 25, 31, 32.
Ржева, городъ. 76.
Ржевскій, Иванъ. 139, 323, 374, 377.
Рига, городъ 134, 248, 262, 267, 293, 294, 296—304, 307—312, 326, 345, 349.
Римъ, городъ. 166.
Рогайло, Янъ. 322.
Рогатина, оружіе. 14, 26.
Родожковичи, село. 198.
Рожественка, въ Москвѣ. 2.
Розладинъ, Иванъ Ивановичъ. 356.
Романея, вино. 30.
Романовскій, Янъ. 322.
Романовъ, Никита Ивановичъ. 75, 240.
Ромодановскій, князь Григорій Григорьевичъ. 70, 236.
Ромодановскій, князь Дмитрій Васильевичъ. 236.
Ромодановскій, князь Иванъ Ивановичъ. 60, 78.
Ромодановскій, князь Юрій Ивановичъ. 90, 123.
Ромодановскій, князь Ѳедоръ Григорьевичъ.. 236
Рославль, городъ. 44.
Ростомъ, царь Карталинскій. 39.
Ртищевъ, Григорій Ивановичъ. 86.
Ртищевъ, Ѳедоръ Михайловичъ. 75, 256, 382.
Рудавскій, авторъ. 147.
Рудаковъ, Артемій, конюхъ. 423.
Рудаковъ, Василій Евстафьевичъ. 336.
Ружья Голландскія, въ Московскомъ войскѣ. 156.
Румянцовъ, Василій Егоровичъ. 105.
Рыкоревъ, Дмитрій. 363, 365.
Рыльскъ, городъ. 56, 57, 60—62, 64, 65, 68.
Рынды. 3, 75, 254, 289, 305.
Рынки Московскіе. 229.
Рязанскаго каѳедральнаго собора синодикъ. 168.
Рѣжицкій, уѣздъ. 282.
Рясна, мѣстечко. 357.

Саввинъ-Сторожевскій монастырь. 38, 40, 232—235, 261, 386, 387.
Сады и огороды: въ Путивлѣ, 66; въ Ригѣ, 303.
Саккосъ св. Петра митрополита. 9.
Саковичъ, Адамъ, гонецъ. 411, 412, 425.
Салтыкова, Елена Петровна. См. Потоцкая.
Салтыковъ, Петръ Михайловичъ. 75, 256.
Самсоновъ, Василій, пятисотный дьячекъ. 335.
Сани. 30, 151, 153, 154, 211, 236,
Сапѣга, Казиміръ Левъ. 95.
Сапѣга, Павелъ. 373, 424, 425, 428, 429.
Сапѣги, князья. 92.
Сахаръ составной (конфекты). 212.
Сборъ ратныхъ людей. 173, 329, 337.
Сбруя конская. 395.
Святые ворота, въ Псково-Печерскомъ монастырѣ. 334.
Сеймъ Польскій. 41, 60, 61, 77, 312, 314, 318, 319, 321, 324, 325, 411.
Сеймъ, рѣка. 66.
Селиверстъ, митрополитъ Сарскій и Подонскій. 93.
Сельцо, урочище. 265.
Семлево, село. 266.
Серкланъ, мурза. 72.
Сеунчи и сеунщики. 40, 85, 88, 91, 119, 120, 122, 164, 179, 180, 310, 315.
Сибирь, страна. 199, 200.
Сигизмунда III, (Жигимонта), короля Польскаго, подпись на знамени. 128.
Сиденгамъ, врачь. 100.
Силезія (Шлезская земля). 183. 218.
Синодики монастырскіе и церковные. 168, 351.

Сирійцы, въ Москвѣ. 229, 233, 234, 240.
Скопинъ-Шуйскій, князь. См. Шуйскій-Скопинъ, князь.
Скуратовъ, Петръ Дмитріевичь. 311.
Славянская литература, предметъ занятій боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго. 413.
Слово похвальное ратнымъ людямъ. 23—25.
Служилое платье. 254.
Служки монастырскіе, въ войскѣ. 286.
Смоленская большая дорога. 76.
Смоленскъ, городъ, Смоленскій уѣздъ и Смоленскія мѣста 42—44, 74, 79, 85, 89, 91, 95—97, 99, 114, 116, 117, 134, 163, 173, 184, 185, 189, 218, 222, 239, 248, 259—264, 273—278, 287, 290, 294, 316—318, 321, 322, 353, 355, 376, 381.
Смотры воинскіе. 15, 20—23, 323, 374, 375, 424.
Собаки и свиньи, ихъ остервененіе въ чуму. 100, 101.
Соболи, жалованные и подносные. 122, 209, 258, 293, 404.
Соборъ земскій. 32—34.
Соколиная охота. 25.
Соколинскій, панъ. 87, 90.
Солнцовъ-Засѣкинъ, князь Андрей Михайловичь. 316.
Соловецкій монастырь (Соловки). 3, 4, 8.
Соловьевъ, историкъ. 80.
Салтыкъ, панъ. 92.
Софійскій соборъ, въ Полоцкѣ. 272, 273.
Софія Алексѣевна, царевна. 382, 385.
Спасо-Прилуцкій монастырь. 244.
Спасскіе (Фроловскіе) ворота, въ Москвѣ. 76.
Спасскій Полоцкій монастырь. 265, 266, 315.
Срѣтенскіе ворота, въ Москвѣ. 395.
Ставищи, городъ. 148.
Станкевичь, Григорій. 322.
Старица, городъ. 346.
Старковъ, Григорій. 81.
Стародубцы, жители. 51.
Старый Константиновъ, городъ. 61.
Стебельскій, авторъ. 272.
Стокгольмъ (Стекольна), городъ. 267.
Столбовскій миръ. 223, 224, 416.
Столовая палата (изба), въ Москвѣ. 75, 230.
Стремянной конюхъ, чинъ. 203.
Стрѣльцы. 22, 23, 32, 33, 99, 178, 192, 203, 204, 236, 277, 287, 291, 293, 321, 323, 333—335, 396, 398.
Стрѣшневъ, Иванъ Ѳедоровичь Меньшой. 261.
Стрѣшневъ, Родіонъ Матвѣевичь. 275, 383.
Стрѣшневъ, Семенъ Лукьяновичь. 35, 247, 258, 283, 284, 288, 289, 291, 293, 296.
Субочья брама, въ Вильнѣ. 323.
Суда и струги, на Западной Двинѣ и на Касплѣ. 273—278, 283, 284, 287, 294, 308, 327.
Сумароковъ, Иванъ Воиновичь. 331, 336, 337.
Сумароковъ, Никита. 189.
Суражъ (Сурожокъ), городъ. 126.
Сурожскій станъ. 384.
Суша, урочище. 92.
Съѣзжая изба, въ городѣ Борисовѣ. 369.
Сытный дворецъ. 202.
Сѣвскъ, городъ. 19, 62.

Таннеръ, путешественникъ. 115.
Тарелки (деревянныя, оловянныя и серебреныя). 198, 229.
Татары (Крымскіе, Ногайскіе, новокрещены). 11, 19, 45, 62, 71, 72, 77, 81, 138—141, 144—148, 152, 153, 157, 159, 199.
Татищевъ, Михаилъ, стольникъ. 28.
Татищевъ, историкъ. 18.
Татьяна Михайловна, царевна. 79.

Тверская улица и застава, въ Москвѣ. 2, 201, 202, 204.
Тверь, городъ. 199, 346.
Теймуразъ I, царь Кахетинскій. 38, 39, 392—405, 407.
Телѣжный рядъ въ Москвѣ. 394.
Темкинъ-Ростовскій, князь Михаилъ Михайловичъ. 74, 76.
Тептюгово, сельцо. 105.
Терки, городъ. 159.
Тетеря, Павелъ Ивановичъ. 42.
Тизенгаузенъ, полковникъ. 327.
Тимашевъ, Богданъ Александровичъ, сотенный голова. 331, 336, 337.
Тимашевъ, Иванъ, дьякъ. 263, 264.
Титулъ царскій. 2, 14, 31, 216, 217, 223, 224, 268—270, 408, 416, 417.
Тифлисъ, городъ. 39.
Тобольскъ, городъ. 200.
Толмачи. См. Переводчики.
Толь, полковникъ. 343.
Томиленко, гетманъ. 146.
Топоры и топорки, оружіе. 14, 244, 245, 254, 289, 305.
Торжокъ, городъ. 199, 346.
Торопецъ и Торопчане. 192, 346.
Торунъ, городъ. 185.
Торцовъ, Ѳедоръ Васильевичъ. 345.
Трапеза монастырская 232—234.
Троекурова, княгиня Ульяна Васильевна. 108.
Троице-Сергіевская церковь, въ селѣ Новосильцовѣ, Московскаго уѣзда. 107—111.
Троицкая церковь, въ Москвѣ, въ Китаѣ-городѣ. 394.
Троицкій-Сергіевъ монастырь. 2, 16, 101, 238.
Троицкое-Шереметево (Новосильцово), село. 107—111.
Трубецкій, князь Алексѣй Никитичъ. 20, 43, 44, 80, 81, 215, 247, 399, 402, 404.
Тутолминъ, Петръ. 419.
Тышкевичъ, панъ. 90.
Тюльневъ, Самсонъ Артемьевичъ. 331, 336, 337.
Тютчевъ, Воинъ. 322.
Тяглые люди на земскомъ соборѣ. 32, 33.

Убогіе дома, въ Москвѣ. 100.
Удде Удла, посланникъ Шведскій. 133, 134.
Украйна. См. Малороссія.
Умань, городъ и Уманьскій полкъ. 61, 71, 144—148, 150.
Униховскій, Христофъ-Казиміръ. 2, 3.
Унія. 13, 31, 89, 120—122.
Урусова, княгиня Анна Григорьевна. 108.
Успенскій соборъ, въ Москвѣ. 3—6, 8, 9, 36, 73, 74, 93, 94, 100, 163, 168, 230, 383, 388, 417, 421.
Ушаковъ, Аѳанасій Алексѣевичъ. 414.
Ушаковъ, Иванъ Алексѣевичъ. 414.

Фердинандъ III, цесарь Римскій. 195, 196, 211, 213—216, 219, 257, 266, 268, 313, 360.
Феттерлейнъ, Карлъ Ѳедоровичъ. 1, 166.
Филинъ, есаулъ. 118.
Филиппъ, св. митрополитъ Всероссійскій. 3—8.
Финдаревъ, Данила. 84.
Финны, народъ. 296, 297.
Фитильное дѣло. 335.
Фрагштейнъ (фонъ), Янъ-Христофъ, посланникъ цесарскій. 361—379.
Фридрихъ III, король Датскій. 292.
Фридрихъ Вильгельмъ I, курфирстъ Бранденбургскій. 289, 306, 408.
Фроловскіе ворота. См. Спасскіе ворота.

Хамамбетъ, мурза. 147.
Хилковъ, князь Андрей Ивановичъ. 399.
Хилковъ, князь Иванъ Андреевичъ. 103, 326, 396, 398, 402.
Хитрово, Богданъ Матвѣевичъ. 75, 216, 401—403.

Хлоповъ, Кириллъ Осиповичь. 414.
Хмельницкій, Богданъ. 11, 12, 32, 33, 36, 40—43, 46, 47, 53, 54, 63—65, 72, 80, 81, 84, 138—141, 143—146, 148, 150—152, 154, 156—162, 226, 319, 320, 356, 380, 381.
Хованскій Тарарyй, князь Иванъ Андреевичь. 347, 350.
Ховрино, село. 169, 170.
Холдоръ, Францъ, кавалеръ цесарскаго посольства. 198, 212.
Хомутовъ, Григорій Гавриловичь. 85, 87.
Хорошево, село. 40.
Хохлы рѣжутъ у Черкасъ. 358.

Царевичь-Дмитріевъ, городъ. См. Кокенгузенъ.
Царьградъ. См. Константинополь.
Цесарская земля. 186, 195.
Цыфирное письмо. 373, 374.

Частохово. См. Ченстохово. 365.
Часы. 212, 229, 403.
Чашниково, село. 274, 275, 294.
Чашникъ, придворный чинъ. 169, 403.
Чеботово, село. 85.
Челобитная шуточная. 26, 27.
Челокаевъ, князь Шермазанъ. 393.
Челокаевы, князья. 393.
Ченстохово (Частохово), городъ. 365.
Черкасы. См. Малороссія.
Черкасская, княжна Варвара Алексѣевна. См. Шереметева, графиня Варвара Алексѣевна.
Черкасская, княгиня Елена Алексѣевна, рожденная Зюзина. 67, 68.
Черкасская, княгиня Марѳа Яковлевна, рожденная княжна Одоевская. 110, 111.
Черкасскіе, князья. 67, 110, 111, 201.
Черкасскій, князь Дмитрій Мамстрюковичь. 67, 68.
Черкасскій, князь Михаилъ Яковлевичь. 109—111.
Черкасскій, князь Яковъ Куденетовичь. 74, 76, 181, 187, 191, 201, 260, 262, 296, 301, 304, 310, 311, 391.
Чернецкій, гетманъ. 61.
Чертолье, въ Москвѣ. 2.
Чигиринъ, городъ и Чигиринскій полкъ. 143, 158.
Чириковъ, сеунщикъ. 311.
Чиркино, село. 167.
Чоглоковъ, Василій Александровичь. 173, 418, 421.
Чугуевъ, городъ. 19.
Чума (моровое повѣтріе). 98—104, 109, 111—114, 168, 175, 234, 323, 324, 352, 360, 362, 363, 365 — 367, 374 — 380, 407, 427.

Шалашъ харчевниковъ, въ Москвѣ. 394.
Шанцы и Шанцовый инструментъ. 179, 284, 291, 303, 309.
Шапка патріарха Никона. 208.
Шатеръ царскій. 21, 22.
Шаховскій, князь Дмитрій. 401.
Шаховскій, князь Иванъ Кирилловичь. 331, 337.
Шаховскій, князь Леонтій Кирилловичь. 337.
Шаховскій, князь Михаилъ. 189, 323, 324.
Шаховъ, Григорій. 323.
Шварцбахъ, рѣчка. 338.
Швеція и Шведы (Свѣйскіе люди, Свѣяне). 134, 184, 185, 187, 195, 196, 200, 208, 223—227, 248, 267, 292, 293, 297—299, 307—309, 314, 320, 326, 328, 329, 331—333, 336, 339, 341, 343, 344, 348, 351, 407, 408, 428.
Шереметева, Анна Ѳедоровна, рожденная Волынская. 102.
Шереметева, Анна Ѳедоровна, во иночествѣ Александра. 103, 104.
Шереметева, Афимья Васильевна, по мужу княгиня Голицына. 169, 170.

Шереметева, графиня Варвара Алексѣевна, рожденная княжна Черкасская. 106, 110.
Шереметева, Евдокія Ѳедоровна, по мужу княгиня Одоевская. 7, 102—106.
Шереметева, Екатерина Никитична. 168, 170.
Шереметева, Марья Ивановна, первая жена Василья Борисовича Шереметева. 168.
Шереметева, Прасковья Васильевна, вторая жена Василья Борисовича Шереметева. 169, 170.
Шереметева, Ульяна Петровна, рожденная княжна Пронская. 6, 102, 105—107, 170.
Шереметева, Ульяна Ѳедоровна, по мужу Головина. 104, 105.
Шереметевъ, графъ Александръ Дмитріевичъ. 111, 201.
Шереметевъ, Борисъ Петровичъ. 7, 106, 168.
Шереметевъ, графъ Борисъ Петровичъ (фельдмаршалъ). 1, 2, 102.
Шереметевъ, Василій Борисовичъ. 17—20, 22, 27, 43, 44, 46—48, 50—57, 60—66, 68—73, 77, 78, 80, 81, 102, 138—154, 156—171, 222, 223, 232, 238, 239, 247, 254, 256, 259, 262—264, 273—278, 287, 293, 294, 318, 321—325, 352—357, 359—363, 366—368, 370, 372—378, 380, 390, 391, 404, 407, 408, 432.
Шереметевъ, Василій Петровичъ. 2, 3, 16, 17, 25, 34—36, 43, 44, 82—85, 87—95, 102, 116—120, 122—127, 130—133, 135, 137, 138, 173, 174, 177, 178, 180, 191, 192, 194, 197, 230, 236, 238—241, 246, 247, 283, 384, 385, 391, 399, 400, 402, 404, 405.
Шереметевъ, Иванъ Васильевичъ, сынъ Василья Борисовича Шереметева. 169, 404.
Шереметевъ, Иванъ Петровичъ. 75.
Шереметевъ, Матвѣй Васильевичъ. 3, 7, 10, 16, 25, 27, 36, 91, 92, 119, 122, 133—138, 174, 177—180, 230, 236, 253, 255, 259, 260, 262, 265, 266, 272, 279, 289, 301, 316, 325, 326, 328—333, 335, 336, 337, 339, 341—352, 407.
Шереметевъ, Никита Ивановичъ. 75, 105, 171, 210, 259, 265, 289, 301, 383, 386, 395—397, 399, 403, 405.
Шереметевъ, графъ Николай Петровичъ. 412, 431.
Шереметевъ, Петръ Васильевичъ Большой. 3, 7, 10, 16, 20, 26, 27, 38, 73, 76, 85—87, 90, 102, 171, 210—215, 230, 232, 233, 235, 236, 254, 255, 258—260, 262, 301, 310, 311, 325, 326, 407, 409, 410, 412—418, 420, 422, 424, 426, 429—431.
Шереметевъ, графъ Сергій Дмитріевичъ. 111, 227.
Шереметевъ, Ѳедоръ Ивановичъ. 27, 30, 104, 105, 228, 242, 243, 280, 412.
Шереметевы. 7, 8, 26, 68, 106, 107, 110, 111, 166, 169, 201, 230, 238, 351, 352, 392, 402, 431.
Шишиха, Микула, Хорунжій. 322.
Широковская волость. 170.
Шишкинъ, Филиппъ Ивановичъ. 336.
Шкловъ, городъ и Шкловскій уѣздъ. 179, 274—276, 294, 352, 373—378.
Шлезская земля. См. Силезія.
Шленскъ, городъ. 218.
Шляковъ-Чешскій, князь Левъ Александровичъ. 197, 198, 203—205, 211, 397.
Шляхта: Велижская, 177, 179; Витебская, 119, 122—126, 192, 264; Невельская, 192; Полоцкая, 316; Смоленская, 97, 321, 322.
Шокуревъ, Савва. 88.
Шолковка, пустошь. 261.

Шпага, оружіе. 310, 335.
Шуба царя Алексѣя Михайловича. 209.
Шубы жалованныя. 246, 247, 293, 404.
Шуйская-Скопина, княгиня-старица Анисья. 108.
Шуйскій-Скопинъ, князь Василій Ѳедоровичь. 107, 108.
Шуйскій-Скопинъ, князь Михаилъ Васильевичь. 108.
Шуйскій, князь Василій Ивановичь. См. Василій Ивановичь, царь.
Шуйскій, князь Иванъ Ивановичь. 108.

Щербатовъ, князь Осипъ Ивановичь. 347.
Щербатовъ, князь Тимоѳей Ивановичь. 86, 87, 328, 345.
Щетининъ, князь Михаилъ Ивановичь. 328.

Эйленбургъ (фонъ), баронъ Іонасъ-Казиміръ. 305, 307.
Эриставъ Арагвскій Зурабъ. 393.
Эссенъ, Александръ, посолъ Шведскій. 207, 408.

Юровичи, деревня. 87.
Юрьевъ Ливонскій (Дерптъ), городъ. 248.

Яблоновъ, городъ. 14, 19, 22, 45—52, 54, 55, 60, 78.
Яблоновъ лѣсъ. 45.
Ягайло, великій князь Литовскій, его потомство. 313.
Ядра желѣзныя, 56.
Языки и ихъ показанія. 92, 145—147, 296, 297, 311, 335, 336.
Яковлевъ, Василій, воевода. 274, 275.
Яковлевъ, Григорій, подьячій. 195.
Янъ Казиміръ, король Польскій. 13, 32, 33, 37, 41, 42, 71, 77, 83, 141, 171, 183—186, 195, 205, 216, 218, 219, 268—270, 312, 314, 365, 411.
Ярославская дорога. 395.
Ярыжные земскіе. 100.
Ясырь, полонная добыча. 157.

Ѳедоровская, деревня. 86.
Ѳедоровъ, Юрій, Нѣжинецъ. 51.
Ѳедоръ Ивановичь, царь. 228.
Ѳефилатьевъ, Василій Григорьевичь. 288.

СПИСОКЪ

ПРИЛОЖЕНІЙ КЪ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГѢ.

I. Шапка Ерихонская Кучюмовская, поднесенная царю Алексѣю Михайловичу бояриномъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ. Шапка сія (или шлемъ) хранится въ Московской Оружейной Палатѣ. Прилагаемый рисунокъ, съ разрѣшенія директора Палаты А. А. Талызина, и при полномъ содѣйствіи его помощника Г. Д. Филимонова, сдѣланъ съ натуры почетнымъ общникомъ императорской Академіи Художествъ Н. А. Мартыновымъ, а отпечатанъ въ Петербургѣ, въ фотографическомъ заведеніи Н. Т. Индутнаго. . . . . къ заглавному листу.

II. Подписи Василья Борисовича, Петра Васильевича и Матвѣя Васильевича Шереметевыхъ. Съ подлинной потѣшной челобитной государевыхъ «полчанъ», хранящейся въ Государственномъ архивѣ, въ столбцахъ приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII), подъ № 53 . . . . . къ страницѣ 27

III. Чертежъ Московскаго двора боярыни Ульяны Петровны Шереметевой, рожденной княжны Пронской. Съ подлинника, хранящагося въ Государственномъ архивѣ, въ дѣлахъ тайнаго приказа, подъ № 484. . . . . къ страницѣ 171

IV. Храмозданная грамота патріарха Никона, 1656 года, на перестройку и распространеніе сооруженной бояриномъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ церкви въ селѣ Вешняковѣ, Московскаго уѣзда. Съ подлинника, хранящагося въ Архивѣ графа С. Д. Шереметева, подъ № 138. . . . . къ страницѣ 242

V. Собственноручное письмо царя Алексѣя Михайловича, 1657 года, къ стольнику и Московскому ловчему Аѳанасью Ивановичу Матюшкину. Съ подлинника, хранящагося въ Государственномъ архивѣ, въ столбцахъ приказа тайныхъ дѣлъ подъ № 51. . . . . къ страницѣ 347

Приложенія II, III и V исполнены въ палатахъ Государственнаго архива, съ разрѣшенія директора онаго барона Д. Ѳ. Стуарта, фотографическимъ заведеніемъ Н. Т. Индутнаго.

ОПЕЧАТКИ ВЪ УКАЗАТЕЛѢ.

	Напечатано:	Слѣдуетъ:
Стр. 436.	Богдановъ, *226*.	Богдановъ, *266*.
« 444.	Морозовъ, Борисъ *Петровичъ*.	Морозовъ, Борисъ *Иванович*.
« 447.	Пронскій, князь Иванъ Петровичь, *270*.	Пронскій, князь Иванъ Петровичь, *170*.
« 449.	*Салтыкъ*.	*Солтыкъ*.

V. Собственноручное письмо царя Алексѣя Михайловича, 1657 года, къ стольнику и Московскому ловчему Аѳанасью Ивановичу Матюшкину. Съ подлинника, хранящагося въ Государ-

СКАНИРОВАНИЕ
ЭДД

D2; order 30807-1;
с. 242-244; грамота
03.09.07